Бои у Хасана - Партийно-политическая работа в боевой обстановке

неизвестен Автор

SHOUT
SHARE
IT

- Автор неизвестен

Автор неизвестен
Бои у Хасана - Партийно-политическая работа в боевой обстановке (Сборник)

Сборник

Бои у Хасана. Партийно-политическая работа в боевой обстановке.

Из предисловия: Партийно-политическая работа явилась мощным оружием в арсенале средств Красной Армии, разгромившей японских самураев. За немногие дни боев комиссары и политработники научились многому, применили в боях самые разнообразные формы партийно-политической работы. Книга не затрагивает оперативно-тактических приказов и действия командования корпуса и частей. [...] Книга "Бои у Хасана" рассказывает лишь об опыте партийно-политической работы в боевой обстановке, описывает, что делали политический аппарат и партийные организации для подъема красноармейских масс на разгром японских налетчиков. Естественно, что в книге события у высоты Заозерной освещаются в этом разрезе. Она не претендует на исчерпывающее освещение боев у высоты Заозерной. Книга "Бои у Хасана" написана самими участниками боев. Это не каноны партийно-политической работы, не обобщающие инструкции. Товарищи делятся тем опытом, который они приобрели за короткий период боев. Каждый рассказывает о том, что и как он делал на своем участке.

Hoaxer: книга написана участникам и боев в районе озера Хасан при деятельной помощи работников ГлавПУРа во главе с тов. Мехлисом.

С о д е р ж а н и е

Предисловие

Капитан Стеженко. Что произошло в районе озера Хасан

Красноармеец Л. Антипов. Грозные атаки

Старший политрук И. Гаглов. Комиссар Пожарский

Бригадный комиссар З. Иванченко. Место и работа комиссара в бою

Полковой комиссар Г. Клинов. Политотдел в боевой обстановке

Заместитель политрука Г. Сазыкин. За родину!

Полковой комиссар М. Никишев. Самые интересные дни моей жизни

Батальонный комиссар Н. Полушкин. Массовая партийно-политическая работа

Секретарь партийного бюро И. Машляк. Митинги и собрания

Красноармеец С. Апарцин. Командир Провалов

Батальонный комиссар Н. Лебедев. Инструктор политотдела

Секретарь партбюро лейтенант Ф. Маньковский. Партийное бюро

Отсекр бюро ВЛКСМ П. Вавилов. 600 новых комсомольцев

Полковой комиссар Д. Дубровский. Заместители политруков в бою

Батальонный комиссар С. Глухов. Полк на марше

Политрук Ф. Бахметьев. Политдонесение в политотдел

Старший лейтенант А. Кулагин. Политико-моральное состояние моего полка

Отсекр бюро ВЛКСМ И. Спицын. Первая встреча с врагом

Батальонный комиссар И. Куракин. На передовых позициях

Старший политрук П. Трофимов. Перед боем

Лейтенант Я. Борисенко. В разведке

Батальонный комиссар Д. Иващенко. Непартийные большевики

Старший лейтенант Н. Михайлов. Под покровом ночи

Лейтенант В. Двушерстнов. Радостно идти впереди

Старший политрук Г. Дворецкий. Политрук Ушаков

Старший политрук Курдюмов. Стихотворение, написанное перед боем

Красноармеец Н. Горлиневич. Из записной книжки

Красноармеец А. Унчиков. Сигнальная труба

Красноармеец Н. Чеканов. Младший командир Быченков

Старший политрук М. Дивненко. "Карманная артиллерия" Галимова

Политрук В. Колыбельников. Концерт лейтенанта Левченко

Старший политрук Д. Дысяк. Танкисты

Политрук Н. Огнев. Перед боем

Старший политрук Я. Ефимов. Готовы на все

Полковой комиссар А. Гаврилов. На исходных рубежах

Красноармеец П. Воробьев. Танк спасен

Техник-интендант 2 ранга И. Жуков. Отважный экипаж

Комиссар-летчик М. Злой. Боевая жизнь эскадрильи

Полковой комиссар М. Моченков. Всегда в боевой готовности

Старший политрук М. Дивненко. Питание с воздуха

Старший политрук И. Позинский. Массовая работа

Отсекр. бюро ВЛКСМ Мошнин. Поток заявлений

Старший политрук И. Баканов. Артиллеристы

Младший политрук А. Гудков. Собрания в перерывах боя

Младший политрук Шилин. Из дневника
Красноармеец И. Бубнов. Комсомольцы-артиллеристы
Заместитель политрука Г. Зайцев. В дивизионе
Политрук Ф. Капитунов. Связисты
Красноармеец А. Квачевский. Связь работала бесперебойно
Младший командир взвода Г. Сосновский. Смелая переправа
Капитан Голованов. Лопатой и штыком
Политрук А. Морозов. Комсомольский батальон
Политрук А. Зуев. Стремительный натиск
Политрук П. Мусинов. Боец-большевик
Старший политрук М. Кудряшов. Эвакуация раненых
Заместитель политрука С. Семенов. Взаимопомощь в бою
Комсорг С. Абрамов. С веселой песней
Полковой комиссар А. Баев. Как рождались газеты
Батальонный комиссар П. Будыкин. На защиту родины
Наборщики В. Евтеев и Ф. Сарычев, печатник Н. Вразовский. С наборной кассой на фронте
Политрук В. Новиков. Газета на позициях
Красноармеец Е. Ажгибесов. Заметки корреспондента
Лейтенант А. Барабанов. Ежедневный боевой листок
Заместитель политрука Н. Красников. Заметки редактора
Старший политрук Ю. Пуцилло. Экспедирование газет
Батальонный комиссар С. Зубков. Культурно-массовая работа
Политрук И. Белянин. Клубы на позициях
Старший политрук М. Малафеев. Партийно-политическая информация
Людмила Прохоренко. Боевые подруги
Красноармеец С. Апарцин. Боевые будни
Д. Левантовский. С песней на фронте
С. Школьник. Волнующие встречи
Шахтер Лелетка, инженер Прокопюк, учительница Гречушкина, колхозник Дружнов, милиционер Погребец, секретарь обкома комсомола Бурмистров, секретарь горкома ВКП(б) Умняшкин. С подарками на фронт
Дивизионный комиссар Ф. Семеновский. Готовиться к войне в мирное время

Предисловие

Части Красной Армии в боях у озера Хасан дали жестокий урок японской военщине. Они до конца выполнили свой долг, доблестно отстояли честь Советской Родины.

Партийно-политическая работа явилась мощным оружием в арсенале средств Красной Армии, разгромившей японских самураев. За немногие дни боев комиссары и политработники научились многому, применили в боях самые разнообразные

формы партийно-политической работы.

Книга не затрагивает оперативно-тактических приказов и действия командования корпуса и частей. Нет нужды доказывать ту огромную роль, которую играли в разгроме японцев командиры частей и соединений, участвовавших в боях. Список награжденных командиров говорит об этом достаточно красноречиво. Командиры вписали замечательные страницы в историю изгнания японцев с советской территории, показали замечательные образцы героизма, мужества, хладнокровия и выдержки.

Книга "Бои у Хасана" рассказывает лишь об опыте партийно-политической работы в боевой обстановке, описывает, что делали политический аппарат и партийные организации для подъема красноармейских масс на разгром японских налетчиков. Естественно, что в книге события у высоты Заозерной освещаются в этом разрезе. Она не претендует на исчерпывающее освещение боев у высоты Заозерной.

Книга "Бои у Хасана" написана самими участниками боев. Это не каноны партийно-политической работы, не обобщающие инструкции. Товарищи делятся тем опытом, который они приобрели за короткий период боев. Каждый рассказывает о том, что и как он делал на своем участке.

С этим опытом полезно будет ознакомиться партийно-политическим работникам и командному составу РККА. Отдельные статьи, рисующие яркие героические эпизоды борьбы за нашу Родину, можно использовать для коллективной читки среди комсомольцев и красноармейцев.

В книге участвуют восемьдесят авторов. Это, несомненно, наложило свой отпечаток на ее характер и стиль. Читатель найдет в ней очерк, статью, отрывок из дневника, запись в блокноте.

Общее, что объединяет книгу, пронизывает каждую ее строку, - это чувство беспредельной преданности Советской Родине, партии Ленина Сталина, чувство жгучей ненависти к врагам Советского Союза, к наглым японским захватчикам.

Материал для книги собрал и подготовил к печати А. Баев. В обработке материала принимали участие писатели и; журналисты: В. Вишневский, Б. Ромашов, С. Вашенцев, А. Небах, Е. Герасимов, Ф. Матросов и А. Шуер.

Политуправление РККА просит участников боев и всех товарищей, прочитавших книгу, прислать о ней свои замечания.

Капитан Стеженко

Что произошло в районе озера Хасан?

Посьетский район, самая южная часть Дальневосточного

Приморья, мало известен в западной части Советского Союза, однако он имеет весьма важное значение: здесь сходятся границы СССР, Маньчжурии и Кореи. Наша граница с юга на север сначала проходит по реке Тумень-Ула, отделяя советскую территорию от Кореи. Протянувшись так около 25 километров, граница с Кореей переходит в границу с Маньчжурией и отступает от реки. В этом месте между СССР и Кореей вклинивается длинным, узким языком территория Маньчжурии.

Пограничный участок Посьетского района изобилует низменностями и озерами. Одно из озер за последнее время стало известно всему миру. Это озеро Хасан с прилегающими к нему с запада высотами Заозерной (Чанкуфын) и Безымянной, где советские пограничники и войска 1-й Отдельной Краснознаменной армии в течение двенадцати дней вели упорные бои с японскими захватчиками, посягнувшими на неприкосновенность советской территории.

Почему японская военщина избрала для новой вооруженной авантюры район озера Хасан?

Ответ на этот вопрос следует искать в характере местности и особенностях топографии Посьетского района.

Озеро Хасан и расположенная около него гряда высот, или сопок, как их называют у нас в Приморье, находится всего в 10 километрах от берегов Тихого океана, а по прямой - в 130 километрах от Владивостока.

Если у Владивостока граница отстоит от побережья еще сравнительно далеко, километрах в 60-70, то чем дальше на юг, тем все ближе и ближе подходит она к берегу Японского моря. Здесь местность представляет собой узкую прибрежную полосу, сплошь болотистую и низменную, где движение возможно лишь по немногим тропам и проселочным дорогам. Дальше на север, вплоть до Владивостока, все побережье составляет также низменность, которая широко открывается взору с немногочисленных сопок, возвышающихся над болотистой равниной.

Такими сопками, открывающими обзор на Посьетский залив, являются высоты Заозерная (Чанкуфын) и ее соседка с севера - Безымянная, по вершинам которых проходит граница, установленная Хунчунеким договором.

Как Заозерная, так и Безымянная составляют вершины одного и того же скалистого кряжа, спускающегося по нашу сторону границы прямо в озеро Хасан.

Хотя обе сопки и невысоки (Заозерная имеет в вышину около полутораста метров), но в условиях окружающей ровной местности в ясную погоду с них видно все наше побережье. Наши

пограничники в удачные дни, когда рассеиваются очень частые здесь туманы, в бинокль наблюдают и берег, и дальние острова, разбросанные вдоль побережья на пути к Владивостоку.

Если бы японцы удержали в своих руках эти высоты, то их укрепления, наблюдательные пункты и огневые средства, расположенные на сопках, дали бы им возможность держать под наблюдением и прямым огнем весь участок нашей территории к югу и западу от залива Посьет. А обоснуйся японцы на высотах, они непосредственно угрожали бы и нашей бухте Посьет, и побережью в направлении к Владивостоку.

Начиная свою авантюру, японская военщина рассчитывала на обеспеченный успех. Ее успокаивал исключительно трудный для нашей обороны характер местности, прилегающей к озеру Хасан. Сразу же за сопками Заозерной и Безымянной, если идти от границы в глубь нашей территории, лежит озеро Хасан, вытянутое на 4-5 километров с севера на юг вдоль границы. Его северный и южный края находятся от границы на расстоянии каких-нибудь 150-200 метров. Таким образом, обе сопки отделены от остальной советской территории широкой водной преградой, обойти которую на пути к сопкам можно только в непосредственной близости от границы по двум очень узким проходам.

Каждому понятно, какие большие преимущества это давало японским войскам, нацелившимся на сопки, и какие трудности создавало для нас.

Японцы рассчитывали, несомненно, также и на то, что болотистая местность и ограниченное число дорог не дадут нам возможности использовать танки и подвезти тяжелую артиллерию.

Как впоследствии выяснилось, японцы заблаговременно готовились к пограничному нападению. 19-я японская дивизия, расположенная в северной, приграничной части Кореи, была отмобилизована и содержалась в составе военного времени в количестве не менее 20 тысяч человек. К району нападения были подтянуты тяжелая, зенитная артиллерия и бронепоезда. Японская военщина предвкушала успех своих планов, строя их на учете больших трудностей, вставших перед нами в обороне советских рубежей на подступах к Посьету.

Но в своих расчетах японцы жестоко ошиблись. Красная Армия, выпестованная партией Ленина - Сталина, воспитанная, как и весь советский народ, на преодолении любых трудностей, еще раз показала всему миру, что нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять!

Застрельщиками нападения были японские пограничные

отряды. Темной и туманной ночью 28 июля около роты японских пограничников скрытно сосредоточилось у склонов сопок Заозерной и Безымянной по свою сторону границы. 29 июля днем они внезапно атаковали Безымянную. В это время на Безымянной находился наш пограничный наряд в составе одиннадцати человек.

Несмотря на явный перевес сил на стороне японцев, пограничники встретили нападающих решительным отпором. Завязался жестокий бой, перешедший в рукопашную схватку. Пограничники, отбивая навалившегося врага штыками и прикладами, дрались до последней возможности. Пять человек из состава наших бойцов были убиты, а остальные ранены. Не имея сил больше удерживать высоту, пограничники были вынуждены ее оставить.

Услышав перестрелку, к месту боя выступил резерв пограничного отряда: штыковой атакой и гранатами японцы были отброшены с Безымянной. Они отошли за границу, оставив на нашей стороне своих убитых.

С самого начала вылазка японцев потерпела неудачу. Им потребовались дополнительные силы и некоторое время на сосредоточение. На следующий день, 30 июля, около озера Хасан было спокойно. На гребнях сопок были расположены наши пограничные посты.

31 июля перед самым рассветом, когда густой туман окутывал местность до самых вершин сопок, японцы совершили новое нападение. На этот раз они атаковали обе высоты - и Безымянную, и Заозерную. Теперь с их стороны действовали уже не пограничные отряды, а полевые войска с большим количеством пулеметов, минометов и артиллерии. Как потом было установлено по убитым, японцы бросили в атаку два пехотных полка 19-й дивизии, поддержанных сильным артиллерийским огнем.

Хлынувшие через границу японские войска столкнулись с нашими пограничными частями. Весь день 31 июля и 1 августа бой в районе озера не прекращался. Пограничники поражали японцев огнем своих пулеметов, штыками и ручными гранатами. Даже будучи ранеными, бойцы оставались в строю, отказываясь от направления в тыл и продолжая мужественно драться с врагами. Однако перевес в силах был на стороне японцев; прокладывая себе дорогу ценой больших потерь, устилая путь убитыми и ранеными, японцы оттеснили наших пограничников и проникли вглубь советской территории до 4 километров.

Захватив Безымянную и Заозерную, японцы начали их спешно укреплять, строить окопы и создавать различные препятствия.

Они использовали каменистые склоны сопок, расположили укрыто свои пулеметы и артиллерию, за отдельными камнями: разместили снайперов. Обе высоты были превращены в основу японской обороны на озере Хасан. Огонь пулеметов с сопок и артиллерии, сосредоточенной за ними, запирал единственные подступы к высотам с севера и юга между границей и озером.

Наше командование, встретившись с фактом: ввода японцами в бой полевых войск, приказало полевым частям Красной Армии выступить на поддержку пограничников и уничтожить захватчиков, нагло вторгшихся на советскую территорию. Одновременно с этим строжайше было приказано не переходить границы.

Наш полк, находившийся в расстоянии около перехода от района боев, получил приказ о немедленном выступлении. Головной батальон форсированным маршем двинулся к озеру Хасан, за ним следовали остальные батальоны.

2 августа полевые части войск 1-й Отдельной Краснознаменной армии, расположенных в Посьетском районе, вступили в бой с захватчиками. Был туманный день, моросил дождь. Противник открыл ураганный артиллерийский огонь. Однако это не могло нас остановить. Дружным натиском пограничных частей и полевых войск противник был отброшен за озеро Хасан. Поздно вечером наши войска приблизились к занятым японцами сопкам Заозерной и Безымянной.

Японцы находились в чрезвычайно выгодных тактических условиях. Перед их позициями лежало озеро, которое не позволяло нам атаковать высоты с фронта. Для того чтобы выгнать врага с советской земли, нам надо было обходить края озера, то есть двигаться вдоль самой границы, попадая под жестокий огонь японских войск, которые находились не только на высотах Заозерная и Безымянная, но и на других возвышенностях, тянущихся вправо и влево вдоль границы.

Мы были зажаты на узком пространстве между озером и границей. Конечно, мы могли бы значительно быстрее расправиться с зарвавшимся врагом, если бы нарушили границу и овладели сопками, обходя их по маньчжурской территории. Но наши части точно выполняли приказ командования и действовали в пределах своей территории. В последующие дни мы увидели, насколько это было трудным.

Наш батальон наступал на японцев через южный подступ, имея задачей занять Заозерную. Перед нами лежало пространство в полтораста метров, сплошь оплетенное проволокой и находившееся под перекрестным пулеметным огнем. Через этот лабиринт огня и проволоки нам предстояло пробиться и

выбросить захватчиков с советской земли. В таком же положении находились наши части, наступавшие через северный подступ на Безымянную.

Всю ночь и последующие дни мы отбивали непрекращавшиеся контратаки японцев, штыковыми ударами отбрасывали врага назад, на его позиции. Мы двигались вперед, дерясь буквально" за каждый шаг; ни ожесточенные контратаки японцев, ни огонь пулеметов, который не прекращался ни на минуту, не могли остановить наших бойцов. Медленно, но неуклонно мы приближались к японским заграждениям.

Бойцы-дальневосточники, пламенные патриоты, не считаясь, ни с какими трудностями, стремились быстрее выполнить поставленную командованием задачу. Одна из рот попросила у командования разрешения проникнуть через заграждения и атаковать японцев. Добровольцы, конкурируя друг с другом, настойчиво добивались удовлетворения их просьбы. Командование разрешило.

Под покровом тумана смельчаки рассредоточились на полутораста метрах лежащего впереди пространства и, преодолевая проволоку, подползли к японским укреплениям. Когда туман рассеялся, они были обнаружены японцами, но успели за это время окопаться настолько, что, как ни старались японцы выбить их, ничего не выходило.

За эти дни наше командование закончило сосредоточение технических средств в количестве, необходимом для решительного удара по захватчикам.

4 и 5 августа шли беспрерывные дожди. Дороги размокли, болота превращались в озера, что еще больше осложняло наше маневрирование.

6 августа - день годовщины Дальневосточного Краснознаменного фронта. С утра, как всегда, было туманно. Около полудня; туман прояснился. Вдруг загудело небо. Это шли наши самолеты. Вот один десяток, другой, третий, четвертый. их было много. В боевом строю они шли на противника.

Поднялись вверх столбы земли, на безлесных гребнях занятых японцами сопок взлетели обломки японских орудий, щепки разрушенных японских укреплений.

Как бы споря в мощности с разрывами авиабомб, загрохотала наша артиллерия. Ее снаряды ложились в полосе японских позиций. Мощная артиллерийская подготовка слилась воедино с авиабомбардировкой. Как видно, не сладко чувствовали себя японцы, получая наши гостинцы!

Вслед за бомбардировщиками включились в бой истребители. Пулеметным огнем они поливали японскую пехоту.

Пришла очередь для действий нашей пехоты. В сопровождении танков она ринулась в атаку через узкое пространство. Японская артиллерия бьет по танкам прямой наводкой. Танки, ныряя в неровностях местности, осторожно выбирают узкие полоски проходимого пространства, давят проволоку и врезаются в расположение японских позиций. Бойцы разрывают проволоку ножницами, подрывают ее ручными гранатами. Наши замечательные бойцы, пренебрегая огнем японской артиллерии, установленной на маньчжурской территории, уверенно двигаются вперед; подразделения соревнуются друг с другом в том, чтобы первыми войти с красными знаменами на родную советскую Заозерную сопку.

К вечеру самолеты повторили атаку. Опять гром разрывов, столбы земли. Артиллерийский огонь японцев ослаб: видно, несколько японских батарей было подбито нашей авиацией и нашей артиллерией.

Я не участник империалистической войны, но знаю, по описаниям, какой силы достигал огонь на фронте в период наиболее напряженных боев. 6 августа и в последующие дни мы проделали то, что проделывалось в те времена при атаке сильно укрепленных позиций и что вошло в историю, как примеры небывалого упорства и обороны и наступления.

Опустилась ночь. Бой не прекращался, но японцы начали сдавать. Еще нажим, еще раз бросок в атаку. С криками: "Ура! Да здравствует великий Сталин!", бойцы устремились вверх по крутым склонам сопки. Враг не выдержал, - сопка наша! Заозерная (Чанкуфын) снова в наших руках.

На рассвете на Заозерной развевались красные знамена

Японцы успели основательно укрепиться на высоте. Они оставили окопы глубиной в полный профиль, убежища и блиндажи для пехоты, основательно разрушенные действиями нашей авиации и артиллерии. Проволочные заграждения перед японскими позициями были построены в 3-4 ряда кольев, впереди них были отрыты противотанковые рвы. В оставленных самураями окопах мы нашли несколько сот порожних бутылок из-под спиртного различных марок.

Японцы не хотели помириться с потерей высоты. Озверелые, с криками "банзай", они карабкались по камням на сопку. Наши бойцы подпускали их на близкое расстояние, а затем забрасывали ручными гранатами. Так отбивались неоднократные контратаки японцев. Большинство наступавших оставалось на месте убитыми, а уцелевшие окатывались обратно вниз.

В дальнейшие дни основные бои развернулись на высоте Безымянной, где японцы еще занимали часть нашей территории.

Стараясь выбить японцев, наши части невольно вклинились метров на 300-400 в японское расположение по ту сторону границы.

Японская артиллерия продолжала вести огонь, стараясь подбить наши орудия. Однако огонь японцев страдал одним "дефектом": снаряды попадали куда угодно, только не в цель. Наша артиллерия уверенно выполняла свои задачи, поражая неприятельские орудия. 8 августа по нашему батальону открыла усиленный огонь одна из японских батарей, препятствуя нашему наступлению. После того как наша артиллерия направила огонь по этой батарее, мы на себе почувствовали успешные результаты работы наших артиллеристов: сначала японский огонь ослаб, а затем прекратился.

Бои за Безымянную богаты эпизодами героического поведения бойцов-патриотов. 9 августа группа смельчаков-добровольцев испросила у командования разрешения уничтожить две японские укрепленные точки, которые в особенности мешали нашим действиям. Ночью смельчаки подползли к укрепленным точкам, заложили фугас и взорвали одну из них. Другую точку они вынудили замолчать, ведя непрерывный огонь по амбразуре, откуда до этого стрелял японский пулемет.

Одно из наших отделений, скрытно подойдя к расположению противника, своим умелым огнем уничтожило японский взвод

На южном участке в тот же день, 9 августа, когда около двух рот пехоты противника, переправившись через реку Тумень-Ула, собирались нас атаковать, они были уничтожены: одна рота на месте нашим артиллерийским огнем, а другая - при отступлении вплавь через реку. Прекрасно действовали наши саперы, которые под огнем японцев строили укрепления на отбитых нами высотах.

Громадными усилиями преодолевая трудности местности и японской обороны, наши бойцы, командиры и политработники последовательно выполняли волю советского народа, выраженную вождем народов товарищем Сталиным: "Ни одного вершка своей земли не отдадим никому".

Мы не хотим ни корейской, ни маньчжурской земли, но советуем вам, господа японцы, оставить надежды на владение нашими сопками, озерами, пашнями, городами. Если не хотите сойтись на этом по-хорошему, мы вас убедим силой, сколько бы войск вы ни собрали и каких бы нам это усилий ни стоило. Такими настроениями были проникнуты все, кто в те дни дрался с захватчиками. Великая сила любви к родине, горячее чувство советского патриотизма руководили нашими действиями б эти незабываемые дни. С именем великого Сталина на устах, под красными знаменами страны социализма мы шли в бой и

побеждали. Готовность всей необъятной Советской страны отразить налетчиков воодушевляла нас в тяжелых условиях боевой работы.

Беспартийные красноармейцы и командиры в период боев массами подавали заявления о принятии их в партию и комсомол. "Хотим идти в бой членами партии Ленина - Сталина, членами ленинского комсомола", - заявляли они. В бою они своим беззаветным геройством доказали преданность делу партии и искренность своего стремления быть в ее рядах. Сейчас они влились в нашу партийную и комсомольскую семью. Партийные и беспартийные большевики, борясь плечом к плечу, победили трудности и вышвырнули обнаглевших самураев с нашей родной земли.

К моменту перемирия, которое было объявлено 11 августа, на советской территории не было больше ни одного японского солдата. Японцы попытались было в самый последний момент выдвинуться вперед на нашу территорию, накапливаясь за камнями сопки Заозерной. Они воспользовались тем, что огонь с нашей стороны был прекращен ввиду начавшегося перемирия. Однако настойчивая позиция нашего командования заставила японцев уважать заключенное, соглашение и отойти на линию, которую они занимали до перемирия.

Сейчас мы уверенно держим в своих руках отвоеванные сопки, политые кровью сынов социалистической родины, павших на защите советских границ.

Красноармеец Л. Антипов

Грозные атаки

Дождь кончился так же внезапно, как и начался. Солнце вырвалось из-за туч. Пустынные улицы поселка оживились. Слышны смех и говор. Курсант Панченко подошел к окну и открыл его. В класс ворвались прохлада и аромат газона.

Панченко, улыбаясь, смотрел на улицу, на деревья, на цветы газона, раскинутого возле окна казармы, на траву, омытую дождем.

Ему было особенно радостно в это свежее утро. Сегодня он получил письмо от родных, но еще не вскрывал его: решил прочитать после окончания занятий. Было приятно сознавать, что вот здесь, в левом кармане гимнастерки, лежит конверт, в котором заключены слова и мысли близких, дорогих. Панченко потрогал карман и снова улыбнулся. Он окинул взглядом долину с ее свежей зеленью и внимательно посмотрел на сопки, синим бордюром обрамляющие горизонт.

По сопкам шла граница, а за ней чужая, незнакомая страна.

- Товарищ Панченко!

Он обернулся.

В классе за столами сидели бойцы над книгами и тетрадями.

Панченко - лучший курсант-отличник - руководил общеобразовательной подготовкой. Сейчас был урок арифметики, красноармейцы самостоятельно решали задачи.

- Товарищ Панченко, у меня ничего не получается.

- Как же так?

Красноармеец Галанин подошел к столу групповода и рассказал, чего он не понимает. Панченко объяснил, как решается задача.

Галанин разобрался в своей ошибке и, глядя на руководителя, сказал:

- Завидую я вам, товарищ Панченко. Все вы знаете. Так хорошо объяснили, что лучше и не надо. Вот понял я, а начну решать - не получается...

- Получится, товарищ Галанин. Я с вами отдельно займусь,

- Спасибо. Хочется мне.

Панченко не дослушал. Почувствовав, что кто-то стоит у него за спиной, он обернулся:

- Встать, смирно! - и звонким, четким голосом Панченко отдал рапорт командиру части.

- Как успехи? - спросил командир.

- Хорошо. Есть некоторые отстающие, но думаю и их подтянуть. Главное большое желание у всех учиться.

Командир Ласкин внимательно глядел на Панченко. Ему было приятно смотреть на этого живого, энергичного юношу, немного смущавшегося в его присутствии. Он перевел взгляд на сидевших вокруг бойцов, на их сосредоточенные лица. "Какие прекрасные бойцы! - думал Ласкин. - С такими не страшен никакой враг".

Он сказал групповоду:

- Сообщите вашей группе: сегодня после занятий состоится митинг в клубе части, - и вышел из класса.

* * *

- Товарищи!..

Зал мгновенно затих.

Комиссар Пожарский обвел глазами напряженные лица бойцов.

Все жадно, вопрошающе глядя на него, ждали, что скажет комиссар. По его необычайно возбужденному виду заключили, что Пожарский должен сказать что-то особенно важное.

- Товарищи! - начал комиссар. - Японские самураи. Эта гадина!. - От прилива гнева комиссар на мгновение смолк, но, взяв себя в руки, продолжал. - Эти подлые авантюристы напали

на наши священные рубежи и заняли пядь нашей земли - Заозерную сопку.

Ропот негодования пробежал по рядам. Кто-то крикнул:

- Раздавить гадину!..

Успокоив внезапно взбушевавшееся море гнева, комиссар стал посвящать бойцов в подробности провокационного налета японской военщины. Он старался быть спокойным, но это ему не удавалось; Пожарский уже встречался с самураями в бою 25 марта 1936 года, был ранен и с тех пор всякий раз, когда говорил об авантюрах зарвавшихся соседей, не мог удержаться от гнева.

Страстная речь комиссара произвела сильное впечатление. Атмосфера была так напряжена, что все бойцы и командиры готовы были тотчас же ринуться в. бой.

- Будем просить командование соединения, чтобы нас первыми послали в. бой, чтобы мы первые могли уничтожить бешеных псов фашизма. Я уверен, что с доблестью выполним эту задачу, и наша родная земля будет вновь свободна от всякой нечисти.

Кончая свою речь, Пожарский провозгласил здравицу за честь вождя народов товарища Сталина.

Дружное красноармейское "ура" трижды потрясло воздух. Эхо его, как грозное предостережение, мчалось к границе.

После комиссара выступил командир части Ласкан.

Его горячая боевая речь дышала негодованием.

- Эти оголтелые бандиты давно пытаются нарушить нашу счастливую жизнь. Но они просчитаются. Стальной кулак Красной Армии развеет ворах эту падаль. Наши границы будут вновь свободны, и на них будет по-прежнему развеваться наше красное знамя.

Узнав, что пограничники уже вступили в бой, геройски защищая родную землю, и среди них уже есть убитые, зал не мог сдержать своего волнения.

- Товарищи! - взволнованно говорил курсант Панченко. - Чувство гнева и ненависти к врагу клокочет в моей груди. Я хочу первым пойти в бой и, если понадобится, отдам свою жизнь, самое дорогое, что я имею, за счастье моей родины...

Ласкин слушал эти искренние слова, и его сердце вновь, как тогда в классе, наполнялось любовью к молодым бойцам, пламенным патриотам своего отечества.

Пожарский вошел в кабинет командира части.

Ласкин отложил в сторону бумаги и, приподнимаясь, спросил:

- Ну, что?. Были?..

- Был. - Пожарский тяжело опустился в кресло.

Ласкин нетерпеливо ждал, что окажет комиссар.

- Часть в бой пока не идет.

- Ну?. И никакой надежды?

Комиссар сумрачно посмотрел в окно.

- Почти.

Комиссар барабанил пальцами по столу.

- Что нам с бойцами делать? - после короткого молчания спросил Ласкин. - Все в бой рвутся...

- Да-а!. - протянул комиссар, вое так же глядя в окно, и внезапно, улыбнувшись, посмотрел на Ласкина:

- Будем проситься, Анатолий Федорович, до тех пор, пока не пустят.

После этого разговора командир и комиссар несколько раз были у командира соединения. Наконец, часть получила приказ выступить.

Приказ был встречен восторженно.

Батальон, совершив ночной марш, расположился лагерем на указанных в приказе высотах. Стали ждать боевого приказа.

Около высоты Заозерной шли бои. В них постепенно втягивались различные виды оружия и техники. Японские самураи, не желая расставаться с занятой высотой, открыли артиллерийский огонь. В ответ заухали наши батареи. Целые дни была слышна непрерывная канонада. Мимо части проезжали санитарные машины с ранеными. Приказа однако все не было. Командир соединения несколько дней держал часть в резерве. Нетерпение увеличивалось.

Уже полчаса, как Ласкин сидел в палатке радиста и, не отрываясь, слушал вечерний выпуск последних известий.

Весь советский народ с волнением следит за событиями у озера Хасан. Все горят возмущением, гневом и ненавистью к провокаторам войны.

Народ приветствует свою родную Красную Армию, желает своей защитнице скорейших побед над врагом.

Радист торопливо записывал содержание передач, чтобы завтра на утренней политинформации бойцы могли получить свежие известия.

Было уютно сидеть в этот поздний час здесь, в палатке. Усталость брала свое. Голова, отяжелев, склонялась на плечо, веки смыкались.

В приемнике что-то зашумело, голос диктора куда-то исчез, стали доноситься нестройные обрывки мелодий...

Пока радист настраивает приемник, можно на миг сомкнуть веки.

- Товарищ командир!

Ласкин быстро открыл глаза.

- К вам посыльный.

Из полутьмы палатки на свет вынырнул красноармеец.

- Товарищ командир! Вас срочно вызывает командир соединения.

Сна как не бывало. Ласкин быстро поднялся и через несколько минут мчался на коне в штаб.

Комиссар Пожарский уже был там.

- Не знаешь, зачем вызывают? - спросил его Ласкин.

Глаза Пожарского смеялись. Было ясно, что он знал.

- Сейчас узнаем, Анатолий Федорович. Узнаем...

Через несколько минут полковник Базаров вызвал их к себе...

Возвращались под утро. Ехали медленно, наслаждаясь прохладой и чувствуя прилив необычайной бодрости и сил.

Въехали на холм и остановились, невольно залюбовавшись развернувшейся перед ними панорамой. Нежные переливы восходящего солнца окрашивали море в сказочные цвета. Близлежащие холмы и прибрежные скалы были окутаны предутренней сизой дымкой.

- Как просто и красиво, - заметил Ласкин.

- Да, - проговорил комиссар и, помолчав, добавил:

- Жизнь - замечательная штука. Помните слова Кирова на XVII партсъезде: "Успехи действительно у нас громадны. Чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить..."

На небе гасли последние звезды.

Всадники спустились к подножию холма, к своему лагерю. Ласкин прошел в палатку начальника штаба. Луночкин еще спал. От легкого прикосновения руки он тотчас же вскочил. Ласкин сел на складной стул и, улыбаясь, смотрел на Луночкина.

- Ну, начальник, радуйтесь. Сегодня у нас праздник.

- Да что вы?

- Присаживайтесь к столу. Давайте карту, познакомлю с боевым приказом.

Давно рассвело. Горнист сыграл подъем. Люди завтракали. Командир с начальником штаба сидели над картой и тщательно уточняли детали предстоящего боя.

В палатку пришли комиссар и отсекр партбюро. Пожарский сел около стола и обратился к. Ласкину:

- Мы думаем митинг устроить перед обедом.

- Да, да! - согласился командир. - Я тоже так думаю. - И, поворачивая карту к комиссару, добавил: - Вот, товарищи, какой мы намечаем план атаки...

Митинг близился к концу.

Слово получил начальник штаба.

- Товарищи! Наша Красная Армия пользуется большой любовью всего советского народа. Сегодня мы получили подарки от трудящихся Краскино, которые посылают нам самые горячие и дружеские пожелания. Вот послушайте, что пишет вам молодая девушка, работница районного финансового отдела.

Луночкин берет из пачки одно письмо и читает:

"Я горю желанием попасть на фронт, чтоб помочь вам перевязывать ваши раны, если вы будете ранены".

Луночкин читает письма одно за другим, и все они вызывают гул одобрения, в каждом из них чувствуется беспредельная любовь к родине, к бойцам Красной Армии.

"Дорогие защитники родины, - пишет старый рабочий, - посылаю вам маленький подарок, который мы со старухой собрали для вас. Желаю вам скорой и хорошей победы. Мои годы уже не те, но, если надо будет, возьму винтовку в руки. Моя старуха вчера на митинге так и заявила: "Поеду на фронт лечить раненых".

Общее веселье вызывает письмо девятилетнего пионера: "Дядя красноармеец! Хорошенько бей японцев. Когда маленько подрасту, приеду к вам, а то сейчас меня мама не пускает, говорит - там страшно. А я ничего не боюсь. Я храбрый. Это сказала Галя, соседкина дочь. Честное пионерское.

Захар Брутин".

Письма прочитаны. На столе высится груда пакетов-подарков. Ласкин начинает приглашать к столу бойцов и командиров.

Первым подходит младший командир Махов. Комиссар Пожарский весело оглядывает его и вручает ему одеколон. Махов не успел побриться: был занят на дежурстве.

- Вот и кстати, - смеется комиссар, - побреетесь, а дотом и одеколоном освежитесь.

- Я очень тронут подарком, - говорит Махов, смутившись, - я чувствую, как заботится о нас население. Обязуюсь выполнять все задания только на "отлично" и буду бить самураев, не щадя сил и, если надо, жизни.

Бойцы приветствуют заявление Махова громкими аплодисментами.

- Рыбачук! - выкликает Ласкин.

Комиссар берет сверток, развертывает его.

- Ого! Нашему врачу богатый подарок. Не иначе, как девушка прислала.

Врач тронут. Волнуясь, он говорит:

- Конечно, дело не в подарке, а в той любви, душевной теплоте, какую питает народ к своей армии...

Отойдя в сторону, он находят в свертке заботливо

подрубленные платочки, воротнички, достает зубную щетку, печенье, конфеты.

- Пономарев!

Молодой, недавно приехавший из школы, лейтенант подходит к столу.

Гора подарков постепенно тает. На митинге общее оживление. Всех радуют эти скромные подарки и веселые шутки комиссара.

- А теперь, - заявляет Пожарский, когда все подарки розданы, - нам нужно написать ответное письмо нашим друзьям, заверить их, что враг будет уничтожен, пожелать им побед на трудовом фронте.

- Правильно! - отзывается собрание.

Политрук Панкратов подходит к столу, в руках у него листок бумаги.

- У меня, товарищи, есть набросок этого письма. Если разрешите, я вам его прочту.

- Читайте, читайте!.. "Дорогие товарищи!

Мы воодушевлены вашим призывом к защите социалистической родины. Эту почетную задачу мы выполняем сейчас. Мы знаем, что трудящиеся Советского Союза, под руководством любимого вождя товарища Сталина и наркома обороны маршала Советского Союза товарища Ворошилова, все, как один, встанут на защиту нашей цветущей родины. Заверяем вас, что мы не позволим японским фашистам, троцкистам, наглым провокаторам нарушить мирный труд трудящихся Советского Союза, мы нанесем им такой удар, от которого затрещат, а кое-где рухнут устои империализма.

По поручению общего собрания бойцов, командиров и политработников:

Ласкин, Пожарский, Черненко. 5 августа 1938 года".

Шумные овации собрания. Комиссар объявляет:

- Сейчас покупаемся, пообедаем, а потом и в путь.

Ласкин вызывает к себе командиров подразделений:

- Купание производить организованно, - говорит он им, - под вашим наблюдением. Будьте осторожны - река небольшая, но глубокая. Проверьте, все ли умеют плавать. Спустите лодку. Через несколько минут река огласилась разноголосыми криками, хохотом. Красноармейцы ныряли, плавали и веселились, как дети.

Командир и комиссар разделись в палатке и стали спускаться к реке.

- Столяров, - воскликнул Пожарский, увидев отсекра бюро ВЛКСМ, - а вы что в одежде?. Купаться, купаться, милок. В воду!..

- Сейчас, товарищ комиссар.

- Спешите, спешите, милок.

Подойдя к реке, Пожарский сразу бросился в воду и поплыл крупными саженками, по-волжски.

Купание доставляло всем громадное удовольствие. Красноармеец Мякшин вылез из воды, взобрался на бугорок и запел:

"Солнце ждет нас, зовет.

Вся природа в гости к себе просит:

И вода, и песок, и полянка, и лесок,

Ветер приглашение разносит..."

- Кончай купанье! - раздается команда.

Через несколько минут на реке снова покой и тишина.

На другой день с утра началась сильная артиллерийская

Непрерывно слышались тяжкие вздохи гаубиц, рев снарядов громыхание взрывов. Батальон находился в резерве.

Ласкин и Пожарский с напряженным вниманием наблюдали за артиллерийской подготовкой. В бинокль хорошо была видна каменистая вершина Заозерной.

Ежеминутно на сопке вспыхивало облако дыма, а затем ветер доносил звук - резкий и сухой.

Был ясный, солнечный день. На горизонте одиноко бродили стайки белых облаков. Жаркое солнце нещадно палило.

Ласкин посмотрел на часы: 15.00.

- Самолеты! - крикнул кто-то.

Все обернулись. Из-за сопок показалось звено самолетов, затем вынырнули еще два, потом еще...

Появление каждого нового звена сопровождалось возгласами восторга.

Кто-то попробовал сосчитать самолеты:

- Двадцать, тридцать. Еще девять. Еще...

Грозная туча самолетов, не знающая преград, уверенно приближалась к врагу.

Гул канонады дополнился гулом моторов. Он все усиливался, восхищал бойцов, вселял бодрость и уверенность в победе.

- Ну, самураи, держись! - воскликнул молодой лейтенант и, обращаясь к Ласкину, добавил: - Ну и красота...

Ласкин улыбнулся. Ему было понятно чувство своего соседа: и сам он испытывал гордость за силу советской техники, когда смотрел на огромные бомбовозы.

Самолеты приближались к озеру Хасан. Передовые из них уже летели над окопами противника.

На голубизне жаркого неба появилось белое облачко взрыва, за ним другое, третье. По самолетам била зенитная артиллерия

самураев. Но взрывы были слишком низки.

И вдруг воздух дрогнул. Послышался глухой и мощный раскат взрывов.

Ласкин посмотрел на Заозерную. То, что он увидел, надолго запечатлелось в его памяти.

Огромные столбы дыма и земли возникали один за другим по всей линии окопов самураев. Огромное темное облако совсем поглотило сопку. Новые взрывы авиабомб на миг вздымали вверх дымные фонтаны, которые затем растворялись в черное облако.

Ласкин с увлечением смотрел на эту картину современного боя. Ему вспомнились слова товарища Ворошилова: "Кто силен в воздухе, тот в. наше время вообще силен".

Когда самолеты; вели бомбежку, внизу загудели танки и, поворачивая башни к врагу, тяжело поползли к подножию сопки.

Ласкин видел, как они поровнялись с линией наших окопов.

Мощная лавина бойцов ринулась за танками и вскоре обогнала их в своем стремительном беге.

Пехота шла штурмом на самураев. Впереди развевалось алое знамя. Японские окопы начали оживать. Сначала неуверенно, а потом все сильнее и сильнее хлынул свинцовый ливень из пулеметов, и вскоре по всему фронту возобновилась неугомонная трескотня пулеметов и ружейных залпов.

Японские войска упорно держались на сопке. Пулеметы, захлебываясь, поливали свинцовым дождем нашу наступающую пехоту.

В нескольких местах рвались вражьи снаряды. Но красноармейские роты уверенно поднимались к вершине. Впереди по-прежнему реяло красное знамя. Один знаменосец упал, сраженный пулей, но знамя тотчас же подхватил другой, и оно снова впереди, снова зовет и увлекает за собой...

Только под вечер, преодолев яростное сопротивление самураев, части Красной Армии прорвались к вершине Заозерной, и один из героев водрузил древко знамени между камнями гребня.

Это была поистине величественная картина. В наступающей мгле, под грохот и блеск взрывов, под зловещий визг непрерывного потока пуль, знаменосец бесстрашно стоял на гребне каменного выступа и укреплял знамя.

Простреленное пулями, оно развевалось на вершине, как символ победы.

Заозерная снова стала советской. Но часть скатов высоты была еще занята врагом.

* * *

На другой день, после полудня, командир части выстроил

свои подразделения.

- Товарищи, - сказал он, - нам оказана большая честь. Нашей части дан боевой приказ: уничтожить противника на скатах высоты Заозерной...

Крики "ура" не дали договорить Ласкину.

Комиссар Пожарский призвал бойцов оправдать эту честь и уничтожить банду японской военщины.

Командир объяснил бойцам обстановку, познакомил с маршрутом, указал на особенности предстоящего боя.

- Все ясно, товарищи? - спросил он в заключение.

- Все, товарищ командир! - было ему ответом...

В огромной воронке от снаряда собралось летучее партсобрание.

Отеекр партбюро Дуреев поставил перед всеми партийцами задачу: быть впереди и вести за собой всех бойцов и командиров, быть всегда с массой.

- Задача сегодняшнего дня, - говорил Дуреев, - это большевизация Красной Армии. У нас есть все возможности сделать нашу часть партийно-комсомольской. Сейчас мы пойдем в бой.

Это - прекрасная проверка людей, их преданности нашей партии, родине. Нужно энергичнее, шире развернуть работу среди наших славных бойцов и командиров, и мы с честью выполним свою задачу.

После собрания одно из подразделений, с Дуреевым во главе, уходит на юг, чтобы занять оборону на берегу Тумень-Ула для обеспечения левого фланга от переправы японского десанта через реку. Другие подразделения уходят на Заозерную.

Красноармейцы шли к месту боя.

Панченко чувствовал необычайный подъем. Правда, волновал предстоящий бой, но кругам шли близкие товарищи, славные ребята, шли уверенные, бодрые. Командир и комиссар удивительно спокойны.

Некоторым хотелось петь, но петь нельзя. Кондратенко не вытерпел и шопотом повторял слова песни:

"Страна моя, Москва моя,

Ты самая любимая..."

Панченко тихо подпевал про себя...

Спокойствие и боевой задор товарищей передавались ему. Легкое облако тревожных дум испарилось, и на его место вселилось боевое чувство. Какая-то особенная радость охватывала его. она не помещалась внутри и сквозила во всем: во взгляде, в жесте, в улыбке...

Вспомнилась любимая девушка...

Она еще не знает, что он решил навсегда остаться здесь, в этом замечательном крае, служить в РККА. Придется ей приехать сюда. Какая будет радостная встреча!

Панченко начал рисовать себе картину будущей встречи, но взглянул на своего командира, и ему стало стыдно. Лицо командира отделения было серьезно и сосредоточенно.

- Ну и глупец, - подумал Панченко, - о чем я мечтаю...

Жаркое солнце жгло беспощадно.

Миновав небольшую лощинку, колонна приблизилась к склонам высоты Заозерной.

Движение происходило скрытно от неприятеля.

Самураи, предчувствуя подход наших войск, вели непрерывный артиллерийский огонь, создавая преграду к подступам высоты.

Снаряды рвались по дороге, идущей у подножия Заозерной, некоторые взрывались в лощине, недалеко от колонны, некоторые падали в озеро, поднимая фонтаны брызг.

На склонах расположилась другая часть. Она вела ожесточенную перестрелку с самураями, поражая их огневые точки. Ласкин подошел к штабу части, чтобы получить уточненную обстановку.

Часть скатов высоты Заозерной по-прежнему оставалась занятой японскими войсками. Изрыв их окопами, соединенными между собой подземными ходами, самураи создали себе прекрасную оборону.

У Ласкина созрел план действий. Используя складки местности, незаметно подползти к противнику, выйти ему в левый; фланг и обрушиться неожиданной атакой.

Для успешного выполнения этого плана требовались особая выдержка и осторожность. Чтобы противник не обнаружил движения колонны раньше времени, следовало отвлечь его внимание. Эту задачу должны были осуществить орудия и станковые пулеметы. Приказав им занять огневые позиции и, по сигналу открыть огонь по самураям, командир вернулся к своим, подразделениям.

Обстановка и решение доводятся до каждого бойца.

Приближается решительный момент.

Любовно, как заботливый отец, комиссар Пожарский всматривается в лица бойцов и командиров - все ли готовы, все ли: в состоянии идти в атаку.

Во взгляде каждого горит желание поскорее ринуться в бой и уничтожить подлых захватчиков.

Пожарский остается доволен: разве можно не победить с такими бойцами!

Командир и комиссар стоят рядом. Бойцы смотрят на тех, кто сейчас поведет их в бой: на командира, твердого и решительного, преданного сына своей родины, на комиссара - непреклонного большевика, любовь и заботу которого каждый испытал на себе.

Разве можно не побеждать с такими командирами?

- Ну, ребятки, идемте, - с душевной теплотой произносит комиссар.

Панченко чувствует: теплая волна подступает к сердцу. так любовно звучат слова Пожарского в хаосе непрерывных взрывов и трескотни пулеметов.

Пулеметчик Черепанов переживает то же самое. Ему хочется заслужить любовь комиссара. Он готов идти за ним куда угодно...

Соблюдая осторожность и тщательно маскируясь, два подразделения двинулись в обход левого фланга противника. Шли по колено в грязи, а часто ползли, стараясь ничем не выдать своего движения.

Первое, самое близкое от противника подразделение вел Пожарский. В каждом жесте, в каждом движении комиссара чувствовалась воля большевика. Он шел, непреклонный и твердый, с суровым выражением лица, и лишь иногда его лицо озарялось улыбкой, ободрявшей бойцов. Вместе с комиссаром шли отсекр бюро ВЛКСМ Столяров и командир подразделения Попов.

Параллельно шло другое подразделение. С ним был командир части Ласкин. Он шел рядом с командиром подразделения Стецюком - молодым, волевым лейтенантом - и начальником штаба Луночкиным.

С вершины сопки заметили движение подразделений. Кто-то замахал пилоткой, затем подбросил ее и крикнул:

- Товарищи! Вперед! На подмогу!.

Ласкин услыхал призыв и ответил:

- Идем на подмогу, товарищи, держитесь!..

Убежденный в неприступности созданного им укрепления, противник беспорядочными выстрелами отвечал на ураганный огонь пулеметов и артиллерии.

И вдруг мощное, громовое "ура" потрясло воздух. Самураи с ужасом оглянулись. Прямо на них лавиной катились бойцы. Впереди всех, с гранатой в руке, бежал комиссар.

- Бей фашистов! - раздался его призыв. - Нет места ни одному гаду на нашей священной земле! За родного Сталина! За великую родину! Вперед!

В это время Ласкин с другим подразделением подходил к исходной точке. Услышав, что Пожарский пошел в атаку, Ласкин выхватил пистолет и, потрясая им в воздухе, крикнул:

- За родину! За Сталина! Вперед! - и первый побежал к окопам противника. Луночкин и Стецюк последовали его примеру. За ними рванулись бойцы.

Грозное "ура" волной перекатывалось по рядам наступающих.

Ошеломленные неожиданным натиском, японцы растерялись. Побросав винтовки, они, как крысы, забегали по подземным ходам. Визгливая ругань и побои офицеров заставляют самураев на минуту побороть страх. Они открыли огонь. В наших рядах упал один, другой, но комиссар быстро шел вперед, увлекая за собой бойцов. От ожога ноги Пожарский споткнулся, но тотчас же выпрямился и двинулся к окопам, откуда все сильнее раздавалась стрельба...

Рвались гранаты в окопах самураев. Раздавались вопли раненых. Офицеры неистовствовали и кричали что-то визгливыми голосами.

Лавина бойцов Красной Армии приближалась. Впереди по-прежнему был Пожарский.

- Товарищ комиссар, ложитесь, - говорит ему Ласкин.

- Товарищ комиссар, вы ранены, ложитесь, - упрашивают бойцы и командиры.

Но комиссар ничего не слышит. Он мчится вперед. Одну за другой на ходу Пожарский бросил две гранаты, которые разорвались среди самураев, и, добежав до окопа, начал из пистолета расстреливать врагов...

Бойцы неудержимой лавой ворвались в окопы. Воздух наполнен трескотней пулеметов, хлопаньем выстрелов, свистом пуль, грохотом взрывов гранат, воплями раненых японцев.

Наши раненые товарищи без стонов терпеливо ждали, когда их отнесут с поля брани, или уползали под откос, где их ждала медицинская помощь.

В стороне, в окопе, укрылись три японских снайпера. Красноармеец Карташков увидел их. Тотчас же упал в воронку и приготовил гранату. До противника оставалось пятнадцать метров. Карташков снимает кольцо. Взмах. Граната летит в окоп вражеских снайперов.

- Ура! - Граната рвется, едва коснувшись земли.

Один самурай убит наповал. Двое других бросают винтовки и бегут к границе. Карташков срывает кольцо и бросает вторую гранату. Второй самурай падает. Третий снайпер с визгом мчится дальше.

- Не уйдешь! - кричит ему вслед Карташков и, приложившись к винтовке, метким выстрелом поражает беглеца...

Опасаясь за жизнь комиссара, Ласкин бросился к нему. Один из самураев стреляет в Пожарского. Мимо. Самурай снова

целится. Ласкин на ходу бросает в него гранату. Самурай со стоном падает.

Панченко, расстреляв две обоймы, приготовился к штыковой атаке.

Столяров бежал рядом с комиссаром. Бросив гранаты в окопы противника, он вынимает пистолет и кричит:

- Комсомольцы, вперед! Бей самурайскую сволочь!

Бойцы подразделений уже штыками поражают самураев. Молодой лейтенант Пономарев в упор из пистолета расстреливает врагов.

Фигура комиссара ярко выделяется среди бойцов.

- Товарищ комиссар, ложитесь, - снова попросил Ласкин.

Но было уже поздно. Вражеская пуля навсегда остановила сердце пламенного большевика.

- За Сталина, за родину я с радостью отдаю свою жизнь.

Покачнувшись, комиссар упал в окоп.

- Товарищ комиссар! - с дрожью в голосе крикнул Столяров и, не удержавшись от слез, еще стремительнее бросился в атаку.

- Комиссара убили!

Этот возглас, как электрическая искра, промчался в сознании каждого.

- Комиссара убили!.

Горечь утраты дорогого человека мгновенно превращалась в удесятеренную ненависть к убийцам. Враги в последней агонии упорно сопротивлялись. Самурайская пуля сразила насмерть храбреца Пономарева. Ранен командир роты Попов, но он продолжал сражаться в первых рядах до конца боя.

Несколько самураев пыталось спастись бегством! Меткие выстрелы пулеметчиков настигали врагов. Ни одного самурая не осталось на советской земле. Слова комиссара воплотились в жизнь.

Но враг не сдавался. Японцы открыли ураганный артиллерийский огонь, готовясь атакой вновь завладеть высотой.

- По окопам! - раздается голос Ласкина.

Подразделения переходят от атаки к обороне. Бойцы занимают окопы противника. Кругом трупы самураев...

В стороне расположился начальник штаба Луночкин со взводом. По приказанию командира он организует оборону правого фланга. Это ответственный участок. Сюда спешит отсекр комсомольского бюро Столяров. Нужно подбодрить комсомольцев, Он пробирается от укрытия к укрытию. Над головой слышится характерный визг. Столяров пригибается к земле.

- Трах!. - рвется снаряд совсем рядом.

"Жив", - думает Столяров и пробегает дальше.

Луночкин расположил бойцов в укрытиях. Столяров подползает к нему. Раздается визг снаряда. Столяров! чувствует, как сильная струя воздуха подхватывает его вверх. Перевернувшись, он стремительно падает на землю. Чувствуя звенящий шум в голове, Столяров подползает к воронке. На краю ее, запрокинув голову, лежит Луночкин.

- Неужели убит? - мелькает мысль у Столярова.

Он приникает ухом к груди командира. Чуть слышно работает сердце. Луночкин открывает глаза, хочет что-то сказать. Губы шевелятся, не издавая ни звука.

- Отнести раненого, - приказывает Столяров и прижимает на себя командование правофланговой группой...

Вместе с другими бойцами Панченко укрылся в окопе. От мертвых самураев разит водкой. Крутом валяются пустые винные бутылки и баклажки. Все это кажется странным. Ежеминутно слышится предостерегающий визг. Нужно пригибаться к земле и переждать, пока разорвется снаряд.

- Трах!. - раздается совсем рядом.

Панченко замечает впереди небольшой окоп и, не медля ни секунды, пробирается туда.

В промежутках между взрывами Ласкин перебегает от окопа к окопу.

- Ну, как, Коржев? - спрашивает он командира отделения.

- Хорошо, товарищ командир.

Панченко видит, как Ласкин прыгает в соседний окоп. Опять зловещий визг. Панченко пригнулся. Трах!. Разрыв позади.

Целый слой земли обваливается на Панченко. Он едва успевает отряхнуться, как слышит голос Ласкина:

- Панченко, жив?

- Жив, товарищ командир, - отзывается курсант.

Он хочет сказать своему командиру, что ему нисколько не страшно, что он готов сразиться с врагами в рукопашном бою. Снова взрыв.

В окопе Ласкина сыплется земля. Он отряхивается и поднимает голову:

- Панченко, как себя чувствуешь? - кричит он в соседний окоп.

- Хорошо, товарищ командир, - звучит ответ.

По визгу снаряда можно определить, где он упадет. Вз-з-з. Это перелет. Снаряд рвется за окопами. Опять перелет. - Ого! - это к нам. Трах!..

Взрыв громыхает рядом. Молниеносная воздушная волна со звоном сжимает голову. Стены окопа осыпаются, и назойливый

песок проникает всюду: за гимнастерку, в глаза, противно хрустит на зубах.

Ласкин поднимается.

- Панченко, жив?

Молчание.

- Панченко, жив? Из окопа ни звука.

- Панченко, жив?

Не дождавшись ответа, Ласкин быстро выбирается наверх и бежит. Вместо окопа перед ним бесформенная яма. На дне воронки лежит чернильница. Ласкин садится на краю ямы, осторожно поднимает чернильницу. Что-то мокрое подкатывается к горлу и мешает дыханию. Опустив голову, Ласкин смотрит на маленькую походную чернильницу убитого Панченко. "Какое замечательное будущее ожидало этого талантливого, веселого "юношу!" - думает Ласкин, и ненависть к врагу вскипает в нем с новой силой.

Артиллерийская стрельба затихла.

* * *

Близилась ночь.

Воспользовавшись передышкой, Ласкин организовал прочную оборону занятого рубежа. Он хорошо изучил японскую тактику: под покровом ночи или тумана подползти и обрушиться неожиданной атакой. Известно было ему и коварство самураев: отдельными небольшими группами беспокоить ночью, а с рассветом начать наступление.

Нужно быть готовым ко всему.

Часть командиров ранена. Ласкин назначает взамен их лучших младших командиров. Каждый имеет свою задачу. Лейтенант Стецюк командует левофланговой группой. Его задача - не дать противнику возможности использовать долину для удара с тыла.

В секретах пулеметчики и стрелки с напряженным вниманием всматриваются в ночную тьму, прислушиваются к шелесту травы.

Дует прохладный ветерок. Лохматые, пестрые тучи быстро мчатся на запад, то скрывая, то освобождая бледный диск луны. Когда луна вырывается из-за туч и освещает своим голубоватым светом поле битвы, напряжение ослабевает. Но вот луна прячется, тьма сгущается. Кусты кажутся японскими солдатами, крадущимися к окопам.

На сопке неспокойно.

Изредка слышится стрельба.

Близится полночь.

На вершине Заозерной застучало разом несколько пулеметов,

донеслись ружейные залпы.

Сопка вспыхнула заревом от взрыва гранат. Японцы вели наступление.

Поддерживая Заозерную, открыла огонь правофланговая группа.

Ласкин насторожился.

- Ого!. Кажется, и к нам полезли!

Через несколько минут прибежал посыльный от командира правофланговой группы.

- Товарищ командир, на нас наступают японцы.

- Ну? И что же, вы испугались?

- Как же! - с живостью ответил красноармеец, - Мы их из пулеметов, как траву, косим.

- Передайте командиру: вести непрерывный огонь, самураев не подпускать. Если подойдут близко, забросать гранатами. Я сейчас буду у вас. Идите.

Поддерживая правый фланг, открыла огонь центральная группа.

Непрерывно строчили пулеметы. Хлопали ружейные выстрелы. Как скошенная трава, валились японцы. Из тьмы появлялись другие и, не останавливаясь, шли на сопку. Кто-то не выдержал и бросил в них гранату. Это послужило сигналом: с шипением полетели гранаты. Вспыхнули огнем скаты сопки. Пламя металось по хребту высоты. А самураи все шли и шли. Яснее слышались их пьяные крики, визг и вопли раненых. С криками "банзай" они двинулись в атаку.

Ласкин с гранатой в руках выскочил из окопа.

- В контратаку, за мной!. - крикнул он.

Дружное, громовое "ура" заглушило "банзай" самураев.

Атака была отбита.

Но японцы не успокоились. В течение ночи они еще дважды пытались завладеть советскими сопками. И каждый раз отступали с большими потерями.

Тревожная ночь кончилась...

...Днем опять началась артиллерийская дуэль. Снаряды наших гаубиц летели из-за озера и с шумом проносились над головами. Из-за реки: Тумень-Ула неслись снаряды самураев. Иногда японская сторона затихала, потом батареи вновь "разговаривали" одновременно, - все прятались в окопах и с нетерпением ждали окончания этого "разговора".

Ласкин сидел со Столяровым в окопе. На клочке бумаги он писал донесение в штаб соединения. Столяров, устроился против него. Прошедшая ночь давала себя знать. Усталость чувствовалась всеми. Хотелось хоть немного отдохнуть. Но отдыхать не время. Нужно идти к бойцам, подбодрить их, побеседовать - много хороших ребят хочет вступить в комсомол.

Столяров с большим усилием отгоняет от себя сон и смотрит на Ласкина. Командир поражает его своей выдержкой и спокойствием. Вот и сейчас. Столяров чуть-чуть "е заснул, а Ласкин даже и не думает об этом...

"Нет! Нужно больше выдержки", - решает мысленно Столяров и поднимается, чтобы идти в окопы. В это время раздается грохот взрыва. Горячий осколок пролетает около плеча Столярова и вонзается в стену окопа.

- Вы куда? - вскрикивает Ласкин и усаживает отсекра на прежнее место. - Так не годится, дружок, - говорит он спокойно и снова продолжает писать. Столяров улыбается, откапывает осколок и долго его рассматривает. Канонада затихает...

В окопе появляется пулеметчик Черепанов.

- Товарищ командир, мой пулемет неисправен.

- В чем дело?

- Наверно, засорилась трубка регулятора.

- Нагар?

- Возможно.

Ласкин высовывает голову из окопа.

- Товарищ Король, - зовет он оружейного мастера.

Тот сейчас же является.

- По вашему приказанию, товарищ командир.

- Сейчас же пойдите и исправьте пулемет Черепанова. Срок вам. командир посмотрел на часы, - пять минут.

- Есть исправить пулемет Черепанова. Срок пять минут.

- Идите.

Король и Черепанов исчезают. Ласкин продолжает писать.

Ровно через пять минут является Король.

- Товарищ командир, ваше приказание выполнено: пулемет Черепанова исправлен.

- Молодец, - говорит Ласкин. - Проверяли?

- Сейчас идем на огневую позицию. Испытание по живым

целям.

- Хорошо. Я приду к. вам.

- Замечательный мастер! - говорит Ласкин после ухода Короля. Отличный стрелок.

- О-о! Хороший парень, - соглашается Столяров. - Остается пожизненно в армии.

- Как у вас с приемом в комсомол? - спрашивает Ласкин, кончая донесение.

- Уже двадцать три заявления подано. Пишут прямо в окопах. Одиннадцать подают в партию...

Они идут ;к передовым окопам. Пулемет уже стоит на огневом рубеже. Король выбирает себе мишень, Черепанов лежит рядом. Ласкин и Столяров подползают к ним в тот момент, когда Король пустил первую очередь. Пулемет работал безотказно.

- Молодец! - еще раз говорит Ласкин и собирается идти обратно. В это время вражеский пулемет пускает по ним очередь. Мимо Ласкина пролетают пули. Одна звякает в каску и отлетает в сторону.

- Осторожно, - говорит он, пригибаясь.

Король и Черепанов тоже пригибают головы и лежат неподвижно.

Ласкин обходит окопы бойцов. Везде его встречают бодрые взгляды, веселые улыбки, - бойцы начали уже привыкать и к грохоту взрывов и к непрерывному потоку пуль. Лейтенант Стецюк докладывает, что на его участке все спокойно. Убитых и раненых нет. Их окружают бойцы, командиры. Командир части рассказывает им о замечательной работе оружейного мастера Короля. В это время подбегает Столяров.

- В чем дело? - спрашивает командир, видя его возбужденное и строгое лицо.

- Двоих убило!

- Как! Кого?

- Короля и Черепанова.

- Каким образом?

- Пулеметной очередью.

Наступает молчание, все скорбят о павших товарищах.

* * *

Шля дни, приносили с собой напряжение атак, волнение ночных дежурств.

От императорской дивизии уцелели лишь жалкие остатки. Западные скаты высоты Заозерной и долина, примыкающая к ней с японской стороны, были покрыты трупами японцев, которых никто не убирал. Ветер приносил с собой тяжелый запах тления.

Наши люди возмужали, стали выносливее. Некоторые не

спали по трое суток, но бодрости никто не терял. Все знали, что выполняют задание партии и правительства, задание родного Сталина. Все знали, что весь Союз с напряженным вниманием следит за событиями у озера Хасан и приветствует своих героев. И в письмах из окопов бойцы писали на родину:

"За нас не беспокойтесь. Мы никому не отдадим нашей земли. Живите спокойно и трудитесь".

Бойцы привыкли к окопной жизни. Наладилась непрерывная связь с тылом, и повар Боровков под артиллерийским обстрелом доставлял обед из трех блюд.

Настал день 11 августа.

С утра, как обычно, артиллерийская перестрелка, пулеметный огонь. К этому уже привыкли.

После полудня прибыл красноармеец с сообщением:

- Командир соединения приказал: стрельбу прекратить, объявлено перемирие.

В назначенное время Ласкин отдал приказ:

- Не стрелять, но быть готовыми.

И сразу все затихло. Наступила тишина, непривычная и томительная.

Красноармейцы шутили в окопах:

- Струхнули япошки. Досталось им на орехи.

Но и здесь сказалась наглость японского командования. Пользуясь молчанием наших орудий, самураи открыли артиллерийский огонь. Высота Заозерная застонала от взрывов. Но после обстрела все оказались живы и весело перекликались в окопах...

В долине Тумень-Ула, на западных скатах высоты, бродили японские солдаты с носилками, с белым флагом и собирали трупы. Трупов было очень много. Их уносили за сопку к берегу реки, откуда тянулся дымок.

По реке Тумень-Ула плыли лодки. По дороге двигались "обозы, шли люди. Проходил поезд у подножия дальних высот.

Наши части, расположенные на границе, уходили на отдых. Сборы были недолги.

Простились с окопами, спустились вниз и остановились на небольшом холме. На нем возвышался бугорок, заботливо убранный растениями: здесь были погребены павшие товарищи. Окружив плотным кольцом могилу, стояли молча бойцы, командиры, политработники.

Обнажаются головы. Каждый мысленно прощается с дорогими товарищами.

На могиле появляется Ласкин. Он снимает шлем, осматривает бойцов и говорит, возбужденный от гнева и скорби:

- Товарищи! В боях с японскими самураями мы потеряли пламенного большевика, верного патриота, любившего свою родину, как дорогую мать, нашего комиссара товарища Пожарского. Мы потеряли товарища Пономарева, молодого лейтенанта, бесстрашного в бою. Лучшего, талантливого курсанта-отличника Панченко. Прекрасного младшего командира Короля и пулеметчика Черепанова. Они пали смертью храбрых, защищая свою любимую родину от подлых бандитов.

Для нас это тяжелая утрата. Болью горят наши сердца. Эту боль, эту скорбь разделяют все народы великого Советского Союза. Но еще сильнее кипит в нас ненависть к врагам нашей родины. Пусть знает вея эта самурайская свора, все эти презренные лакеи фашизма, что никогда им не смыть крови наших павших героев. Пусть знают бешеные шакалы, что никогда не ходить им по нашей священной земле. И на могиле павших товарищей я клянусь, что всю свою жизнь буду бороться с врагами за счастливую жизнь, за коммунизм...

Ветер шевелил черные волосы командира.

Его горячий призыв нашел отклик во всех сердцах.

Выступавшие бойцы, командиры и политработники, прощаясь с героями, клялись еще горячее любить свою родину и, в случае нового нападения врага, с еще большей отвагой и героизмом защищать ее священные границы.

Митинг окончен.

Колонна двинулась вперед.

Старший политрук И. Гаглов

Комиссар Пожарский

В боях в районе озера Хасан комиссары показали себя бесстрашными борцами за дело партии Ленина - Сталина. В них воплотились лучшие традиции комиссаров времен гражданской войны.

Имена многих большевистских комиссаров, золотыми буквами вписаны в историю героических боев в районе озера Хасан. Среди них особенно выделяется фигура тов. Пожарского.

Биография Ивана Алексеевича Пожарского - это биография многих и многих тысяч наших бойцов и командиров, биография верного сына нашей родины-матери, воспитанника великой партии, Ленина - Сталина.

Родился он в 1905 году, в городе Ардатове, Мордовской АССР. Сын рабочего, двенадцатилетним мальчиком он уже работал с отцом на заготовке леса, затем три года - в сапожной мастерской. Здесь он вступил в ряды РКСМ и сразу же ушел с головой в кипучую работу. Молодая Советская республика, только что разгромившая интервентов и белогвардейцев,

нуждалась в продовольствии. Остатки контрреволюции и кулачества в деревне саботировали снабжение города продуктами питания. Требовалось сломить саботаж, разгромить контрреволюцию. И комсомолец Иван Пожарский, юноша с неиссякаемой энергией, уходит на продовольственный фронт. Он вместе с другими комсомольцами весь 1922 и начало 1923 года разъезжает с рабочим отрядом по селам Ардатовского уезда, реквизируя хлеб у кулачества, пытавшегося голодом задушить Советскую республику.

1924 год Пожарский проводит за партой. По путевке укома партии он учится в Ульяновской совпартшколе, которую оканчивает в 1925 году.

Затем идут годы активной комсомольской и партийной работы в качестве секретаря волкома ВЛКСМ, члена укома, председателя ревкомиссии укома, члена Ардатовского горсовета. На какой бы работе Пожарский ни находился, он всегда отдавал ей все силы, всю свою кипучую энергию. Самым интересным периодом своей жизни Пожарский считал службу в Красной Армии. С ней связал он свою жизнь, доблестным воином ее он оставался до последнего дыхания.

Путь его в Красной Армии - путь многих политических работников. Курсант, помощник командира взвода, секретарь ячейки ВКП(б), секретарь комсомольского бюро, политрук, секретарь партийного бюро, комиссар эскадрона, комиссар батальона.

Последние годы своей жизни Иван Алексеевич посвятил охране цветущего Дальневосточного края. Он был верным и бдительным часовым, зорко следил за происками коварного врага - Японии. Не раз японские самураи провокационно пытались втянуть Советский Союз в войну, создавая для этого пограничные инциденты. Именно так случилось и 25 марта 1936 года. У пограничного знака No 8 отряд японо-маньчжур, вооруженный винтовками и пулеметами, перешел советскую границу. Проучить японских захватчиков, выгнать их с советской земли было поручено эскадрону, комиссаром в котором был Пожарский. В этом бою смертью храбрых погиб герой-пограничник лейтенант Краскин; его именем названо село Краскино, невдалеке от которого происходили) хасанские события, приковавшие к себе внимание всего мира.

Эскадрон встретился с превосходящими силами противника. Но бойцы не отступили. Они знали, что с ними комиссар Пожарский, что советский народ, партия и правительство поручили им дать отпор японским провокаторам. Эскадрон смело ринулся в бой. Комиссар Пожарский был в первых рядах. Он

руководил боем на правом фланге, личным примером воодушевляя бойцов на героические подвиги. В середине боя Пожарский был ранен, однако он не ушел из строя, продолжая руководить боем до тех пор, пока ни одного налетчика не осталось на советской территории. Японские провокаторы испытали на собственной шкуре мощь советского оружия.

2 апреля 1936 года Президиум ЦИК СССР за бдительность и отвагу, проявленную по охране границ СССР на Дальнем Востоке, наградил Ивана Алексеевича Пожарского, военкома эскадрона, орденом Красной Звезды.

Вскоре после боевого крещения тов. Пожарский был послан на учебу в Москву, на курсы усовершенствования политсостава имени Ленина. В августе 1937 года с новой зарядкой сил и новыми знаниями он вернулся в часть.

Тепло встретили бойцы своего комиссара. Они любили и уважали его за простоту, чуткость, большевистскую прямоту. Ни одна жалоба бойцов, командиров, ни один сигнал не оставались без ответа. Пожарский всегда внимательно прислушивался к голосу масс. Он сплотил коммунистов своей части вокруг Центрального Комитета партии, вокруг вождя народов товарища Сталина. Товарищи, знавшие Пожарского по работе, удивлялись его работоспособности. В течение дня его видели и на стрельбище, и в конюшне, и в казарме, и в столовой.

Он был живым воплощением всех качеств воинствующего большевистского комиссара: непримиримый к врагам народа, самозабвенно любивший родину, беспредельно преданный партии Ленина - Сталина, неразрывно связанный с массами, он был большевиком кристальной честности и в, быту, и в работе, и в бою.

Никогда бойцы и командиры не забудут имя комиссара Пожарского. Оно вечно будет жить в их сердцах. Образ этого бесстрашного большевика достоин кисти художника, пера писателя.

Найденный в его полевой сумке блокнот с записями перед боем и во время боя позволяет полнее раскрыть образ этого замечательного большевика-сталинца.

Часть находится в нескольких десятках километров от границы. Идет планомерная учеба: в эскадроне обучаются рубке, коротким, но быстрым броскам; пулеметчики непрерывно совершенствуются в отличной стрельбе; танкисты - в вождении своих грозных машин по пересеченной местности с многочисленными сопками. Комиссар Пожарский, бывая часто в подразделениях, требовал от бойцов и командиров отличного выполнения всех задач.

"Находясь в соседстве с таким коварным врагом, как Япония, нам необходимо держать часть в повышенной боеготовности, всегда быть готовыми к отражению врага", - писал он в своем блокноте.

"Этого же от нас требует и международная обстановка. В самом деле: на Западе идет война в Испании; в центре Европы Германия готовится к нападению на Чехо-Словакию; на Востоке Япония ведет войну против Китая и провоцирует на войну Советский Союз".

Из всего этого Пожарский делает следующий практический вывод:

"Охватить боевой и политической учебой всех бойцов и командиров. Заниматься только в поле, в, условиях, приближающихся к войне. Необходимо подумать вместе с командиром о том, чтобы отвести больше времени для ночных занятий".

Ничто не могло пройти мимо зорких глаз Пожарского. Десятки нитей связывали его с массами. Где бы что ни случилось, он все знал: во всем ему помогали партийные и непартийные большевики. Он быстро реагировал на все сигналы масс, как это подобает комиссару.

В его блокноте мы читаем:

"Саперам не хватает 3 пар белья, портянок, одеял, тюфяков, простынь. Необходимо выслать".

И дальше:

"Медведеву выслать сапоги или ботинки. Пять пар сапог взять у Голотнева и Мелентьева".

* * *

Из штаба соединения связист-мотоциклист привез приказ о немедленном выступлении в полной боевой готовности в район озера Хасан. Командир и комиссар быстро принимают решение - объявить боевую тревогу.

- Тревога!

Это слово с быстротой молнии облетело подразделения части. Все работают четко, без суетни и в то же время без медлительности. Не прошло и часа, как часть, готовая немедленно принять бой, выступила в район, где отважные пограничники уже отражали японцев.

Марш ночью, да в такой местности, как Посьетский район, со множеством озер, рек и сопок, представляет большую трудность. Дороги были размыты дождями. В походе бойцы и командиры вели себя образцово. У всех было прекрасное настроение. Каждый чувствовал приток свежих сил, энергии и бодрости при одной мысли, что скоро придется встретиться с врагом и по-настоящему

рассчитаться с ним за наглость, перешедшую все границы.

Политические работники: политруки, секретари партийного и комсомольского бюро, парторги, заместители и помощники политруков, партийный и комсомольский актив, по заранее разработанному комиссаром Пожарским плану, выполняли свое дело.

Политическая работа не прекращалась во все время марша. Может быть, на первый взгляд ее нельзя было заметить. Здесь не было собраний, митингов, бесед с обязательным присутствием всех бойцов, а была индивидуальная или групповая работа с бойцами и командирами. Если отстает боец, сразу же выясняют: не потерты ли у него ноги, может быть, тяжело нести ранец, винтовку, тело пулемета. Сейчас же находились коммунисты, комсомольцы, которые помогали ему облегчить ношу, давали ему тем самым возможность отдохнуть. Взаимная помощь друг другу - не оставлять товарища в беде - была привита каждому бойцу стараниями комиссара Пожарского. Эти замечательные качества сыграли особую роль в бою, где иногда поддержка товарища огнем решала исход боя.

Движение продолжалось. Образцовый порядок не нарушался ни на минуту. Часть двигалась с многочисленной и грозной техникой, а между тем достаточно было отойти на 100-200 метров - и движения не заметишь: результат осторожности, умелого применения маскировки.

Ни один недостаток, ни одна ошибка, совершенная бойцами и командирами, не могли пройти мимо комиссара Пожарского. Каждый коммунист, комсомолец считал своим долгом информировать комиссара о всех замеченных недостатках, хотя бы они были и незначительны. На одной из страниц его блокнота мы читаем: "Слепов положил седло на песок. Симушкин неосторожно обращается с винтовкой. Макаров недоучел ошибки кавэскадрона, а ведь я предупреждал об этом".

Все выявленные недостатки устранялись, проводилась воспитательная работа, с тем, чтобы другие избежали их.

В подразделении, которым командовал тов. Балеев, комиссар Пожарский заметил ряд недостатков.

"Некоторые бойцы имели неряшливый вид. Были расстегнуты воротнички. Если они на похоже, так думают - им все сойдет. Подкачала рация - были перебои в работе", - читаем мы в блокноте Пожарского.

Этого для комиссара было достаточно, чтобы собрать коммунистов и комсомольцев. На одном из привалов состоялось короткое партийное собрание. Присутствовали коммунисты Зверев, Ласкин, Луночкин, Белов, Иванов и другие - всего 24

человека. Вопрос стоял один: об устранении выявленных недостатков. Говорить много не пришлось. Все прекрасно понимали ту ответственность, которая возложена на каждого коммуниста.

Разойдясь с собрания, коммунисты мобилизовали свои силы, силы комсомольской организации и красноармейской общественности и повели борьбу со всеми недостатками, вплоть до самых мелких.

* * *

Комиссар Пожарский прибыл в часть незадолго до выход в район озера Хасан, Работу в части он начал с очищения ее от врагов народа, продавшихся фашистам.

В части подвизался некто Лейман. Он долгое время искусно прикрывал свою подлую вражескую деятельность, оставаясь неуязвимым. Присматриваясь к его работе, Пожарский разоблачил мерзкое лицемерие этого человека в маске, за которой скрывалась звериная вражеская харя. Пожарский немедленно поставил на заседании партийного бюро вопрос об исключении Леймана из партии. Вскоре после исключения из партии этот заядлый враг, пойманный с поличным, был арестован органами НКВД.

В походе комиссар Пожарский неустанно призывал к повышению бдительности.

"Мы идем на фронт, - записано в его блокноте. - Коварный, враг, Япония, попытается бросить к нам своих шпионов и диверсантов. Бдительность должна быть усилена во сто крат".

"Нужно поближе присмотреться к Вельдермарку".

Этой краткой фразой было объяснено все. Вскоре был разоблачен и этот фашистский выродок.

За все время похода и на фронте комиссар Пожарский редко когда спал, он лично по нескольку раз проверял, все ли сделано для охраны части. "Закрыть вход и выход шпионам и диверсантам", - неоднократно напоминал он командирам и бойцам.

Очищая партию от троцкистско-бухаринских недобитков, он, как садовник, заботливо выращивал новых, талантливых людей., вовлекая в партию преданнейших родине и делу Ленина - Сталина лучших командиров и бойцов. На фронте были приняты в партию товарищи Гопоненко, Вольдин, Четвертных, Сморкни, Жданов, Карпушкин. О них Пожарский пишет в блокноте:

"Какие это замечательные люди! Будут драться, как львы".

И он не ошибся. Все эти товарищи дрались, как подобает большевикам.

* * *

Пушечные выстрелы гремели где-то вдали, за многочисленными сопками, на другом берегу реки Тумень-Ула. Японская артиллерия безуспешно обстреливала наши позиции. Вдруг где-то поблизости наша батарея ответила с такой неожиданностью и силой, что невольно вздрогнули люди, лежавшие невдалеке в окопе. Трех залпов было вполне достаточно, чтобы японская батарея замолчала.

Среди непрекращающейся канонады у самого берега озера Хасан, в каких-нибудь 200 метрах, раздалась пулеметная и винтовочная пальба. Бой разгорался. Часть Пожарского находилась в окопах. Ей была поставлена задача - выбить японцев с левого фланга. Комиссар Пожарский на обратном скате сопки, в густом кустарнике и траве, собрал митинг. Его краткая зажигающая речь, пламенные большевистские слова проникли в сердце каждого бойца и командира, все горели одним желанием - скорее в бой, скорее выполнить поставленную задачу. О митинге в блокноте Пожарского записано немного, но каждое слово выражает волю бойцов, звучит грозным предостережением врагам Советского Союза:

"Выступает тов. Яковлев. Каждое его слово - слово всех бойцов Красной Армии. С какой ненавистью говорит он о японцах! Дальше он вносит предложение - заключить договор на большее уничтожение японцев. Просит меня утвердить этот договор. Что же, придется утвердить. Смирнов заявил: пусть попробуют японцы наших пуль, увидят, как они невкусны. Да, покажем, так покажем силу и мощь Красной Армии, что запомнит враг надолго".

Митинг окончен. Бойцы заняли исходное положение. Не прошло и пяти минут, как был дан сигнал для наступления. Японцы, заметив наступающих, открыли ураганный огонь. Бойцы, искусно маскируясь, подчас даже ползком, уверенно двинулись на врага. Впереди атакующих шел комиссар Пожарский. Рядом с ним - старший лейтенант Попов и заместитель политрука Яковлев.

- Товарищ комиссар, я выполню взятые на себя обязательства, - говорит Яковлев, - буду бить японцев по-настоящему.

- Вы особенно не горячитесь, будьте хладнокровнее, помните, что враг хитрый и с ним нужно драться умеючи. Вот посмотришь, как надо японцев бить, - сказал комиссар.

- Так вы ведь уже били их один раз.

- Бил и впредь буду бить, если они будут лезть на нашу территорию.

В бою никто не отставал от комиссара. Его голос был слышен везде:

- За Сталина! За родину! Вперед!

Этот лозунг, произнесенный Пожарским, повторялся по всей линии фронта.

Добежали до сопки, залегли во рву. Впереди, была сильно укрепленная огневая точка противника. Командир и, комиссар поставили задачу: уничтожить ее и овладеть всеми скатами Заозерной. Японцы, заметив приближающихся бойцов, открыли ураганный огонь. В это время из расположения японских окопов выбежал офицер, направляясь к реке Тумень-Ула. Пожарский выстрелил, и самурай упал, подбитый меткой пулей.

- Вперед! За мной! - скомандовал комиссар.

В ход пошли гранаты. Взрывы гранат заглушались мощным красноармейским "ура". Японцы бежали, оставляя за собой множество трупов. В блокноте комиссара Пожарского о бое написано:

"Подсыпали перцу японцам, удирают восвояси".

В бою героизм! проявлялся на каждом шагу - в каждом отделении, взводе, роте, эскадроне. Взвод под командованием кандидата партии тов. Неуймина находился на правом фланге части. Японцы сосредоточили на нем свой огонь. Меткой стрельбой пулеметчики взвода Неуймина уничтожили японские огневые точки. Сам комиссар Пожарский в этом бою был ранен. Перевязав рану, Пожарский снова пошел в атаку и не уходил до конца боя.

Наши артиллеристы били без промаха. Об этом говорит тот факт, что японские орудия одно за другим прекращали огонь. Среди грохота непрекращающейся канонады раздавался призывный голос комиссара Пожарского:

- За Сталинскую Конституцию! Вперед, дорогие товарищи!

Надо было видеть, с каким порывом все бойцы и командиры двигались на вражеские окопы! Забрасывая японцев гранатами, кося убегающих пулеметным огнем, бойцы занимали окоп за окопом.

Каждый метр и сантиметр советской земли был залит самурайской кровью. И как японцы ни пытались сопротивляться, ничто не могло остановить победоносное движение красных воинов, во главе с большевистским комиссаром.

Трескотня пулеметов усилилась, не прекращался свист снарядов. Два из них упали невдалеке от комиссара, приблизительно в 100 метрах. Пожарский со словами: "За родину!", "За великого Сталина!", вместе с бойцами бежал с гранатой в руке на врага. Вдруг он упал, сраженный вражеской пулей. К нему подбежали заместитель политрука Яковлев и красноармейцы. С минуту он продолжал командовать людьми,

держа голову прямо, указывая одной рукой в сторону неприятеля.

- Прощайте, товарищи. С честью постойте за родину. За родину, за Сталина я с честью отдаю жизнь. - едва слышно произнес он. Его голова упала на руки товарищей. На секунду установилась тишина. Ее нарушил звонкий взволнованный голос:

- Комиссар убит. Отомстим за него! Вперед, товарищи!

Этот призыв был подхвачен мощным "ура" красноармейской лавины, неудержимо ринувшейся на врага.

Жестокий урок получила японская военщина в боях у озера Хасан.

Советский народ будет слагать и петь песни о героях Хасана, советский народ будет вечно чтить память погибших товарищей. Советский народ никогда не забудет имени большевистского комиссара Пожарского.

Бригадный комиссар З. Иванченко

Место и работа комиссара в бою

Хасанская операция является ярким прообразом предстоящих боев с фашизмом. Бои у Хасана еще раз подтвердили всему миру непоколебимую волю нашей партии, правительства и всего советского народа защищать каждую пядь нашей священной земли. Они подтвердили преданность всех бойцов, командиров и политработников делу партии, делу народа, преданность вождю народов товарищу Сталину.

По количеству техники, по насыщенности огня бои у озера Хасан превосходят самые сильные бои времен империалистической войны. Бои происходили на небольшом участке нашей границы, всего в 10-12 километров. В боях участвовала Небольшая частица нашей 1-й Отдельной Краснознаменной армии, но вместе с тем они явились грозным предостережением всем тем, кто вынашивает подлые планы нападения на нашу счастливую родину, на наш свободный народ. Бои начались на поросших высокой травой сопках.

Трава здесь в рост человека. В ней легко было скрываться подкравшимся японцам. Их преимущество заключалось еще в том, что граница здесь проходит дугой, врезываясь в Корею, - японцы наблюдали нашу территорию со всех сторон. Железная дорога подходит у японцев почти к самой границе, и это позволяло им быстро подбрасывать резервы, боеприпасы, продовольствие. Нам же приходилось доставлять боеприпасы и продовольствие по бездорожью, по совершенно открытой болотистой местности, пересеченной рядом озер, топей. Хуже всего, что весь наш район просматривался и простреливался японцами с господствующих высот.

Нашу дорогую, необходимую нам технику приходилось

вытаскивать на руках под обстрелом артиллерии противника. Про довольствие, боеприпасы, снаряды все это тоже приходилось тащить по грудь в воде, в грязи, и все руками бойцов, командиров и политработников.

Несмотря на все эти преимущества, японцы получили жестокий отпор. Императорские части были разбиты наголову. Свыше двух тысяч убитых, свыше шести тысяч раненых, разгромленные тылы, разбитая артиллерия - вот итог авантюры японской военщины. Нашей славной артиллерией и авиацией полностью деморализованы войска императорской 19-й дивизии, изрыты до неузнаваемости сопки. Уничтожены высокая трава и кустарник, служившие врагу хорошей маскировкой.

Невозможно выразить те чувства, которые охватывали каждого из нас во время боевой работы нашей авиации. Всякое сопротивление японцев прекращалось, и мы свободно, без какого бы то ни было риска, наблюдали, как в дыму и пламени вздымалась вверх сплошной массой земля, в которой укрывались японские налетчики.

Налеты и бомбежка авиации сопровождались артиллерийским шквальным огнем. Наши пехотинцы получали в такие моменты отдых и с воодушевлением готовились к очередному броску в атаку.

Иногда такой "отдых" длился часами. И странно, - когда рассеивался дым, когда умолкал на минуту гул взрывов бомб и снарядов, трудно было узнать местность.

Безымянные сопки севернее Заозерной до бомбежки представляли собой круглые, покрытые зеленью, укрепленные, неприступные для пехоты высоты, с которых японцы обстреливали наши части, сами оставаясь укрытыми. Японцы держали все подступы под убийственным пулеметным, гранатометным и минометным огнем. Просим помощи авиации. Спустя час-полтора эти сопки превращаются в море воронок; трава и кустарник смешиваются с землей. Там, откуда час назад велся бешеный огонь, валяются разбитые остатки пулеметов, противотанковых пушек, минометов, слышатся пискливые стоны раненых японцев, валяются трупы, исковерканные каски, разорванные брюки, гимнастерки, шинели, противогазы, котелки.

Как нарастали события?

Японцы долго и скрытно готовились к захвату сопки Заозерной. Они подтягивали силы, пользуясь наличием подъездных путей, железнодорожной ветки и скрытых подходов.

Зная, что на границе у нас находятся только пограничники, японцы изо дня в день провоцировали столкновения и становились все более наглыми. Они начали открыто нарушать

границу.

Особенно быстро начала нарастать угроза нападения после того, как наши славные пограничники убили японского наглеца-жандарма, забравшегося на нашу священную землю.

По всему участку границы японцы стали строить укрепления, подвозить войска, убирать местных жителей. Движение по железной дороге увеличилось в два-три раза против обычного.

На границе стали появляться: группы, офицеров, изучающих нашу местность. Нашим пограничникам японская военщина без всяких на то прав и оснований посылает "ультиматумы". В Японии вся печать трубит на все лады о мнимых нарушениях границы советскими пограничниками и полевыми войсками. Японские фашисты готовят "общественное" мнение к войне с Советским Союзом. А в это время в Москве посол Сигемицу предъявляет "претензии" советскому правительству, требуя удовлетворения, угрожая возможностью столкновения, осложнениями и прочее, т. е. готовится мировое "общественное" мнение.

Нарастающая угроза нападения заставила нас подтянуть войска ближе к границе.

В ночь с 28 на 29 июля японцы силой свыше ста человек напали на наш пограничный наряд в одиннадцать человек. Японцы, пьяные, полезли на Заозерную. Завязался жаркий неравный бой.

Наши пограничники - одиннадцать героев, - несмотря на десятикратное превосходство японцев, ни на шаг не отступая, били и поражали налетчиков. До последней возможности каждый из них своим метким огнем разил противника.

Японцам не удалось захватить сопку. Они вывели из строя всех одиннадцать героев, но сами потеряли почти всю нападавшую роту и отступили. Наши части, и среди них рота тов. Левченко, шли на помощь пограничникам. 29-30 июля рота Левченко занимает склоны Заозерной, а части усиления подтягиваются к Ханой, Мраморный мыс, Заречье.

В ночь с 30 на 31 июля японцы силой до девятисот - тысячи человек, прикрываясь сильным туманом и мелким дождиком, опять нападают на Заозерную.

Тысяча против ста! Силы неравные. Местность для нас невыгодная. Впереди высокая сопка, сзади озеро Хасан.

С целью окружения наших бойцов японцы нападают с двух сторон. Опять неравный бой. Натиск японцев с честью выдержан, полностью уничтожен японский батальон.

После, окруженные с трех сторон свежими японскими подкреплениями, наши бойцы выходят из окружения, но оставляют сопку Заозерную в руках врага. Этим заканчивается

первый этап борьбы. Дорогой ценой, потерей свыше тысячи человек достается японцам сопка Заозерная.

Рота Левченко вместе с группой пограничников выходит в район высоты 68,8 и присоединяется к подошедшим на поддержку нашим пастям.

Это было только начало боев в своеобразных условиях: ночью, в горах, в окружении, при отсутствии естественных рубежей укрытия для нашей горстки бойцов, в крайне тяжелых условиях для маневрирования, при отсутствии связи со своими частями.

Бои 2-3 августа проходили в таких же тяжелых условиях. Части вступали в бой с марша, без необходимого времени для разведки местности, для подготовки к бою.

В периоды наступлений и боев штабы не всегда успевали за своими частями. Иногда от взрывов снарядов рвалась связь. Это затрудняло управление боем, своевременное ознакомление с обстановкой на передовых линиях, с положением наших войск и войск противника.

В этих условиях роль комиссара, роль политработника крайне велика и ответственна. Комиссар должен быть каждую минуту осведомлен об обстановке. Он должен направлять умы и настроения бойцов. Он обязан везде быть, все знать и всегда быть на наиболее ответственном участке боя, чтобы своим примером воодушевлять бойцов и командиров на героические подвиги, пресекать всякие попытки внести замешательство и панику.

На маневрах и учениях мы не всегда представляем себе реальную обстановку боя. Над нами там не рвутся снаряды, не свистят пули. Мы не видим там раненых и убитых бойцов. Перед политработником не встает вопрос, как вынести раненого товарища из боя, когда каждую секунду грозит опасность самому быть убитым или раненым. Перед ним не встает также вопрос: где хоронить убитых и кто должен заниматься этим в данную минуту, когда каждый боец занят своим делом? На маневрах обычно комиссар части или соединения не думает: где сейчас двуколка с патронами, есть ли снаряды для такой-то роты или батальона, достаточно ли гранат в таком-то пункте?

На маневрах или учениях комиссар задумывается над тем: вовремя ли будут накормлены бойцы, будут ли обеспечены водой, как будет организован ночлег, каково настроение бойцов, как доставить им почту и корреспонденцию. На учениях заранее известно, что впереди никакого противника нет, что кухни придут в условленное место, снарядов подвозить не нужно. Медицинские пункты, дивизионные обменные пункты в лучшем случае проводят свою будничную работу, а то и просто создаются

условно.

В боевой обстановке все эти вопросы реально и во всей остроте встают перед комиссаром. Бои заставляют до пределов напрягать нервы и командира и бойца; в то же время требуется максимум хладнокровия к спокойствия в принятии решений. Иногда минуты могут решить исход боя в том или ином пункте или участке боя. Стоны своевременно не убранных с поля боя раненых или трупы убитых товарищей влияют на психику бойца. Нехватка патронов у бойца или пулеметчика также остро влияет на настроение. Правда, боец не беспокоится об обеде или газете во время огневых схваток и забывает о сне и еде во время атак, но каждый комиссар об этом должен помнить всегда и беспокоиться о своевременном предоставлении бойцу и того, и другого, и третьего.

Как мы, комиссары, были ориентированы в конкретной обстановке, как мы доводили обстановку до красноармейцев?

С самого начала событий комиссары частей регулярно знакомились с обстановкой путем личного общения; с комиссаром соединения, от которого получали задания, знакомились с оперативными сводками. Использовали личное общение с командирами своих подразделений, с политическим аппаратом частей и соединения.

Правда, каждый час, каждые 10-15 минут поступали все новые и новые сведения, часть которых нуждалась в серьезной проверке.

Поэтому знакомство с обстановкой, ориентировка политсостава у нас проводились по основным, уже проверенным данным. Комиссар части, получив эти данные, знакомил с ними своих политработников, секретарей партийных и комсомольских организаций и давал соответствующие указания.

Во время боя комиссару стрелковой части работать труднее, чем комиссару-артиллеристу.

Пехота находится все время под непосредственным огнем противника, стрелки! очень часто меняют свое местоположение, применяются к местности. Пехота в бою подвижнее любого рода войск, и руководить ею во время боя чрезвычайно трудно.

Артиллерия более привязана к своим пунктам, она располагается дальше от передовых линий, меньше подвергается огню противника.

Совершенно отличны условия работы в бою частей связи, танковых и саперных войск.

Поэтому мы в своем руководстве требовали от комиссаров учитывать особенности своих частей.

Комиссары стрелковых частей всегда находились на наиболее

ответственных участках, на второстепенные посылали инструкторов пропаганды, секретарей партбюро и других политработников. Комиссары артиллерийских частей имели возможность бывать во всех подразделениях.

Не все товарищи ясно представляют себе место комиссара во время боя. Одни говорят, что комиссар должен быть непрерывно на командном или на наблюдательном пункте и вместе с командиром управлять боем. Другие говорят, что эмиссар должен быть только на передовых линиях и оттуда управлять боем, показывая личный пример.

Такие товарищи не понимают, что боевая обстановка богаче всяких безжизненных схем: и; она всегда отвечает на вопрос, где должен быть комиссар - глаза и уши партии, душа части.

Хочется в этой связи показать работу отдельных комиссаров, которые не придерживались ни одного из этих неверных взглядов, а были там, где должен быть комиссар, и руководили частью в бою так, как этого требует Центральный Комитет нашей партии, как требует товарищ Сталин.

Весь наш народ знает славное имя комиссара Пожарского, погибшего смертью героя в одной из схваток. До вступления его части в бой он систематически поддерживал, связь с политсоставом, с комиссаром соединения, знакомился с обстановкой и держал в курсе событий весь личный состав своей части.

Когда часть пошла в бой, он находился в центре ее. В наиболее тяжелые часы и минуты боя он был впереди части, увлекая на подвиги своих бойцов и командиров. Он умело бросал боевые призывные лозунги бойцам. Он был грозен в бою и ласков к бойцам и командирам в промежутки между схватками.

Пожарский непрерывно держал связь с комиссаром соединения и политотделом. Он умело руководил партийной и комсомольской организациями. Силы и актив у него были расставлены хорошо. Он знал людей своей части, каждого командира в отдельности, он знал очень многих бойцов. Он знал всех, и его знали и любили все бойцы и командиры.

Недаром многие из бойцов и командиров заплакали, увидя своего комиссара убитым. Недаром поэтому после смерти тов. Пожарского они призывали: "Отомстить за смерть комиссара! Вперед за родину! Вперед за Сталина! Смерть проклятым гадам - самураям!" С этими лозунгами часть бросилась в атаку и выбила японцев из окопов, не зная пощады к врагам.

Каждая схватка еще больше возбуждала ненависть к врагам, смелость и решительность в атаках, в которых бойцы ломали все преграды.

Преемником Пожарского оказался тов. Саморуков. Раньше о нем распускали всякие слухи, оклеветали его, стремились исключить из партии и уволить из армии. Правда, накануне боя эти клеветники и враги были разоблачены.

Саморуков 29 июля явился в. штаб к комиссару соединения из отпуска. Он был за штатом. Политотдел послал Саморукова представителем в часть на передовую линию с определенным заданием, и он выполнил его. После смерти тов. Пожарского он был назначен комиссаром. Работал отлично, очень быстро освоился с ролью комиссара, правильно понял свои задачи, по-большевистски их выполнил и сейчас работает комиссаром, показывая образцы большевистского руководства.

Комиссар части тов. Дмитриев - участник гражданской войны, преданный сын нашей партии. Он был занижен в звании. Над ним издевалась вражеская сволочь. Его наметили к увольнению.

Но и здесь врагам и их покровителям не удалось довести до конца свою гнусную линию. Они были пойманы с поличным. А тов. Дмитриев так же, как и Пожарский, руководил своими бойцами и командирами, воодушевляя их на выполнение боевой задачи.

Его часть, как специальная, имела задачей укрепление границы. Дмитриев вместе со своими бойцами неоднократно менял лопату на винтовку. Бойцы его части наиболее дружно отражали контратаки японцев на Заозерной и на Пулеметной. Раненый в одной из таких контратак, он до последней возможности не покидал поля боя.

Или вот другой пример, которому не следует подражать, пример комиссара Бондаренко. 31 июля он весь день пробыл на командном пункте в качестве наблюдающего. 6 августа он впал в другую крайность - с одним батальоном ушел вперед и пробыл с ним на сопке Заозерной четверо суток, совершенно не зная, что у него делается в тылах. Вывод нужно сделать такой.

Комиссар во время боя должен обозревать весь участок и быть там, где наиболее опасно, где требуется быстрое, решительное действие. В решительную минуту он должен быть в решающем пункте, там, где требуются вовремя большевистский призыв-, большевистский пример.

Он смело, не боясь ответственности, должен брать на себя инициативу в руководстве боем, если вышел из строя командир или потеряна связь с командным пунктом, а обстановка боя требует решительности в действиях. Он обязан быть и на передовых линиях и в штабе, везде успевать, руководить подчиненными ему людьми, ни на минуту не терять связи с

массами, постоянно быть в курсе обстановки и осведомлять подчиненные ему войска. Он обязан следить за работой тыла, за своевременной доставкой боеприпасов, организовать своевременную эвакуацию раненых с поля боя, улавливать, направлять настроения бойцов. Он постоянно должен держать связь с вышестоящим политорганом и с комиссаром соединения. Он должен знать, кто, когда, в каком месте и при каких обстоятельствах убит или ранен, чтобы своевременно заменить выбывшего из строя товарища и не оставить ни одного участка без большевистского влияния.

Таким комиссаром был тов. Пожарский, такими комиссарами являются товарищи Саморуков, Дмитриев и другие, о которых можно было бы сказать не меньше.

Есть и другая сторона деятельности комиссара в бою. Нигде не проявляется так политическая активность масс и преданность их делу народа, как в бою. Никогда не было такого притока заявлений о приеме в партию и комсомол, как во время боя. Не единичным, а массовым явлением были заявления бойцов и командиров перед атаками, перед решающими схватками и во время самих схваток о том, чтобы их считали комсомольцами: или кандидатами партии.

Такие заявления были короткими, но выразительно ясными:

"Идя в атаку, прошу считать меня коммунистом; не хочу в бой идти беспартийным, прошу принять в кандидаты нашей партии",

или:

"Если меня убьют, прошу считать меня комсомольцем".

Таких заявлений были сотни.

Задача комиссара - организационно охватить этот политический подъем, суметь наладить оформление и прием в партию и комсомол этих товарищей. А это значительно труднее, чем в мирной обстановке. Собрания тут не устроишь. Нужно использовать моменты перерывов во время боя для оформления приема путем опроса по цепи; в отдельных случаях созывать делегатские собрания. Но принимать в комсомол и партию обязательно нужно.

Социалистическое соревнование, печать боевые листки имеют громадное значение в руководстве массами во время боя. Этих рычагов воздействия на умы никогда не следует забывать.

Борьба за первенство в занятии сопки Заозерной, за то, чтобы первыми поставить красный флаг, сыграла огромную роль в наступлении 6 августа.

"Драться за то, чтобы первыми поставить красный флаг на сопке Заозерной" - этот лозунг дали товарищи Штерн и Семеновский. Он был подхвачен всеми войсками, принимавшими

участие в борьбе за сопку Заозерную, т. е. соединениями, во главе которых стояли товарищи Берзарин и Дубровский, Базаров и Иванченко. Эти соединения наступали с севера и юга.

Лозунг был вовремя доведен до масс, и поэтому не только каждая часть, а каждое подразделение имело свой красный флаг к началу наступления, и каждое подразделение (рота) наступало со своим флагом. Бойцы охраняли свои флаги, они шли за ними, как за знаменами. Бойцов воодушевлял личный пример комиссаров Белорусского, Бондаренко и Кравченко.

Сейчас на сопке Заозерной развевается ярко-красный шелковый флаг подарок трудящихся города Ворошилова. Он гордо реет над сопкой и убедительно свидетельствует всему миру непоколебимую мощь Страны Советов. Флаг, с которым; шли на Заозерную и который первым водружен на ней, простреленный десятками пуль и осколков снарядов, хранится наряду с боевыми знаменами нашего соединения как историческая память отпорных боев у озера Хасан.

Бой кончился, и перед нами встали дополнительные, новые задачи.

Нужно было подвести итоги боя, итоги партийно-политической работы, итоги работы всего аппарата. Перед нами встала новая задача - закрепить организационно тот подъем политической активности масс, которого мы достигли в бою.

Как мы сделали?

В процессе боя нам пришлось кооптировать почти весь состав секретарей партийных организаций. Теперь перед нами встала задача провести выборы партийных и. комсомольских органов, нужно было развернуть организационную работу по оформлению приема в партию и комсомол.

Нужно было дать бойцам и командирам культурный отдых, помыть, переодеть их, улучшить питание, выяснить местонахождение раненых, связаться, с ними. Нужно было ободрить семьи убитых. В то же время приходилось держать границу на замке, укрепляя ее, охраняя еще зорче.

Во время этой работы место комиссара - в штабе части. Отсюда он должен руководить всем аппаратом части, периодически посещая отдельные участки или пункты работы, где требуется немедленное вмешательство комиссара. Все его внимание должно быть сосредоточено на организационной работе без ослабления агитационно-пропагандистской.

После боя задача комиссара заключается также в организации политзанятий и марксистско-ленинской учебы начсостава. Выявленные во время боев новые агитаторы должны быть объединены в коллектив.

Задача комиссара - вместе с командиром на опыте достижений и ошибок частей и подразделений в бою организовать учебу командного состава.

С разрешения этих задач мы и начали. Лучше всех поняли это комиссары товарищи Беликов и Русинов, и справились они с этой работой неплохо.

Отрадным является участие в отпорных боях семей начсостава - боевых подруг командиров. Если нам приходилось драться оружием, то они дни и ночи работали в тылу. Стирали белье бойцам, чинили его, шили госпитальные туфли, халаты, ухаживали за ранеными, в отдельных случаях разгружали баржи и пароходы. Какой только работы ни выполняли жены начсостава! Они первыми собрали, подготовили и доставили нам подарки, они присылали горячие патриотические письма, ободряющие бойцов и командный состав. Они рвались на фронт, требуя пустить их в бой.

Десятки тысяч подарков и писем от трудящихся, приезд делегаций, приезд из разных мест всевозможных ансамблей, трупп, художественных коллективов, все ото подтверждает волю всего советского народа всячески помочь своей армии.

Коротко необходимо остановиться на работе клубов и домов Красной Армии.

Массовых собраний, выступлений самодеятельных кружков, кино, радио применять в бою невозможно; 1все эти средства можно использовать лишь в дивизионных или корпусных тылах. Зато с книгой и газетой работать можно и нужно. Низовые агитаторы, беседчики, чтецы - это большая сила в бою. Здесь проводится главным образом индивидуальная работа. Зачастую работники политотдела превращаются в агитаторов с одним-двумя бойцами.

Поэтому работников дома Красной Армии и клубов во время боя приходилось использовать на различных работах - от низового агитатора до комиссара по эвакуации раненых и организатора похорон погибших в бою товарищей.

После боев клуб получает широкий размах для своей деятельности. В первую очередь он организует красноармейскую самодеятельность, вечера встреч, воспоминаний, популяризацию героев и т. д. Нужно прямо сказать, что дом Красной Армии и клубы с этой задачей у нас не справляются как следует.

Комиссары в этом отношений еще Многого не сделали, а улучшить работу дома Красной Армии и клубов нужно, и чем быстрее, тем лучше.

Вывод из этого может быть следующий: в мирной обстановке нужно много работать над подготовкой низовых агитаторов,

чтецов, книгонош, рассказчиков. Примеры из книг "Как закалялась сталь", "Чапаев", "Щорс", "Котовский", "Спартак" и др. широко использовались индивидуальными беседчиками, агитаторами, чтецами в минуты перерывов между схватками. Мало ли у нас книг, на страницах которых мы сможем найти нужное для наших бойцов и командиров! Книги эти надо подбирать в батальонах еще в мирной обстановке. Надо обязательно следить за тем, чтобы наш политический состав изучал художественную литературу, мог пользоваться ее богатейшим арсеналом.

За время боевых действий от начала до конца мы ощущали каждый час конкретное большевистское руководство товарищей Сталина и Ворошилова.

У них нам нужно учиться искусству побеждать.

Полковой комиссар Г. Клинов

Политотдел в боевой обстановке

Двенадцатый день моего пребывания в дивизии я решил посвятить смотру выходного дня бойца и командира.

Партийная организация штаба под руководством товарищей Куракина и Бакштаева решила устроить вылазку на берег реки в местечко Подкова вместе с семьями начсостава. Накануне туда были заброшены сети и другие рыболовные принадлежности. Вечером мне сообщили: что собралось много командиров с семьями, произведен первый улов рыбы (до 20 килограммов) и идут приготовления к ужину. Настроение участников прекрасное.

Сообщение волновало сердце любителя-рыболова и манило туда, к берегам небольшой, но бурной реки, В голове созрел план: 6 августа, в день празднования годовщины ОКДВА, вывести весь гарнизон с семьями на берег реки, с духовым оркестром и гармошками, подготовить эстраду для выступлений, мобилизовать все рыболовные принадлежности, организовать сеть ларьков и весело провести праздник.

Однако в дипломатической сфере настроения в эти дни были несколько иного характера. Японская военщина, ущемив свой хвост в Китае, решила, как вообще полагается сумасшедшим, ущемить и голову. 6 августа был действительно грандиозный праздник, но только в несколько измененном виде, с другими инструментами и не на берегу реки, а на берегах озера Хасан.

Когда на границе атмосфера начала сгущаться, наше соединение получило приказ о выступлении по боевой тревоге.

Передо мной лежат записи, сохранившиеся в блокноте: короткий набросок плана расстановки и использования сил политотдела.

В этом плане я поставил задачу помочь частям организованно

провести выступление по тревоге. Выступление ночью значительно отличается от дневного. Надо обратить внимание на учет людей и оружия: огромное скопление людей, повозок и машин в условиях ночи создает трудности управления. Необходимо помочь в организации марша, не допустить чрезвычайных происшествий, добиться того, чтобы все положенное по тревоге было взято с собою.

Направление движения указывалось частям в приказе. Там же было указано место сосредоточения и привала на завтрак, где комиссары должны были представить мне донесения о проведенной работе и о настроениях в частях.

Дано было указание о выступлении походной редакции. Со мною в политотделе оставались инструктор по информации и секретарь политотдела, а остальные работники разошлись по частям. Один инструктор был оставлен в гарнизоне для работы с семьями начсостава и организации пересылки газет и разной корреспонденции, а также для информации о состоянии гарнизона.

Такая расстановка сил обеспечивала влияние и помощь большинству частей и давала мне возможность быть постоянно в курсе работы. Оставление инструктора в гарнизоне при отсутствии гражданских партийных и советских организаций дало свои положительные результаты. При других условиях вряд ли это нужно делать, так как, оставив инструктора, политотдел лишился работника, который был остро необходим в условиях боя.

На утреннем привале, во время завтрака, я посетил три части и встретил нескольких инструкторов, которые вместе с комиссарами частей доложили мне о выступлении и марше. Прибыл мой заместитель, который помогал комиссарам смежного гарнизона в работе по обеспечению марша.

Таким образом, я был информирован о положении почти во всех частях. Выступление частей прошло организованно. Предстоял пятидневный марш на Краскино.

Объезжая на машине части по пути следования, я беседовал с комиссарами, политработниками, намечал задачи политработы на марше.

Через групповые беседы на привалах и путем индивидуальных бесед во время движения политработники разъясняли международную и внутреннюю обстановку, говорили с бойцами о важности сбережения техники, лошадей, о мерах предупреждения несчастных случаев при огромном скоплении машин и боевой техники. В пути проверяли также материальную часть вооружения, ее готовность к ведению огня. Проверили, в

частности, качество набивки пулеметных лент.

Политруков в частях было явно недостаточно. Поэтому решили при проведении политической работы в роте ориентироваться на заместителей политруков.

За первые три дня политотдел проверил планы политработы всех замполитруков, дал им указания, что надо изменить в планах, как их провести в жизнь. У некоторых замполитруков вообще не оказалось планов. Работники политотдела тут же вместе с ними составляли план и помогали им в организации работы.

Когда я проверял работу, заместитель политрука тов. Форвазов заявил, что командир батареи и вообще средний начсостав не оказывают ему никакой помощи и игнорируют его. На просьбу о помощи грубо отвечают:

- Не умеешь работать, так уступи место другому...

Во время отдыха после ночного марша я собрал командиров этого дивизиона и разъяснил, им решение Центрального Комитета ВКП(б) о замполитруках.

По донесениям, полученным от комиссаров, после первого дня марша стало известно, что и в других частях были случаи ненормального отношения к замполитрукам. На основании этого был составлен обзор, в котором подводились итоги первого дня марша и были указаны основные недочеты в работе. Особое внимание комиссаров было обращено на безобразные случаи игнорирования замполитруков как основных политических руководителей бойцов. Такие явления в подразделениях больше не повторялись. Замполитрукам начали оказывать серьезную помощь, и очень многие из них в период боев стали замечательными политработниками. О тов. Форвазове комиссар полка отзывался после боевых операций как о лучшем заместителе политрука.

Недостаток политруков мы остро почувствовали, когда пришлось выделить батальон для выполнения самостоятельной задачи отдельно от всего полка. Это было на второй день марша. Батальон был выслан вперед на машинах. Необходимо было иметь в нем крепких политработников, которые могли бы самостоятельно решать задачи партийно-политического руководства. Во главе отдельно действующего батальона мы поставили отсекра партбюро.

Во время боев и после них комиссары всех полков осуществляли свое руководство через комиссаров батальонов. Такая система руководства обеспечивала полный охват частей политическим влиянием. Теневой стороной этого было то, что поставленные комиссарами батальонов отсекры партбюро или

бюро ВЛКСМ не имели возможности обеспечить руководством всю организацию полка. При достаточном количестве политруков это мероприятие в боевой обстановке себя оправдывает: функции комиссара батальона или дивизиона может выполнять наиболее подготовленный политрук роты или батареи.

На третий день марша я собрал инструкторов политотдела. Были подведены итоги работы и дана установка на следующие дни.

Движение дальше происходило ночью. По той же дороге двигалась колонна механизированных частей. Все это усложняло марш. Возникла задача - не растерять людей и сохранить их боеспособность. После каждого привала ночью в роте и в батарее производились поверки людей. Иногда в пути следования поверяли через каждый час-два.

На борьбу за образцовое проведение марша были брошены все силы. Обстановка требовала быстрейшего сосредоточения к границе. В этих условиях основное внимание мы обратили на повышение авторитета младшего командира. Между отделениями широко развернулось соревнование на лучшее проведение марша.

Во время марша ежедневно выпускались боевые листки. Дивизионная газета не выходила. Полагая, что нам не разрешат выпускать ее, мы возвратили машины с редакцией и типографией к месту расквартирования. Это было большой ошибкой. В первые дни боев мы лишились мощного оружия большевистской пропаганды и агитации.

Только первые три-четыре дня нас обслуживала прекрасно оборудованная кинопередвижка. В дальнейшем, на всем протяжении боев, ей работать не пришлось, так как она могла бы демаскировать части.

Первые три дня дивизия совершала марш, "близкий к боевой обстановке", - так официально ставилась нами задача для частей. Все эти дни мы посылали донесения в корпус, в 1-ю армию и в политуправление фронта, но не дождались не только каких-либо установок для работы, но и простого ответа.

За все время боев мы получали руководящие указания от начальника Политуправления РККА тов. Мехлиса и от командования корпуса. Политуправления фронта и 1-й армии были настроены самым мирным образом. Перед вступлением в бой и в период боевых операций мы получали директивы о высылке статистических данных по выборам в Верховный Совет, о командировании людей на курсы редакторов и целый ряд других весьма мирных директив и требований.

Присланные из политуправления 1-й армии инструктора превратились в инструкторов политотдела дивизии. Правда, эту

роль они выполняли очень честно.

На марше мы получили сведения о том, что части Красной Армии вступили в бой с японцами. Говорилось об этом по секрету. Мне было непонятно: почему надо держать это в секрете?

О положении на границе было сообщено командирам и комиссарам полков и командиру батальона, который отправлялся в район действий на машинах.

В частях и подразделениях проводились беседы о международном положении, об опасности новой войны, об агрессивности японского империализма. Связи с конкретной обстановкой чувствовалось мало. Правда, бойцы, и командиры, ознакомившись с сообщениями ТАСС о беседах японского посла Сигемицу с товарищем Литвиновым, выносили резолюции, в которых выражалось возмущение наглостью японских провокаторов.

В последующие дни слухи о событиях на границе стали доходить до командиров и бойцов. Ночью, во время марша, на каждом привале можно было видеть группы бойцов в 4-5 человек, ведущих вполголоса оживленную беседу. Во время вынужденной остановки из-за образовавшейся пробки на дороге я проходил мимо бойцов. До меня донесся отрывок разговора. Чей-то голос воскликнул:

- Да ведь это авантюристы!

Я пошел туда, откуда донеслось в ночной тьме это восклицание. С появлением нового человека разговор временно прекратился. Я спросил: о ком идет речь, кто авантюристы? Один из бойцов ответил, указывая на соседа:

- Да вот он говорит: куда японцы лезут, ведь сами уже завязли в Китае? А я ему отвечаю: да ведь это авантюристы

Я побеседовал с бойцами на затронутую ими тему.

- К самураю, - сказал я, - вполне применима наша поговорка: "молодец на овец, а на молодца сам овца".

Бойцы засмеялись.

...2 августа мы получили приказ о положении на границе. В приказе ставилась задача ускорить марш. Это было в 10.00. Немедленно были собраны комиссары и командиры частей и инструктора политотдела. Им была объяснена обстановка и поставлена задача - довести до сведения каждого командира и бойца обстановку на границе, разъяснить, что нам выпала величайшая честь показать силу и мощь Рабоче-Крестьянской Красной Армии и проучить наглых самураев, чтобы им впредь неповадно было топтать священную советскую землю.

Необходимо было развернуть соревнование, добиться скорейшего завершения марша, сохранения боеспособности

бойцов и командиров. Нужна была усиленная маскировка расположения и движения частей.

После совещания командиры, комиссары и инструктора политотдела разошлись по частям. Я выехал с инструктором политуправления тов. Борисенко проверить, как отнесутся бойцы и командиры к сообщению о положении на фронте.

В части, где комиссаром тов. Чеканов, командиры и бойцы об обстановке еще ничего не знали, хотя прошло примерно около трех часов после сбора командиров и комиссаров. Оказалось, что начштаба, вернувшись с совещания, пожалел разбудить командира и комиссара, и обстановка и задача не были доведены до бойцов. Мы приняли решение о немедленном сборе средних и старших командиров, младших командиров и комсомольцев, а также отдельно бойцов. Мне предстояло выступить среди комсомольцев-активистов и среди бойцов.

Я сильно волновался: ведь мне, так же как и всем, посчастливилось быть в боевой обстановке и впервые приходилось выступать перед бойцами и командирами с речью о защите родины с оружием в руках.

Окончив небольшую, но горячую речь, я спросил:

- Какие будут вопросы?

После короткой паузы кто-то задал вопрос:

- А винтовки всем дадут?

Это была артиллерийская часть. И некоторые бойцы, недавно прибывшие в часть, еще не имели винтовок.

- Когда выдадут патроны?

Все вопросы касались боевой готовности, и не было ни одного заявления относительно питания, плохого состояния обуви, трудностей марша, а жалобы такие могли быть. Только за час до митинга я разговаривал с помощником командира полка по материальному обеспечению о плохой организации питания.

Бойцов волновали не недостатки питания и обуви, происходящие часто по вине наших командиров и политработников, а вопрос о том, все ли есть для того, чтобы быть в полной боевой готовности к защите священных советских рубежей!

Все выступления на митинге были проникнуты энтузиазмом. Лейтенант Каджария (беспартийный) заявил:

- Я подаю заявление о вступлении в партию и буду сражаться с японцами до последней капли крови.

Лейтенант Галимов (комсомолец) выступил с призывом к красноармейцам своей роты драться геройски и заявил:

- Я буду биться вместе с вами, пока не уничтожу японцев.

Красноармеец Аксенов (беспартийный) говорил:

- Дайте мне больше гранат, я буду бить ими японских самураев без промаха.

После беседы я выразил глубокую благодарность.

- Такие бойцы, - оказал я, - могут быть только в нашей стране, только в нашей армии, которая воспитана в духе беспредельной преданности делу партии Ленина - Сталина, делу нашей прекрасной родины.

После доведения до бойцов обстановки и задач стало ясно, что политико-моральное состояние частей не оставляет желать лучшего.

Для меня и для всех партполитработников стало очевидным, что мы допустили большую ошибку (отчасти не по нашей вине), не сделав раньше информации о положении на фронте, о том, что части нашей армии уже ведут бой с японскими захватчиками. Красноармейцы политически настолько выросли, что скрывать от них что-либо - значит вредить делу.

В. последующие дни патриотический подъем в частях нарастал. Началась массовая подача заявлений о желании вступить в ряды ленинского комсомола я большевистской партии.

В районе Краскино я получил донесение от своего заместителя тов. Смирнова, который выехал с батальоном, направлявшимся к Заозерной на автомашинах. Батальон уже был на высотах у озера Хасан. В донесении сообщалось о замечательном боевом порыве личного состава. Узнав о положении на фронте, бойцы с огромным энтузиазмом преодолевали водные преграды и грязь в Посьетском районе. Они перетащили на себе массу грузов с патронами, пулеметами и другими боеприпасами на протяжении 4 километров, там, где лошади не могли тащить повозок. Работали, соревнуясь друг с другом, под лозунгом - тройным ударом ответить на наглую авантюру японских самураев. В батальоне было подано восемнадцать заявлений о желании вступить в ряды коммунистической партии и около ста заявлений о вступлении в ряды ленинского комсомола.

"Если меня убьют, прошу считать меня коммунистом", - писал на листке бумаги простым карандашом капитан Лаговский.

Заявление с просьбой принять кандидатом в члены ВКП(б) подал командир батальона капитан Бочкарев.

"В ответ на наглую вылазку японских самураев прошу принять меня в ряды большевистской партии", - писали перед боем бойцы и командиры.

Тов. Смирнов, сообщая обо всем этом, в конце донесения просил прислать ружейного масла для чистки винтовок и пулеметов, а также соли для варки пищи.

В ответ на донесение прежде всего была организована посылка всего, в чем нуждаются бойцы и командиры, затем было отправлено обращение от имени командования и политотдела.

В обращении говорилось о том, что командование и политотдел восхищены геройскими действиями бойцов и командиров, их боевым духом и преданностью нашей прекрасной родине и партии Ленина - Сталина. Командование и политотдел выражали уверенность в том, что среди бойцов и командиров батальона будет немало таких, которые умножат число орденоносцев и Героев. Советского Союза.

Наше обращение было зачитано среди личного состава и подняло новую волну энтузиазма. Об этом говорил поток новых заявлений в партию и комсомол. Батальон, вступая в бой, был партийно-комсомольским.

На марше по указанию политотдела в первичных организациях были проведены партсобрания. На повестке дня: общая обстановка на фронте и задачи коммунистов. Короткие доклады сопровождались активными выступлениями делового характера. На открытое собрание парторганизации штаба соединения прибыл почти весь личный состав, красноармейцев и командиров штаба. Доклад делал комиссар тов. Дубровский.

Наши части были неполностью укомплектованы политработниками. Находившийся в районе боевых действий начальник Политического управления РККА тов. Мехлис принимал все меры к тому, чтобы пополнить части политсоставом. На одном из привалов нас нагнали одиннадцать новых политработников с курсов секретарей бюро ВЛКСМ. Все они были назначены политруками рот и батарей. Коротко, я познакомился с ними ввел их в. курс обстановки и предстоящих задач. При распределении по частям была учтена их воинская специальность. Командоры и комиссары, прибывшие за получением боевой задачи, тут же приняли пополнение и распределили его по своим подразделениям.

По вечерам я проводил беседы то в одном, то в другом батальоне. Начав разговор с группой в десять-пятнадцать человек, я вскоре замечал, что группа превращалась в сотню бойцов и командиров, живо интересовавшихся всеми вопросами боевой техники, вплоть до приемов владения винтовкой при атаках и способов маскировки. Задавши массу вопросов. Особенно интересовало бойцов, почему не разрешают переходить границу, чтобы бить японцев на их территории. Мне легко было ответить на этот вопрос, так как я перед этим беседовал с начальником Политуправления тов. Мехлисом. Я разъяснил бойцам, что если этого невозможно избежать по условиям боевой обстановки и по

характеру местности, то переходить границу, безусловно, можно. Бойцов и командиров очень обрадовало это разъяснение. Общее оживление вызвало мое сообщение о том, что патронами, гранатами и снарядами мы располагаем в неограниченном количестве. Все выражали беспокойство, как бы нам не опоздать к бою, как бы не придти к шапочному разбору.

В районе Краскиво мы встретили первых раненых, направляемых с фронта в госпиталь. Каждая остановка машины с ранеными собирала массу бойцов. Раненые передавали вести с фронта и заявляли, что они скоро снова вернутся в строй добивать наглых самураев.

Во всех частях дивизии с приближением к реальной боевой обстановке чувствовался значительный подъем дисциплины и бдительности. В обычных учебных условиях измотанность на марше сопровождается ослаблением требовательности и увеличением количества нарушений дисциплины. Здесь же в предвидении боевой обстановки таких явлений не наблюдалось. Наоборот, среди красноармейцев, несмотря на усталость, чувствовались подтянутость и повышение бдительности, особенно в несении караульной службы.

Однако среди бойцов попадались единицы чуждых элементов, которые с приближением к фронту пытались вести разговоры о "неравенстве" между командирами и красноармейцами" За этими на первый взгляд "неразумными; разговорами" скрывалось на деле стремление посеять вражду между командирами и красноармейцами, оклеветать командиров и посеять панику. Подорвать у бойцов веру в своего командира перед боем - опасное дело. Мы поняли этот маневр врага и заинтересовались такими людьми. При расследовании обычно оказывалось, что распространителями всяких слушков были ловко замаскировавшиеся враги.

5 августа было днем сосредоточения и занятия исходного положения для боя. Я был на совещании у комиссара корпуса. Здесь были поставлены задачи по политическому обеспечению наступления 6 августа.

В этот день я провел совещание с комиссарами частей, после чего состоялись комсомольские собрания и общие собрания-бойцов и командиров, посвященные ознакомлению с боевой обстановкой и задачами по защите родины. Вот что записано в моем блокноте 5 августа: "Для указаний комиссарам:

Проучить самураев. Не быть грязной самурайской ноге на священной советской земле. Предупредить попытки дезертирства, характеризовать это как измену родине. Самая жестокая борьба с паникерами. Широко информировать об успехах той или иной

части и подразделения, о героизме, мужестве и храбрости бойцов. Пропагандировать мощь нашей техники. Учесть, что японцы применяют ночные действия. Комиссару и отсекру ночью спать нельзя. Комиссарам и вообще всему политотделу вмешиваться во все детали управления боем. Провести короткие партсобрания. Не оставлять раненых и убитых на поле боя".

На собраниях частей в этот день принимался проект договора, разработанного политотделом для вызова на соревнование другого соединения. Основное условие соревнования - кто первый поставит красный флаг на сопке Заозерной. Проект договора был единодушно одобрен во всех частях и послан в соединение, вызванное нами на социалистическое соревнование.

Комиссар одного из полков, занявших исходное положение, доносил:

- Полк занял исходное положение. Во время движения попали под артиллерийский огонь противника. Жертв нет. Настроение бодрое.

В ответ на это донесение полку было послано приветствие от имени командования и политотдела. Оно начиналось поздравлением с боевым крещением. Мы выражали уверенность в том, что весь полк окажется в первых рядах боевых защитников нашей прекрасной родины и очистит священную землю от самураев.

Вся работа в течение этого дня проходила под несмолкавший грохот нашей артиллерии, грозно отвечавшей на попытки японцев обстреливать наши позиции.

6 августа в передовые полки было послано по два представителя политотдела. Инструктор по кино-радиотехнике был послан на позиции для ускорения доставки снарядов и других боеприпасов. Я оставался в политотделе со своим заместителем, инструктором и секретарем политотдела. Утром; направились на новое место расположения командного пункта. По пути посетили ряд частей, поговорили с бойцами. Характерным для их настроений было неудержимое стремление пойти в бой. Ко мне подошел танкист лейтенант Подгалимов и выразил свою кровную обиду и огорчение: по задаче командира батальона в этот день он не мог участвовать в бою.

- Почему мне с подразделением не дают идти в бой? - спрашивал он. - Мы можем драться не хуже других.

Пришлось долго убеждать товарища, что кто-то должен быть в тылу.

На командном пункте нам пришлось быть недолго. Один из полков, занимая исходное положение, был обстрелян

артиллерийским огнем. Оказалось двое убитых и двое раненых. Мы понесли первые жертвы.

Чтобы поднять еще больше боевое настроение, я выслал в этот полк своего заместителя, а сам направился в часть, расположенную рядом. Комиссар оставался на командном пункте.

Было указание, чтобы атаку начать после двукратного налета авиации и двукратной артиллерий ежой подготовки. Утром по земле стлался густой туман, небо было покрыто плотными облаками. К 11 часам стало изредка проглядывать солнце. Около 1 2.00 мы получили; сообщение о том, что прилет авиации задерживается на два часа из-за пасмурной погоды. Эта информация сейчас же была передана в части. Настроение у всех было прекрасное. Всюду спрашивали одно и то же:

- Почему задерживается наступление?

Авиация вылетела после полудня. Радости бойцов" не было конца, когда в воздухе появились эскадрилья за эскадрильей, а невдалеке ухали бомбы и вверх взлетали черные столбы земли и дыма.

Бомбежка самолетами японских позиций произвела сильнейшее впечатление на красноармейцев, особенно на тех, которые находились на переднем крае. Некоторые бойцы, после того как пролетел последний самолет над нашими позициями, махали летчикам касками и приветствовали их возгласами:

- Да здравствует советская авиация!

- Привет красным летчикам!

Авиация заставила замолчать японскую артиллерию и почти все пулеметы. Это обеспечило нам сближение для броска в атаку. После того как наши части значительно продвинулись, было решено послать вперед авторитетную оперативную группу для планомерного розыгрыша боя и предупреждения стрельбы между частями, охватившими японцев с двух флангов (наступление шло одновременно на южные и северные склоны сопки Заозерной). Я присоединился к этой группе, чтобы детально изучить обстановку боя на месте. Вот несколько замечаний.

Некоторые командиры и политработники, идя в атаку впереди своих подразделений, пренебрегали всякой маскировкой и выбыли из строя.

Как правило, смелые и до конца преданные родине бойцы отважно шли за командиром и политруком в атаку. Были; и нерешительные элементы. Нужно учесть, что люди впервые участвовали в бою.

В этот день мы поняли, что мало уделили внимания расстановке сил. Надо хорошо знать людей в. подразделении и смелых, решительных ставить не только впереди, как это обычно

делалось, но и в центре, и сзади, чтобы лозунги: "За Сталина!", "За родину!", которые раздавались во время атаки, были слышны по всему боевому порядку и чтобы смелые, решительные люди увлекали за собой отстающих. Этот недостаток мы учли. Поэтому особенно хорошо была проведена атака в последующие дни мотострелковой ротой, возглавлявшейся политруком Скорик]. Атака прошла почти без потерь.

Я не буду касаться вопросов технико-тактического порядка (применение в бою гранаты, штыковой бой, использование местности, переползание и т. д.). Они имеют огромное значение, на них надо обратить большое внимание в одиночной подготовке бойца. Все эти вопросы после первого дня боя были поставлены политотделом перед комиссаром и доложены политотделу корпуса.

Надо отметить такой серьезный недостаток. Бойцы, уводившие раненого в тыл, иногда подолгу задерживались там. Ими никто не руководил. Временами их собиралось в тылу от 50 до 60 человек, а это было большим, ущербом для полков. В будущих боях надо учесть эту "мелочь".

Основными методами партийно-политической работы в бою 6 августа были следующие: социалистическое соревнование - части соревновались между собой за честь первыми водрузить красный флаг на вершине высоты Заозерной; короткие зажигающие лозунги коммунистов и комсомольцев; короткие беседы политруков и коммунистов с бойцами в окопах по заданию отсекра партбюро, комиссара части или по личной инициативе. Решающую роль во всем играл личный пример коммунистов, комсомольцев и политработников.

Комиссары полков со своей работой организаторов и вожаков масс в первый день боя в Основном справились. Они показал замечательную отвагу, беззаветную преданность делу партии Ленина - Сталина. Политрук Громов только вечером 5 августа пришел в полк как комиссар, остался с красноармейцами на передовой линии и на следующий день при вторичной атаке укрепленной точки противника был убит.

Политрук Гузанов лично возглавлял ряд атак, действуя впереди батальона и воодушевляя бойцов своим примером. Однако в работе комиссаров, впервые принимавших боевое крещение, наблюдался ряд недостатков. Они мало вникали в решения командиров полков. Больше всего внимания они уделяли личному руководству боем одним из подразделений. Поэтому комиссар не был достаточно информирован о положении всего полка и, возглавляя атаку батальона или роты, вел за "собой хотя и достаточно большую группу бойцов, но все

же не всю массу.

Опыт показал, что комиссар перед боем должен быть на командном пункте вместе с командиром полка, постоянно использовать информацию политруков рот для принятия решений и затем активно воздействовать на исход боя, являясь в подразделения в наиболее ответственные моменты боя.

Коммунисты и комсомольцы в первом бою, как и во все последующие дни, показали выдающиеся образцы героизма и преданности делу партии и родине. Примерами личного героизма они увлекали массу красноармейцев и бой, зажигая ненависть к врагу, воодушевляя малодушных, и помогали командирам и политработникам навести порядок в подразделениях.

Вот несколько примеров.

Заместитель политрука Кузнецов, подобрав на поле боя снайперскую винтовку, пробрался в тыл противника и, замаскировавшись на огороде, метким огнем вывел из строя восемь японских подносчиков патронов.

Отсекр бюро ВЛКСМ тов. Дмитриев героически дрался с японскими самураями. Он один из первых подполз вплотную к точке, занятой японцами, и стал ее забрасывать гранатами. Вражеской пулей тов. Дмитриев был сражен. Последние его слова были:

- Вперед, товарищи! К победе над самураями!

Заместитель политрука тов. Прусаков, участвуя в атаке, показывал образцы героизма и воодушевлял всю роту на подвиги. Двигаясь с ротой, он переходил от одного бойца к другому и проводил с ними беседы.

Комсомолец лейтенант Галимов подал перед боем заявление о вступлении в партию и выступил с призывом к красноармейцам своей роты героически выполнить поставленную боевую задачу. Слова его не разошлись с делом. Тов. Галимов несколько раз ходил в атаку, находясь впереди роты. Вечером во время одной из атак он близко пробрался к укрепленной тачке противника и, забрасывая ее гранатами, продержался вблизи огневой точки с группой красноармейцев до утра, когда пришла помощь. Укрепленная точка была взята.

Большевики заражали своим примером героизма, мужества и отваги беспартийных командиров и красноармейцев. Мы пожинали плоды той большой подготовительной работы, которая была развернута перед боем, возглавили подъем политической активности масс красноармейцев и командиров, направили его к единой цели - защитить социалистическую родину.

Лейтенант Гусев, командуя подразделением, показал исключительную храбрость. Получив ранение, он не вышел из боя

до конца атаки.

Красноармеец Джуванышев, имея два ранения, не оставлял поля боя, говоря:

- У меня еще хватит сил, чтобы уничтожать японцев.

Прекрасные образцы мужества показали связисты при налаживании связи под огнем противника. Связист Плотников получил задание исправить линию от командного пункта расстоянием в один километр. На линии был обрыв. Тов. Плотников, умело маркируясь, спокойно и энергично произвел ремонт линии, не обращая внимания на снаряды, рвавшиеся около него.

В процессе боя значительно укрепилась товарищеская спайка между бойцами и командирами. Она выражалась в оказании: помощи раненым, в замене друг друга в бою. Связист Фукин, проверяя линию связи, был ранен. Это увидел красноармеец, Акмотышкин. Он помог раненому связисту отползти в окоп, перевязал ему рану и отправил его в тыл.

Бой 6 августа дал боевое крещение красноармейцам и командирам, дал колоссальный опыт каждому командиру и комиссару в руководстве подразделением. Опыт первого боя был обобщен: политаппаратом и учитывался в последующие дни. Работа политаппарата сыграла исключительную роль в создании здорового политико-морального состояния частей.

В начале статьи я указывал, что при распределении сил, когда соединение выступало по боевой тревоге, один из инструкторов политотдела был оставлен га гарнизоне. Он имел с нами постоянную связь, информировал о работе и получал соответствующие указания.

Когда гарнизон состоит исключительно из военнослужащих, такой человек необходим. Инструктор хорошо поставил среди жен начсостава информацию о военных действиях, мобилизовал их для помощи: раненым, для охраны жилищ, казарм и т. д.

Благодаря энергичной работе жен командиров одна из казарм была переоборудована под госпиталь. Женщины превратились в штукатуров, маляров. Они проводили дежурства в госпитале, стирали белье, одним словом, проделали огромную работу, чрезвычайно трудно выполнимую в условиях Дальнего Востока.

Активность женщин была необычайна. Уже восьмого числа мы получили подарки, купленные на деньги, собранные ими. Вместе с подарками были письма и обращения. В них посылались горячие приветствия защитникам социалистической родины и наказ мужьям:

- Не щадя жизни, защищать священные рубежи Советского Союза.

"Лучше быть вдовой героя, чем женой труса", - передавали нам жены пламенные слова Долорес Ибаррури. Письма их были немедленно отправлены на передовую линию. Там их прочитывали всему составу. Они оказали исключительное влияние. На передовые позиции направлялись также письма рабочих и колхозников. Бойцы, читая письма, видели, что Красная Армия воюет не одна, что с нею весь советский народ, и это поднимало их боевой дух.

Смелость, мужество, отвага наших бойцов, умело руководимых хорошо обученными командирами и преданными партии политработниками, победили. Японские самураи были вышиблены с советской земли.

Остается подвести некоторые итоги.

Инструктора политотдела показали себя смелыми и преданными людьми, однако они часто забывали свое настоящее место, превращаясь в рядовых, правда, храбрых бойцов, увлекающих за собой вперед остальную массу; но они не видели всего состояния части и поэтому не могли вовремя указать комиссару на недочеты и помочь ему немедленно исправить их. Начальник клуба шел с ротой. Он, так же как и все, хотел быть в первых рядах защитников родины с винтовкой в руках да с полдюжиной гранат на поясе. Многие забыли свои функции.

С честью выдержали экзамен заместители политруков - этот золотой фонд обороны страны.

* * *

И в большой войне бывают перерывы между боями. Таким перерывом у нас явились первые дни перемирия. Мира не было. Очередного боя можно было ожидать с минуты на минуту. И мы сказали себе: разряжай пушки и пулеметы, но готовь больше патронов и снарядов.

Этот период был использован для подведения итогов боев на собраниях командного состава, партийных организаций, комсомола и всего личного состава.

Происходил прием в партию и в комсомол по заявлениям, поданным во время боев. Храбрейшие из храбрых участников боев принимались в ряды большевистской партии. Эта работа имела колоссальное воспитательное значение. У коммуниста на всю жизнь останется в памяти то, что он вступил в партию во время боя, защищая страну социализма. Парткомиссия за вторую половину августа приняла пятьдесят двух товарищей в кандидаты партии, а за сентябрь - сто тридцать человек.

Мы готовились там же, на фронте, выдавать партдокументы, это послужило бы замечательным средством воспитания молодых большевиков. В качестве помещений для выдачи партийных и

комсомольских документов подготовили две санитарные машины, так как в палатке мог помешать дождь. Больше двух тысяч комсомольских билетов мы выдали в районе боев. Выдача партийных документов затормозилась тем, что ни у нас, ни в политуправлении 1-й Отдельной Краснознаменной армии не оказалось регистрационных бланков.

Даже во время перемирия нам не удавалось организовать собрания всех членов и кандидатов первичной партийной организации. Поэтому совершенно правильной явилась установка начальника Политуправления РККА тов. Мехлиса о том, чтобы проводить в полках делегатские партийные собрания. Так, очевидно, должно быть и в будущих боях.

Я далеко не исчерпал всех вопросов, которые возникли у меня в результате огромного опыта партполитработы в период боевых операций.

Глубина и ценность этого опыта неисчерпаемы. Когда посещавшие меня представители печати спрашивали, сколько времени я начальником политотдела, я отвечал:

- Ровно пятнадцать дней до начала событий.

- Где были до этого?

- Учился в академии имени Ленина.

- Вы окончили академию?

- Нет. Официально мне оставалось до окончания два месяца, а неофициально я окончил академию в районе озера Хасан.

Заместитель политрука Г. Сазыкин

За Родину!

Двадцать девятое июля. Ночь. Все спят. Неожиданно раздается боевая тревога. Быстро собираемся в назначенное место. Нам выдают боеприпасы, питание, все необходимое для похода. Здесь же узнаем о том, что японцы нарушили советскую границу.

Получил на себя патроны. Узнал задачу. Созвал комсомольских организаторов подразделений. Объяснил им обстановку. В сплошной темноте выступаем по направлению к границе. В воздухе душно, жарко. Мы быстро двигаемся вперед.

1 августа. Исторический день в моей жизни. Никогда его не забуду. В 8 часов утра наша часть получила боевое задание - занять сопку Безымянную. Невозможно передать, какой подъем охватил бойцов. Все горели одним желанием - как можно скорее занять высоту и выполнить приказ: отогнать врагов от советской земли.

- Товарищи комсомольцы! К бою готовы? - спрашиваю я.

Из глубины окопов дружно раздается:

- Готовы!

Я иду в атаку с первым взводом, которым командует младший лейтенант Григорьев.

- Вперед! - раздается команда.

Вместе с Григорьевым выбегаем вперед, за нами стремительно двинулся весь взвод. Около нас с винтовками наперевес, с привинченными штыками, решительно идут красноармейцы Михайлов, Белоносов, Степанов, Григорашини и другие.

Японцы заметили наше движение и открыли артиллерийский и пулеметный огонь. Вражеские пули сразили нескольких наших замечательных товарищей. Жгучая ненависть к врагам влекла нас вперед, удесятеряла наши силы. Впереди река. Но нет непреодолимых препятствий, когда идешь в бой за советскую родину!

- Вперед, за родину, за Сталина! - кричим мы с командиром во весь голос.

Бойцы подхватывают наш призыв. Бросаемся в речку. Перебираться трудно: японцы обстреливают. Переправили оружие, помогли слабым. Выбрались все. Вот, наконец, высота. Завязался ожесточенный бой. Японцы не выдержали нашего натиска. Мы бьем их из винтовок, пулеметов, колем штыками,.

2 августа. Враг много раз переходил в контратаку. Напрасно! Каждый раз японцы бегут назад, оставляя трупы своих солдат. Все время мы находимся под густым неприятельским огнем.

Между мной и курсантом Белоносовым произошел интересный разговор. Обстановка разговора необычная. Идет бешеная стрельба. Артиллерийский огонь усилился. Мы лежим на огневом рубеже. Белоносов охотится за японским снайпером. Замечательный парень Белоносов! Вдруг он подвигается ближе ко мне и спрашивает:

- А заседание бюро будет здесь? Мое заявление о приеме в комсомол разберете?

Смотрю я на него, а лицо у него такое хорошее! Ом улыбается, ждет ответа. Не скрою, сильно он растрогал меня своим вопросом.

- Будем, будем разбирать ваше заявление, товарищ Белоносов. Вы достойны великого звания члена ленинского комсомола, - кричу я ему.

5 августа. Утром получили задачу: "6 августа занять высоту Заозерную и места, к ней прилегающие". Все. Для нас ясно, что надо делать.

Перед боем тут же, в окопах, созываем совещание комсомольского актива. На совещании обсуждается поставленная перед нами задача. Несколько заместителей политруков сошлись

вместе: Брядкин, Балашов, Ильин, Гайдай, я и другие. Мы вспоминаем героические эпизоды из периода гражданской войны из кинокартин и книг.

- Кинокартины "Балтийцы" и "Мы из Кронштадта" вы видели? - спрашиваю я.

- Ну, как не видеть! - весело отвечают молодые политработники.

- Так вот, - напоминаю я им, - пометите, как комиссары-большевики увлекали за собой массу и побеждали! Будем и мы с вами подражать лучшим людям, героям нашей родины.

Крепко пожав друг другу руки, мы разошлись готовиться к завтрашнему наступлению.

6 августа. Ночью занимаем исходное положение. На коротком митинге сообщаем бойцам задачу: уничтожить врага и взять высоту. Для этого требуются организованность, дисциплина, смелость, отвага.

- Мы готовы идти в бой! - хором кричат бойцы. Настроение у всех приподнятое.

Роются окопы. Пригоняется снаряжение. Проверяется оружие. Командир орудия комсомолец Шикин готовит свое орудие.

Лейтенанты товарищи Лизун и Денисов проверяют, все ли подготовлено к предстоящему бою. Секретарь ДПК Гвоздев (в этот день он героически погиб) проверяет готовность к атаке. Несмотря на ночь, работа кипит. Глаза привыкли к темноте. Готовимся тихо.

Из-за скалы показался диск солнца. Оно вселило в нас бодрость и энергию. Кто-то затянул вполголоса песню.

6 августа. Перед атакой. Сидим в окопах, ждем приказа. Еще и еще раз проверяем себя, свою готовность к атаке.

У всех одно - скорее пойти в бой и победить. В том, что победа будет за нами, ни на секунду не сомневаемся. Мы знаем, что воюем за свое счастье, за отчизну.

Понимаем также, что войны без жертв не бывает. Кто знает - минет ли его пуля в предстоящем бою.

- Товарищ Погорельцев, готовы? Флягу-то возьмите с собой, - оживленно говорит командир отделения.

- Я. готов. Вот только каска, слишком жарко в ней, - бурчит про себя Погорельцев.

Начались собеседования. Мы пересыпали их острыми словами, шутками. Тут же мы вложили в специальные коробочки свои адреса. Это - чтобы знали, куда сообщить родным, если мы погибнем в боях за родину. На обратной стороне адреса каждый написал письмо, по-своему выражая чувства перед боем. Я написал:

"Если я погибну, так не зря. За нашу родину отдадим жизнь. Знаю, что победа всегда будет за нами, за ВКП(б), за великим Сталиным. Да здравствует победа!

6 августа 1938 г. Сазыкин".

Полные уверенности, мы двинулись в атаку на укрепленную японцами высоту.

- Наша земля вся до единой пяди должна быть очищена от врагов! прокатилось по рядам.

6 августа. Начало атаки. 15 часов. Вдалеке слышится гул моторов. Это идут наши, советские самолеты. Гул все усиливается. Ближе и ближе. Раз, два, три, четыре, десять. Сразу не пересчитаешь.

Стальные птицы уже над нами. Ярко сияют красные звезды на крыльях. Появление самолетов еще больше воодушевляет нас. Мы впились глазами в небо.

Самолеты все идут. Появились бомбовозы. Мощные, они плывут под облаками, как орлиные стаи.

Взрыв. Другой. Советская авиация начала работать. Слышны уже первые выстрелы с наших истребителей по врагу. Высота Заозерная, где были японцы, покрылась клубами сплошного черного дыма. Земля сотрясается от разрывов бомб. Враг получил по заслугам.

Бомбометание еще продолжается, а сзади уже нарастает новый грозный гул. Идут танки. Бронированные сухопутные корабли на больших скоростях забрались на склон и: прошли мимо нас вперед. Раздается громкая команда:

- Бойцы, за танками, вперед! За коммунизм!

Мгновенно все поднялись. По убегающим японцам мы открыли ружейный и пулеметный огонь. Рядом со мной Григорьев, немного впереди - Лизун. Я крикнул:

- Комсомольцы, вперед!

Оглядываюсь. Отстающих нет. Разве могут отставать комсомольцы?! Заозерная вое ближе. Враг сопротивляется, пытается задержать нас своим огнем. Продолжаем наступать, двигаясь редкой цепью. Вот лощина. Залегли в ней. Рота вся в сборе. Командиры впереди.

- Перебежками вперед! - раздается новая команда.

Ползком и бегом, пользуясь малейшим прикрытием, движемся вперед, к вершине. Непрерывно держу связь с боевым командиром Григорьевым. Не впервые мы идем вместе в атаку. Сейчас мы впереди роты. Руки крепко держат наганы! и гранаты. Неожиданно из рук комсомольца Смирнова выпало красное знамя, которое мы несем, чтобы установить его на вершине. Знамя подхватил другой боец. Снова бежим вперед под сильным

огнем. Небольшой ров. Рота залегла. Я нашел Смирнова Он перевязывал себе рану. Спрашиваю:

- Ну, как? Можешь идти в бой?

- Конечно, могу и пойду!

Это была последняя наша остановка. Спустилась ночь - темная, беззвездная. Некоторые товарищи ранены, есть убитые. Наша ярость, вера в победу все возрастают.

- Товарищи, последний натиск! Руби проволочные заграждения! - во весь голос, кричит младший лейтенант Григорьев.

Мощное "ура" катится по склону. Ножницами, лопатами режем, рвем проволоку. Прикладами, штыками уничтожаем колья проволочных заграждений. Быстро устроили проходы. Прорвались на самый гребень сопки Заозерной. Группы японцев, уцелевших от бомб нашей авиации, уничтожаем штыками, гранатами. Пусть знает враг силу гнева советского народа! На высоте взвилось красное знамя. Его пробивают пули, осколки гранат. Но, пронесенное сквозь бой, оно гордо реет над сопкой. Мы победили.

Всю ночь идет стрельба. Бьют артиллерия, пулеметы, винтовки. Рвутся гранаты. Мы выбиваем последние остатки, врага. Советская земля очищена от захватчиков. Горячо поздравляем друг друга с победой. Радость всеобщая, волнующая, необычайная.

7 августа. Высота наша. Но бой еще не закончился. Снова ночь. Японцы думают, что мы спим. Нет, мы лежим на передней линии, готовые ко всем неожиданностям боевой обстановки.

Раздался шорох. Наш наблюдатель крикнул:

- Кто идет?

Молчание. Это была группа японцев. Пользуясь ночной темнотой, они приблизились к нашим окопам. Раздалась команда:

- В ружье!

Смертельным голосом для врагов заговорили наши пулеметы, винтовки, гранаты.

Вдруг на фланге замолчал наш пулемет. Подползаю туда вместе с младшим командиром взвода Катаевым. Катаев становится к пулемету первым номером, я - вторым. Пулемет снова начал поливать свинцом наседавших японцев. Они бежали назад. Многие полегли, сраженные нашими пулями. Внезапно Катаев схватил мою руку.

- Что с тобой? - спрашиваю.

- Меня ранило в ногу, Сазыкин, - отвечает он.

Жаль парня. Но что делать? Отвел его в более надежное

место.

8 эту ночь мы выдержали несколько атак врага. Все они были отбиты.

9 августа. Третий день находимся на вершине Заозерной. Получив суровый урок, японцы боятся лезть к нам. Они действуют отдельными группами. На фланге одна японская группа прорвалась в наш тыл. Пятнадцать наших бойцов под командой младшего командира взвода Егорова пошли уничтожать врага. Сошлись очень близко, открыли огонь. Очень метко бросает гранаты Егоров: каждая попадает в цель. Я работаю вторым номером у пулемета. Вдруг случилась беда. В кожухе пулемета не стало воды. Сливаем все, что есть во флягах. Огонь продолжается. Через час враг был полностью уничтожен.

Вот уже три дня, как я не видел Григорьева. Все это время я был вместе с другим подразделением. Григорьев - очень хороший, скромный боевой товарищ. Мы крепко подружились. Когда наступило небольшое затишье, я пошел искать Григорьева. Спрашиваю - люди молчат. Я понял: что-то случилось. Наконец, бойцы, переглянувшись между собой, сказали:

- Сегодня утром Григорьев погиб.

Дальше не слушал. Знал, что товарищ умер смертью героя, иначе быть не могло.

Меня разыскивают. Зовет командир.

- Вы, товарищ Сазыкин, будете исполнять обязанности комиссара части. Комиссар Белорусский ранен.

Так я стал комиссаром нашей части на высоте Заозерной. Сегодня снова жаркий день. Новые японские части лезут на сопку. Мы бьем хорошо, метко. Отбили уже несколько атак.

10 августа. После небольшого недомогания я окончательно свалился. Обидно! Бой еще не закончился, а приходится лечь в госпиталь. Здорово обидно.

К 12 часам меня увозят. В тот же день я был доставлен на машине в Краскино.

Болезнь и усталость, очевидно, сильно ослабили организм. Я заснул, как убитый.

Но что это такое? Как будто гудит мотор. Открываю глаза. Ба! Я на катере. Как же я не слышал, когда меня переносили с машины на катер? Удивительно!

...С 11 августа нахожусь в госпитале. Занятие скучноватое - лежать и ничего ее делать.

В голове бродят разные мысли. Ночи провожу плохо: не сплю, а если и засыпаю, то всю ночь "дерусь" с самураями. Когда был на Заозерной, мне казалось, что дни шли быстро, а в госпитале тянутся и тянутся. И вот в такой длинный день многое передумалось. Многое хочется записать...

С первых же дней боев к нам на фронт стали поступать подарки от трудящихся Дальнего Востока. Весь народ смотрел на нас, на наши дела, помогал нам. Ведь это сильнейший источник нашей силы! Я думал, что так бывает только на фронте.

Но это была ошибка. С первых же дней моего пребывания в госпитале я увидел повседневную заботу народа о своих бойцах. Подарки, подарки и подарки. То и. дело приходят представители печати.

- Можно с вами побеседовать?

- Пожалуйста! (Хотя, по правде сказать, я уже устал отвечать.)

Однажды кто-то меня разбудил. В чем дело?

- Да тут пришла делегация.

И верно. В госпиталь вошла целая делегация комсомольцев. Направляются ко мне. "Ну, что это такое, что я за персона", - думаю про себя. Гляжу, передо мной Алеша. С ним вместе мы служили в одной части. Сейчас он секретарь райкома ВЛКСМ Посьетского района. С ним комсомолки Мельникова, Ильина, еще кто-то. Пришли и крепко-крепко пожали мне руку. Поздравили всех нас с победой.

- Что это, Алеша, у тебя в руках?

- Подарок вам. Это партизан Макаров прислал.

Развязываем мешок, там папиросы.

- А ну, давай партизанских отведаем, - послышалось из всех углов палаты.

Ну, и начали пробовать.

- Это еще не все, - говорит Алеша.

- А что еще есть? - спрашиваем.

- А вот вам письмо от Макарова.

Читаем письмо. В нем тов. Макаров приветствует нас, благодарит за уничтожение самураев. А в конце приписка:

"Если еще японцы попытаются нарушить советские границы, тогда и я возьму винтовку и вместе с вами пойду в бой".

- Вот это старик! - восклицают ребята.

На следующий день мы написали тов. Макарову ответное письмо. Да мало ли таких Макаровых! Только дай сигнал - весь народ поднимется и ринется уничтожать врагов.

20 августа. Я заметно выздоравливаю. Сегодня меня перевели в другую палату. Этот день для меня был каким-то особым днем. И вот почему. Часов в 5 вечера разнесся слух, что в госпиталь приедут члены правительства.

Сидим за столом. Коллективно читаем книгу Горького "Фома Гордеев". Вдруг легкий шум. Мы быстро поворачиваем головы и видим группу людей, идущих к нам.

- Но где же члены правительства? - слышатся вопросы.

Среди идущих узнаем своих избранников, членов правительства РСФСР товарищей Новичкова и Грязнову.

Грязнову я узнал сразу. Да и как не узнать! Ведь ее кандидатура при выборах в Верховный Совет РСФСР баллотировалась в нашем избирательном округе.

Депутаты Верховного Совета РСФСР прибыли к мам, раненым участникам Заозерных боев, с делегацией трудящихся Приморья.

- Дорогие товарищи, - говорит тов. Грязнова, - колхозники Приморья велели передать вам подарки.

Каждый из нас получил подарок. Забота советского народа, любовь народа к Красной Армии видны в каждой посылке, в каждом узелке. Сколько теплых слов, сколько поздравлений и пожеланий прислали нам рабочие и колхозники!

Все это словами трудно передать, можно только чувствовать. Вечером митинг. На митинге выступил и я. Немножко поволновавшись, я сказал:

- Мы заверяем вас, члены правительства, что, если самураи попытаются нарушить наши границы, тогда мы вместе со всем народом уничтожим врага на его территории.

Полковой комиссар М. Никишев

Самые интересные дни моей жизни

Вечером 30 июля, явившись в Военный совет Первой (Приморской) армии, я доложил, что соединение мною сдано вновь прибывшему полковому комиссару тов. Папенко и что я следую к новому месту службы.

Командующий и член Военного совета прервали мой рапорт:

- Сейчас нет времени принимать доклады. Вам надо немедленно отправиться в район Краскино. На вас возлагается руководство партийно-политической работой соединения.

Здесь я узнал, что корпус плохо информирует Военный совет армии.

- Мы надеемся, что вы наладите нам регулярную

информацию о ходе боевых действий, - заявили мне а Военном совете.

Я продолжал свой путь в район боевых действий.

По дороге местами образовались пробки от скопления войск. Поэтому уже в пути я, как начальник политотдела корпуса, включился в работу, устанавливая порядок в движении войск по узкому шоссе.

Во время остановки в Славянске выяснил, что в бухте один пароход с горючим разгружался, а другой, с боевой техникой, ожидал очереди. Предложил разгрузку горючего производить через шланги, а боевую технику разгружать по мосткам пристани.

В полдень 1 августа приехал в Краскино и быстро вошел в курс обстановки боевых действий. Для руководства партийно-политической работой у меня не имелось никакого аппарата. Решил создать аппарат политотдела корпуса из наличного состава политработников гарнизона. Немедленно провел с ними совещание и дал указание о том, чтобы они провели митинги с оставшимися бойцами и командирами, устроили собрание жен начсостава, проинструктировали караулы, обратив особое внимание на повышение бдительности в охране складов и других объектов, и организовали противовоздушную и противохимическую оборону в населенных пунктах. На этом же совещании установил часы, когда они будут докладывать о работе, проведанной за день.

После совещания я связался с командным пунктом, чтобы получить свежую информацию. Мне передали приказ о том, чтобы немедленно назначить политработника для Организации эвакуации раненых и для работы среди легко раненых. На эту работу был послан секретарь партийной комиссии корпусных, частей тов. Кудряшов.

В Краскино мною была проведена работа по отправке и распределению поступающего пополнения политсостава, так как в частях был большой некомплект политработников.

Первый же день моей работы в качестве начальника политотдела корпуса убедил меня в том, что в условиях оторванности от частей политотдел рискует превратиться в какой-то тыловой аппарат, а не в руководящий орган политической работы в боевой обстановке.

Не могу пройти мимо следующего факта - одного из многочисленных свидетельств величайшего энтузиазма, царившего среди гражданского населения. Не успел я приехать в Краскино, как ко мне явились несколько женщин и стали настойчиво просить об отправке их на фронт. Я отказал им в этой просьбе и посоветовал включиться в активную работу тыла.

Женщины ушли от меня недовольные. Назавтра я встретился с ними на передовых позициях. Оказывается, они пошли в госпиталь и добились своего. Их отправили для работы в полевые медицинские пункты.

...Вечером 3 августа командир соединения провел совещание с командирами и комиссарами частей. На совещании были дани указания о там, чтобы партийно-политическая работа проводилась в полном соответствии с условиями боевой обстановки, а именно: партийные и комсомольские собрания должны проходить "накоротке", без лишних разговоров; работу по приему в партию ни в коем случае не прекращать; заявления рассматривать немедленно, использовав для этого периоды затишья.

Совещание предложило провести во всех ротах партийно-комсомольские собрания с докладом командира и политрука роты, а также красноармейские митинги поротно, или - где представится возможность - побатальонно.

На совещании я подробно ознакомился с обстановкой и узнал о ранении инструктора покора тов. Охтомова, возглавлявшего атаку на высоту.

Мы решили привлечь в качестве работников покора инструкторов пуарма, находившихся в это время в соединениях корпуса. В тот же вечер на командный пункт прибыл начальник: Политуправления РККА тов. Мехлис. Он одобрил наше решение и обещал немедленно по прибытии политработников укомплектовать покор полностью.

Вместе с комиссаром мы написали политдонесение, в котором обрисовали действительный ход боевых действий и привели многочисленные примеры мужества и отваги бойцов, командиров и политработников. Таких примеров было уже немало.

Лейтенант Лазарев, кандидат в члены ВКП(б), командир батареи, лично сбил два вражеских пулемета.

Левченко, командир роты, трижды ходил в атаку, получил три ранения и не хотел оставить позиций. Его чуть не насильно пришлось отправлять в госпиталь.

Красноармеец Дымин, раненный в голову, ни на миг не прекращал огня из пулемета и нанес большой урон противнику.

4 августа начинается новая полоса боевых действий. Тов. Семеновский на совещании комиссаров, начальников политотделов и работников покора дал следующие указания:

- Начальнику покора лично пойти в рекогносцировку.

- Работников политотделов соединений прикрепить к частям и подразделениям для организации партийно-политической

работы и для помощи политаппарату в подготовке к атаке.

- Расставить политаппарат по частям и подразделениям для того, чтобы политработники собственным примером мужества и героизма возглавили атаку и повели за собой бойцов.

- Провести совещание политруков, партийно-комсомольские собрания и митинги бойцов и командиров.

- Организовать выпуск боевых листков и наладить ежедневный выпуск многотиражек.

Политдонесения предлагалось представлять в покор три раза в день.

Я пошел в рекогносцировку с командиром соединения тов. Базаровым. Дорогой много раз останавливался и вел беседы с бойцами и командирами, находившимися на наблюдательных пунктах, в окопах, у орудий, в обозах, выясняя, как они знают свои задачи и насколько знакомы с общей обстановкой. Настроение у бойцов и командиров было выше похвал. Все горели желанием как можно скорее с честью выполнить задачу, поставленную любимым наркомом обороны товарищем Ворошиловым.

Личное участие в рекогносцировке, производившейся под непрерывным огнем противника, позволило мне со всей ясностью и полнотой ориентироваться в обстановке. Это показывает важность участия начальника покора в рекогносцировочной группе. К сожалению, покор не собрался после рекогносцировки, чтобы подвести ее итоги. В результате я хорошо знал, что происходит на левом фланге корпуса, с обстановкой же на правом фланге ознакомился только по оперативной карте.

5 августа все работники покора были направлены в соединения для организации партполитработы в частях а связи с подготовкой к атаке, назначенной на 6 августа.

В одном из полков я провел совещание командно-политического состава. Комиссар полка тов. Белорусский подытожил результаты боевых действий за шесть дней. Я довел до командно-политического состава задачи, поставленные командованием соединения. Во время совещания поступил договор о соревновании соединений. Вступая в соревнование, части оспаривали честь, первыми занять высоту Заозерную и водрузить на ней красное знамя. Командирам и политработникам мы рекомендовали ознакомить с договором все подразделения, каждого бойца в отдельности.

Договор вызвал в частях огромный подъем.

Поздно вечером работники покора съехались на командный пункт. Здесь на совещании было решено: на исходном положении перед наступлением провести партийно-комсомольские собрания

и митинги по подразделениям, разъяснив на них задачи предстоящей атаки. Там, где этого сделать невозможно, устроить совещания политруков и их заместителей, поручив им довести задачу до каждого бойца и обсудить договор о социалистическом соревновании.

Рекомендовали выпустить многотиражки и боевые листки, поместив в них сообщение ТАСС о беседе товарища Литвинова с Сигемицу. Дали частям указание начать оформление документов на вступающих в ВКП(б).

Для всех было ясно, что японские самураи, затеяв чудовищную провокацию, рассчитывали без особого труда стяжать себе лавры победителей, так как захват высоты Заозерной обеспечивал им командующее положение в районе. Озеро Хасан не позволяло нашим частям организовать лобовой удар. С юга болотистый перешеек между озером Хасан и рекой Тумень-Ула в 200 метров чрезвычайно затруднял продвижение техники и живой силы. Чтобы подойти к высоте Заозерной с севера, нужно было пройти также по узкому перешейку, преодолеть болото, являющееся ответвлением озера Хасан, и ряд высот. Исходя из этой обстановки, японские самураи чувствовали себя так же надежно, как чувствовал себя Врангель у Перекопского перешейка.

План разгрома японских самураев, разработанный корпусом" предусматривал участие в бою всех родов войск, тесное их взаимодействие и сокрушительный удар по врагу. Поэтому и задачей всей партийно-политической работы было возглавить политический подъем масс, нараставший с самого начала событий, и обеспечить молниеносный разгром японских самураев.

Рано утром 6 августа все работники покора разъехались по соединениям. Со мной вместе выехали помощник по комсомолу тов. Плоских и инструктор пуарма тов. Борисенко. Мы шли к командному пункту соединения, неоднократно подвергаясь артиллерийскому обстрелу противника. Дорогой наводили порядок в движении войск и технических средств. Попутно я проверил готовность передового медицинского пункта к приему и эвакуации раненых я побеседовал с несколькими ранеными, прибывшими с передовых позиций.

Ознакомившись с обстановкой, с передним краем противника, с расположением его огневых средств и с путями подхода наших частей, мы пошли на наблюдательный пункт с картой и уточнили все на местности.

С наблюдательного пункта соединения был хорошо виден передний край противника и подступы к нему для наших

наступающих танков и пехоты.

Утром началась артиллерийская перестрелка. Вражеские снаряды ложились в 10-15 метрах от наблюдательного пункта. В лощине в беспорядке, скученно, стояли лошади, повозки и коноводы. Я послал тов. Плоских навести там порядок, а затем с этой же целью командир соединения направил туда работника штаба. Но порядка им установить не удалось. Грозила опасность, что, если противник перенесет огонь на 20-30 делений вправо, снаряды будут ложиться прямо в лощину. Пришлось пойти и вмешаться самому. Вскоре, действительно, снаряды стали ложиться по лощине. Но обозы были уже рассредоточены, и поражаемости совсем не было.

Атака вот-вот должна была начаться, но облачность и туман не дали возможности вовремя начать воздушную бомбардировку, и начало атаки перенесли. В двухчасовой промежуток каждый находившийся на передовой позиции наглядно убедился в огромном огневом преимуществе с нашей стороны, в замечательном искусстве наших артиллеристов.

- Дадим сегодня жару самурайским воякам! Век будут помнить! восклицали бойцы, с восхищением наблюдая артиллерийскую дуэль. Никто не сомневался в ее печальном! исходе для японцев.

Беспредельно было ликование бойцов, когда приступили к боевой работе гордые соколы нашей родины. Сначала налетели легкие бомбардировщики, бомбя вражеские укрепления. Высоты Заозерная, Богомольная и Безымянная скрылись в дыму, смешанном с землей. Затем ринулись истребители, поливая свинцом из пулеметов самурайскую погань.

Многие из наших бойцов пытались считать количество самолетов, но, увлеченные наблюдением за разрывами бомб, теряли счет. Среди бойцов раздавались восторженные возгласы по адресу доблестных летчиков. Командиров на наблюдательном пункте приходилось предостерегать, чтобы они не демаскировали себя, увлекшись наблюдением за действиями; своей авиации.

Восхищение у бойцов смешивалось с беспокойством, когда зенитные батареи противника открывали огонь по нашим самолетам. Но самураи стреляли из зениток плохо: их снаряды рвались далеко от самолетов. А когда вступили в бой тяжелые бомбардировщики, самураи в панике удрали от зениток, и по нашим самолетам не было больше произведено ни одного выстрела.

Наша авиация господствовала на всем театре военных действий. После бомбежки истребители начали поливать противника огнем из пулеметов. Действия истребителей были

поистине виртуозными. Они то скрывались в, лощинах, то снова молниеносно взлетали вверх и строчили из пулеметов. Зрелище совершенно незабываемое! При вылете истребителей из лощины наши бойцы аплодировали им, а когда самолеты скрывались в лощину, замирали сердца от беспокойства за жизнь геройских летчиков. Однако они снова и снова показывали свое первоклассное мастерство и улетели с поля боя лишь тогда, когда был израсходован весь запас патронов.

После воздушной бомбардировки артиллерийская канонада усилилась. Снаряды буквально засыпали все складки местности, где находились самурайские окопы, батареи и резервы с тылами.

Начался последний и решающий период боя - атака.

Артиллерия перенесла огонь в глубь расположения противника. Загудели моторы танков, цепи пехоты поднялись в атаку. Уцелевшие в укреплениях огневые точки противника и замаскированные вражеские снайперы открыли огонь по нашим танкам и атакующей пехоте. Танки давили и уничтожали огневые точки и живую силу противника. Неописуем был порыв наших бойцов, командиров и политработников, ринувшихся на врага.

Южные склоны высоты Заозерной были заняты. Японцы отступили.

В соединении, наступавшем с севера, была прервана связь с головным полком, и.долго не удавалось восстановить ее. Создавалась угроза столкновения своих частей в ночной темноте, поэтому на передовые позиции была послана оперативная группа в составе начальника штаба соединения тов. Васильева, начальника политотдела соединения тов. Клинова и других работников штаба. Ей поручалось уточнить положение части, наступающей с севера, и установить связь с соединением, наступающим с юга. Группа со своими; задачами справилась хорошо.

В это время в политотделе не оставалось ни одного работника, так как все инструктора были прикреплены к части на неопределенное время. Все силы были брошены на передовые позиции. На командном пункте оставались комиссар корпуса и секретарь политотдела. Это получилось потому, что у начальника политотдела не был создан резерв работников, которым он мог бы маневрировать.

Опыт боев показал, что комиссары соединений и начальники политотделов время от времени должны выезжать на передовые позиции, оставляя на командном пункте своих заместителей, которые были бы ориентированы не меньше их во всей обстановке,

6 августа я вернулся на командный пункт и доложил о

положении на левом фланге. Комиссар корпуса тов. Семеновский предложил мне вызвать весь аппарат политотдела, разъяснить инструкторам, что они не прикреплены к части на все время, а посланы для выполнения определенного задания, после чего должны немедленно возвращаться в покор. При начальнике покора должен быть резерв работников для скорейшего оказания помощи там, где этого требует обстановка.

В соответствии с этим указанием мы и организовали в дальнейшем работу покора. Поставили следующие задачи.

Личным наблюдением уточнить расположение частей на переднем крае. Произвести учет выбывшего политсостава и назначить на место выбывших новых работников из числа коммунистов и комсомольцев. Уточнить количество убитых я раненых и указать политотделам дивизий, чтобы они подбирали их, хоронили убитых и вели учет пофамильно и по занимаемой должности. Организовать учет героев боев для представления их к правительственной награде. Проверить и уточнить сведения о количестве подавших заявления о приеме в партию и комсомол и довести до комиссаров частей указание начальника Политуправления РККА тов. Мехлиса о том, как вести разбор дел по приему в партию и комсомол в ходе боя.

В ряде подразделений и; частей в ходе боев выбыли парторги и комсомольские организаторы. Поэтому политрукам было разрешено назначать новых товарищей вместо выбывших и докладывать об этом комиссару части для санкции. Вместо выбывших отсекров и членов партбюро разрешили комиссарам частей назначать новых и докладывать начальнику политотдела для санкции. В результате такого порядка партийная жизнь шла полным ходом, отвечая требованиям напряженной боевой обстановки.

8 августа в политдонесении мною сообщалось: "Политотдел корпуса почти в полном, составе продолжает работать в частях непосредственно в районе боя, помогая работникам частей в практической работе в боевых условиях; часть работников политотдела работает в тылах по особым заданиям". В тот же день в соединения и части была отправлена директива о перестройке партийно-политической работы в соответствии с условиями боевой обстановки. В ней говорилось: "Части корпуса в героической борьбе с обнаглевшей самурайской сволочью полностью разрешили задачу возвращения советской земли - высоты Заозерной. Сейчас стоит задача удержать ее и прочно укрепить. Учитывая, что враг сможет повторить свою наглую попытку вторжения, и, может быть, в другом направлении, части корпуса должны быть готовы к новой борьбе за высоту Заозерную.

Исходя из этого, политический отдел корпуса предлагает сосредоточить основное внимание на приведении и порядок всех частей. Привести в полную ясность учет личного состава, навести порядок в тылу, наладить организацию материального обеспечения боеприпасами.

Организовать работу по выявлению героев. Добиться от командования немедленного представления к наградам отличившихся бойцов, командиров, политработников и других лиц из начальствующего состава, широко популяризировать каждое представление к награде.

Обеспечить подлинную бдительность, научив бойца отличать действительные факты от провокации.

Самым решительным образом требуем от политаппарата проявления не только мужества, личного примера и отваги, но и умения управлять сложной боевой работой войск.

Тщательно учитывать опыт партийно-политической работы за прошедшие дни. В дальнейшем вести дневники, в которых ежедневно отмечать всю работу политаппарата, партийно-комсомольских организаций, индивидуальную работу членов партии и комсомольцев.

Подтверждаем ранее данные указания и требуем систематической информации. Политдонесения о политико-моральном состоянии частей представлять в политотдел корпуса ежедневно в 23.00".

Эти документы показывают, что покор коренным образом перестроил свою работу и потребовал такой же перестройки от политотделов дивизий.

В первый период боевых действий политотделы дивизий, так же как и политотдел корпуса, прикрепляли своих работников к частям на неопределенное время. В результате начальники политотделов иногда теряли связь со своими работниками и не могли получить от них необходимой информации о ходе боя и партийно-политической работе. Опыт показал, что распыление работников политотдела по частям и подразделениям, и притом на неопределенное время, равносильно самоликвидации политотделов. Поэтому начподивам было предложено собрать своих работников, заслушать их доклады о проделанной работе, дать каждому конкретное указание в соответствии с условиями боевых действий каждой части и только после этого одних работников послать в части и подразделения, а других оставить при себе для оказания немедленной помощи тем частям, которые в этом испытывают острую необходимость.

На нескольких примерах я покажу, как отразилась эта перестройка на гибкости и мобильности руководства

политорганов.

Однажды я получил разноречивые сведения о положении в батальоне - одни исходили от командира батальона, а другие от командира и комиссара дивизии. Я послал своего заместителя тов. Вдовкина. Он быстро и точно установил истинное положение батальона, организовал на месте партийно-политическую работу и доложил покору.

Другой пример. Нам стало известно о заминке с перевозочными средствами для эвакуации раненых с поля боя. Немедленно были подняты на ноги инструктора покора, нашелся транспорт и другие средства, и эвакуация раненых пошла нормально.

Мы вели решительную борьбу с пренебрежительным отношением некоторых политработников к тыловым учреждениям и назначали для работы в них лучшие силы. Партийно-политическая работа в тыловых учреждениях не менее почетна и ответственна, чем на передовой позиции.

В ходе боя мы получали огромную помощь от начальника Политуправления РККД тов. Мехлиса, который находился вместе с нами на командном пункте. Дни боев застали политотдел корпуса без аппарата. Усилиями тов. Мехлиса политотдел был укомплектован работниками. Тов. Мехлис провел несколько совещаний с комиссарами и политработниками, давая им советы и указания. Особенно подробно он инструктировал вновь прибывающие пополнения. По его предложению была создана корпусная газета "На защиту Родины". Она родилась в огне боев, у озера Хасан и была любимой газетой всех бойцов, командиров и политработников. Газета "На защиту Родины" служила материалом для политинформации, ею пользовались чтецы и беседчики. Каждый боец восхищался ею, не оставляя непрочитанной ни одной строки.

Тов. Мехлис давал конкретные указания о работе в боевых условиях. Вот некоторые из его указаний на период перемирия.

- Разъяснить всем бойцам, что части Красной Армии с честью выполнили задачу, поставленную народным комиссаром обороны товарищем Ворошиловым: очистили от самураев высоту Заозерную. Рассказать бойцам, что они разгромили наголову усиленную императорскую дивизию и другие части японцев, действовавшие вместе с ней. Задача дня - укрепить высоту, разъяснить нашу политику мира.

- Возглавить политический подъем масс и усилить прием в партию.

- Помочь бойцам в отправке писем родным и товарищам. Они расскажут о боях. Каждое письмо их будет агитировать за

укрепление обороноспособности нашей социалистической родины, за развертывание стахановского движения на предприятиях и в колхозах, воспитывая у народа патриотические чувства и еще больше сплачивая его вокруг партии Ленина - Сталина.

- Строжайше предупредить действующий состав, чтобы не нарушали договора о перемирии. Не лезть на территорию противника и соблюдать полную тишину как на переднем крае, так и в тылу. Не пускать поодиночке людей на границу.

- Доукомплектовать политсостав частей. Для этого выделить заместителей политруков рот. Каждый политработник должен выделить себе не менее двух заместителей и держать их в курсе всех событий, с тем чтобы, в случае выбытия политработника из строя, его без ущерба мог заменить заместитель. Смелее выдвигать молодых коммунистов и комсомольцев на политработу.

- Организовать нормальное обслуживание бойцов, командиров и политработников. Наладить ежедневную демонстрацию кинокартин, организовать работу клубов, установить души, регулярно менять белье, переодеть и переобуть всех тех, у кого в ходе боев износилось обмундирование. Усилить питание.

- Установить потери, организовать учет личного состава. Сообщить родным и семьям об убитых и раненых.

- Ускорить оформление материала для представления к правительственным наградам всех, проявивших мужество и героизм в защите социалистической родины.

- Произвести полную уборку трупов противника, оставшихся на нашей территории.

- Повысить бдительность. Бдительность должна быть острее, чем и период боев.

Эти указания начальника Политуправления РККА товарища Мехлиса дали возможность быстро навести порядок в частях, не допустить расхлябанности и ослабления дисциплины, что могло возникнуть при переходе от боевой обстановки к мирной.

Совещание командно-политического состава, созванное сразу после объявления перемирия, обратилось, по предложению тов. Мехлиса, ко всем бойцам, командирам и политработникам корпуса с воззванием: "Бойцы, командиры и политработники корпуса в борьбе с обнаглевшей самурайской сволочью, нарушившей неприкосновенность наших границ, проявили исключительное мужество, героизм и беспредельную преданность родине.

В жестоких боях за советскую высоту Заозерную пали

смертью храбрых многие из наших товарищей, горящие ненавистью к врагу, исполненные чувства беспредельной преданности нашей партии, нашему вождю - великому Сталину. Части нашего корпуса вписали сотни героических примеров в блестящую страницу борьбы за нерушимость советских границ.

Часть советской земли - высота Заозерная - в наших руках, на ней реет красное знамя нашей родины. Враг дорого поплатился за гнусную попытку сунуть свое свиное рыло в наш советский огород. Он поставлен на колени, он первый запросил о перемирии.

Мы должны помнить, с кем имеем дело. Мы должны помнить, что самурайская сволочь не отказалась от борьбы с нами, она будет искать наши слабые места, чтобы попытаться нанести новый удар.

Сейчас победа за нами. Мы должны ее закрепить. Необходимо быть в полной боевой готовности ответить ударом на удар.

Товарищи! Крепите свои окопы, траншеи и пулеметные гнезда так, чтобы граната, снаряд, острый штык винтовки всегда были наготове и в нужный момент метко уничтожали ненавистных врагов - японских самураев. Будем крепить каждую точку взятой обратно нашей земли!

За нашего Сталина! За Сталинскую Конституцию! За нашу родину будем готовы к новым боям!"

Батальонный комиссар Н. Полушкин

Массовая партийно-политическая работа

Опыт хасанских боев показал наглядно, что части, первыми вступающие в бой, имеют очень ограниченное время для подготовительной партийно-политической работы. Части нашей дивизии получили боевой приказ для выступления в район озера Хасан 29 июля. Первый подготовительный период проходил с молниеносной быстротой. Части выходили по тревоге.

Партполитработу пришлось проводить на ходу, в процессе короткого марша к месту боя. Комиссары частей не имели никакой возможности собрать партийно-политический аппарат, чтобы проинструктировать людей и дать им конкретные указания.

Они собирали политруков и парторгов группами, побатальонно, вкратце объясняя обстановку и задачи, говорили что конкретно нужно сделать в период следования к месту боя.

В подразделениях были проведены митинги, короткие собрания. Политруки ознакомили бойцов и командиров с обстановкой, объяснили цели японского империализма - подготовку большой войны против Советского Союза. Где не удавалось провести собрание из-за отсутствия времени, там

устраивали короткие митинги. И митинги и собрания проходили с большим подъемом. Бойцы и командно-политический состав с энтузиазмом выражали свою верность родине, свою ненависть к налетчикам. Выступления были подлинно большевистскими, патриотическими. Бойцы и командиры требовали, чтобы их немедленно отправляли в бой на передовые позиции.

Подразделения вызывали друг друга на боевое социалистическое соревнование. Например, бойцы и командно-политический состав 3-го батальона одного из полков вызвали 1-й батальон другого полка. В своем договоре они писали:

"Мы, красноармейцы, командиры и политработники, находясь на передовой линии, заверяем партию, правительство и вождя народов товарища Сталина, что если враг попытается посягнуть на наши священные границы, то мы все, как один, ринемся в бой, не щадя своей жизни, за нашу родину, разобьем самураев. Вызываем вас на боевое социалистическое соревнование, последовать нашему примеру".

Можно привести еще один пример из числа сотен и тысяч. Красноармеец-комсомолец тов. Солянин, идя в бой, заявил:

"Я иду в бой за нашу родину, я не боюсь смерти, я знаю, что я гражданин великого Советского Союза и за советский; народ отдам свою жизнь, но врагам-самураям не видать высоты Заозерной; она была наша, и сегодня будет вновь реять красное знамя страны социализма на высоте Заозерной".

Вся партийно-политическая работа была направлена к тому, чтобы мобилизовать личный состав на скорейший разгром зарвавшихся японских империалистов. Проводилась усиленная индивидуальная работа среди красноармейцев.

Уже во время движения в район боевых действий начали поступать заявления о приеме в партию и комсомол.

Части, вступающие в бой во втором эшелоне, через два-три; дня, имеют все возможности более четко подготовить все звенья партполитаппарата. Отсюда, конечно, не следует, что партполитаппарат частей, вступающих в бой по тревоге, не должен быть подготовленным. Корень зла заключается в том, что политработники в мирной обстановке не работают повседневно и настойчиво над приведением партполитаппарата в полную боевую готовность.

Я, как начальник политотдела соединения, которое участвовало в бою с первого дня налета японцев, испытал на себе ряд недочетов, которые объясняются недоукомплектованностью, а также слабой ориентировкой политаппарата и партийно-комсомольских организаций в сложных условиях.

Я прибыл в дивизию по приказу заместителя наркома

обороны тов. Мехлиса 28 июля, а на следующий день, 29-го, мы выступили. Политотдела, как такового, не было. Прежнее, вражеское руководство делало все, чтобы политаппарат, в том; числе и политотдел, бездействовал.

Поэтому перед нами стоит первоочередная задача - до конца, с корнем вырвать вражеское охвостье, наймитов японо-германского фашизма и их последышей. Нужно, чтобы политотделы соединений были действительно боевыми штабами, чтобы они ежечасно знали и готовили весь партполитаппарат к сложным боевым операциям.

Нельзя дольше терпеть неукомплектованность политотделов и политаппаратов частей. Нужно покончить с частыми переброскими политработников. Если политработник не знает своих людей в мирной обстановке, то в боевой обстановке ему будет трудно работать.

Опыт показал, что политработа в боевых условиях обязательно должна быть беспрерывной. Какие формы и методы политработы оправдали себя в боях?

Во-первых, беседы с небольшими группами. Эти беседы носят своеобразный характер. Иной раз приходится собирать группы бойцов вокруг себя прямо в окопах, когда идет бой. Политработник или рядовой член партии объясняет задачу, популяризирует героев - бойцов и командиров, рассказывает об успехах на фронте и решениях правительства и партии, связанных с укреплением обороноспособности нашей страны.

Можно привести такой пример. Секретарь партбюро тов. Черемнов, пробираясь среди залегших маленьких группок-бойцов, на ходу рассказывал им обстановку и поднимал их на героические подвиги. Тов. Черемнов сам проявил образцы героизма, отваги, преданности делу партии Ленина - Сталина. Он с первого дня боя находился на передовой линии, инструктировал парторгов, комсоргов о примерности в бою, беспощадно боролся с паникерами. Будучи раненным в руку, он не уходил с поля боя. Когда я предложил ему отправиться на пункт медицинской помощи, то он кровно обиделся. Он мне ответил: "Раз у меня еще есть сила, то я не могу бросить парторганизацию своего полка".

И тов. Черемнов продолжал быть на фронте, ходил несколько раз в атаку с батальоном и только вторично раненный оставил поле боя. Тов. Черемнов умер от тяжелых ран, нанесенных ему японскими варварами, но память о тов. Черемнове

будет жить в сердцах наших бойцов, командиров и всего нашего народа.

Комиссар полка политрук Белорусский, ныне батальонный комиссар, с винтовкой в руках, своим геройством воодушевлял бойцов и, когда необходимо было, шел впереди полка в атаку с лозунгом: "Вперед за партию Ленина Сталина, за товарища Сталина!" После вторичного ранения он был вынесен бойцами с поля боя.

Коммунист Д. Т. Крипак, окончивший Горьковское военно-политическое училище им. М. В. Фрунзе, прибыл в часть 20 июля. Он быстро включился в массовую партийно-политическую работу и завоевал любовь бойцов.

Товарищ Крипак вел бойцов в атаку под лозунгами: "За партию!", "За Сталина!".

Вражеская пуля остановила сердце пламенного большевика.

Примеров доблести я мог бы привести немало. Это свидетельствует, что наши командиры и наш политический состав в боях были на высоте своего положения. Они отважно, как патриоты нашей родины, дрались до последней капли крови, ведя за собой красноармейскую массу.

Чаще всего в нашей работе использовалась индивидуальная беседа. Руководители партийных и комсомольских организаций и рядовые члены партии переползали от одного окопа к другому, сообщали новости, ободряли, призывали к победе. Так действовали отсекр партбюро тов. Машляк, отсекр комсомольского бюро тов. Спицын, товарищи Сазыкин, Белоглазов и другие. В результате такой работы мы во время боев имели большой подъем политико-моралыного состояния. Это видно из огромного потока заявлений в партию и комсомол. За период боев и после, т. е. за пятнадцать дней, мы имели больше шестисот заявлений о приеме в партию и две тысячи пятьсот - в комсомол. Поток заявлений в партию и комсомол - это, безусловно, результат партийно-политической работы. Но если бы мы ограничились только приемом заявлений, это было бы полдела. Опыт показал нам, что можно и нужно проводить и самый прием в партию и комсомол в процессе боя. Прием проходил во всех родах войск, в том числе и в стрелковых, только в стрелковых в более сложной обстановке. Когда утихал бой, где-нибудь за укрытием, в окопе собиралось партийное или комсомольское бюро и рассматривало заявления о приеме в партию и комсомол.

Так делал секретарь партбюро тов. Холомеев, который впоследствии был убит во время атаки. Так делали отсекры комсомольских бюро тов. Белоглазов и тов. Гудков. Однако в других парторганизациях становились в тупик, не зная, как принимать в партию, как оформлять прием.

Процесс оформления проходил таким образом. Подающий заявление в партию доставал с помощью политрука и парторга рекомендации, которые писались членами ВКП(б) в окопах иногда простым карандашом. Парторг готовил необходимый материал и передавал его секретарю партбюро полка. Здесь мы уже встречались с большой трудностью. В стрелковых частях парторгу трудно разыскивать отсекра. Поэтому настоятельно напрашивается другой вывод: в бою в стрелковых частях нужно иметь обязательно батальонные бюро, которые непосредственно передавали бы дело в ДПК. Мы это не практиковали, но считаю, что в батальоне возможны делегатские партсобрания, а в полковом масштабе этого нельзя сделать.

Необходимо также, чтобы в боевых условиях артдивизионы имели партбюро.

Парторганизациям нужно все предусмотреть. Например, мы очутились перед таким фактом: не было анкет; для вступающих в партию. Нам разрешили принимать до ДПК без анкет, достаточно было иметь заявление, автобиографию, рекомендации. Анкеты нам после привезли на самолете. Отсюда следует, что парторганизации должны всегда иметь в запасе определенное количество анкет, а политрук или парторг роты должны располагать необходимым количеством бумаги.

Пример: 2 августа, когда шел горячий бой, я находился в полку, разговаривал с красноармейцами в окопах. Вижу, красноармеец тов. Евлагин пишет что-то на маленьком клочке бумаги. Я думал, что пишет впечатления о бое или письмо домой. Но когда спросил: "Что вы пишете?", - он мне ответил:

- Товарищ начальник политотдела, я пишу заявление в комсомол, да вот бумаги нет. Хочу драться и, уничтожать японских самураев; и носить высокое звание комсомольца. Я оправдаю" звание члена ленинского комсомола. Я буду бить японских самураев так, как это подобает комсомольцу.

Я вырвал листок из блокнота и дал ему. Тут же близлежащие в окопах четырнадцать бойцов попросили, чтобы я им тоже дал бумаги. Я вырвал листки, роздал им, и все эти товарищи написали заявления о приеме их в партию и комсомол.

После боев я посетил госпиталь города Ворошилова, где находились наши раненые бойцы, и встретил того самого бойца, тов. Евлагива, который первый попросил у меня бумаги. Он героически дрался с японцами и был тяжело ранен. Он мне говорит:

- Товарищ начподив, видите, я выполнил обещание, которое вам дал. Я собственными руками уничтожил нескольких озверелых самураев, вывел гранатой из строя самурайский

пулемет и двух снайперов, которые мешали нам продвигаться вперед на сопку Заозерную, а затем ползком добрался до самурайских окопов и забросал их гранатами. Я скоро выздоровлю и жестоко расплачусь за себя и павших товарищей.

Сейчас тов. Евлагин комсомолец. Я ему выслал комсомольский билет в госпиталь.

Партдокументы должны выдаваться в бою.

Для этого в боевой обстановке должны быть созданы батальонные и дивизионные бюро, которые имеют право принимать в партию, причем следует учесть, что в бою лучше всего собирать делегатские партсобрания. Опыт показал, что если не будут приняты эти меры, то просто невозможно, чтобы вступающий в партию мог получить на фронте партийные документы.

Считаю также необходимым, чтобы в период боевых действий право выдачи партдокументов имел не только начальник политотдела и комиссар соединения, но и заместитель начальника политотдела и отсекр ДПК или равных им соединений.

В боевой обстановке требуется также более приближенный комсомольский орган. Таким может и должно быть батальонное и дивизионное комсомольское бюро. В роте заявления принимает президиум и передает в батальонное бюро, батальонное бюро окончательно утверждает. Выдачу комсомольских документов в боевой обстановке необходимо возложить на комиссаров частей и отсекров комсомольских бюро. Я делаю этот вывод потому, что в будущих боях мы, безусловно, не будем сидеть на одном месте, а будем двигаться вперед, уничтожая противника на его территории.

В артиллерийских частях эта работа проходит организованнее, ибо артиллерия находится в более благоприятных условиях. Но вывод может быть один: нужно шире практиковать прием в партию и комсомол в условиях боевых действий.

У нас был большой недостаток. Он заключался в. том, что парткомиссия не работала в период боя, не помогала частям организовать прием и оформлять заявления. В практике боевых операций нельзя допускать, чтобы секретарь ДПК забрасывал свою основную работу и уходил в атаку с ротой.

Наш секретарь ДПК тов. Гвоздев, несмотря на ряд предупреждений о том, что его основное место не во взводе и роте, а в центре парторганизации части, все-таки пошел в атаку; этот энтузиаст-большевик был убит.

Заместители политруков в период боев блестяще выполняли

свою роль: они ежеминутно были с бойцами, поднимали боевой дух бойцов и увлекали их вперед. Можно привести десятки примеров, когда заместители политруков использовали каждую минуту для партполитработы, для бесед с группами или отдельными бойцами. Они выпускали боевые листки, переносили их из окопа в окоп. Особенно выделялись такие заместители политруков, как товарищи Бацура, Данилов, Дрягин, Азонов и другие.

Заместители политруков прекрасно справлялись и с работой политруков, а когда выбывал комиссар, то заменяли и комиссара части. Например, после ранения комиссара полка тов. Белорусекого его заменял заместитель политрука Сазыкин, ныне политрук, отсекр комсомольского бюро.

Заместители политруков в РККА - это богатейший фонд политработников. За время боев и после мы выдвинули на самостоятельную политработу более ста двадцати человек заместителями политруков.

Секретарь партийного бюро И. Машляк

Митинги и собрания

Неизмеримым авторитетом пользуются армейские большевики у красноармейской массы. В мирных условиях этот авторитет завоеван повседневной борьбой за повышение боеспособности части, во время боя личным примером, героизмом, умением ориентироваться в самой сложной обстановке, искусством побеждать любого врага. Бои у озера Хасан показали, что коммунисты нашего полка были в авангарде, вели за собой массы красноармейцев и командиров всегда и всюду - в походе, на передовых позициях, в разгар боя. Коммунисты и беспартийные жили одной мыслью набить морду японцам. Бойцы понимали коммунистов с полуслова.

1 августа недалеко от высоты Заозерной, в густом кустарнике, мы устроили митинг. Комиссар полка тов. Бондаренко обратился с краткой речью к бойцам. Он напомнил им священный долг каждого гражданина СССР - защищать свою родину.

- На нас смотрит вся страна глазами стосемидесятимиллионного народа. Народ уверен, что мы проучим японских провокаторов, уничтожим грязных налетчиков, посмевших перейти рубежи Советского Союза, - закончил он свою речь.

Эти простые слова понятны были всем бойцам, каждый готов был с честью выполнить свой долг - долг воина великой армии страны социализма.

В бою авторитет коммунистов поднимался еще выше, он

завоевывался героическими подвигами.

Член полкового партийного бюро старший лейтенант тов. Скрипченко своим героизмом и отвагой увлек бойцов и командиров в атаку, выбил превосходящие силы японцев с занимаемой ими позиции. Ворвавшись с несколькими бойцами в окопы японцев, он забросал их гранатами, расстреливал из пистолета. Несмотря на ранение, он остался на позиции, продолжая умело руководить своей ротой. Вражеская пуля оборвала жизнь этого бесстрашного большевика.

Беспартийные командиры и красноармейцы, видя, как самоотверженно сражаются коммунисты, следовали их примеру. Они горели одним желанием: как можно скорее выбить с советской территории наглых провокаторов войны. Идя в бой, многие командиры и красноармейцы подходили ко мне и заявляли:

- Товарищ секретарь партийного бюро, если я погибну, то считайте меня коммунистом.

- В бой хочу идти большевиком, - так заявили младший лейтенант тов. Чаплына, техник Авдеев, заместитель политрука Соколов, старший лейтенант Змеев и десятки; других товарищей. Их заявления не расходились с делом. Они дрались, как львы.

Во время боевых операций ко мне, как к секретарю партбюро полка, и тов. Спицыну, секретарю бюро ВЛКСМ, буквально потоком шли заявления о приеме в партию и комсомол. Когда шальная пуля приковала меня к земле на высоте Заозерной, в моей сумке находилось больше тридцати заявлений бойцов и командиров, изъявивших желание вступить в партию.

Многие из этих заявлений были написаны на клочках бумаги неровным почерком, но все они говорили об одном; - о безграничной преданности партии большевиков, о своей готовности отдать за дело Ленина - Сталина самое дорогое, что есть у человека, - жизнь.

- Мне двадцать восемь лет, - писал в своем заявлении лейтенант Глотов, - прожил я еще немного, но всю эту небольшую жизнь я честно работал для родины, для народа. Мыслями, всем своим существом я давно в большевистской партии. Теперь, когда я защищаю границы от вражеского полчища, я хочу быть коммунистом. Прошу принять меня в ряды ВКП(б). И если вражеская пуля сразит меня на поле битвы, прошу считать меня большевиком.

Это заявление мы разбирали на заседании партийного бюро 4 августа. Заседание происходило в окопе, когда над головами свистели японские снаряды. Длилось оно недолго. Тов. Глотова все прекрасно знали. Вчера на глазах у всех взвод курсантов под

командованием Глотова отважно дрался во время атаки на высоту Пулеметную.

Решение партбюро было коротко:

"Принять тов. Глотова в кандидаты ВКП(б) по второй категории".

Не пришлось тов. Глотову присутствовать на партийном собрании, не пришлось ему держать в руках дорогую книжечку - карточку кандидата ВКП(б). 6 августа в боях за высоту Заозерную он погиб геройской смертью. Как всегда, в этот день он шел во главе своего взвода, совершая стремительные броски и преодолевая бешеное сопротивление врага.

Не поздоровилось японцам от губительного огня взвода курсантов во главе с командиром-героем тов. Глотовым. И в тот момент, когда до высоты оставались десятки метров, он пал на землю, подкошенный пулей. Последним его словом, обращенным к бойцам, было:

- Вперед, на Заозерную!..

Коммунистов в полку было немного, всего тринадцать человек. Но их авангардную роль, их направляющую силу чувствовало каждое подразделение, каждый боец. Если партийная организация принимала решение, то оно быстро проводилось в жизнь коммунистами, комсомольцам и непартийными большевиками.

6 августа, в этот памятный день, в одном из окопов мы проводили партийное собрание, на котором комиссар тов. Бондаренко сообщил коммунистам о предстоящих боях и задачах партийной организации.

- Мы обязаны, - сказал он, - во что бы то ни; стало выполнить приказ партии и правительства - уничтожить наглых японских захватчиков.

Начались оживленные выступления. Первым говорил коммунист командир тов. Соленов. Разобрав подробно действия полка во время боев 2 и 3 августа, он сказал:

- Мы все сделаем, товарищи, чтобы выбить японцев с высоты Заозерной, проучим их так, чтобы они в" следующий раз не вздумали нападать и нарушать наши границы.

Слово получил коммунист тов. Лешенко:

- В прошлом бою мы дрались хорошо. В предстоящем должны драться еще лучше. Очень многие из бойцов и командиров вели себя героически, завтра же мы все должные драться геройски! и; вести за собой массы.

- Наша армия, - горячо говорил член партии тов. Базаров, - должна показать, и она покажет, мощь Советского Союза. Приказ партии и правительства, приказ стосемидесятимиллионного

народа мы выполним с честью. Завтра на высоте Заозерной гордо будет развеваться красный флаг великой страны социализма.

В кратком решении, принятом на собрании, все коммунисты обязались довести до каждого бойца задачу боя и в бою быть только впереди.

Сразу после собрания пошли в наступление. Каждое подразделение действовало прекрасно. Коммунисты в этом бою, как всегда, находились на самых передовых, самых опасных участках, своим героизмом увлекая всех бойцов.

Член полкового бюро политрук тов. Долгов, командуя ротой, умело управлял огнем, беспощадно разя наглых налетчиков. В этом бою тов. Долгов показал себя политруком, хорошо знающим военное дело. Командуя ротой, он принимал правильные решения. Был такой случай: правый фланг японцы сильно укрепили, сосредоточив там много огневых точек. 7-я рота, которой командовал тога. Долгов, одна выполнила удар по правому флангу японцев, дав этим самым возможность 9-й роте, которая действовала левей, выброситься вперед на высоту и там гранатами добить японцев.

Замечательно действовал в этом бою заместитель политрука тов. Гласов. В нем сочетались качества политического руководителя с волевыми качествами командира. На подступах к высоте Заозерной был ранен командир роты тов. Симаков. В разгар боя рота осталась без командира. Тов. Гласов принял на себя командование и уверенно повел роту в бой. Рота под его командованием одна из первых заняла высоту Заозерную. На скате высоты он оказался с десятью бойцами. На эту отважную группу вели наступление превосходящие силы японцев. Тов. Гласов расставил и использовал свои огневые средства так, что мало кто из японцев ушел живым.

Во время боевых операций у озера Хасан работало не только полковое бюро, но и парторги. Наиболее хорошо была поставлена работа в 3-й пулеметной роте, где парторгом тов. Шустров. Впервые попав на партийную работу в мае 1 938 года, тов. Шустров многое сделал для вовлечения лучших комсомольцев - младших командиров и красноармейцев - в партию. Эта работа не прекращалась во время боев. Выращенные им активисты Перцовский, Калин, Якимов проводили беседы, читки газет, рассказывали бойцам об обстановке. За время боев в партийную организацию роты подано было пять заявлений о приеме в партию.

Буквально все формы партийно-политической работы пришлось использовать в боевых условиях. Были: и короткие зажигающие митинги, и беседы с группами и одиночными

бойцами, и читки газет, только что с трудом: доставленных на передовую линию, и собрания комсомольцев и красноармейцев. Методы политической работы были разнообразны и зависели от обстановки.

Я приведу один пример, который до некоторой степени будет характеризовать партийно-политическую работу в бою. Молодой политработник тов. Стольников, из заместителей политруков выросший до политрука пулеметной роты, очень умело организовал индивидуальные беседы с бойцами.

Во время боя он провел в одном из окопов беседу с пулеметчиком тов. Прошкиным. Простыми словами он рассказал, чего от нас ждут партия и правительство. Вывод всей этой беседы сводился к одному - нужно как следует проучить зарвавшихся японцев. Кроме того, он рассказал о многочисленных митингах, прокатившихся по всей стране в связи с японской провокацией. Достаточно было этой простой беседы, чтобы в последующих боях тов. Прошкин действовал героически. Он из своего пулемета уничтожил не один десяток японских налетчиков. Там, где ему не удавалось выбить врага огнем пулемета, он действовал гранатой.

Мы старались воспитать в бойцах стремление оказывать взаимную помощь. И этого добились. Бойцы помогали друг другу перевязывать раны, поддерживали в бою друг друга огнем.

Хладнокровие, расчетливость во всех своих действиях, правильная ориентировка в любой обстановке - воспитание всех этих качеств также ложится на политработников всех категорий. Хладнокровие и расчетливость крепко помогают в бою. Командиру отделения тов. Штремила на высоте Заозерной пришлось встретиться лицом к лицу с несколькими японцами. Они стремились захватить пулеметчика живым.

Но не таков Штремила, чтобы попасться в лапы врагу. Он расстреливает из своего пулемета восемь японцев.

Хорошие образцы партийно-политической работы показал молодой, инициативный политрук тов. Динотаич. Под артиллерийским огнем он пробирался в окопы и траншеи к бойцам и запросто беседовал с ними, шутил, рассказывал новости. Ведя роту в бой, он провозглашал зажигающие лозунги: "Вперед за Сталинскую Конституцию!", "За великого Сталина вперед!" - и бойцы шли за ним.

Так действовали многие политические работники нашего полка.

Неизменным помощником коммунистов во всей работе являлась комсомольская организация полка. Комсомольцы, как и коммунисты, героически сражались на передовых позициях.

Комсорг пятой роты тов. Захаров во время боя умело

управлял своим отделением. Он своевременно переносил огонь пулемета на огневые точки противника, уничтожая их. Во время атаки на высоту Заозерную он находился впереди отделения, забрасывая японцев гранатами.

Геройски вел себя и комсомолец младший командир взвода тов. Мичугов. Он сумел уничтожить одного японского снайпера. Этот снайпер, сильно беспокоивший нас, был хорошо замаскирован. Как мы ни старались его обнаружить, ничего не выходило. Тов. Мичугов решил во что бы то ни стало уничтожить вражеского снайпера, скрытно выбрался из блиндажа и пошел в сторону противника. Все мы с напряженным вниманием следили за его действиями. Скрываясь в густой траве, прячась за складками местности, он на расстоянии пяти метров подполз к японскому снайперу и бросил гранату. Снайпер был убит. Тов. Мичугов. вернулся, держа в руке японскую винтовку с оптическим прицелом.

Многие из красноармейцев желали стать членами ленинского комсомола и здесь же на позиции писали заявления. Таких заявлений в полковое бюро ВЛКСМ поступило пятьдесят шесть.

В заключение остановлюсь на огромной роли социалистического соревнования в бою. 6 августа вместе с комиссаром нам удалось в нескольких батальонах провести митинги. Говорить приходилось немного. Бойцы и так все хорошо понимали. Когда я произнес на митинге:

"Постоим за родину, за великого Сталина!" - все бойцы и командиры в один голос ответили: "Смерть самураям!"

Здесь же на митинге, взводы, отделения и каждый боец в отдельности вступили в социалистическое соревнование - кто первый водрузит красный флаг на высоте Заозерной.

Вскоре мы пошли в наступление. Все бойцы с именем Сталина на устах стремились как можно быстрее овладеть высотой Заозерной и прогнать японцев с советской территории.

Наступление продолжалось. Ничто не могло остановить победного шествия красных воинов. Я с группой бойцов вскоре овладел высотой, и на ее вершине мы установили флаг СССР.

Мы оказались победителями соревнования: высота Заозерная была нами взята.

Красноармеец С. Апарцин

Командир Провалов

Вооружившись палками и камнями, бабушкинцы приближались к угольщикам. Костя бегал по дворам своих товарищей и собирал "отпорную" дружину.

- Ванюшка, - кричал Костя под окном; - бабушкинцы опять прутся! Собирайся!

Затем забегал к Кольке Сметанину, Ваське Барышеву и формировал свой отряд.

Когда бабушкинцы заходили на территорию рабочего поселка угольщиков, Костя командовал:

"По краям разберись!"

С криками: "Наша возьмет!", дружина кидалась на пришельцев.

Так было почти каждое воскресенье.

И сколько Костю ни бил отец, сколько ни унимала мать - не помогало. После каждой новой нотации он совершал новые "лихие налеты" на бабушкинцев и потом с жаром рассказывал об этом своим же родителям.

Много интересного может рассказать о своих детских забавах и "баталиях" Константин Провалов. Но еще интереснее его воспоминания о первом боевом крещении, которое он получил, будучи младшим командиром Красной Армии.

Было это в 1929 году. Белокитайцы, по наущению японской военщины, пытались силой отобрать у Советского Союза Китайско-Восточную железную дорогу. Возле города Мишаньфу шел жестокий бой. Утомленный беспрерывными атаками, Константин Провалов вместе с отделением, которым юн командовал, остался без боеприпасов. Белокитайцы окружили отделение Провалова и пытались всех захватить живьем. В памяти Провалова молниеносно промелькнули: бои с бабушкинцами. Он поднялся, механически скомандовал: "По краям разберись!", и с криком "ура" первый бросился в рукопашный бой. Старая практика пригодилась: Провалов, с отделением врукопашную прорвал кольцо и без единой потери пробрался к своим.

Константину Ивановичу Привалову 32 года. Грудь его украшает юбилейная медаль "XX лет РККА", в кобуре бережно хранится именной пистолет. От младшего командира он вырос до командира полка.

И сегодня, готовясь ехать в лагерь, он обдумывал планы занятий с красноармейцами. Дверь внезапно отворилась, и в комнату вбежал Трифонов. По раскрасневшемуся лицу и сверкающим глазам Провалов догадался, что гость пришел с какой-то тревожной вестью. Не спрашивая в чем дело, он накинул на себя шинель и; вышел вместе с Трифоновым.

Разговор состоялся в штабе.

- Значит, там уже стянута дивизия? - переспросил Провалов.

- Да, товарищ капитан, разведка так сообщает.

- Хорошо. Вы оставайтесь здесь, организуйте народ, а я поеду в лагерь.

Весь путь прошел в глубоком раздумье. Изредка Провалов обращался к сидевшему в машине политруку Куярову, делился своими планами.

- Главное - расставить коммунистов, - несколько раз повторял он. - Это народ непобедимый, возглавит бой.

Куяров одобрительно кивал головой, что-то повторял, записывал у себя в блокноте. Машину трясло. Записи выходили кривые, буквы ломаные, слова неразборчивые.

Вот и лагерь. Жаркое июльское солнце заманило многих бойцов на берег мелководной, но быстрой речки. Оттуда слышались звонкие голоса и смех. В тени, около настольного биллиарда, группа бойцов сосредоточенно наблюдала за движением маленьких шариков. А некоторые, спрятавшись в глубоких зарослях сочной травы, читали книги. Был обеденный перерыв в один из учебных дней.

Необычным оказался только сигнал горниста. Он отчетливо был слышен во всем лагере.

К клубной палатке быстро собирались бойцы. Они заполнили скамейки эстрады, заняли зеленеющую полянку и внимательно слушали страстные речи. Говорил комиссар Белорусский, говорили бойцы Сазыкин, Леонтьев, Хряпано". Последним выступил Провалов. Часто откашливаясь и делая паузы, он рассказал обстановку и закончил:

- Японцы грозят нам силой. Японцы захватили нашу сопку. Хватит! Оружием мы заставим их уважать советскую границу! Присутствующие громко аплодировали.

...К ночи разразилась гроза. Крупные капли дождя, как иголки, кололи лицо. И без того тяжелое боевое снаряжение от воды еще больше потяжелело. Люди устали. Отдохнуть бы! Но как? Ведь приказано к четырем часам прибыть на заставу и вступить в бой с противником. Каждая минута промедления может повлечь за собой тяжелые последствия.

Провалов обошел батальоны, подошел к группе отстающих бойцов и вместе с ними стал преодолевать болота и овраги, подбодряя их.

- Помните, товарищи, как чапаевцы шли в бой? А как ваши отцы воевали в годы гражданской войны?

Летняя ночь коротка. Когда часть прибыла к указанному месту, начало уже светать.

Заметив продвижение советских войск, японцы решили обойти их с флангов и "завязать в мешок". Выдумка хитрая, но не удалась.

Вынув карту, Провалов что-то отмечал крестиками, подсчитывал и затем отдал приказание рассредоточить людей по

флангам.

Заняв позиции у высот, батальоны усиленно готовились к наступлению. Бойцы окапывались, тщательно маскировали орудия.

Провалов ставит задачу командному составу:

- Противник - рядом. Мы должны занять эту высоту и уничтожить японцев. Справа действует первый батальон, слева - второй, в лоб - третий.

Переспросив, понятна ли задача, нет ли дополнительных вопросов, Провалов уселся, немного задумался и уже не приказывающим, а товарищеским, дружелюбным тоном заговорил:

"Помните, товарищи, за нами смотрит мир. За нами следят партия, Сталин, весь советский народ! И если мы промахнемся..."

Дальше ему не дали говорить. Полные решимости и отваги, командиры даже обиделись. Они умеют только побеждать.

Разошлись. Каждый командир подразделения мысленно расставлял своих людей на-решающие участки, рассчитывал строго время, чтобы не нарушить указаний Провалова.

Из-за моря стало пугливо выглядывать солнце. Сырой туман густой дымкой закрыл горизонт.

- Огонь! - послышался вскоре сигнал Провалова.

- Огонь! - перекатывалось из роты в роту, из отделения в отделение.

И люди: вступили в бой.

Провалов выбежал с командного пункта, взял с собой взвод и на ходу скомандовал:

- Ползком за мной! Вперед!

За командирами самураи следили особенно внимательно. Для стрельбы по ним они выделили лучших снайперов. Но взять Провалова на мушку было не так-то легко. Семилетняя беспрерывная учеба научила его многому. В бою он неуязвим. Низко пригибаясь, ползком на брюхе, перекатываясь с боку на бок, он преодолевал особенно опасные места, по которым противник вел огонь.

Но тут случилось то, чего Провалов никак не мог ожидать.

Когда до противника оставались считанные метры и Провалов готовился к рукопашному бою, сзади кто-то дернул его за рукав. Он обернулся и увидел перед собой полкового комиссара тов. Николаева. Тот исподлобья посмотрел на командира и коротко сказал:

- Идти в атаку запрещаю. Вас убьют, а кто будет руководить полком?

Провалов стал доказывать необходимость своего участия в

атаке, но Николаев был непреклонен. Пришлось повиноваться и отойти назад. Часть шла в наступление.

Все реже слышалось визгливое японское "банзай", все мощнее разрезало воздух громкое красноармейское "ура".

Сквозь стоны и бред раненых самураев стали, доноситься пугливые команды японских офицеров к отступлению. Но они еще не разбиты. В бой вступают гранатометы, огнеметы и пушки.

Николаев, ушел. Провалов подождал немного и снова бросился вперед.

- Смелее, товарищи! Бей самураев!

- За партию! За родину! Вперед! - пронесся по рядам призыв командира.

Бойцы напрягают усилия, пулеметчики, быстрее двигают телами "машинок". Вдруг Провалов скорчился. Руки его крепко сжали правую ногу, из которой струйкой потекла кровь. Он был ранен осколком гранаты. Один из бойцов попытался его перевязать, предлагал отправить в тыл, но Провалов отнял руки от раны, отправил бойца на место и вновь скомандовал:

- Вперед!

Он наспех сделал себе перевязку и отправился с подразделением в атаку.

Утром Провалов докладывал в штаб соединения:

- Японцы оттеснены к Заозерной. Все подступы в наших руках.

* * *

В штабе соединения Провалов задержался недолго. Ему коротко изложили предстоящую задачу и сказали:

- Не сомневаемся, что справишься!

Провалов улыбнулся, повторил приказ: "Есть взять Заозерную!" - и быстро побежал в расположение своей части. Его поджидали все командиры. Начальник штаба Ильичев вместе с Трифоновым красными крестиками отмечали лощины и высотки, которые еще недавно кишели японцами. Бровеев с Кульковым делились впечатлениями о прошедшей ночи. Приход Провалова прервал разговор.

- Есть приказ сегодня занять Заозерную. Дорогу нам проложит авиация. Учтите, должно быть как можно меньше потерь.

Командиры ушли готовиться к выступлению. Провалов склонился над картой, разрисовал план наступления.

В небе послышался рокот моторов - это сталинские орлы летели к Заозерной. Провалов поднялся и обрадованно крикнул:

"Идут!"

Он побежал вдогонку ушедшим подразделениям. По пути он

проверил готовность танков, отдал им приказание двинуться на левый фланг и побежал дальше.

С бойцами он встретился уже у подошвы Заозерной. Они веди интенсивный огонь по японцам. Провалов прильнул к одному из пулеметчиков и наспех расспросил, все ли в порядке. Узнав, что все полностью обеспечены питанием и боеприпасами, он покинул его и отправился на правый фланг.

Скаты высоты были закрыты столбами пыли, дыма. Японцы подтягивали подкрепления и открыли гранатометную стрельбу.

Вдруг замолчал наш пулемет. Пулеметчик, запрокинув голову назад, тихо вскрикнул и покатился вниз. Провалов залег за пулемет и, посылая одну за другой свинцовые очереди, продолжал командовать:

- Правее! Обходи в; тыл! Кто-то подскочил на смену.

- Товарищ капитан, я пулеметчик. Дайте я пошлю им "подарок"!

Провалов отполз. Рядом с ним небольшая группа бойцов мужественно атаковала отрог сопки. Провалов подобрал винтовку и вместе с бойцами начал стрелять. Подошло подкрепление.

Японцы отхлынули, в беспорядке рассыпавшись по скату. Провалов все забирал правее, к вершине Заозерной. Переползая от одного бойца к другому, он указывал новую цель. Когда противник был на виду, Провалов первым бросился в атаку, командуя:

- Гранатами, беглым...

Он побежал к пулеметчикам и по-отцовски, ласково обратился:

- Миленькие пулеметчики, жмите, нажимайте. Осталось немножко...

И действительно, через несколько часов на высоте был водружен советский красный флаг.

В открывающиеся то и дело двери палаты входят люди в белых халатах. Они о чем-то тихо между собой разговаривают, что-то передают друг другу. До нас доходят обрывки фраз.

- Вечер решает...

- Переливание крови...

Все закончилось хорошо. Вечер, в который делалось переливание крови, прошел благополучно. Вновь засияла улыбка на худощавом, бледном, лице Константина Ивановича. Голос его звучит уверенно, он жестикулирует руками, с увлечением рассказывая о памятных августовских днях у озера Хасан. Время от времени он делает паузу, вспоминает даты и наименования, цифры и факты и, когда рассказ подходит к концу, от всей души восклицает:

- Нога заживет, все зарастет. Зато мы им показали! Будут долго помнить японцы августовские дни у озера Хасан!

Батальонный комиссар Н. Лебедев

Инструктор политотдела

Третьего августа я прибыл в Краскино и; получил от начальника политотдела тов. Никишева задание - связаться со всеми частями, находящимися в районе Краскино, и наладить поступление от них политической информации, чтобы каждый день знать, в каком состоянии находятся части. Я лично повидал всех комиссаров, во многих частях побывал сам, установил порядок и сроки поступления информации.

Утром 5 августа получил приказание выехать в. район; действий. Это извещение еще больше подняло дух: хотелось скорее принять активное участие в непосредственном разгроме японских налетчиков.

К вечеру прибыл на командный пункт. Идет совещание политработников. Тов. Семеновский говорит о роли и месте инструктора политотдела.

- В зависимости от конкретно сложившейся обстановки, - заявил он, инструктор должен явиться организатором масс на передовой линии, а если потребуется, и возглавить атаку. Инструктор должен проверить и помочь организовать работу тыла: снабжение боеприпасами, доставку пищи на фронт и эвакуацию раненых. Он постоянно обязан держать связь с политработниками и информировать политотдел о состоянии частей и о проделанной работе.

- Бойцам, командирам и политработникам надо разъяснить, что нам поставлена почетная задача - разгромить японских налетчиков.

6 августа, утром, я выехал вместе с другими: политработниками в часть на передовые позиции. Дорогой мы попали под артиллерийский обстрел. Оставив лошадей в укрытии, мы двинулись пешком, используя складки местности. Короткими перебежками быстро дошли до командного пункта, где находился старший политрук тов. Кравченко. Решили провести в подразделениях короткие беседы с бойцами.

В окопе я встретился с политруком тов. Гусевым и его подразделением. Завязалась беседа с бойцами. Они интересовались, скоро ли будем выступать, какой план разгрома японцев и будет ли действовать наша авиация.

Бойцы брали на себя обязательство первыми: поставить красный флаг на высоте Заозерной. Семь красноармейцев заявили о своем желании вступить в комсомол. Два комсомольца подали заявления в партию. Все рвались в бой, ждали приказа о

выступлении.

Беседа несколько раз прерывалась из-за артиллерийского огня. К роте подошел командир тов. Солуянов и коротко объяснил задачу.

- Приказано наступать и действовать на левом фланге.

Приготовиться!

В воздухе появились самолеты. Послышались взрывы бомб.

Рота двинулась вперед.

Японцы, заметив движение, открыли пулеметный и ружейный огонь. Японская артиллерия в это время не стреляла: очевидно, наша авиация вывела ее из строя. Мы уже перед японскими окопами. Остается взять два отрога. Нас сопровождают танки. Но вот на предпоследнем отроге получилась заминка. Японцы сосредоточили сильный пулеметный огонь. Продвигаться вперед невозможно.

Командир, комиссар и я, ориентировавшись в обстановке, решили организовать систему огня так, чтобы под прикрытием наших станковых пулеметов бойцы могли взять последний отрог перед японскими окопами. Когда установленные по-новому пулеметы открыли огонь, подразделения двинулись вперед с меньшими человеческими жертвами. Бой продолжался до вечера.

С наступлением темноты приняли решение эвакуировать в тыл раненых и убитых. Взялся за это начальник санитарной службы. Командный пункт перенесли вперед.

Японцы, очевидно, получив подкрепления, начали обстрел наших позиций, разбрасывая снаряды в разные стороны. Ружейно-пулеметная перестрелка продолжалась всю ночь. К утру наступило некоторое затишье.

Высота Заозерная была очищена от японцев. Социалистический договор мы выполнили. На высоте развевался наш, советский красный флаг.

У всех было огромное воодушевление. Утром привели в порядок свои подразделения, назначили командиров и политработников взамен выбывших.

На командный пункт прибыл капитан Пырялин из штаба соединения и поставил перед нами задачу - подготовиться к атаке, вышибить японцев с сопки Пулеметной, сбросить их в реку Туменъ-Ула. Политработники разошлись по окопам, чтобы рассказать об успехах боя 6 августа и разъяснить задачи предстоящей атаки.

Беседы проходили оживленно. Бойцы были готовы выступить в любую минуту.

Танкисты также готовились к атаке.

Провели рекогносцировку местности, и в 15.00 две группы

бойцов с танками бросились на японские окопы. Слева нас поддерживали станковые пулеметы. Передние бойцы и командиры достигли японских окопов. Носильным пулеметным огнем японцы отбили атаку и открыли: артиллерийский и минометный огонь.

Ошибка наша в этой атаке заключалась в том, что мы не подготовили ее огнем, а решили взять противника ударом в лоб. Местность не способствовала этому.

Командование учло опыт и, готовя новую атаку, тщательно организовало артиллерийскую подготовку.

Дни 8-11 августа проходили в артиллерийской перестрелке и га отдельных атаках на разных участках фронта. В окопах проводились беседы и читки газет. К этому времени в часть стала поступать газета "На защиту Родины". Бойцы и командиры с жадностью прочитывали каждую ее страницу и строку. Большой интерес вызывали переговоры между товарищем Литвиновым и Сигемицу.

- Самураи запросили пощады, - говорили бойцы, прочитав газету, значит, досталось от нас здорово.

11 августа стало известно, что советское правительство согласилось на перемирие, предложенное японцами.

Мы разъяснили бойцам, что всякий выстрел с нашей стороны после начала перемирия будет рассматриваться как провокационный факт.

* * *

Вечером 11 августа я прибыл в политотдел, доложил о своей работе.

Обстановка изменилась, стрельбы больше нет, но трудности в работе не уменьшились, работа усложнилась. Пошли сильные дожди. Отсутствие дорог, остановка автомобильного транспорта создали неимоверно тяжелые условия для доставки продовольствия в действующие части. Приходилось пользоваться гужевым транспортом. Организовали караваны шаланд по извилистой узкой речушке, наполненной дождевой водой.

Несколько дней я работал по продвижению продовольствия частям, а затем получил приказ отправиться в бухту Сивуч, куда прибыл ансамбль красноармейской песни и пляски, чтобы доставить его в части. Нужно было преодолеть пять озер.

Путь предстоял трудный, но я понимал, что задача важная: участникам боев надо дать возможность культурно отдохнуть после разгрома японцев.

Комкор Г. М. Штерн и дивизионный комиссар Ф. А. Семеновский у телеграфного аппарата

Я собрал двенадцать подвод, взял двух красноармейцев-

пограничников товарищей Дудниченко и Немчинова для сопровождения, и мы поехали в бухту Сивуч.

Отсюда участники ансамбля вместе с нами двинулись в тяжелый путь через долину. На пути встретили бурный разлив. Решили ехать бродом на повозках. Первая повозка прошла хорошо, а вторая на середине застряла. Колонна остановилась. Объезда не было. Пришлось пассажиров из повозки перевозить верхом на лошадях. Баяны и другие инструменты также везли верхом.

Пошел сильный дождь. Артисты, не унывая, шагали вброд или ехали верхом на лошадях.

Ансамбль доставил нам много радости. Бойцы горячо благодарили артистов.

* * *

Итак, в период боевых действий инструктору политотдела приходится быть на разных участках и выполнять разную работу. Роль его должна заключаться в том, чтобы умело, правильно оценивать обстановку, участвовать в решении задач и организовать людей на выполнение этих решений, не подменяя командование и парторганизацию.

Недостатком в, моей работе было то, что я недостаточно следил за кадрами и не всегда вовремя принимал меры к тому, чтобы заменять выбывающих из строя политруков, комсоргов, парторгов я заместителей политруков. А это имеет решающее значение в боевых условиях.

Секретарь партбюро лейтенант Ф. Маньковский

Партийное бюро

Двадцать пятого июля в часть поступила газета "Тревога" с сообщением, что японцы нарушили границу.

Политруки Алуев и Семеида провели об этом политинформацию. Боец Шумов в конце политинформации заявил политруку:

- На всякие провокации мы всегда сумеем дать сокрушительный отпор, ибо с нами вместе станет грудью на защиту родины стосемидесятимиллионный народ.

По сигналу "тревога" весь личный состав части быстро собрался. Еще раз проверив оружие и материальную часть, ждали приказа о выступлении на марш. Партийное бюро собрало коммунистов, обсудило с ними задачи предстоящего марша. На совещании выступали многие. Парторг тов. Иванников, в частности, заверил, что он, как начальник парка, берет на себя обязательство не допустить ни единой вынужденной остановки машин.

Свое слово он сдержал с честью. Машины на марше

действовали безотказно.

После я отдельно собрал парторгов и конкретно рассказал им, как распределить коммунистов по взводам, какие дать им задания. Предупредил товарищей, что коммунисты должны не только проводить беседы на политические темы, но и заботиться о быстрейшем и высококачественном ремонте материальной части.

Члены партбюро товарищи Баканов и Семенда взялись помочь парторгам составить план партработы на марше, распределить партийные силы и проверить, как выполняются задания. Все коммунисты с большевистским огоньком взялись за работу.

Бойцы и командиры выражали великую ненависть к японским захватчикам.

Комсорг Сергей Котов пришел к командиру роты тов. Негрию и заявил:

- Я еще не умею водить танк, работаю на ремонте. Но обязуюсь в самый короткий срок самостоятельно отремонтировать танк, овладеть им и пойти в бой против японских собак. Отправьте меня немедленно на передовые позиции.

Командование удовлетворило просьбу тов. Котова, и он со своей мастерской выехал на передовую, позицию. Под свист пуль и разрывы японских снарядов он ремонтировал машины и не уходил, пока не кончал полностью ремонта.

Был такой случай: японцы открыли ураганный огонь по нашим артиллерийским позициям. В одной из лощин находился сборный пункт аварийных машин. Снаряды стали рваться в 1 5 метрах от танков. Нужно было вывести их в другое место и рассредоточить. Сделали это быстро. С одним танком получилась задержка, у него не работало зажигание. Комсомольцы Котов и Васильев, рискуя жизнью, взялись спасти танк. Они буквально за несколько минут восстановили; зажигание, под разрывами снарядов завели танк вручную и вывели его из опасного места.

Таких героических, самоотверженных примеров в боях мы имели сотни.

2 августа к комиссару части тов. Зазимко подходит младший командир, беспартийный большевик тов. Романенко. Со слезами на глазах он говорит:

- Товарищ комиссар, разрешите мне на одном из танков поехать и бой, разрешите молодым водителям показать искусство вождения боевых машин.

Командование просьбу его не удовлетворило. Комиссар разъяснил тов. Романенко, что перед тылом стоит не менее

ответственная и почетная задача: от хорошо работающего тыла зависит успех боя.

Тов. Романенко своей преданной работой показал, на что способен патриот родины, воспитанный партией. К нему на ремонт прибыло несколько танков. Двум нужно было заменить моторы. Романенко и его бригада работали целые сутки, не отдыхая. На следующий день в мастерскую прибыл военком тов. Зазимко.

- Товарищ Романенко, вы отдохнули сегодня хоть немного? - спросил он.

- Я должен выполнить боевое задание, а потом отдохну, - не отрываясь от работы, ответил Романенко. Видя его усталость, комиссар решил вмешаться:

- Я вам предлагаю оставить за себя заместителя и пойти отдыхать.

- Что хотите со мной делайте, но я не пойду спать до тех пор, пока танки не выйдут из ремонта и не вступят в строй. Каждая боевая машина сейчас дорога, а у нас в ремонте их даже две.

- Если вы немедленно не выполните моего приказания об отдыхе, я вынужден буду вас арестовать и положить спать.

Начиная с 1 августа, потоком шли докладные. Бойцы и командиры требовали послать их из тыла на передовые позиции. Красноармейцы-водители Курцевич и Калугин в своей докладной настойчиво просили послать их на передовые позиции.

"Может быть, мы плохо стреляем из танкового оружия, зато мы не подкачаем и будем хорошо действовать с винтовкой. Если этого сделать нельзя, то назначьте нас на автомашины подвозить боеприпасы на передовые линии".

Таких патриотических докладных шли десятки. Одно временно усилилась тяга в партию лучших комсомольцев и непартийных большевиков.

Коммунисты не покладая рук работали в массах. Они, не ожидая, пока можно собрать совещание или заседание, беседовали с отдельными товарищами. Темы часто всплывали в ходе разговора. Бойцы расспрашивали о порядке приема их в члены партии, об оставлении на сверхсрочную службу и интересовались вопросами текущей политики. Коммунисты стремились ответить на каждый вопрос.

Лучшие бойцы и командиры товарищи Шумов, Петренко, Соловьев, Иванов, Ахременко 3 августа подали заявления о приеме в партию. Принимали их в дни боев. Партийное собрание проходило в районе огневых позиций под гром артиллерийской канонады.

Партийных собраний было несколько. Без лишней

заседательской суетни мы за короткий срок решали на них большие политические вопросы. Объявлений о собрании не писали, а извещали товарищей устно. Часть бойцов-коммунистов работала непосредственно на исходных позициях. Все они не могли присутствовать и поэтому выделяли на партийные собрания своих делегатов. Посещаемость собраний всегда была стопроцентной: на собраниях не бывали лишь товарищи, работающие в отрыве.

На одном из открытых партийных собраний во время боев на повестке дня стояли вопросы: о состоянии ремонта танков и задачах части. Собрание происходило под открытым небом, под гул артиллерийских снарядов. Присутствовало много комсомольцев. Было вынесено решение о быстрейшем восстановлении танков и о повышении качества ремонта. Для этого большинство ремонтных бригад было послано на, передовые позиции. Товарищи на работе творили поистине чудеса. Такие темпы в мирное время нам и не снились.

Оформление по приему в. партию задерживалось у нас самое большее пять дней. Если раньше у отдельных товарищей чувствовалась перестраховка о даче партийных рекомендаций, то в боевых условиях рекомендации давали смелее. Лучшие сыны родины доказали работой свою безграничную преданность партии. Коммунисты видели их отвагу и поэтому уверенно давали рекомендации.

Партийная организация за период боев приняла в партию семнадцать товарищей. Заявлений было подано двадцать два. В районе боевых действий организовалась группа сочувствующих.

В боевой обстановке у нас работали кружки по изучению программы и устава ВКП(б).

Многие из товарищей, принятых в партию во время боев, тут же включались в активную партийно-комсомольскую работу.

Тов. Петренко, красноармеец, недавно еще не значившийся в списках актива комсомольской организации, сейчас работает заместителем политрука и является членом комсомольского бюро. Шумов, выдержал экзамен на младшего политрука.

Вблизи передовых позиций партийная организация проводила с бойцами митинги, беседы, политинформации. У всех было огромное желание знать новости дня, что происходит в Китае, в Испании и в Советском Союзе. Остро ощущался недостаток в газетах. Выход из положения был найден. Комиссар товарищ Зазимко организовал прием сводок ТАСС, которые ежедневно зачитывали на политинформациях. Коммунисты и комсомольцы просиживали ночи: у радиоприемника, чтобы записать сообщения ТАСС и потом рассказать товарищам.

Короткие, горячие, содержательные выступления на митингах подымали у бойцов энтузиазм, вдохновляли их на быстрейшее выполнение поставленной задачи. Митинг в день открытия сессии Верховного Совета СССР превратился в демонстрацию преданности и любви к родине.

Рабочие, служащие и колхозники Дальнего Востока прислали на фронт подарки. Перед раздачей подарков мы провели митинг.

- Нам, товарищи, - говорил красноармеец Воробьев! - дорог не подарок, а дорога любовь народа к бойцам. Я с уверенностью заявляю, товарищи, что наша Красная Армия непобедима, ибо с ней весь свободный стосемидесятимиллионный народ.

В дни боев лучшие бойцы и младшие командиры подавали докладные с просьбой оставить их на сверхсрочную службу и пожизненно в кадрах РККА. Младший командир, бригадир Гаделынин в своей докладной пишет:

"Я сам сирота, вырос батраком. Пришел в армию малограмотным. Красная Армия воспитала меня, вывела в жизнь. Я сроднился с ней, и сейчас все мое стремление и желание остаться пожизненно в РККА и верно служить и работать во славу нашей могучей родины".

В один день с ним подал докладную младший командир тов. Колесников. В своей докладной он выражал волю и стремление работать и драться еще лучше, чем у Заозерной. Колесников - тоже сын бедняка. Долго был батраком, потом стал трактористом. В 1935 году пришел в ряды РККА, быстро овладел ремонтом боевых машин, хорошо изучил трактор.

В дни боев тов. Колесников работал на тракторе по эвакуации танков с поля боя. Он, не щадя своей жизни, вместе с помощником тов. Бычиным, непрерывно находился на поле боя. Под свист пуль и разрывы снарядов он вел свой трактор туда, куда приказывало командование. Однажды около трактора разорвался снаряд, осколки посыпались в кабину, разбили стекло, сделали пробоину в кузове и зацепили стальной шлем тов. Бычина. Но тов. Колесникова это не смутило. Он не бросил трактор, а вел его уверенно вперед. 8 августа тов. Колесников написал заявление о вступлении в кандидаты ВКП(б).

Много радости доставил нам ансамбль красноармейской песни и пляски под управлением тов. Александрова. Часть в период перемирия жила обычной будничной жизнью. Неожиданно разнеслась весть, что в район Заозерной приехал ансамбль. Бойцы с нетерпением ждали его. Прямо на дороге была устроена сцена. Ансамбль, объезжая часть за частью, показывал свое высокое мастерство. У нас концерт превратился в мощную демонстрацию любви нашего народа к большевистской партии.

На митинге выступил помощник политрука тов. Труфанов, который горячо поблагодарил ансамбль за высокий класс исполнения подлинно народных и революционных песен и плясок, поблагодарил партию за то, что она заботится о бойцах.

16 августа начались дожди. Часть стояла в низменном месте, недалеко находились река и озеро. От сильных дождей вода стала быстро подниматься, грозила опасность наводнения. Партийная организация бросила клич - вывести машины на возвышенность. Буквально за несколько часов вся материальная часть была выведена в безопасное место. Бойцы в дождь и в грязь с энтузиазмом работали на благо нашей родины. За весь период боевых действий мы не имели ни одного случал, когда бы боец выражал хоть малейшее недовольство.

Отсекр бюро ВЛКСМ П. Вавилов

600 новых комсомольцев

Комсомольцы и вся молодежь нашего полка всегда с большим вниманием следили за международной обстановкой. Провокации японской военщины не застали нас врасплох.

Полк выступил по тревоге в полной боевой готовности.

С чего начал я, как секретарь комсомольского бюро, когда узнал, что мы должны выступить?

Прежде всего я наметил план работы и дал задания членам бюро, а именно: тов. Печенову поручил оказать помощь комсоргам Путимцеву и Кузину, а тов. Колчину - проинструктировать комсоргов Соколова и Федотова в отношении их работы по подготовке каждого бойца к маршу.

Сам я пошел к комсоргам Хохлову, Заволодько и Гриценко. Таким образом каждый член бюро имел конкретные задания.

Большая работа велась на марше. Марш был форсированный. В пути комсомольцы и командиры проводили занятия по изучению пулемета, гранатометанию. Комсомолец Токарев разъяснял бойцам, как действовать в различных условиях боя, и проводил беседы о героической борьбе китайского народа и провокациях японских захватчиков на наших границах.

На марше многие бойцы подали заявления о приеме в комсомол. В подразделении, где комсоргом тов. Соколов, за период марша поступило семь таких заявлений. Девять человек подали рапорты об оставлении их на пожизненную службу в РККА. Сам Соколове написал заявление в - партийную организацию:

"Моя убедительная просьба к партийной организации принять меня в Кандидаты ВКП(б), так как я хочу вместе с коммунистами идти в бой впереди и готов отдать жизнь, каплю за каплей".

Тов. Соколов, после, в боях, подтвердил свои слова делом. Участвуя в нескольких атаках, он личным примером увлекал бойцов вперед, выполняя авангардную роль коммуниста.

Перед выступлением на исходное положение было проведено комсомольское собрание. Докладчик - старший политрук Куракин - коротко информировал об итогах марша, рассказал о международном положении и особенно остановился на роли комсомольцев в бою.

Выступавшие комсомольцы единодушно, с большим подъемом дали клятву в том, что они будут драться в первых рядах и пойдут к победе с великим именем вождя и учителя - товарища Сталина.

Я на каждый день имел план работы и старался во что бы то ни стало выполнять его. Вот, например, какие задачи я ставил себе на 3 августа:

1. Проверить боевую готовность бойцов, где комсоргом тов. Федотов, и оказать ему помощь.

2. Создать комсомольскую организацию у сапер; составить план работы на марше и оказать помощь комсоргу в выполнении заданий.

3. Проследить за правильной расстановкой комсоргов, чтобы не оказалось подразделений без комсоргов.

4. Провести; в 5-й роте беседу о тридцатипятилетии партии Ленина Сталина.

Все намеченное в. этом плане мною было выполнено.

Кроме того, я составил списки комсоргов и заместителей политруков и провел совещание, на котором присутствовало сто десять комсомольцев.

В тот же день мне удалось индивидуально побеседовать с комсомольцем Фейгиным о том, чтобы он подал заявление о приеме его в кандидаты партии.

- Я давно об этом мечтал, - заявил тов. Фейгин, - но со мной никто на эту тему ее беседовал.

Такой же разговор произошел у меня и с врачом Демидовым, который после беседы со мной подал заявление о приеме в кандидаты партии.

Когда часть пришла к исходному положению, я пошел к комсоргу Хохлову и провел в роте беседу с бойцами. Все, как один, выразили твердую уверенность в том, что самураи будут с позором изгнаны с нашей священной земли. По окончании беседы младший командир Зиманин написал заявление с просьбой принять его в партию. Он попросил у меня рекомендацию. Я охотно дал ее, так как давно знал тов. Зиманина и был убежден, что он доверие оправдает. Действительно, он показал в бою

замечательную отвагу и был ранен.

Там же вручил мне свое заявление боец Галимулин. Он писал:

"Я иду сейчас в бой и. если меня убьют, прошу считать, что я умирал комсомольцем. Я не пощажу жизни за дело Ленина - Сталина".

Повар Богачев после беседы обратился к своему начальнику:

"Я убедительно прошу, - сказал он, - дать мне возможность быть на передовых позициях. Я ведь отличный пулеметчик и хочу показать свое искусство на деле".

Подъем был исключительный; все рвались в бой.

К 6 августа между частями был заключен социалистический договор.

Все соревновались за великую честь первыми водрузить на высоте Заозерной красное знамя.

Когда начала боевые действия наша доблестная авиация, мы с бойцами решили выпустить стенную газету. Я взял бумагу и карандаш и пошел собирать заметки.

Кругом рвались вражеские артиллерийские снаряды. Собрав заметки, я пришел с ними к комиссару Гузанову, начали советоваться, как назвать газету. Старший политрук Куракин предложил назвать ее "Атакой".

Заметок у меня было столько, что для всех не хватило места в газете. Пришлось отобрать лучшие. Газета делалась под грохот артиллерийской канонады. Снаряды рвались от нас совсем недалеко.

Вот на выборку несколько заметок из этого номера газеты:

"Я, красноармеец Штефан, пулей врага при выполнении боевого приказа выведен из строя. Мне страшно охота - вместе с вами идти сегодня в историческую атаку на нашего классового врага. Но я, несмотря на ранение, во что бы то ни стало приму участие - держать винтовку я еще могу и буду защищать родину до последнего вздоха".

В газете приведено заявление комсомольца Лоцмана:

"Вся моя жизнь принадлежит любимой партии Ленина - Сталина и нашей родине. Я прошу парторганизацию принять меня в ее ряды".

Боец тов. Фабричкин писал о том, что он остается пожизненно в РККА.

Слово комсомольцев не расходилось с делом. Во время боя они личным примером воодушевляли бойцов.

Например, комсомолец Чернецов при ранении младшего лейтенанта Ерошенко принял командование подразделением и повел его в атаку с лозунгом: "За товарища Сталина! Вперед!"

Сейчас он выдвинут на должность заместителя политрука.

Комсомолец Давыдов - младший лейтенант - умело командовал в бою ротой, участвуя во всех атаках.

За все время боевых действий я держал самую тесную связь с комсоргами, приходя на линию огня. Не было такого случая, чтобы я сутки не виделся с тем или иным комсоргом. Комсорги информировали меня о настроении, о росте комсомольских рядов. Часто беседовал с бойцами.

Комсомолец Чернышев перед атакой подал в парторганизацию заявление:

"Прошу принять меня в партию большевиков, а если убьют, помните и: похороните как коммуниста".

Заместители политруков за короткое время завоевали огромный авторитет среди бойцов и командиров. Бойцы еще сильнее полюбили их в бою.

Тов. Кузнецов до боя был курсантом; в бою его выдвинули заместителем политрука; в комсомол он вступил в 1938 году. Он отважно дрался в нескольких атаках; взяв на поле боя снайперскую винтовку, он уничтожал из нее метким огнем самурайскую сволочь и вызывал общее восхищение среди наших бойцов своей смелостью.

Заместитель политрука Аксенов в бою был кооптирован в бюро ВЛКСМ. Работал прекрасно.

Как вырос в боевой обстановке авторитет ленинско-сталинского комсомола, показывают такие факты. За весь 1937 год в нашем полку было принято в комсомол пятьдесят девять человек, а за один август 1938 года было подано двести заилений о приеме в комсомол и за сентябрь четыреста!

Так растет золотой фонд обороны нашего социалистического государства.

Бюро комсомола не успевало создавать президиумы. К моменту выхода по тревоге мы имели два, президиума, а сейчас их у нас двадцать. Мы не имели ни одного подразделения, в котором было бы пятьдесят процентов комсомольцев. А сейчас подразделение, где секретарь тов. Терешкин, на восемьдесят пять процентов комсомольское; подразделение тов. Хохлова - на девяносто процентов, Ермакова - на восемьдесят шесть процентов.

На комсомольских собраниях, проводившихся в условиях дождливой погоды, царил необычайный подъем.

Например, собрание комсомольцев подразделения, в котором комсоргом тов. Коршуниннков, разбирало два заявления о приеме в комсомол. На собрании: присутствовала и несоюзная молодежь. Во время собрания поступило еще 8 заявлений.

Комсомольскому бюро приходилось оперативно разбирать

заявления, не допуская огульного подхода к приему. Практически мы работали так. Шли прямо все подразделения и там разбирали заявления. Это вызывало небывалую активность молодежи. Там же заслушивали краткие доклады о политико-моральном состоянии, о подготовке к двадцатилетию ВЛКСМ и, т. д.

Вновь вступивших в комсомол мы вовлекаем в общественную работу.

Самые способные из них сейчас работают уже комсоргами.

В условиях мирной учебы у нас иногда получалось так, что молодой боец, вступив в ряды ленинско-сталинского комсомола, долгое время не получал билета из-за неповоротливости руководителей.

Во время боев в районе озера Хасан в ряды комсомола вступили лучшие представители нашей армейской молодежи, доказавшие на боевом деле свою безграничную преданность великой партии Ленина - Сталина.

Мы с комиссаром полка тов. Гузановым вручали комсомольские билеты на высоте Заозерной.

К. О. Сливков - участник боев, отважный пулеметчик, - получив билет, сказал:

- Я очень рад, что нахожусь сейчас в рядах ленинско-сталинского комсомола. Я буду высоко нести славное звание комсомольца. Мой пулемет будет стрелять по захватчикам только на "отлично".

Товарищ Черевик, замечательно работавший у пулемета, уничтожившего немало самурайской погани, в таких же простых, идущих от души словах взволнованно выразил свою готовность отдать жизнь за счастье любимой родины, за родного Сталина.

Однажды нам пришлось вручать комсомольские билеты под сильным дождем. Молодые бойцы - будущие комсомольцы, - казалось, не замечали дождя. Полные радостного чувства, они в торжественном молчании слушали краткую речь комиссара тов. Гузанова. Под шум дождя он горячо говорил им о великой ответственности, возлагаемой на них званием комсомольца. Он призывал хранить билет, как зеницу ока, чтобы он не попал в руки врага.

Тов. Гузанов достал из-под полы шинели комсомольский билет и вручил его тов. Хомякову. Тот бережно спрятал его, оберегая от дождя.

Тов. Головко, получая билет, поблагодарил за высокое доверие, оказанное ему приемом в комсомол, и дал обязательство вывести свой взвод на первое место по всем показателям боевой и политической подготовки.

Боец Касьянов заявил:

- Я обязуюсь помогать своему командиру, чтобы к двадцатилетию ВЛКСМ все подразделение овладело военным делом на "отлично". Я, как чтец-беседчик, всегда буду разъяснять решения партии и правительства и мобилизовывать бойцов на успешное выполнение этих решений.

Новые комсомольцы выполняют свои обязательства с честью. Например, тов. Касьянов сейчас один из лучших комсоргов в части, талантливый, инициативный и непрерывно растущий. Он добился того, что все его подразделение стало комсомольским.

Комсомольские организации, рожденные в бою, еще теснее сплачивают армейскую молодежь вокруг большевистской партии, воспитывая молодежь в духе мобилизационной готовности к беспощадному отпору всяческим проискам и провокациям любого врага.

Полковой комиссар Д. Дубровский

Заместители политруков в бою

Заместители политруков в боях с японцами у озера Хасан блестяще доказали правильность решения ЦК ВКП(б) о выдвижении лучших комсомольцев на политработу. Молодые сталинские кадры политработников Красной Армии показали себя в бою подлинными политическими вожаками красноармейцев, подлинными борцами за дело партии Ленина - Сталина, готовыми отдать свою жизнь за социалистическую родину.

Заместители политруков помогли нам решить ряд ответственных задач политработы в бою. В нашем соединении заместители политруков в большинстве работали за политруков и блестяще справились с задачами. Еще на марше в район озера Хасан, они, проводя беседы с бойцами, изучали их настроения, своевременно реагировали на них и принимали меры. Через них комиссары лучше всего знали политико-моральное состояние части.

Заместители политруков Полуянов и Прусаков 4 августа, перед приходом батальона к исходному положению, разъяснили бойцам международную обстановку и конкретные задачи. В подразделениях они провели короткие митинги, на которых призывали бойцов к борьбе с японскими налетчиками. Все красноармейцы батальона повторяли их слова:

"Будем драться до последней капли крови".

Накануне боя и батальоне бойцы и командиры подавали заявления о приеме в ряды партии и комсомола. К вечеру 5 августа осталось лишь несколько человек, не подавших заявлений.

6 августа тов. Полуянов, несмотря на большую усталость, взял винтовку и пошел впереди своей роты на японские окопы. Бойцы, заражаясь смелостью и храбростью политработника, ни на шаг не отставали от него. Вражеская пуля ранила тов. Полуянова, и он был вынужден оставить поле боя.

Тов. Прусаков действовал в бою также решительно и смело. Во время коротких остановок при наступлении он подползал то к одному, то к другому красноармейцу, разъясняя обстановку, указывая, какую точку надо атаковать, как действовать, маскироваться, самоокапываться, бросать гранаты. Он подкреплял это политическими лозунгами. Одновременно тов. Прусаков не забывал работу с ранеными. Он лично оказывал им первую помощь и организовывал их отправку на пункт медицинской помощи.

Заместитель политрука тов. Вышегородский, выполняя точно все указания политрука, в трудный момент для роты наладил подноску патронов. Своим личным примером он увлекал бойцов в атаку.

Так действовали десятки заместителей политруков во всех частях. В трудный момент боя, когда на одном из участков атакующим требовалась помощь, заместитель политрука тов. Богатырев отправился добровольно на передовую линию, увлек за собой еще пятнадцать добровольцев комсомольцев-связистов. Выполняя боевую задачу по восстановлению нарушенной японскими снарядами связи, они вовремя сменили свои

инструменты на винтовку и вместе с пехотинцами атаковали японцев.

Заместитель политрука тов. Аксенов 5 августа, перед решающим ударом по японцам, провел беседу с красноармейцами о провокационных действиях японской военщины, разъяснил им задачи роты, расставил комсомольский актив, дал каждому задание. После первого дня боя он хорошо учел недостатки действий роты. Она разрывалась на маленькие группы, и не получалось дружной атаки. Тов. Аксенов, под пулями и снарядами сумел провести беседы с красноармейцами в одиночку и по группам и разъяснял им, почему атака получилась недружной, говорил им о зверствах японской военщины, о технике Красной Армии, о преимуществе советской винтовки перед японской. Его беседы вселяли уверенность и решимость в бойцов.

Можно показать еще десятки замечательных заместителей политруков, боевых вожаков красноармейцев, обеспечивших своей работой победу над японцами. На их опыте надо учить и воспитывать тысячи и десятки тысяч новых комсомольцев, выращивая из них таких же преданных бойцов, способных до "конца стоять за дело партии, за социалистическую родину.

Батальонный комиссар С. Глухов

Полк на марше

В этот день бойцы, командиры и политработники, как всегда, были заняты будничной работой. Одни проводили стрельбы из ручного оружия, другие отшлифовывали работу орудийных расчетов, готовясь к выполнению боевых стрельб, третьи овладевали радиотехникой. "Наши тылы", как мы в шутку называем своих боевых подруг, с вниманием выслушали политинформацию о провокационных требованиях Сигемицу и изъявили желание, если это потребуется, пойти вместе с нами в бой против японских поджигателей войны.

Вдруг телеграмма:

"Весьма срочно. Командиры и комиссары - в штаб соединения".

Кабинет командира дивизии. За столом полковник Берзарин и военком полковой комиссар Дубровский. Оба, наклонившись над картой, что-то оживленно обсуждают.

Через 15-20 минут кабинет заполняется до отказа. Собрались все: командиры и комиссары полков, батальонов, дивизионов...

Все насторожены.

- Внимание, товарищи командиры и комиссары! - призывает полковник Берзарин. - О международной обстановке и о провокационных требованиях Сигемицу рассказывать не буду, ибо

смысл событий понятен каждому из вас. Он станет еще понятнее, когда я эачту вам приказ командования.

Приказ был краток:

"В течение ближайших 2-3 дней части вашего соединения привести в полную боевую готовность, включая и выдачу необходимого имущества. Эти мероприятия проводить без особой шумихи, с полным сохранением военной тайны, не дав возможности врагам распознать наши мероприятия".

Никто из нас еще точно не знал, куда будет направлена дивизия, но предполагалось, что в связи с обострившейся обстановкой на Западе и Востоке дивизию выдвинут к границе для проверки ее мобилизационной и боевой готовности:

Надо было по-большевистски подготовиться к выступлению. Приехав с командиром в часть, мы срочно собрали командиров, политработников, начальников, а затем отдельно коммунистов и комсомольцев и провели с ними короткие беседы о том, что подразделения и часть в целом надо привести в боевую готовность.

Секретарь партийного бюро дал задания коммунистам и комсомольцам о проведении коротких бесед с красноармейцами. Следовало предупредить бойцов о необходимости, как зеницу ока, хранить в тайне подготовку частей к выполнению ответственной задачи.

Многие коммунисты и активисты-комсомольцы получили задание проверить состояние материальной части и приборов, подгонку новой подлежащей выдаче амуниции, готовность хозяйственных отделений и т. д.

На заседаниях бюро ВКП(б) и бюро ВЛКСМ были даны задания каждому члену бюро в отношении помощи парторгам и заместителям политруков (последние в большинстве выполняли обязанности политруков) три составлении планов работы на первый день марша, в расстановке партийно-комсомольских сил внутри подразделения, в изучении политико-морального состояния и т. д.

Начальник штаба полка коммунист Корчагин сказал" что расставит командный и начальствующий состав штаба по подразделениям для контроля и помощи в приведении их в боевую готовность.

Начальник связи коммунист Язев обязался проинструктировать дежурных телефонистов и контролировать их работу, не допуская ни одного случая разговоров, нарушающих военную тайну.

В этот же день мной более подробно были проинструктированы политруки (фактически заместители

политруков, так как политруков было всего три) об их работе в подразделениях, о расстановке коммунистов и особенно комсомольцев внутри подразделения, о подготовке чтецов-беседчиков, книгонош, затейников и о подборе материала для их работы. Дал задание об обновлении походных ленинских уголков и вместе с политруками составил примерный план работы, на марше.

Затем был проведен инструктаж чтецов-беседчиков, редакторов стенных газет и коллектива пропагандистов. Политинформации с начсоставом и беседы с бойцами по вопросам международного положения и растущей опасности войны проходили необычайно активно.

Боевой энтузиазм в частях и подразделениях по мере подготовки к походу нарастал, как прибой. С жадным интересом читали бойцы и командиры газеты, обсуждали события и с нетерпением ждали того момента, когда им придется померяться силой оружия с японскими самураями, постоять за честь Красной Армии и великой социалистической родины.

В один из дней был проведен смотр готовности подразделений и части в целом. При осмотре на подковах лошадей были обнаружены выпуклые клейма, которые оставляли хорошо различимый след на дороге: этим мог воспользоваться враг.

Несмотря на широкую разъяснительную работу о строжайшем сохранении военной тайны, нашлись все же люди, которые не сумели удержать язык за зубами.

Лейтенант Гольдфарб, жена которого работала в леспромхозе, расположенном поблизости, рассказал ей по телефону о происходящем в части:

- Школа распущена по подразделениям. Я перехожу в первый дивизион. В 16.00 уезжаем неизвестно куда. Ключ от квартиры возьмешь у жены Суздальцева.

Этот поступок возмутил всех.

Партийное бюро исключило Гольдфарба из рядов ВКП(б). Может быть, это было сделано поспешно, но обстановка требовала самых крутых мер партийного воздействия против нарушителей государственной тайны. (Позднее Гольдфарб был в партии восстановлен с объявлением ему выговора.)

Был сухой солнечный день. Заканчивались последние приготовления.

Командир дивизиона коммунист Ефремов с политруком Семеновым и парторгом Усковым (вся их низовая парторганизация) проверял каждую деталь боевого имущества. Открыв зарядный ящик, тов. Ефремов нашел на одном из

снарядов небольшие пятна ржавчины. Тут же он предложил комсомольцу Близецкому вместе с орудийным расчетом еще раз осмотреть снаряды и удалить с них малейшие пятна ржавчины. Он разъяснил бойцам, что ржавые снаряды могут постепенно вывести из строя дорого стоящую материальную часть.

Наряду с проверкой артиллерийского парка коммунист Васильцов сумел проверить и состояние хозяйственных отделений. Он заботился не только об оружии, но и о снабжении и питании бойцов. Выявился ряд недоделок: подтекал кран в одной кухне, недостаточно была закреплена кухонная труба. Предложив немедленно исправить эти недочеты, Васильцов тут же разъяснил, что нельзя допустить, чтобы кухонный очаг выбыл из строя: это лишит горячей пиши бойцов и командиров, которым, может быть, придется отчаянно драться с родичами Сигемицу. Короткие товарищеские беседы Ефремова, Васильцова и других вселяли в бойцов уверенность, что командиры приведут их к победе, если им рука об руку, как братьям по классу, придется драться с коварным врагом.

Ясный безоблачный день сменился холодным вечером. Поднялся ветер, крутя столбы пыли на дорогах и тропинках.

Трудовой день был на исходе. После проверки боеготовности подразделений я с командиром части зашел в штаб узнать, нет ли каких-либо новостей из штаба дивизии. Телефонисты и оперативный дежурный не отходили от аппаратов. Мы прошли в кабинет командира. Через несколько минут оперативный дежурный доложил:

- Товарищ майор! Частям гарнизона объявлена боевая тревога. Приказано немедленно выслать помощника начальника штаба по разведке в штаб дивизии за приказом.

- Поммачштаба выслать немедленно. Коммутатору включить линии всех подразделений, - распорядился командир части.

- Есть, товарищ майор! - повторил приказание оперативный дежурный.

Через минуту он доложил:

- Дежурные подразделений у телефонных аппаратов.

- Передайте: нашей части объявлена боевая тревога, выстроить подразделения вдоль шоссе в полном боевом порядке; голова штабной батареи штаб полка. Принять меры к немедленному оповещению командного и начальствующего состава.

Через 40 минут голова колонны у штаба, а вся часть растянулась по шоссе.

- Собрать командиров дивизионов, батарей и политруков, - последовал приказ оперативному дежурному.

Через 5 минут все в сборе. Зачитан приказ по соединению. Предложено задачу марша накоротке пояснить бойцам. Объекты социалистического соревнования следующие: а) ни одной потертости бойца и коня, б) ни одного случая порчи и утери имущества.

Особое указание - бесшумно выйти из гарнизона.

Несколько минут - и задача до бойца доведена, между подразделениями заключены договоры о социалистическом соревновании на образцовое проведение марша.

Часть двинулась по шоссе.

24.00. Ветреная и хмурая погода сменилась мелким дождем. Высказывались опасения, как бы дождик не превратился в ливень, что часто бывает в Дальневосточном крае, но дождь вскоре прошел, прибив пыль, освежив воздух.

Объезжая колонну, я беседовал с отсекрами, политруками, коммунистами и комсомольцами. Личный состав чувствует себя бодро, в колоннах слышатся веселые шутки. Полный порядок. Ни единого происшествия.

Командиры неустанно заботятся о бойцах. Командир батареи лейтенант Бондаренко после каждого малого привала заменяет номера, сидящие на зарядных ящиках, теми, которые до этого шли пешком. Это дает отдых уставшим, предохраняет их от возможной потертости ног.

Первый этап марша закончен. Пройдено 18 километров. Три часа. Части располагаются на ночлег.

Пока колонна сходила с дороги, в голову ее были вызваны политруки. Им было дано указание: "Подъем в 9.00, сейчас расставить людей таким образом, чтобы часть бойцов устраивала коновязи, другие бойцы косили траву; третьи разбивали палатки".

При такой организации дела на подготовку ночлега ушло немного времени. В наряд для сторожевого охранения было выделено пять смен. Этим мы обеспечили продолжительный отдых людей, стоящих в наряде. Утром они могли наравне с другими совершать дальнейший марш.

После подъема я обошел подразделения, беседовал с бойцами. Младший командир комсомолец Беляев заявил:

- Приложу все усилия, чтобы свое орудие и подчиненных мне бойцов привести в назначенное место в полной боевой готовности.

Подобные же заявления я услышал от командира орудия комсомольца Тургумбаева и других. Все горели желанием с честью выполнить боевой приказ.

Здесь же я узнал, что ездовой санитарной линейки Макаров проявил грубую недисциплинированность: он отказался надеть

винтовку, находившуюся на дне санлинейки, вступив по этому поводу в пререкания с заместителем политрука. Я знал, что и в прошлом Макаров не отличался дисциплинированностью.

Подозвав Макарова, я напомнил ему о присяге и об указаниях Ленина о поддержании революционной дисциплины в армии. Я сказал ему, что мы находимся в боевой обстановке и мне, как представителю партии и советской власти, дано право применять самые строгие меры по отношению к лицам, разлагающим дисциплину Красной Армии.

Макаров, внимательно выслушав меня, дал обещание, что станет отличным бойцом. Вскоре я убедился, что свое слово он сдержал. Теперь он один из лучших бойцов и подразделении.

Перед выступлением в дальнейший путь были собраны командиры и политруки батарей. Подвели итог ночного марша. Каждому стал известен опыт тов. Бондаренко и других по сохранению сил бойцов, по сбережению коней. На этом же коротком собеседовавши было дано задание развернуть индивидуальную работу с бойцами, принимать заявления от лучших, передовых людей части, желающих вступить в ряды партии и комсомола.

В дни марша отдельные командиры, а через них и бойцы узнали, что полевые части Красной Армии уже ведут бой с нарушившими границу японцами.

Это не могло не вызвать соответствующего отклика.

Коммунисты Корчагин и Ефремов заявили:

- Наши уже дерутся. Будет до глубины души обидно, если мы запоздаем. Шагать нам еще далеко.

Командир дивизиона Васильцов, человек весьма горячего характера, участник гражданской войны, обратился "с особым ходатайством" к командованию части:

- Скажите правду: верно ли то, что мы идем в бой? Если так, убедительно прошу вас отправить мой дивизион вперед на автомашинах. Мне хочется вспомнить жаркие дни под Царицыном.

Пришлось тов. Васильцову в ходатайстве отказать, так как автотранспорт был занят переброской пехотных частей, да, кроме того, мы еще сами точно не знали, идем ли на ученья или в бой.

Настроение командиров передавалось бойцам. Красноармеец Ивлиев, прочтя сообщение о боях пограничников с нарушителями границы, возмущенно вскричал:

- Долго ли будем терпеть самураев! Не пора ли их унять! Товарищ политрук, скоро ли мы дойдем до района боевых действий?

Боевой порыв, небывалый энтузиазм - вот что было

характерным для настроений в части.

Но были, конечно, и единичные отрицательные факты. Например, красноармеец Павлов обеспокоенно спросил у заместителя политрука:

- Неужели взаправду идем в бой?

Такие люди, естественно, были на учете. С ними коммунисты проводили индивидуальные беседы. Им разъясняли, что всякий трус может в бою погубить часть и будет отвечать за свое малодушие по всей строгости революционного закона как предатель.

После надлежащего разъяснения они, глубоко осознав свои ошибки, брали себя в руки и выполняли свой гражданский долг на марше, а впоследствии и в бою блестяще.

За дни марша выяснились некоторые недостатки в организации партийно-политической работы. Политруки; Семенов и Семенец сравнительно недавно пришли из запаса. Они не поняли, что особенностью политработы на марше в артиллерийских частях является работа индивидуальная или с небольшими группами бойцов (пешие номера, конные разведчики). Они пытались проводить работу со всем подразделением сразу, но это им не удавалось даже на больших привалах, не говоря уже о малых. В самом деле, каким голосом надо обладать, чтобы разговаривать с бойцами колонны, растянутой на 180-200 метров? Пришлось товарищам помочь, на примерах показать, как надо работать с бойцами.

Впоследствии тов. Семенов, делясь опытом с товарищами, заявил:

- Вначале я не понимал существа индивидуальной работы на марше, а пытался проводить ее чохом - со всем подразделением. Мне это часто не удавалось, а если и удавалось, то я не ощущал результатов. Переход на индивидуальный метод сразу дал плоды. Я задался целью вовлечь в комсомол лучших людей нашего подразделения. Поговорил с каждым из них в отдельности. За день я побеседовал с десятью товарищами, из них восемь подали заявления с просьбой принять их в ряды ленинского комсомола. Результат налицо. Необходимо теперь наверстать упущенное и учить активистов-комсомольцев этому методу работы.

Часть расположилась на большой пятичасовой привад на берегу горной реки. Здесь было организовано купанье бойцов и всего конского состава; бойцы постирали и просушили белье, промыли потники от седел и вьюков.

На привале играли патефоны. Бойцы пели песни. Труд сочетался с весельем. Шутили, смеялись, мечтали о том, как зададут перцу японцам. Некоторые, лежа на траве, читали книги

и газеты.

Привал мы использовали также для обмена опытом работы чтецов-беседчиков на марше. Оказывается, читка газет, не говоря уже о коротких беседах, возможна и в процессе движения колонны (кроме вьючной). Лучше всего она удается в конных группах разведчиков. Чтец, сидя на коне, читает газету товарищам, находясь справа, между двумя рядами едущих бойцов. На ровной дороге чтец может работать и с бойцами, сидящими на передке и зарядном ящике.

Красноармеец управления 2-го дивизиона тов. Дарницын таким путем постоянно держал бойцов своего отделения в курсе текущих событий. Кроме того, он за время марша прочитал им часть книги "Поднятая целина". Красноармеец Судаков прочитал с бойцами "Как закалялась сталь". Бойцы, с которыми они работали, говорили: - Слушая чтение газеты или книги, настолько увлекаешься, что не успеешь оглянуться, как опять привал на 10 минут. Время проходит быстро и всегда знаешь, что делается в стране и за ее пределами.

Опыт работы товарищей Дарницына и Судакова был передан всему политсоставу, всем чтецам и беседчикам. Заместители политруков Форвазов, Сурков, Илюшин и др. применили у себя в подразделениях этот опыт и нашли его очень ценным. Надо отметить, что на марше люди не скучали. Веселые песни оглашали лес и горы; нежные, бодрые и призывные мелодии отдавались эхом в сопках. Чтение книг и газет заполняло оставшееся свободное время.

К концу привала стало известно, что японские войска действительно перешли границу и вступили: в бой с нашими частями.

Вскоре политсостав был информирован о положении на границе. Всем политработникам было предложено организовать перед выступлением в дальнейший поход короткие митинги с бойцами, а на марше вести индивидуальные и групповые беседы об исключительном доверии, которое оказали нам партия и правительство, посылая защищать советские рубежи.

Затем состоялось совещание членов партийного бюро и собрание комсомольского актива. Каждый был ознакомлен с обстановкой на франте, получил задание проводить беседы с бойцами и еще глубже изучать их запросы и настроения. Члены бюро, участвовавшие в гражданской войне, получили задание делиться в беседах своим боевым опытом.

Приказ командования требовал усиления марша. Суточные переходы в 30 километров сменились переходами в 50 километров. Несмотря на трудности быстрого марша, масса

бойцов, увлекаемая примером коммунистов и комсомольцев, без устали шла вперед с единым желанием скорее прибыть в район действий и вступить в бой.

Но в семье, говорит старая пословица, не без урода. Нашлись все же два красноармейца, которые проявили отрицательные настроения. Красноармеец 2-й батареи Благочшшиков в беседе с политруком заявил:

- Соревноваться не буду, договора не выдержу.

Красноармеец Ефаев жаловался на тяжесть марша. Оба бойца и в прошлом были недисциплинированными.

На ближайшем малом привале красноармейцы и командиры бурно реагировали на поведение Благочинникова и Ефаева. Младший командир комсомолец Митькин сказал:

- Ефаеву нет места в наших рядах, если он: будет и дальше бузотерить. Неужели он не понимает, что наши товарищи, может быть, уже обливаются кровью, борясь с японскими самураями. Нам надо возможно скорее придти им на помощь, вступить в бой, свято выполнить боевой приказ товарища Сталина и нашего наркома товарища Ворошилова! Не забывай, Ефаев, что ты находишься в боевой обстановке!

В горячих речах бойцы резко осудили нытиков.

Ефаев и Благочинникоа дали слово, что станут примерными бойцами.

До места боя осталось 30-35 километров. Предстоял самый трудный участок пути. Узкое, но зато ровное шоссе сменилось бездорожьем, болотами.

Надо было двигаться по западному берегу бухты Экспедиции параллельно границе, в 3-4 километрах от нее.

Требовалось рассредоточить части на марше. Движение происходило подивизионно, а иногда побатарейно. Не щадя сил, бойцы, командиры и политработники буквально на собственных плечах вытаскивали из грязи коней и орудия. Успех дела решал пример коммуниста, комсомольца и командира.

5 августа наша часть вышла в район огневых позиций и получила боевую задачу - совместно с доблестными летчиками интенсивным огнем поддержать наступающие пехотные части.

Утро 6 августа началось громовой канонадой, и пошли дни неописуемой героики, дни славных боев за Сталинскую Конституцию, за нашу счастливую родину, за каждую пядь нашей священной советской земли.

Политрук Ф. Бахметьев

Политдонесение в политотдел

Перед выступлением в поход в части был проведен митинг, посвященный разъяснению предстоящей задачи.

В пути коммунисты рассказывали бойцам об "антикоминтерновском договоре" Японии с Германией и Италией.

По мере приближения к месту боев, стали поступать сведения от лиц, едущих с фронта, о ходе операций. Об этих сведениях я тотчас же информировал красноармейцев и командный состав.

Настроение у личного состава замечательное.

Прибыв в район Заречья, бойцы встретили первых раненых. После этой встречи все принялись за подготовку материальной части к бою.

По моей просьбе один из раненых рассказал о том, как японцы откатываются восвояси под ударами наших доблестных бойцов.

Рассказ раненого высоко поднял дух красноармейцев.

...Обстановка на фронте мной узнавалась через комиссара части, и личный состав информировался об обстановке через политруков и комсоргов.

В пути была создана комсомольская организация и выбран комсорг.

Перед боем всем пришлось затратить много энергии, чтобы вытащить орудия и зарядные ящики из грязи. Здесь я, помощник политрука Мотраев, комсорг Шарифулин и комсомолец Лоскутов своим примером увлекали бойцов к с работой быстро справились.

Когда мы пришли к месту боя, нас обстреляли из артиллерии. Вступая в бой, я объяснил бойцам задачу и привел отдельные примеры героизма, о которых писалось в только что выпущенной газете "На боевом посту".

При ведении огня с открытой позиции проявили героизм командир орудия тов. Руднев и его расчет: тт. Буглов, Графов, Тимохин, Валяев. Мною было организовано социалистическое соревнование между орудийными расчетами Фастовца и Руднева на лучшее отыскание целей, на меткий и интенсивный огонь.

Тов. Руднев свои обязательства выполнил на "отлично": он уничтожил шесть огневых точек противника, меткими выстрелами затопил часть японских лодок и разогнал колонну вражеской пехоты.

Весь орудийный расчет тов. Руднева стал в бою комсомольским; до боя же в нем было лишь два комсомольца.

Наши орудия вели стрельбу под сильным артиллерийским огнем противника. В этих тяжелых условиях я считал своим долгом быть вместе с красноармейцами, поддерживать в ник бодрость и решимость. По телефону с Заозерной от нас требовали огня и огня. Особо настойчивы эти требования были 10 августа - перед атакой японцами сопки.

Помощник политрука по моему заданию проводил беседы с

отдельными бойцами и расчетами в целом, а также с бойцами, обслуживавшими тыл.

После боя было проведено два комсомольских собрания, на которых приняли в ВЛКСМ одиннадцать человек и дали две рекомендаций для вступления в партию. Основой политработы являлось разъяснение решений 2-й сессии Верховного Совета СССР в увязке с нашими задачами.

Боевых листков во время боя не выпускалось. После боя выпуск их возобновился. В листках популяризируем отличников боя, вскрываем недостатки и мобилизуем массу на устранение их.

Старший лейтенант А. Кулагин

Политико-моральное состояние моего полка

В один из дней, когда полк занимался обычной боевой и политической учебой, мы получили приказ: собрать всех людей, получить и выдать на руки бойцам и командирам все необходимое для боя.

Каждый отлично понимал смысл этого приказа и с полным сознанием ответственности готовился ко всяким неожиданностям.

Командиры повысили требовательность к себе и к подчиненным. Бойцы, получал приказания, старались выполнять их с особой четкостью.

За два подготовительных дня в части не было ни одного случая нарушения воинской дисциплины.

В полку широко развернулось социалистическое соревнование на лучшие показатели в боевой и политической подготовке. Хотя о предстоящем бое никто ничего не знал, но по обстановке каждый чувствовал близость серьезных событий.

Перед выступлением на марш царил необычайный подъем.

Никто не хотел оставаться на зимних квартирах для охраны казарм и хозяйства. Многие освобожденные от занятий и больные настаивали на том, чтобы их вернули в строй.

Ночью, по тревоге, полк вышел на сборный пункт для выступления в район боевых действий. После дневных занятий отдыхать не пришлось, однако бойцы выступили бодрыми и веселыми.

Марш был форсированным и совершался по тяжелой дороге под дождем. За все время марша мы не имели ни одного проступка. Бойцы строго соблюдали маршевую дисциплину. Все бойцы и командиры добросовестно несли полевую службу и добровольно вызывались на нее, несмотря на усталость. Об отдыхе никто и думать не хотел.

Физически слабым товарищам оказывалась всемерная помощь. Все были охвачены одним стремлением - как можно

скорее дойти до границы и вступить в бой.

От бухты экспедиции пулеметы и боеприпасы несли на себе, и приходилось буквально сдерживать порыв бойцов и командиров, чтобы сохранить их силы для боя.

Бойцы боялись опоздать к месту боя. Приходилось разъяснять им, что мы не опоздаем и придем в район боевых действий вовремя, по приказу. Несмотря на тяжелые условия дороги, марш в двести с лишним километров был пройден в течение пяти дней, без единого отставшего, без единой аварии и без чрезвычайных происшествий.

Приближаясь к цели нашего марша, мы встретили первых раненых. Эти встречи еще сильнее зажгли у каждого из нас чувство ненависти к врагу. Бойцы, сжимая кулаки, говорили:

"За каждого нашего убитого и раненого бойца враг поплатится десятками".

На марше многие бойцы и командиры подали заявления о вступлении в партию и комсомол. В успешном выполнении марша исключительную роль сыграло социалистическое соревнование.

5 августа мы с комиссаром были вызваны к командиру соединения. Часть расположилась на отдых поздно. Но, узнав, что мы получаем задачу, бойцы и командиры немедленно все поднялись. Когда мы с комиссаром вернулись в полк, то нашли его в полном боевом снаряжении, готовым вступить в бой.

Занимая исходное положение, часть на перевале через сопку попала под артиллерийский огонь противника. Он не вызвал среди бойцов ни малейшей паники, ни тени трусости и не нанес нам никакого поражения благодаря образцовому выполнению четких распоряжений.

По прибытии в назначенное место многие командиры и бойцы обращались с просьбой послать их в разведку или боевое охранение.

Наступление было назначено на 6 августа.

В ночь с 5 на 6 августа почти никто не спал: все ждали рассвета, чтобы пойти в наступление. Боевое охранение несло службу исключительно четко и внимательно.

6-го утром бойцы осаждали командиров и политработников вопросами:

- Скоро ли пойдем в наступление?

Пришлось разъяснить, что до приказа ничего нельзя предпринимать, иначе будет нарушен общий план действий.

Наконец, был получен долгожданный приказ начать наступление. Части поднялись с возгласами: "За Сталинскую Конституцию!", "За родного Сталина!", "За счастливую жизнь!"

Под этими лозунгами прошли все атаки, закончившиеся тем, что над высотой Заозерной снова гордо зареяло красное знамя.

Разгоряченных боем людей, неудержимо рвавшихся вперед, приходилось сдерживать, чтобы не нарушить границу. И это удалось только благодаря тому, что наши части воспитаны в духе настоящей большевистской дисциплины.

В процессе всего наступления весь командно-политический состав шел впереди, увлекая за собой бойцов. В боях еще больше вырос авторитет коммунистов и комсомольцев, показывавших чудеса отваги на самых опасных участках. Не случайно в течение всего боя не прекращалась подача заявлений о приеме в партию и комсомол.

Характерный штрих. Для того чтобы послать кого-нибудь в тыл для выполнения той или иной работы, приходилось отдавать жесткий приказ, ибо никто не желал оставить фронта. Все стремились идти в атаку. Это лишний раз говорит о высоком политико-моральном состоянии наших бойцов и командиров, о их беспредельной преданности партии Ленина - Сталина.

Отсекр бюро ВЛКСМ И. Спицын

Первая встреча с врагом

День был солнечный. Стояла тишина. Все подразделения занимались нормальной учебой.

В 17.00 по плану было назначено расширенное заседание бюро, на которое приглашались комсорги, заместители политруков, члены президиумов комсомольских организаций и группорги. Заседание посвящалось подготовке к двадцатой годовщине ленинско-сталинского комсомола.

Я сделал информацию. После утверждения плана практической работы слово взял член бюро тов. Строколист. Полк наш стоял рядом с границей. На сопках последние дни стало неспокойно. Поэтому в своем выступлении Строколист подчеркнул, что наша задача быть всегда в состоянии мобилизационной готовности, чтобы по первому зову нашей партии и правительства выступить на защиту границ нашей любимой социалистической родины.

- Отдадим все свои, силы, всю энергию, а если потребуется, и жизнь за укрепление наших границ, - горячо говорил тов. Строколист, - и разгромим врага - это будет лучшим подарком матери-родине...

На заседание бюро пришел командир полка майор Соленов. В наступившей тишине раздался его спокойный энергичный голос:

- Товарищи комсомольцы! Тревога! По своим подразделениям!

Заседание было прервано. Охваченные негодованием и

ненавистью к японским провокаторам, комсомольские активисты мгновенно разошлись по своим подразделениям.

В 21.00 подразделения получили задачу, куда и в каком направлении двигаться.

Я собрал комсомольцев батальона, которым командовал тов. Красавин, разъяснил им содержание переговоров товарища Литвинова с Сигемицу и показал на карте, где и куда мы будем двигаться. В 23.00 мы вышли. Темно так, что не видно даже рядом стоящего человека. Слышу далекий крик:

- Стой!

Я вернулся и увидел, что красноармеец в темноте заехал с санитарной линейкой в канаву, и там с ней возятся комсомольцы Шульгин и Позгоро. Я им помог вытащить санитарную линейку. Комсомолец Шульгин взялся вести ее сам. Двинулись дальше.

Под утро мы подошли к бухте. Командир батальона Красавин отдал приказание двигаться вперед. Младшие лейтенанты-комсомольцы товарищи Свириденко и Есиков командуют своими взводами.

- Вперед, за мной!

Бросились форсировать бухту.

В 8.00 пошел сильный дождь, но, несмотря на усталость, наши бойцы шли вперед без всякого уныния.

Мы получили приказ остановиться правее заставы Ханси.

В 11.00 дождь кончился. Бойцы разожгли костры и стали сушиться. На возвышенности у костра, в кругу бойцов сушит свои портянки лейтенант-комсомолец Муха. Вместе со своим взводом он распевает песню:

"Если завтра война, если враг нападет,

Если темная сила нагрянет,

Как один человек, весь советский народ

За свободную родину встанет!.."

Неподалеку младший командир взвода комсорг тов. Федосов проверяет оружие у бойцов:

- Товарищи, - говорит он, - чаще смотрите за своим оружием. От соленой воды оружие быстро ржавеет.

Получили приказ ночевать здесь. Бойцы быстро натянули плащ-палатки. У подошвы высоты образовался лагерь. Утомленные, не спавшие около суток бойцы легли отдыхать. В лагере наступила тишина.

На рассвете получили приказ двигаться.

В утренней тишине слышны были далекие выстрелы - шел бой между японцами и нашими частями. День был тихий, ясный. Солнечные лучи обогревали нас и сушили нам дорогу.

К 11.00 мы заняли исходное положение. Вскоре нам была

поставлена боевая задача. Мы узнали, что наш один батальон уже дрался с японцами.

Я собрал всех комсомольцев в густой траве, служившей укрытием, довел до них задачу боя и рассказал, что наши товарищи уже дрались с японцами. Комсомольцы, все как один, заявили, что японцы будут уничтожены.

По разбитой дороге санитарная линейка везла раненых бойцов на заставу. Один из раненых красноармейцев крикнул нам:

- Бейте, товарищи, самураев и за меня!

- Мы будем их бить и за вас и за то, что они опоганили пядь нашей земли, - ответили мы и еще лучше стали готовиться к бою.

Бойцы приводили в порядок оружие, очищали его от воды и грязи, проверяли гранаты.

Комиссар полка тов. Бондаренко перед атакой распределил нас. Я пошел в бой с 1-м батальоном, отсекр партбюро тов. Машляк пошел со 2-м батальоном, а комиссар - с 3-м.

Перед наступлением мы с командиром роты тов. Шустровым и политруком Синицыным провели летучий митинг и призвали бойцов к беспощадному уничтожению японских самураев. После митинга пулеметчики со станками и пулеметами на плечах, неся в руках пулеметные коробки, стали продвигаться ближе к противнику через озеро.

2 августа, в 17.00, мы бросились в атаку на врага. Сплошной свист пуль, гул снарядов. Но наших бойцов ничто не страшило.

Лейтенант-комсомолец Глотов под сильным обстрелом повел свой взвод вперед. Продвигаясь ползком к противнику, я встретился с тов. Глотовым. Он шепотом сказал мне:

- Товарищ отсекр, лучшей наш подарок матери-родине - выбить японцев с Заозерной высоты.

Я ему ответил:

- Верно.

Вскоре мы продвинулись совсем близко к противнику, к самой Пулеметной сопке. Враг, боясь рукопашного боя, отступил.

Комсомолец тов. Антонов со своей ротой все время разведывал местность и. расположение противника.

Наступила темнота. Орудийная и пулеметная стрельба противника прекратилась. Я пошел в разведку. Слышу голос:

- Стой! Кто идет?

Подходит комсомолец младший лейтенант тов. Конопкин. В самые трудные минуты боя он находился со своим взводом в разведке.

- Товарищ отсекр, - говорит тов. Коиошмин, - ранен мой боевой друг тов. Свириденко...

В это время подползает тов. Свиридеико.

- Я ранен легко. Из боя не уйду.

И мы двинулись в атаку.

Впереди всех шло пулеметное подразделение, которым командовал коммунист Артем Шустров. Переходя от одного пулемета к другому, он нередко сам залегал у пулеметного расчета и посылал по врагу одну очередь за другой.

Ряды противника дрогнули. Самураи побежали, но не уйти им от меткого огня пулеметчиков! Шустров бросается вперед преследовать врага. Бойцы за ним. В этот момент всеобщего порыва вражеская пуля пронзила грудь Шустрова. Умирая, он призывал бойцов идти вперед.

Артем Шустров, скромный, жизнерадостный и беспредельно преданный коммунистической партии, пользовался большим авторитетом и уважением. Красноармейцы любили его, как родного отца, учились у него, брали с него пример.

Во время сражения на поле боя бойцы писали на клочках бумаги заявления о приеме их в ряды Ленинского комсомола. Только в" одной батарее было подано одиннадцать заявлений. Во взводе, где комсоргом тов. Беженаров, таких заявлений было девять. Все они полны негодования, гнева и ненависти к японским самураям. Тов. Истомин, например, в своем заявлении пишет:

"Я хочу бить японских самураев, проучить зарвавшихся империалистов и обязуюсь это выполнить".

А вот заявление тов. Сандакова:

"Прошу комсомольскую организацию принять меня в комсомол. Я хочу победить японцев и стать членом Ленинского комсомола".

Бои продолжались. Атаки наши становились все яростнее и закончились тем, что противник был разбит наголову.

Во время боевых операций политическая активность масс сильно поднялась. В ряды комсомола мы приняли триста семьдесят человек, тогда как за весь 1937 год было принято лишь сто двадцать семь человек.

В боях пали смертью храбрых члены нашего полкового бюро ВЛКСМ товарищи Гласов, Строколист и Перезнатков.

Батальонный комиссар И. Куракин

На передовых позициях

В первые дни августа выдались исключительно хорошие. Жаркое солнце гнало тень с пыльной дороги, пропахшей бензиновой гарью.

С каждым новым изгибом дороги перед глазами открывались один причудливее другого виды на горные долины, покрытые

богатым растительным ковром с зеркальными речками и ручьями, стремительно бежавшими между каменными грядами. Живописная дорога! Хороши покрытые пышной зеленью сопки у Барабаша и Славянки! Чудесны звездные теплые ночи в прохладных, после дневного зноя, долинах. Уставшее за дневной переход тело просит отдыха, и полянка у ручья заманчиво зовет растянуться на траве и полной грудью вдыхать слегка влажный от росы чистый воздух гор.

Третий день полк совершает марш. Командиры и политработники только догадываются о цели такого спешного марша. О событиях, разыгравшихся на высоте Заозерной, официально никому ничего не известно. Я получил задание начальника политотдела дивизии работать в полку. Год тому назад я исполнял должность инструктора пропаганды этого полка и затем был выдвинут на должность инструктора политотдела. Поэтому командный состав и политработников полка я хорошо знал, да и меня там многие знали. Я был очень доволен, что попал именно в эту часть.

На берегу бухты полк расположился на дневку. Здесь задача марша была уже доведена до каждого бойца, и в ротах чувствовалось большое оживление. Несмотря да усталость, красноармейцы с большим рвением ухаживали за конями и до позднего вечера проверяли оружие, повозки, артиллерийские упряжки.

За день многое сделали и работники партполитаппарата.

Все готовились вступить в бой с японскими бандитами, все горели страстным желанием скорее столкнуться с врагом. Накануне в полку были проведены совещание начсостава и комсомольское собрание. На том и на другом собраниях командиры и бойцы необычайно горячо обсуждали вопросы, связанные с боеготовностью полка.

Весь день вместе с молодым комиссаром полка тов. Гузановым я работал в подразделениях. Побеседовал с красноармейцами в 1-м батальоне, побывал на совещании санитарных инструкторов, выступил на митинге в разведывательной роте. Всюду чувствовался невиданный подъем среди красноармейцев.

Когда над нашими головами пролетали отряды самолетов, бойцы провожали их восторженными возгласами. В беседах с красноармейцами политруки разъясняли наше преимущество в области техники. Почти в каждой роте выпускались боевые листки. Настроение у всех было приподнятое.

Вечером началось партийное собрание, но довести его до конца не удалось: последовал приказ о немедленном

выступлении на погрузку для переправы через бухту.

Перед выступлением во время беседы с комиссаром к нам подошли два политрука.

- Товарищ комиссар, разрешите доложить? Клуб сдал. Разрешите работать в роте? - рапортует начальник клуба политрук тов. Гребенченко.

- Товарищ комиссар! Клуб не принял. Разрешите работать в роте? докладывает новый начальник клуба политрук тов. Колесников.

Совещаемся с Гузановым: как быть. У товарищей большое желание идти в бой. В полку не хватает нескольких политруков. Клуб тоже нужен. Сочли целесообразным послать обоих в роты. Гузанов отдает им приказание принять роты. Оба сияющие уходят. Впоследствии и Гребенченко, и Колесников со своими обязанностями в бою блестяще справились.

Так в напряженной подготовке к бою прошла последняя дневка полка возле бухты. До района боев остался всего один переход.

Ночью во время переправы и весь день во время перехода я имел достаточно времени, чтобы побеседовать с политруками, замполитруками и комсоргами. Я старался помочь партполитработникам полка держать весь личный состав в курсе событий, происходивших в районе озера Хасан. В последний раз перед боем проверял расстановку политработников, принимал меры для ликвидации некомплектности, имевшейся в некоторых подразделениях.

Сведения о происходящих событиях мне один раз удалось получить лично от комкора тов. Штерна, который проезжал мимо колонн полка, и второй раз от возвращавшегося из района боев старшего лейтенанта.

На коротких привалах я проводил небольшие беседы с бойцами, отвечая на их многочисленные вопросы. Последний этап перехода я провел в разведывательной роте. Шагая впереди роты вместе с командиром-коммунистом Суховым и политруком Катковым, я рассказывал им о беседе с тов. Штерном, расспрашивал о состоянии работы, делился опытом других подразделений. На одном из привалов я сделал информацию всему составу роты на основании сведений, полученных в беседе с тов. Штерном.

5 августа полк вышел к исходному положению для наступления. Этот день будет долго памятен в моей, жизни.

Утро было ослепительно солнечное. Замаскированные у дороги, наши батареи посылают японцам снаряд за снарядом. Четко работают артиллеристы Красноармейцы восхищенно

переговариваются, проходя мимо батарей. Теперь уже ни у кого нет сомнения в том, что идет бой, и скоро нам самим придется столкнуться с врагом и показать свое умение защищать любимую родину.

Пройдя половину пути до назначенного в приказе пункта, люди, артиллерийские запряжки и пулеметные тачанки сгрудились на склонах высоты, через гребень которой необходимо было перевалить по едва наезженной дороге. За гребнем же изредка разрывались вражеские снаряды. Лишь только показались на гребне высоты первые повозки и люди, артиллерийский огонь со стороны противника усилился. Шрапнельные снаряды разрывались рядом, но красноармейцы не обращали на них внимания. Помогая коням, держась за колеса, дышла или просто упершись в задки запряжек, бойцы перекатывали их одну за другой через гребень. Полк без потерь, занял исходное положение для наступления в непосредственной близости к противнику.

Остаток дня накануне боя был использован для оборудования позиций, организации охранения, знакомства с местностью и разведки противника. После тщательной проверки охранения мы договорились с Гузановым действовать так: я должен наблюдать за действиями головного 1-го батальона. Он же и секретарь партбюро наблюдают за ходом наступления, находясь во 2-м батальоне.

Ночь с 5 на 6 августа показалась очень короткой. Спать почти совершенно не пришлось. Чуть забрезжил утренний рассвет, на высоте закипела работа. Часов в пять утра грянули первые выстрелы. Это наши пулеметчики нащупали впереди движение противника.

Часам к десяти получили приветствие политотдела по поводу боевого крещения полка. Ознакомили с приветствием красноармейцев. Решили организовать социалистическое соревнование между ротами и взводами. Создали редколлегию, чтобы перед наступлением выпустить газету. Оказалось, что бумага и все принадлежности для газеты были в клубной повозке, оставшейся в ближайшем тылу. Был единственный выход - написать стенгазету на обороте топографической карты. Немного поколебавшись, я отдал старый лист карты отсекру комсомольского бюро тов. Вавилову, который был назначен редактором газеты. Тут же придумали и название газеты - "Атака". Условились, что читать ее будет подразделение, которое первым войдет на вершину сопки Заозерной.

После этого вместе с комиссаром Гузановым наметили несколько коротких лозунгов, с которыми ознакомили

политруков. Лозунги сыграли очень большую роль во время боя. Идя впереди наступающих, коммунисты, комсомольцы и беспартийные бойцы и командиры бросали короткие пламенные призывы, воодушевлявшие бойцов на героические подвиги.

Накануне выступления полка командование им принял старший лейтенант коммунист тов. Кулагин, до этого он некоторое время работал начальником штаба. Это очень энергичный и настойчивый командир, преданный делу партии большевик. Однако то обстоятельство, что он только что принял на себя командование полком и до этого никогда не командовал крупным подразделением, обеспокоило и меня, и комиссара полка Гузанова. Во время марша и боевых действий оба мы старались помогать тов. Кулагину советом, а где необходимо, и личным вмешательством е дела того или иного подразделения, но отнюдь не подменяя руководства командира. Справедливость требует отметить, что тов. Кулагин чутко прислушивался к нашим замечаниям и немедленно реагировал на них.

В одну из последних ночевок перед боем я предложил тов. Кулагину сходить и проверить службу сторожевого охранения. Охранение в эту ночь несла рота 1-го батальона, которой командовал молодой командир лейтенант Портянкин.

Ночь была темная. Луну заволокли свинцовые облака. Слегка накрапывал дождь. В кустах можно было потерять из виду человека буквально в 2-3 шагах. Мы двигались вдоль телефонного кабеля, карабкаясь по каменным глыбам и раздирая руки и лицо о колючий кустарник. Мы шли так, пока, наконец, не добрались до вершины сопки. В темноте мы подошли настолько близко к охраняющей роте, что я чуть не наступил на мирно спавшего в траве старшину. Разбудили командиров. Подняли на ноги всю роту, и оказалось, что лейтенант Портянкин организовал охранение совершенно неправильно. Не проинструктировав как следует бойцов, он выставил два поста, даже без подчасков, и всю роту положил спать. Вышло так, что охранение, по способу Портянкина, охраняло мирный сон самих себя, а не обеспечивало отдых полка.

Пришлось снимать и заново организовывать сторожевое охранение, Эта проверка показала неблагополучие в полку с караульной службой в! полевых условиях. Дневка полка на другой день была использована для тщательной отработки несения полевой караульной службы. Бойцы в, этот день говорили по адресу роты, которой командовал лейтенант Портянкин:

- Разини.

Стыдно было бойцам и командирам роты Портянкина за свою оплошность, но урок был хороший.

В одну из последующих ночей полевой караул роты Портянкина по всем правилам заставил меня и отсекра партбюро поднять руки вверх, так как мы забыли, идя из штаба в батальон, спросить у начштаба пропуск. Так накануне боев был исправлен этот досадный недостаток в боевой подготовке полка.

Таким же образом, благодаря чуткому отношению со стороны тов. Кулагина к замечаниям политработников, удалось до боев устранить ряд недостатков и в других подразделениях. Согласованные действия всех звеньев партполитаппарата полка, штаба я командиров подразделений дали возможность использовать марш для полной проверки боеготовности полка и устранения ряда больших и малых недочетов, в боевой подготовке.

Часов в 12 дня 6 августа я решил пробраться с командного пункта в 1-ю стрелковую роту и вместе с ней идти в наступление. С этого момента началась для меня подлинная школа, которая стоила всей моей предшествующей учебы.

Прежде всего я получил хороший урок военного дела. Подмявшись к перевалу, чтобы пройти в расположение батальона, я должен был преодолеть открытую площадку метров в 100-1 50. Решаю ползти. Давно, еще в 1929 году, в полковой школе мне приходилось немного ползать. Дополз до половины площадки и попал под беглый артиллерийский огонь противника. Около двадцати шрапнельных и осколочных снарядов разорвалось на площадке, где, плотно прижавшись к земле, лежали я и еще один боец. Укрыться было негде. Место ровное. Один снаряд разорвался метрах в двух-трех. Меня засыпало землей и слегка контузило. Как в тумане, почти инстинктивно, решил перекатиться в воронку. В этот момент на несколько секунд прекратился обстрел.

Боец, застигнутый вместе со мной артиллерийским шквалом, позвал меня в укрытие. Поколебавшись 2-3 секунды, отбежал вместе с ним назад шагов десять-пятнадцать. Залегли в двух рядом расположенных щелях и только успели укрыться в них, как снаряд угодил в самый край щели, где сидел красноармеец. Его засыпало землей. Я отделался незначительными царапинами.

Через 5-6 минут артиллерия противника была подавлена мощным огневым шквалом наших батарей. Откапывая бойца, который, к счастью, остался цел и невредим, я думал о своей непростительной ошибке. Как же я не догадался, что артиллерии противника легче обстрелять площадку! Кроме того, раз ты уже попал под артиллерийский огонь, надо продвигаться только вперед. Так будет и менее опасно и не произойдет задержки в, выполнении задачи.

Это было мое первое знакомство с артиллерией противника. Я побеседовал об этом случае с бойцами и высказал свои соображения о том, как надо вести себя под артиллерийским огнем противника, чтобы с меньшими потерями выполнить задачу по разгрому японских самураев.

Перед атакой была сильная артиллерийская подготовка; кроме того, авиация совершила налет на укрепленные позиции противника. По сигналу точно в назначенное время роты двинулись через болотистый перешеек на Безымянную высоту, откуда противник, засевший в окопах, вел интенсивный пулеметный огонь. Впереди наступающих с винтовкой наперевес шел политрук Гребенченко. Он оторвался от роты шагов на сто вперед с немногочисленной группой бойцов. Остальные несколько задержались, форсируя проток на пути продвижения батальона. Догоняю Гребенченко и на ходу замечаю ему, что отрываться от роты нельзя. Не знаю, слышал он меня или нет в пылу наступления под огнем противника, только рота подтянулась, и взводы дружно, один за другим, пошли на высоту.

Тороплюсь скорее достигнуть вершины высоты, оттуда можно будет увидеть, как развернулся весь полк. Добравшись до вершины, мы сразу попали в сферу действия пулеметного огня с другой сопки, на которой был отчетливо виден укрепленный окоп противника. Воздух наполнился гудением моторов: это с правого фланга двинулись к границе наши танки, а в воздухе появились десятки самолетов.

Ну, смелые летчики! Как бесстрашно устремились они на врага! Впереди послышался грохот. Высоты Заозерная и Безымянная окутались дымом.

- Вот это подарок японским самураям привезли наши самолеты! - сказал боец, лежавший неподалеку от меня.

Как только на вершине Безымянной рассеялся дым от разрыва бомб, показался наш первый танк, за ним - целая вереница танков с грозно наведенными пушками. Один танк подошел близко к окопу, развернулся в лощине и открыл на ходу убийственный огонь. Один, два, три снаряда послал танк во вражеский окоп и вдруг остановился. Замолкла пушка. Что случилось?

Японцы устремились к танку.

Кричу изо всех сил, чтобы наши пулеметы открыли по ним огонь. Боюсь, как бы японцы не зажгли застрявшую в трясине машину с подбитой башней. Сам начинаю расстреливать обойму за обоймой по самураям. Стрельба продолжалась недолго. Японцы поспешили укрыться в окопе, унеся с собою двух убитых или раненых.

При первых атаках окоп нам взять не удалось. Лишь часть подразделений упорной атакой продвинулась с флангов. Спустились в ложбину, в кукурузное поле, чтобы привести себя в порядок для новой атаки.

Позади, в 2-3 метрах, приподнявшись на руках, меня окликает лейтенант Лотарев. Он оторвался от своего пулеметного взвода.

- Товарищ старший политрук, я оторвался от взвода. Пулеметик бы мне. Где мне найти пулемет? - волнуясь, спрашивает он.

Объясняю ему, что взвод его недалеко ведет огонь со склона высоты. Предлагаю ему винтовку и патроны, сам остаюсь с пистолетом. В карманах у меня еще две гранаты. Хватит. Не успел он отползти с винтовкой и пяти шагов, как снова окликает меня. Останавливаюсь, спрашиваю, в чем дело.

- Товарищ старший политрук, я ранен в грудь. Как мне быть?

Спрашиваю:

- Сможете ли вы проползти пятьдесят метров назад?

- Смогу.

- Тогда ползите назад. За кустом санитарный инструктор. Он вам окажет первую помощь. Винтовку оставьте мне.

Все это говорилось спокойно. Ни тени страха не было на лице раненого молодого командира. Он пополз обратно. Проводив его взглядам до кустов, ползу вперед, к кукурузному полю. В голове настойчиво сверлит мысль, что я должен быть там, где основная масса бойцов. Поэтому я тороплюсь. После боя я узнал, что стало с лейтенантом Лотаревым. Оказывается, ранение было легким. Получив первую помощь, он вооружился гранатой и снова бросился вперед. В этот же день он был еще раз ранен в. плечо и только после второго ранения был эвакуирован в тыл.

Уже сумерки начали окутывать склоны сопок. Косые солнечные лучи скользили из-за гор по вершинам, ярко освещая их. На кукурузном поле сосредоточивались бойцы и командиры.

Капитан Гаврилов тут же набросал план атаки высоты, у подножия которой мы находились.

Разъяснили красноармейцам, что мы находимся на территории противника и сейчас очень удобный момент для осуществления указания наркома обороны товарища Ворошилова - разгромить врага на территории той страны, откуда он пришел. Сообщение о том, что советская граница осталась позади и часть вашей земли очищена от проникшего на нее врага, вызвало большой энтузиазм. Батальон двинулся в. атаку.

Сумерки надвигались быстро. Промелькнула мысль - с наступлением темноты можно будет без выстрела подползти к

окопу, забросать японцев гранатами и дружной атакой разгромить и уничтожить их.

Некоторые бойцы находились близко от окопа и своими глазами видели, что это фундаментальное сооружение, и его простой атакой не так легко взять. Тут же командиры намечали различные планы взятия укрепления: одни предлагали разрушить его артиллерией, другие - взорвать его путем подкопа. Мешает чортов окоп!

Хочу сам убедиться, в чем дело, что за сооружение противника на горе. Кстати, два танкиста из экипажа застрявшего танка просили помочь вынести тяжело раненого водителя. Собралась группа из пяти бойцов, двух танкистов, меня и начальника штаба батальона старшего лейтенанта Трофимова. Поползли вперед, скрываясь в высокой траве и в складках местности.

Спокойно добрались до танка и организовали охрану операции по выноске раненого водителя.

За большим камнем в воронке от авиабомбы, в 8-10 метрах от окопа, мы остались со старшим лейтенантом Трофимовым. Уже стало темно. На козырьке окопа два раза показались фигуры японцев; тов. Трофимов мастерски снял их выстрелами из винтовки, израсходовав последние патроны. Гранаты были израсходованы сразу же, как только мы подошли к окопу. Остались одни пистолеты.

Танкисты уже унесли раненого, а наши все не подходят. Еще несколько минут - и в тростнике, внизу, кто-то начал выкликать меня по фамилии. Слышу голос инструктора пропаганды полка политрука Айнутдинова. На крик два "Гочкиса" японцев сразу дали очередь. Мы смолки. Когда японцы прекратили стрельбу, наступила мертвая тишина. Нигде не было слышно ни звука. На небе полная луна вышла из-за облаков и ровным светом залила вершины сопок и покатое плато, спускавшееся к спокойной глади озера Хасан.

Мы с Трофимовым несколько минут раздумывали, как поступить дальше. Решили ползти обратно и организовать людей, чтобы захватить японский окоп. Мы тщательно рассмотрели укрепление и убедились, что перед нами укрепленный глубокий окоп с козырьком из камня. Поползли обратно. Надо было постоянно наблюдать за окопом, чтобы при каждой новой пулеметной очереди быстро выбрать бугорок для укрытия. Японцы обнаружили нас и до самого оврага сопровождали пулеметным огнем.

Спустившись в глубокий овраг, мы поднялись с земли и скоро отыскали подразделения, готовившиеся к новой

комбинированной атаке совместно с танками. Тут встретили полковника Васильева и начальника политотдела Климова. Я доложил о своих наблюдениях и принял участие в подготовке к ночному бою.

В полку нас считали убитыми и возвращение наше расценивали как дело простой случайности. Этой ночью я познакомился с комиссаром полка политруком Громовым, впоследствии погибшим геройской смертью. Вместе с Трофимовым мы провели танки на выгодные рубежи для ведения огня с места и вернулись в полк.

Хожу от одного окопа к другому и на ходу знакомлю бойцов и командиров с обстановкой и задачей. Бойцы порядочно устали. Кое-кто спал. Через полчаса получили приказ наступать. Недружно вылезают из своих окопов бойцы. Решительного броска не получается. Я быстро выбегаю вперед и бросаю призыв:

"Комсомольцы, верные сыны партии Ленина - Сталина, за родину, за Сталинскую Конституцию вперед!" - и сам быстро иду вперед. Оглянулся. Комсомольцы, как один, поднялись и решительно направились за мной. Все бойцы дружно пошли за ними в наступление.

Жарко было в эту ночь японским самураям от натиска пехотинцев и огня танкистов. Мы снова очутились у японского окопа на высоте Безымянной. Ночная схватка закончилась продвижением полка по берегу озера Хасан в направлении к Заозерной.

День 7 августа был таким же солнечным и жарким, как и первый день боя. Жарким был и бой. С утра шла интенсивная артиллерийская перестрелка. Чувствовалось, что артиллерия японцев во многом уступает нашим мощным батареям. Несколько раз над нами пролетали самолеты, громя японские позиции бомбами и поливая пулеметным огнем засевшего в окопах врага.

Этот день памятен мне тем, что пришлось решительно выступить против вредной партизанщины. Обстоятельства сложились следующим образом. Я случайно очутился в немногочисленной группе, бойцов, продвигавшихся по направлению к Заозерной. Присоединившись к ним, спрашиваю бойцов:

- Куда идете, товарищи?

- Приказание есть, товарищ старший политрук, идти на Заозерную, соединяться с войсками и выбивать врага со склонов.

- Кто же с вами из командного состава? Есть ли политрук?

- Там сзади младший лейтенант налаживает пулемет. Обещал догнать. Наш политрук ранен, а заместитель с нами.

Уставшие, не славшие двое суток бойцы едва передвигали:

ноги, но шли вперед. Стараюсь подбодрить отстающих, а сам думаю о том, какую пользу может принести такая бессмысленная посылка людей в бой. Ведь это партизанский отряд, а не боевое подразделение Красной Армии.

Наконец, решение созрело. Остановил бойцов. Отвел их за сопку и одного послал за начальником штаба или командиром полка. Командный пункт был метрах в 500. Один из пулеметчиков обнаружил группу японцев с пулеметом на небольшой высоте в направлении Богомольной и открыл по ней огонь из своего пулемета. Я наблюдал за огнем, когда к группе бойцов подошел младший лейтенант комсомолец Давыдов. Он потребовал, чтобы группа продвигалась с ним вперед. Подхожу к нему и спрашиваю, сколько с ним бойцов. Он сообщил, что с ним 25 человек и 2 станковых пулемета.

Я говорю ему:

- Пошли за командиром полка, укомплектуем подразделение и потом двинемся на Заозерную.

Результат моего заявления получился совершенно неожиданный. Разгоряченный Давыдов принял это за измену и угрожающе схватился за пистолет. Еще один момент, и недоразумение исправить было бы нельзя.

Я потребовал созыва всех коммунистов, и тут же, в стороне, за сопкой, было созвано первое партийное собрание в бою. Оно было несколько необычно. Не было президиума. Не вели и протокола. На собрании я категорически потребовал прекратить посылку мелких отрядов да к тому же еще без достаточного числа командиров. Говорил о том, что надо сколотить подразделения, расставить командиров и политработников по своим местам и только после этого продвигаться к северо-западный скатам Заозерной. С моими доводами коммунисты согласились, с партизанскими действиями было покончено.

Не успели закончить собрание, как меня вызвал к телефону комиссар соединения тов. Дубровский. Он сообщил, что полку направлены галеты, консервы и табак, и предложил дать возможность людям привести себя в порядок. Я доложил комиссару о своих действиях, получил одобрение и снова занялся подготовкой к наступлению.

Конец этого дня вместе с секретарем комсомольского бюро полка тов. Вавиловым провел у пулеметчиков-станкистов, а ночью мы пробрались к высоте и приняли участие в атаке, во время которой геройской смертью погиб комиссар полка Громов.

Ночью я встретил комиссара-танкиста Ефимова. Ефимов рассказал, что он из подбитого танка, в котором люди пробыли целые сутки, отбиваясь от японцев, что на берегу озера, в

камышах, остался раненый лейтенант-комсомолец Винокуров. Обещаю отыскать Винокурова и доставить на медицинский пункт. Ефимов пошел дальше, в тыл, а мы двинулись вперед.

Чуть забрезжил рассвет и туман стал подниматься с Хасана, разведка пошла в направлении к Заозерной. Впереди - спокойный, уравновешенный помначштаба полка лейтенант Королев.

Разведка шла по берегу озера, прикрываясь от наблюдения со стороны высоты Богомольной, принадлежащей японцам, прибрежным камышом. Первый раз в жизни я увидел такие чудесные водяные лилии; они водятся только на этом озере. Утки не улетали с озера, несмотря на то, что японские снаряды часто подымали фонтаны воды.

Взвод продвигается цепочкой вдоль берега. Впереди и по бокам дозорные. Беседую с бойцами. Они рассказывают о вчерашней ночной атаке и о героической работе пулеметчиков. Дозор замечает впереди людей. Подходим ближе.

- Лейтенант Винокуров!

Трудно передать встречу с товарищем, вырвавшимся из окружения врага. Спрашиваю:

- Куда ранен?

- Ранение опасное, в полость таза.

Коротко Винокуров рассказал, что произошло с ним. Во время его рассказа красноармейцы взвода крепко сжимали винтовки; лица дышали; решимостью отомстить врагу за страдания товарища. С нами был санинструктор. Поручив ему заботу о Винокурове, мы снова двинулись в путь.

К 10 часам взвод Королева достиг вершины Заозерной, по северному склону. На каменной глыбе гордо развевался красный флаг страны социализма. По гребню, уставив в сторону противника дула, стояло несколько станковых пулеметов. За каменной грядой два гранатометчика методически, одну за другой, посылали гранаты из ружейного гранатомета. Противник вел огонь фосфорными минами. По японским батареям, расположенным в Хомюко, била наша тяжелая артиллерия.

Чудесный вид на озеро Хасан уже не привлекает меня. Желудок властно требует пищи. Выручают бойцы. Кусок хлеба и глоток воды из фляги восстанавливают силы.

С отсекром бюро ВЛКСМ тов. Вавиловым решили спуститься вниз и найти командный пункт. Задача была ясна - очистить от японцев юго-западные скаты высоты. Телефон на берегу озера. Надо добраться до него и связаться с полком. Но как это сделать? На вершине безопасно. Тревожат только японские мины, а подступы к высоте методически обстреливает артиллерия японцев). Кроме того, в коленках такая ноющая тупая боль, что,

когда спускаешься с горы, кажется, нет ног или они идут сами по себе, а туловище само по себе. Однако надо идти.

Спускаемся вниз и буквально через 100-150 метров попадаем под артиллерийский шквал противника. Почти над головой рвутся шрапнельные снаряды. Вавилов добежал до оврага и оттуда зовет меня, но поздно. Плотно прижавшись к земле, надвигаю каску так, чтобы защитить голову, и ожидаю, когда будет перенесен огонь дальше. И, действительно, снаряды стали рваться дальше. Можно перебраться в овраг. Поднимаюсь с земли, но не чувствую нот и падаю снова. "Неужели отбиты ноги?" - мелькает в голове. Ползком скатываюсь в овраг и там убеждаюсь, что ноги целы.

Пошли к телефону. Отыскиваю телефониста и связываюсь с полковником Берзариным. Докладываю ему о продвижении полка и его состоянии. Разговор наш неожиданно прерывается. Шагах в пятидесяти раздается крик: "Японцы!" и началась стрельба. Отдельные люди и санитарные двуколки устремились назад, Что за паника?

Бросаю трубку телефона. У патронного пункта много винтовок. Хватаю первую попавшуюся.

- Товарищи! Вперед! За мной!

Вырываюсь вперед из группы бойцов. Двое показывают руками на пригорок.

- Товарищ старший политрук, вот тут сейчас убили одного японца, а другой скрылся в камышах.

Подаю команду оцепить камыши. Люди бросились на поиски врагов.

Вдруг совсем близко в камышах раздался взрыв. Бегу туда. Несколько бойцов окружило японского унтера, но он взорвал себя гранатой. Второй лежит с пробитой головой на пригорке. Оказалось, что панику наделали эти два оставшиеся в тылу снайпера. Хорошо, что удалось быстро прекратить ее. Паника опаснее врага.

Тут же созрел план очистки занятого района от японских снайперов, пули которых часто пролетали в неожиданных направлениях. Предлагаю Вавилову создать из комсомольцев команды по вылавливанию снайперов. Он энергично принялся за работу, и в этот, а также в последующие дни комсомольцы выбивали из укрытий и из прибрежного камыша японских офицеров-снайперов, тревоживших наш тыл. Особенно хорошо работали два комсомольца-связиста Пожил и Клименко. Пожил был убит во время одной атаки на обратных скатах Заозерной, а Клименко остался пожизненно в радах Красной Армии.

К вечеру по командному пункту полка начала бить японская

артиллерия. Снаряды в большинстве ложились рядом, в озеро. Красноармейцы шутили над японскими артиллеристами:

- Хасанским карасям сегодня основательно досталось от японцев.

Я получил приказание ночью прибыть на командный пункт соединения. В 2 часа утра 9 августа я был там. Из политотдельцев были ранены заместитель начальника тов. Смирнов и инструктор политрук тов. Бакштаев. Оба ранены неопасно, все же Смирнова пришлось эвакуировать. На следующий день начальник политотдела выехал на главный командный пункт, и мне сутки пришлось руководить работой политотдела, пока не было объявлено перемирие.

Что можно сказать в заключение о своей работе в бою?

Первое - это то, что я не был тесно связан с начальником политотдела и не знал иногда, какие частные задачи ставились полку. Это зависело только от моей неопытности: в бою я был первый раз.

Во-вторых, я мало работал с заместителями политруков и недостаточно помогал отсекру партийного бюро, хотя беседовал с ним несколько раз.

Плохо и то, что я мало бывал на командном пункте полка, куда стекались сведения от батальонов. Пользуясь ими, я безусловно мог бы быть гораздо полезнее там, где труднее задача, сложнее обстановка. Вне всякого сомнения, этот опыт мною учтен, и в следующий раз, если враг попробует снова вторгнуться на нашу землю, я постараюсь удесятерить мои усилия и вместе с бойцами нанести врагу во сто крат более сокрушительный удар.

Старший политрук П. Трофимов

Перед боем

Вечер 5 августа. Полк занял: исходные позиции для наступления. Несмолкаемо бьет японская артиллерия. Снаряды рвутся невдалеке. В небольшой лощине на одной из сопок мы проводим открытое партийное собрание. Коммунисты собрались все, за исключением находящихся в нарядах. Присутствуют и беспартийные.

На повестке дня один вопрос:

- О завтрашнем наступлении.

На партийном собрании присутствует лейтенант-пограничник тов. Быховцев. Он уже 29 июля участвовал в бою с японцами. Коммунисты просят его выступить.

Тов. Быховцев охарактеризовал японцев как трусов, рассказал, что японцы были пьяны, когда шли в наступление. Он показал на фактах, как героически сражались наши славные пограничники.

Я как комиссар части доложил собранию задачи наступления, предпринимаемого завтра. Коммунисты активно обсуждают его, рассказывают, какие настроения у бойцов. Все рвутся в бой. Идет поток заявлений о вступлении в партию и комсомол. Красноармейцы, находящиеся в обозе, просят перевести их в стрелковые роты, чтобы с винтовкой и гранатой защищать родину.

Решение партийного собрания:

- Довести задачи наступления до каждого бойца, - принято единогласно.

После собрания коммунисты разошлись по подразделениям и провели там собрания и митинги.

В 4-й роте комсорг Глухое провел общее комсомольское собрание. Он сообщил о предстоящих боях, напомнил комсомольцам священный долг каждого гражданина СССР защищать свою родину. Командир роты тов. Галимов перед комсомольцами и перед всем личным составом подразделения поставил задачу во что бы то ни стало выполнить приказ партии - уничтожить коварных налетчиков, посмевших перейти священные рубежи нашей социалистической страны.

На собрании выступил младший командир тов. Трунев:

- В ответ на наглую провокацию японской военщины я с большой радостью и гордостью вступаю в ряды ленинско-сталинского комсомола. Обязуюсь своим метким огнем уничтожить японских гадов.

Выступали и другие товарищи. Все они говорили о своей преданности родине и партии: и жгучей ненависти к врагу.

В разведывательной роте перед боем был проведен митинг, на котором была принята следующая резолюция:

"Мы, бойцы, командиры и политработники части, заверяем наше командование, что долг свой по защите родины мы выполним так, как это подобает искренним патриотам нашей прекрасной родины, Самураи не раз пытались нарушить наш мирный труд, нашу мирную жизнь. Нет больше терпенья, пришел ему конец, пришло время покончить с гадами, и на наше счастье выпало быть в том решительном бою, который раз и навсегда покончит с японскими самураями.

Мы еще раз заверяем командование, что будем героически драться за счастье нашей родины, за Социализм. Идя в бой, мы в сердце храним имя того, кто дал нам счастливую жизнь, кто ведет нас от победы к победе, это имя Сталин.

За дело социализма, за нашу родину, за партию Ленина - Сталина вперед в бой на японских самураев. Бить их до последнего гада, не щадя своих сил, а если понадобится, то и

жизни не пожалеем. Да здравствует социализм! Да здравствует партия Ленина - Сталина! Да здравствует т. Сталин!"

Поздно ночью в палатку командования части явились лейтенант тов. Губанов я заместитель политрука тов. Агапов. Они доложили, что 1-я рота стала комсомольской и что общее собрание комсомольской роты просит командование части дать ей самую ответственную задачу.

Вечером и на следующий день утром коммунисты и комсомольцы вели беседы среди бойцов, посвященные героике предыдущих дней боев с японцами.

Утром артиллерийская стрельба возобновилась с новой силой. День был исключительно яркий, солнечный. От взрывов наших снарядов над высотами Заозерной и Безымянной стоял дым столбом. Японская артиллерия отвечала неуверенно; сила ее была значительно меньше.

Наш полк принимал боевое крещение. Каждый красноармеец знал, что атака должна начаться после налета нашей авиации. Все с нетерпением ждали этого момента.

После налета нашей авиации, когда на Заозерной все смешалось в одно черное облако, был дан сигнал перейти в атаку. Воя часть бросилась вперед. В атаку "шли под лозунгами: "За нашу прекрасную родину!", "За Сталинскую Конституцию!", "За счастливый советский народ!", "За великого Сталина!"

Партийно-политическая работа перед боем дала свои результаты. Коммунисты и комсомольцы возглавляли атаку, своим личным примером воодушевляли бойцов.

Отважно бился с врагами секретарь комсомольского бюро тов. Дмитриев. Когда вышел из строя пулеметчик, Дмитриев заменил его и метким огнем уничтожал японцев. Израсходовав патроны, Дмитриев стал забрасывать японские окопы гранатами. Вражеская пуля сразила этого прекрасного вожака комсомольцев, славного патриота нашей родины.

Во время боя наш комсомольский батальон глубоко врезался на территорию противника. Он действовал под лозунгом: "Громить врага на его территории!"

Батальон эту задачу выполнил с честью.

Нужно сказать, что колоссальную роль в бою играет присутствие военкома части на переднем крае. При виде комиссара бойцы и командиры воодушевляются, горят желанием во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу.

После боя политруки представили мне особо отличившихся бойцов и командиров.

Перед боем подавались сотни заявлений бойцов и командиров с просьбой принять их в комсомол и партию.

Заявления подавали лучшие, отважные люди части.

"Прошу принять меня в члены партии, так как беспартийным в бой идти не могу. Хочу идти в ногу с нашей коммунистической партией Ленина Сталина", - писал старший лейтенант Холопик. Он мужественно сражался в бою, получил ранение.

Лейтенант Робук В. И. накануне боя писал в парторганизацию:

"Прошу принять метя в ряды ВКП(б). В боях я оправдаю доверие партии. Впереди всех со своим пулеметом до конца жизни буду показывать доблесть, смелость и геройство. Прошу в моей просьбе не отказать".

И тов. Робук действительно оправдал великое звание члена партии. Он пулеметным огнем беспощадно уничтожал самураев до тех пор, пока не получил нескольких ранений.

Красноармеец Жуков М. А. писал в низовую комсомольскую организацию разведывательной роты:

"Прошу принять меня в ряды Ленинского комсомола. Ввиду нарушения японскими войсками границы СССР я, боец РККА, вступаю в ряды Ленинского комсомола и обязуюсь выполнить свой долг перед трудящимися СССР. Если потребуется, не пощажу, отдам жизнь и силы на благо народа. Пусть живет и крепнет наша страна!"

В бою тов. Жуков держал себя геройски. Будучи уже тяжело раненым, он застрелил японского офицера.

После боев парторганизация полка развернула работу по оформлению партийных дел. Защитники родины желали, и вполне законно, скорее быть в рядах партии и комсомола. Границы нужно было охранять исключительно зорко. Японцы находились в каких-либо 400-500 метрах. Поэтому мы проводили не общие партийные собрания, а делегатские.

За время боев ряды комсомола в полку утроились. В партию на позициях принят тридцать один человек. Остальные заявления разбирали на зимних квартирах.

Лейтенант Я. Борисенко

В разведке

Солнце спустилось за горизонт. На голубом вечернем небе среди сопок засияла луна, отражая свой серебристый блеск в водах реки Тумень-Ула. Любоваться красотой было некогда. Мы, пять комсомольцев - Ваня Толмачев, Петя Байкалов, Саша Золотарев, Кузьма Тулин и я, - сидя в окопе, слушали рассказ капитана Шапошникова о героических эпизодах борьбы Красной Армии в. гражданскую войну и во время конфликта на КВЖД в 1929 году.

Беседа продолжалась до тех пор, пока луна не спряталась за

высокие черные маньчжурские сопки.

- Теперь, товарищи, - приподымаясь, сказал капитан, - не теряя ни минуты, приступайте к выполнению боевой задачи.

Нам предстояло разведать силы противника на юго-восточных скатах высоты Заозерной и вблизи деревни Хомоко.

- Крепко надеюсь на вас, - вполголоса произнес капитан, - в пути будьте осторожны, желаю успеха.

Вместе с нами она вылез из окопа. О чем-то думая, он стоял неподвижно, а мы двинулись ползком от него в сторону врага.

Местность была открытая. Поэтому приходилось тщательно маскироваться, чтобы не выдать себя.

Увешанные гранатами, напрягая внимание, мы шли вперед так, чтобы не слышно было шелеста травы. Приходилось немного задерживаться, чтобы всем быть вместе.

Мы уже были на скатах высоты. Вдруг до вас донесся звук трения каких-то металлических предметов. На минуту остановились. Еще раз продумали план разведки. Разбились на две группы.

Я и Ваня Толмачев пошли туда, откуда доносился звук. Ползем ближе. Перед глазами мелькнул огонек. Всем телом легли на землю. Всматриваемся: в лощине мелькает уже несколько огоньков, видно движение курящих людей. Вблизи стоят волы, жуют траву. Стало ясно, что это вражеский тыл.

Мы вернулись обратно на условленное место, где должны были встретиться с другой группой. Ждем. Их нет. Ждем, 10-15 минут - не слышно даже шороха. Я волнуюсь, в голову приходят различные предположения: может быть, они попали в руки японцев, а может быть, обнаружили противника и наблюдают за ним. Начинаю нервничать. Одолевает беспокойство. Несколько раз прилегал к земле, вставал - никого не было видно. Но вдруг шорох. Метрах в пятнадцати ползут двое. Мы залегли, смотрим - это наши товарищи.

Взаимная радость. Они доложили, что противника в своем направлении не обнаружили.

- Видимо, удирают, досталось им от наших снарядов, - осязал Саша Золотарев.

- Это, конечно, верно, но мы должны помнить, что бой еще не кончился, - ответил я. - Японцы группируют силы и, очевидно, попытаются вновь броситься на Заозерную. Мы должны обнаружить, где они группируются.

Решили продлить разведку по направлению к деревне Хомоко. Здесь шли одной группой, держа интервал один от другого в 10-1 5 метров.

Наткнулись на японский окоп. Тщательно и осторожно

осматриваем его. В окопе пусто. Идем дальше - еще окоп. Заходим в него - тоже никого. На земле разбросаны галеты. Осмотрев их, направились дальше.

Ночь уже подходила к концу. Гасли звезды. Из-под ног выпрыгивали кузнечики и подолгу стрекотали. Близ реки заиграл жаворонок.

Переборов дремоту, мы подошли к третьему окопу. Он, как и первые два, был весь изрыт нашими снарядами. Вокруг несколько глубоких котловин, по сторонам валяются разбитые пулеметы и винтовки, каски. Ваня Толмачев, потрогав разбитый японский пулемет, опять не выдержал:

- Задали наши перцу им!..

Из деревни Хомоко доносилось фырканье лошадей. Продвигаемся ближе. Натыкаемся на тщательно замаскированный окоп. Принимаем решение: я с Ваней Толмачевым заходим в окоп справа, а Байкалов с другими товарищами - слева.

Спускаемся в окоп бесшумно. Слышим храп. Сидя, спят два японца, винтовки их валяются под ногами.

Что с ними сделать? Решили связать, заткнуть рты и увезти живыми.

Вдруг над окопом раздался выстрел. Японцы вздрогнули, в испуге начали искать свои винтовки. Но они были уже в ваших руках. Так как поднялась тревога, бьем японцев прикладами по голове. Проснулись солдаты в ближайших окопах, начали стрелять и окружать нас. На мои руки упало что-то тяжелое. Роняю винтовку. Нагибаюсь, чтобы поднять ее. Японцы с визгом бросаются на меня. Ваня Толмачев и Кузьма Тулин ловко работают прикладом и штыком. Я вырываюсь из вражеских лап, и мы бежим.

Очутившись у бруствера окопа, я делаю прыжок и чувствую, как по моему животу скользнуло что-то холодное. Я покатился по скату. Остановившись, почувствовал, что гимнастерка мокрая. Мы были в лощине - сравнительно в безопасности. Около меня стояли трое бойцов. Спрашиваю:

- Кого нет?

Толмачев грустно ответил:

- Нет Саши Золотарева, его убили. Пуля попала ему прямо в грудь.

Я почувствовал боль в животе. Расстегнул ремень, поднял гимнастерку и вижу: течет струя крови. Товарищи перевязали рану.

Мы двинулись к своим окопам. Уже брезжила заря. Приминая мокрую высокую траву, мы ползком добрались до наших окопов. Я подробно доложил капитану Шапошникову результаты

разведки. Он поблагодарил нас за хорошее выполнение приказа и распорядился немедленно направить меня к санитарному инструктору.

Меня потянуло ко сну. Я тут же задремал. Раздался орудийный выстрел. Я открыл глаза. Возле меня стоял Толмагаев и, волнуясь от радости, рассказывал:

- Товарищ командир, наши снаряды бьют прямо туда, где мы только что дрались с японцами, и в лощину, где мелькали огни.

Я был рад, что разведка не пропала даром, и: снова задремал под грохот орудий.

Батальонный комиссар Д. Иващенко

Непартийные большевики

Бой за родину партийные и непартийные большевики шли с именем великого Сталина на устах. Единой мыслью - разгромить врага, не отдать ни одного вершка советской земли - жили бесстрашные патриоты, готовые в любую минуту пожертвовать собой за дело партии: Ленина - Сталина.

Собравшись перед боем на митинг, партийные и непартийные большевики нашей части писали в своей резолюции:

"Заверяем Верховный Совет СССР, что мы не хотим чужой земли, но и не позволим заклятому врагу ступить на нашу великую землю. Каждый из нас готов отдать свою жизнь за счастливую, радостную жизнь многомиллионного советского народа, за торжество Сталинской Конституции, за великого отца и учителя - товарища Сталина. Пусть помнят враги, что нет такой силы в мире, которая могла бы остановить победоносное шествие коммунизма в нашей стране".

Слова не расходились с делом. Непартийные большевики рука об руку с коммунистами героически сражались в боях против зарвавшихся японцев. Они показали безграничную преданность своей родине, неразрывную связь с большевистской партией.

Молодого патриота тов. Сельвестрова и раньше, до боев, знали во многих подразделениях как скромного в общении с товарищами, отличника боевой и политической подготовки, никогда не имевшего поломок и аварий машины. После боя с японцами выявилось еще одно прекрасное качество товарища Сельвестрова - бесстрашие, мужество и отвага в бою.

Хорошо сколоченный, отлично овладевший техникой экипаж тов. Сельвестрова одним из первых пошел в бой против японцев. Короткими пулеметными очередями экипаж выводил из строя живую силу противника, мощным огнем пушки подавлял огневые точки.

Японцы, отступая, сосредоточили огонь противотанковых

пушек на машине Сельвестрова. Вокруг рвались десятки снарядов. Экипаж продолжал мужественно сражаться и наседать на врага.

Японцам удалось подбить танк. Водитель Буланцев был ранен. Стрелок Ландин убит. Тов. Сельвестров не растерялся. Он принял меры к эвакуации машины и товарищей, ремонтировал танк под огнем. Кто-то мимоходом бросил ему, что раненый комиссар Туляков может попасть в руки врага. Он бросился искать любимого комиссара. Беспартийный большевик Сельвестров несколько часов под обстрелом искал комиссара. Узнав, что комиссар жив и найден, он снова приступил к ремонту машины.

После эвакуации танка с поля боя командование посылает Сельвестрова для выполнения сложной задачи. И здесь он показывает героические образцы.

Таких патриотов социалистической родины, воспитанных партией Ленина Сталина, готовых в любую минуту отдать свою жизнь за счастье народа, у нас сотни, тысячи.

Лейтенант Федоров на исходном рубеже подал заявление о вступлении в ряды большевистской партии. Вслед за ним десятки других непартийных большевиков заявили:

- В бой хотим идти коммунистами.

"В ответ на наглую провокацию японской военщины прошу парторганизацию принять меня в кандидаты ВКП(б). Это высокое звание оправдаю на деле", писал в своем заявлении тов. Богданов.

"В ответ на провокационную вылазку японских налетчиков, пытающихся втянуть СССР в войну и поработить наш трудовой народ, я как патриот своей родины желаю быть верным кандидатом партии. Обязуюсь выполнять и проводить в жизнь все решения партии, быть активным пропагандистом в массах, изучить труды Ленина - Сталина, вести неуклонную борьбу с врагами народа, повседневно повышать боевую готовность РККА. Обязуюсь за партию, за дело Ленина - Сталина, за нашу социалистическую родину отдать, если потребуется, свою жизнь", - писал тов. Остапенко.

Шла необычная подготовка к партийному собранию. Оставалось несколько минут до атаки. К высоте Заозерной приковывались десятки взоров непартийных большевиков. Там после атаки было назначено партийное собрание по приему их в ряды великой партии Ленина - Сталина. Парторг тов. Бычков (погиб в бою) готовил к собранию документы на вступающих в партию.

После атаки под артиллерийским огнем партийное собрание приняло героев-патриотов в" ряды коммунистической партии и в

сочувствующие. Этот момент у многих останется в памяти.

За шесть дней боев подано семьдесят четыре заявления о вступлении в партию, пятнадцать заявлений - о вступлении в группу сочувствующих и сто семьдесят шесть - в комсомол. Товарищи в своих заявлениях выражали свои искренние, глубокие чувства и безграничную любовь непартийных большевиков к партии и к вождю народов товарищу Сталину.

Ежедневно десятки рапортов мы получали от бойцов, командиров и политработников, оставшихся в тылу, с просьбой послать их в бой.

Беспартийный механик-водитель тов. Житенев писал:

"Японские разбойники нагло нарушили священные границы страны социализма. Кровь наших братьев не пройдет налетчикам даром. Клянусь перед родиной, перед партией, перед правительством, что за своих товарищей отомщу и буду беспощадно уничтожать фашистских гадов. Прошу не отказать в моей просьбе и послать меня в бой".

В дни перемирия в города и села Советского Союза пошли сотни писем бойцов и командиров, в которых непартийные большевики рассказывали о героике боев и выражали свою готовность в любую минуту рука об руку с коммунистами, под их водительством снова встать на защиту социалистического отечества, а если потребуется, то и отдать свою жизнь за счастье и радость народа, за цветущую нашу страну.

Старший лейтенант Н. Михайлов

Под покровом ночи

Самураи не покидали надежды выбить нас с Заозерной. Для осуществления этого они прибегали ко всему. Вспоминается мне несколько случаев, как они пытались захватить нас врасплох. Глубокая ночь с 7 на 8 августа. Тов. Григорьев доложил мне, что слышен говор японцев. Я отдал приказ: бросать гранаты только после того, как мы бросим их из своего окопа.

Все стихло. Ни шороха.

Мы притаились, напрягая слух. Слышим: самураи, как ужи, подползают к нашим окопам. Делаем вид, что ничего не замечаем. Но только они приблизились, я дал знак Григорьеву, и гранаты, щелкая и шипя, полетели навстречу самураям.

Поднялся страшный, беспорядочный предсмертный крик. Японцы бросились бежать. Вдогонку им наши пулеметы послали несколько очередей.

Атака была отбита. Враг, рискнувший проверить нашу бдительность, был разбит.

...Начинался рассвет. Мы окопались и легли спать, выставив наблюдателя. Но недолог был сон. Японцы, находившиеся в окопе

на скате высоты, открыли минометный огонь. Нужно было уничтожить врага. Для этой операции мы выделили взвод под командой тов. Цыганкова. Он пошел в обход, а мы с тов. Дрягиным приблизились к японскому окопу и начали забрасывать его гранатами. Тов. Цыганков незаметно подполз со взводом к японским налетчикам с фланга и с криками "ура" бросился уничтожать их.

Ни один японец не ушел из окопа: все были уничтожены.

После этого разгрома японцы притихли.

Пополнив запас ручных гранат и других огневых средств, я уложил бойцов спать, так как впереди предстояла ночь, полная тревог и неожиданностей. Бодрствовали только наблюдатели, держа под контролем каждый метр японской территории.

Я проверил наблюдателей: службу они несли бдительно, в чём нам еще неоднократно пришлась убедиться.

Только я стал засыпать, как раздались взрывы гранат и голоса.

Мы заняли свои места. Перед нами предстала большая группа противника. Видимо, выследив, что мы легли отдыхать, они решили застать нас врасплох. Эта попытка, как и все другие, закончилась для них весьма плачевно. Мы обстреляли их с флангов пулеметами, а в лоб - гранатометами. Немногие из них ушли обратно.

Лейтенант В. Двушерстнов

Радостно идти впереди

Глубокая ночь. Нам приказано пройти на левый фланг фронта и уничтожить сосредоточившихся там японцев. Впереди - десять километров пылающего в огне шути. Днем по этой дороге не только группе людей, но и одному не пройти. Укрепившись за несколько дней на советских высотах, самураи успели пристрелять каждый кустик. И сейчас их артиллерия заливает огнем ваш путь.

Дальневосточная ночь коротка. Мы напрягаем усилия. Кажется, стрелки часов двигаются быстрее обычного. Уже около 4 часов ночи. Сейчас брызнет рассвет, выглянет багряное солнце и предаст нас.

- Подтянитесь, товарищи! Еще немножко, - то и дело слышатся подбадривающие голоса командиров и политработников. Изредка доносятся шутки. И тогда в рядах слышен; приглушенный смех.

С шутками легче преодолеваются трудности. А их не счесть. Хотя и ночь, но во весь рост двигаться нельзя, приходится пригибаться, кое-где ползти на коленях, на животе.

Рассвет застал нас уже в назначенном месте. Не теряя

времени, бойцы быстро рыли окопчики, устанавливали пулеметы.

Меня вызвал командир части.

- Товарищ Двушерстнов, организуйте наблюдение за противником.

Я с радостью приступаю к новой обязанности.

Вооружившись биноклем и картой, взял с собой отделенного командира тов. Максимова я отправился наблюдать.

Вот тянется нескончаемая лента железнодорожных рельсов. А там, левее, на холмах, белеет зигзагообразный автотракт. По нему то и дело снуют машины, движутся новые подкрепления. Все это я наношу на карту. Вдруг слышу голос Максимова:

- Товарищ лейтенант, на станцию прибыл воинский эшелон.

В оперативное донесение вношу новую запись. Не успел дописать, как совсем рядом услышал другой знакомый голос. Обернулся, вижу: комбат Кульков. Он прибыл сам посмотреть, что делается у японцев. Увидев меня, он с пылом заговорил:

- Смотрите: на Пулеметной сопке (так мы назвали высоту, стоящую влево от Заозерной) проволочное заграждение, а дальше, в седловине, батарея.

Надо обладать исключительной выдержкой, чтобы наблюдать действия врага и спокойно наносить все на карту. Хочется драться самому.

Вскоре меня сменили. Я шел в штаб и думал, как бы мне пойти с бойцами по виденным местам.

В штабе шло совещание начсостава. Командир Провалов вместе с командирами подразделений обсуждал план предстоящего наступления на Заозерную.

- На высоте Заозерной завтра должен вновь реять советский красный флаг. Японцы должны быть уничтожены! - говорил Провалов.

Затем командир и комиссар части отдельно беседовали с коммунистами. Беседа была коротка. Комиссар предупреждал:

- Помните, товарищи, идете выполнять партийное задание. За вами следят партия, Сталин, весь советский народ!

Как я завидовал этим счастливцам! Утром они уйдут на борьбу с врагом, а я. Не хотелось верить, что я опять буду возиться с биноклем и картой.

Пришел помощник командира части. Мы уселись писать приказ по тылу. Вдруг комиссар окликнул меня. Я подошел.

- Вы назначаетесь командиром 2-й стрелковой роты. Принимайте роту и побеждайте! Помните, что коммунист должен показать чудеса.

От радости я даже не дослушал последних его слов и на ходу крикнул:

- Будьте уверены!

В роте ожидали бойцы и комбат.

Я собрал командиров взводов, поставил задачу перед каждым взводом и начали готовиться к наступлению.

В середине дня воздух наполнился оглушительным ревом самолетов. Серебрянокрылые истребители и тяжелые бомбардировщики, пилотируемые нашими прекрасными летчиками, открыли нам дорогу. Как только Заозерная покрылась густым черным дымом разрывающихся бомб и облегченные самолеты повернули обратно, я скомандовал: "Рота, за мной, вперед!" - и бросился в атаку.

Радостно было идти впереди, когда знаешь, что за тобой идут неустрашимые бойцы, что гневом клокочет весь советский народ.

Старший политрук Г. Дворецкий

Политрук Ушаков

О событиях на Хасане Ушаков узнал в поезде. Он, молодой политрук, досрочно окончивший Ленинградское военно-политическое училище, ехал к месту своего назначения - в Ворошилов.

Ему казалось, что экспресс идет медленно. Каждая лишняя минута стоянки на станции вызывала у него чувство нетерпения. Хотелось прибыть как можно скорее туда, к озеру Хасан, где части Краской Армии дрались против японских провокаторов войны.

Наконец, томительно долгий путь закончился. Под грохот артиллерийской канонады и зловещий свист самурайских пуль пробрался политрук Ушаков в политотдел дивизии. Представился комиссару тов. Иванченко. Комиссар познакомил его с обстановкой на фронте, рассказал о предстоящих задачах части и потом, указав рукой на сопку, сказал:

- Вот видите склон сопки?

- Вижу, - ответил Ушаков.

- Там залегла на исходном положении; рота. Вы назначаетесь в нее политруком. Идите, представьтесь командиру роты и готовьтесь к атаке...

Ползком, от укрытия к укрытию, под непрерывным обстрелом Ушаков пробрался к роте, разыскал командира, представился.

После знакомства с командиром роты тов. Ушаков под градом пуль переползает из окопа в окоп, от одной огневой точки к другой, знакомясь с бойцами. Через короткое время не было в роте ни одного бойца, который не знал бы своего отважного политрука. Он быстро сумел завоевать себе большой авторитет среди бойцов. На его имя сыпались заявления с просьбой принять в партию и комсомол, с заверением о готовности в любую минуту, если потребуется, умереть за родину.

Приказ идти в атаку на сопку Заозерную бойцы встретили с огромным энтузиазмом. К моменту атаки в роте не было ни одного бойца, не подавшего заявления о приеме в партию или в комсомол.

По условному сигналу рота пошла в атаку. Впереди шел взвод лейтенанта Глотова. Пулеметный взвод, поддерживая роту, открыл стрельбу по огневым точкам противника и заставил их замолчать. Рота, стремительно продвигаясь вперед, встретила на пути проволочное заграждение. Политрук Ушаков быстро прополз под ним; за политруком преодолели проволочное заграждение и все бойцы роты.

Лунная ночь. Ярко вырисовывается силуэт сопки Заозерной. В гуле орудийных залпов, в ружейной и пулеметной трескотне то и дело слышатся возгласы политрука Ушакова: "За Сталинскую Конституцию!", "За любимую родину!", "Вперед!"

Рота успешно продвигается. Станковые пулеметчики меняют позиции. Требуется немедленный огонь станковых пулеметов. Ушаков под обстрелом бежит на помощь к пулеметчикам; он подтаскивает на себе пулемет по крутой сопке.

Пулеметы быстро устанавливаются на огневой позиции и снова косят своим огнем вражеские полчища. Рота накопилась для броска в атаку. Первыми поднимаются политрук Ушаков и лейтенант Глотов. Со словами: "Вперед!", "Ура!", они бросаются на врага, увлекая своим примером бойцов. В самый разгар рукопашной схватки, обливаясь кровью, падает отважный сын родины лейтенант Глотов. Сраженный и сердце пулей, он успевает несколько раз произнести одно, глубоко вошедшее в сознание слово: "Вперед!"

Боевой политрук Ушаков штурмует сопку в первых рядах. Своим примером, лозунгами "За Родину!", "За великого Сталина!" он увлекает бойцов.

Под решительным натиском наших бойцов разбитые самураи бегут, оставляя оружие, раненых и многочисленные трупы. Рота, атаковав вершину сопки, залегла. Впереди, в укрытии, засело до 25 самураев. Они ведут по роте сильный огонь гранатами. Броситься в атаку через вершину гребня невозможно: могут быть большие потери. Но надо во что бы то ни стало выбить банду, засевшую в укрытии.

- Кто идет со мной в обход? - спрашивает Ушаков бойцов.

Охотников много. Политрук берет десяток смельчаков и идет с ними в обход. Зайдя во фланг, бойцы забрасывают врага гранатами и бросаются в штыки. Больше половины засевших в укрытии было уничтожено гранатами, остальных сразили пулями, добили штыками.

В разгаре боя Ушаков, не почувствовал, как горячим металлом его кольнуло в бок, и только острая боль при движениях дала понять, что он ранен. Не покидая поля боя, он перевязывает рану и продолжает участвовать в бою.

Занятую сопку нужно было закрепить. "Японцы в лоб в контратаку не пойдут", - быстро соображает политрук. Он разыскивает отважного пулеметчика Чурилова, вместе с ним устанавливает на фланге пулемет и дает ему указание быть готовым к отражению контратаки.

- Мы не ошиблись, установив пулемет на фланге, - с гордостью говорит Ушаков. - Самураи попробовали зайти с

фланга и броситься в контратаку. Но просчитались. Они были встречены мощным шквалом пулеметного огня и вынуждены были откатиться с большими потерями. То, что нами взято раз, мы никогда не отдадим. Не учли этого японские налетчики.

Еще несколько дней храбро сражался политрук Ушаков с японскими самураями, и только тогда, когда получил еще два ранения, он был вынужден уйти в тыл. Но не мог Ушаков долго оставаться в госпитале. Немного оправившись от ран, он снова вернулся на фронт, на деле показывая, как надо защищать родину верному сыну партии.

Старший политрук Курдюмов

Стихотворение, написанное перед боем

В боях у озера Хасан младший командир тов. Абраменко Г. С. отлично руководил стрельбой из орудия. Он посылал снаряд за снарядом, уничтожая огневые точки врага. Когда японцы обнаружили орудие, тов. Абраменко принял решение сменить огневую позицию под обстрелом противника. И вот при смене огневой позиции вражеский снаряд оборвал жизнь геройски сражавшегося тов. Абраменко. В его кармане были найдены пробитый осколком комсомольский билет, фотокарточка жены и печатаемое здесь стихотворение.

С шахт, полей и предприятий,
От комбайна и стайка
Поезд соколом крылатым
Нас промчал на ДВК.
Радость наша безгранична,
Стать в ряды бойцов ОКДВА!
Защищать страну и лично
Поразить в упор врага.
Мы по призыву наркома
Долг свой выполнить пришли
И в сердцах, отваги полных,
Смелость, храбрость принесли.
В нас огонь патриотизма
Ярким пламенем горит,
Он врагам социализма
Гибель вечную сулит.
Если кто из них посмеет
Наш рубеж переступить,
Молодой боец сумеет
Нарушителя отбить.
Мы в любой момент готовы
К битвам в будущей войне,
Лозунг наш, он всем известный,

Бить врагов на их земле!

Красноармеец Н. Горпиневич

Из записной книжки

Перед боем с японскими самураями в районе озера Хасан мы совершили ночной марш по дороге, размытой прошедшим недавно сильным дождем. Грязь прилипала к сапогам, ноги вязли в болотистой почве. Бойцы шли, соблюдая полную тишину. Было так темно, что глаза не различали впереди идущего товарища. Чтобы не нарушать походного строя, я прицепил на ранец товарища, шедшего передо мной, кусочек белой бумаги: на близком расстоянии на черном фоне она была отчетливо видна.

Когда, свернули на шоссейную дорогу, уже светало. Я замечаю, что боец тов. Монастырский устал. Хочу помочь ему, прошу передать мне часть его снаряжения. Он отказывается.

Мимо колонны проходит старший лейтенант тов. Гольберг. Он заботливо оглядывает нас. Его внимательный взгляд остановился на тов. Монастьирском.

- Дайте вашу винтовку, - обращается он к бойцу.

Тов. Монастырский, вспотевший, пытается уверить командира, что он не утомился, но ничто не помогает. Его винтовка переходит к старшему лейтенанту тов. Гольбергу.

Мы идем несколько минут молча, а затем у меня, комсомольца-агитатора, завязывается разговор с тов. Монастырским. Толчком к разговору послужил факт любовного отношения командира тов. Гольберга к бойцу. Факт - обычный для отношений между бойцами и командирами Красной Армии. Я рассказываю тов. Монастырскому об отдельных эпизодах, вычитанных мною в книге Буденного "Боец-гражданин", где ярко описано зверское обращение офицеров с солдатом в царской армии. В нашу беседу "на ходу" незаметно включаются другие бойцы. Один из них вспоминает рассказы своего отца - солдата царской армии, участника мировой войны. Разговор затем перешел на другие темы. Младший командир тов. Голенко стал говорить о богатствах Дальневосточного края. Я помогаю ему, рассказываю о залежах угля, о лесах, о районах с нефтью, с золотом, о промышленности Советского Дальнего Востока, возрожденного кипучей энергией большевиков.

На марше от политрука и командира мы узнали о том, что подлые японские бандиты посягнули на наши: границы. Нет слов выразить возмущение, охватившее всех бойцов при этом известии. Каждый горел одним желанием крепко проучить зарвавшихся самураев. Куда девалась усталость?!

То и дело было слышно:

- Товарищ командир, почему мы так медленно идем?

Самураев разобьют и нам не хватит!..

- Для самураев, это будет вторая Волочаевка, - говорю я.

- Не просто Волочаевка, а Волочаевка в: квадрате или в четвертой степени, - заявляет курсант Битер.

Мы вспоминаем боевые эпизоды из кинокартины "Волочаевские дни". В наших рядах царит оживление, слышатся шутки, смех. Все уверены в быстрой и полной победе над бешеными псами-самураями.

Сразу же после прихода на место, наша группа связистов - товарищи Тыморын, Мухомедяров, Зверинец, я и другие - с командиром отделения тов. Бондаревым получили приказ дать связь к наблюдательному пункту. Солнце уже посылало на землю последние лучи. Линию приходилось наводить исключительно по вершинам расположившихся рядом скал, иначе наши грозные боевые машины, идя в бой, порвали бы провод, наматывая кабель на свои мощные гусеницы. Зачастую приходилось подниматься почти на отвесные скалы. Делали остановки, чтобы немного передохнуть после напряженной работы и быстрого движения с тяжелым кабелем. Каждую минуту отдыха я старался использовать для агитационной работы. В одну из таких остановок кто-то из связистов сказал:

- Мы знаем, за что боремся. А ради чего идут под пули японские солдаты?

- Темный народ, обманутый и забитый офицерами, вот и все. Когда-нибудь придет в разум, - убежденно заявляет тов. Зверинец.

- Правильно, - поддерживаю я, - возьми, скажем, нас: из пяти человек у трех среднее образование, остальные окончили 6-7 групп. И все это дала нам коммунистическая партия.

- В нашей стране все наше! - говорит командир отделения тов. Бондарев.

Сотрясая землю, мимо нас с грохотом промчались громадные танки. Мы провожаем их возгласами восхищения. Несокрушима броня нашей великой родины!

...Это было 6 августа. Самураи получили уже сильный удар; еще один напор - и они будут изгнаны с сопки Заозерной. Всюду идет подготовка к решающему бою. Солнце, безжалостно жегшее днем слегка побуревшие сопки и загорелые лица бойцов, шло к закату. Мы находились на командном пункте, обстреливавшемся японской артиллерией. Нам нужно было дать связь к полку, наступавшему на сопку Заозерную. Для этого необходимо было спуститься с командного пункта по склону, совершенно открытому для глаз противника. Как только мы начали спуск, противник сразу же заметил нас, и совсем близко разорвался один снаряд, за ним - другой. Мы скрылись в окопе. Но времени

терять нельзя.

Чувство ответственности за возложенную на нас задачу побеждает все, и вот мы снова, согнувшись в три погибели, спускаемся по склону. Курсант тов. Цвяк впереди, он разматывает первую катушку, за ним я с катушкой в руках. Тяжелый барабан не позволяет продвигаться быстро. А связь нужна сейчас же, немедленно. Это заставляет мысль упорно работать.

Я преднамеренно выпустил катушку из рук, она покатилась, пригибая к земле высокую траву. Внимательно слежу за ее движением. Она остановилась в 30-35 метрах. Я подползаю к ней. Битер, Паламарчук и другие связисты следуют моему примеру. Так работа идет успешней и маскироваться лучше. Несмотря на то, что мы тщательно маскируемся, по нас стреляют; мы пользуемся короткими перерывами в стрельбе и продолжаем вести линии. Катушка, ударяясь в своем движении о неровность поверхности, кувыркается, а иногда отклоняется от заданного ей направления. Вот она нагнала впереди ползущего тов. Цвяка. Слышу его сдержанный голос:

- Чорт бы ее забрал, твою катушку!

Я принял ее за снаряд и ждал разрыва.

Мы оба смеемся.

- Как чувствуешь себя? - спрашиваю.

- Отлично, - с улыбкой отвечает тов. Цвяк.

Одолев склон, мы наткнулись на сплошное вязкое болото с кочками, камышами. В камышах нужно было держать ухо остро. В них, как запуганные овцы, бродили одиночные японские стрелки, а иногда умышленно оставались белобандиты, переодевшиеся в наше обмундирование.

Осторожно пробираемся вперед, ноги иногда соскальзывают с кочки и вязнут в болоте.

Грохот орудийных выстрелов и разрывающихся снарядов, треск винтовок и пулеметов так заглушали все другие звуки, что нельзя было услышать даже собственное дыхание.

Подходим к небольшой речушке. Чтобы обойти ее, нужно затратить не менее 10-15 минут. Но время дорого. Не задумываясь, лезем в воду. Она поднимается все выше и выше, достигает колен, груди и вот уже подступает к подбородку. У каждого из нас над головой катушка и винтовка. Речку прошли благополучно, связь восстановили вовремя. Подразделения пошли в атаку.

* * *

...Агитатор должен служить примером в бою, стараясь быть всегда впереди, на самых ответственных и опасных местах. Именно такой агитатор завоевывает огромный авторитет, и

каждый его призыв, каждое слово получает неотразимую силу убеждения. Я, комсомолец, всегда это помнил.

Нам необходимо было доставить пищу связистам, находившимся на одной из контрольных станций. Нужно было пройти лощину, которую японцы обстреливали пулеметным огнем. Когда мы подошли к лощине, командир стрелковой роты не разрешил нам идти дальше до тех пор, пока рота не уничтожит японские пулеметные гнезда.

Завязалась пулеметная перестрелка. Японцы сидели в прочных укреплениях. Огню наших стрелков мешали наступившие сумерки. Мы решили, не дожидаясь прекращения стрельбы японцами, воспользоваться темнотой и пройти лощину. Я поднялся первым с термосом на спине и тронулся в опасный путь. За мной последовали остальные. Двигаться пришлось с двойной осторожностью, так как можно было наткнуться на японцев. Я бесшумно и смело шел вперед с винтовкой наготове, а сзади меня цепочкой, в 3-5 метрах друг от друга, шли остальные три бойца. Они были уверены во мне. Задание мы выполнили. Связисты поблагодарили нас за хороший ужин.

Мне часто приходилось с группой бойцов в три-четыре человека выполнять задания без командира, и когда какой-нибудь из встречающихся нам начальников спрашивал, кто из нас командир, бойцы указывали на меня. Это неофициальное присвоение мне звания командира вызывало у меня чувство гордости за то доверие, которое мне оказывали мои товарищи.

...10 августа курсанты Кияновскмй, Мухомедяров, Загоруйко и я очутились под обстрелом с трех сторон; идти в сторону, свободную от обстрела, нельзя было, так как путь преграждало озеро Хасан. Мы решили выждать. Вдруг слышим, летят самолеты. Все задрали вверх головы, на крыльях - красные звезды. В грозной песне моторов - суровое предостережение фашистским провокаторам войны.

Самолеты мгновенно очутились над правым краем Заозерной и начали бомбардировку. Сопки заволокло дымом. Земля задрожала от взрывов. "От такой бомбежки на японских островах, наверное, землетрясение", - пошутил кто-то.

Огонь японцев после бомбежки стал слабее. Мы решили пройти лощину и продвигаться дальше. Залезли в камыши, ползем по трясине, она пружинит под нашей тяжестью. В некоторых местах со свистом выскакивает воздух. Японцы, по-видимому, заметили наше движение в камышах: они открыли огонь из пулемета.

- Стрелять не умеют, - замечает кто-то.

- Наверно, с пьяных глаз ничего не видят. - Сдержанный смех

прошел в камышах. Когда мы вылезли из воды, нас спрашивали, нет ли раненых.

- Им только карасей глушить в озере, - ответил один из бойцов.

Я и курсант Амир Мухомедяров получили новую задачу. Идем с ним мокрые, в сапогах хлюпает вода.

Амиру хочется курить, но спички его и махорка отсырели.

По дороге встретился майор, предложивший нам папиросы.

Мухомедяров закурил, глубоко и вкусно затягиваясь.

- А вы не курите? - обратился ко мне майор, протягивая портсигар.

- Спасибо, товарищ майор, я этим баловством не занимаюсь. Майор улыбнулся, спросил, откуда, куда и зачем мы идем. Мы ответили, простились и пошли дальше.

- Ты ничего не заметил? - спросил я у Амира.

- А что? - недоумевая, сказал Амир.

- Слушай, Амир, а если; бы ты рассказал японским солдатам, что у нас боец может свободно закурить у самого большого командира?

- Не поверили бы, конечно, - отвечает Амир. Его широкое казахское лицо светится заразительно веселой улыбкой...

Красноармеец А. Унчиков

Сигнальная труба

В район боевых действий я вышел сигналистом части. Моя обязанность - в определенное время, по указанию, давать сигналы музыкальной трубой. Откровенно говоря, дело это очень скучное. Особенно скучным оно мне показалось, когда товарищи ушли и атаку, а я остался со своей сигнальной трубой.

Выбрав поудобнее момент, я обратился к командиру части:

- Товарищ командир, разрешите мне пойти в атаку. Там все мои товарищи, все будут драться, а я.

Командир не дал мне докончить, он понял меня:

- Хорошо, пойдемте со взводом.

Обрадовался я: красота, думаю. Значит и я покажу японцам силу советского штыка.

Вооружился как следует и собрался идти. Но тут возник вопрос: что делать с трубой. Труба - это тоже мое боевое снаряжение. Хоть я и в бой иду, но все же сигналист. А какой же сигналист без сигнальной трубы?! И стал я думать, как примостить ее. Снял ремень, привязал трубу покрепче, потуже натянул ремень и пошел. Так труба не потеряется.

Командиром взвода был тов. Зырянов. Проверив нашу вооруженность, он рассказал нам, куда и зачем направляемся, и напомнил, что надо быть волевым, смелым, но спокойным.

Японцы укрепились на Пулеметной горке, и нам предстояло атаковать их. Быстрыми перебежками мы бросились к высоте. Впереди бежал Зырянов и подавал команду:

- Приготовиться, бросать гранаты!

Только мы успели вынуть из сумок гранаты, слышим новую команду:

- Бей гранатами самурайскую сволочь!

Гранаты наши полетели прямо в окопы к японцам. Те, как мыши, забегали по высоте, засуетились.

Подходившее к японцам подкрепление открыло сильный пулеметный огонь. Мы залегли в лощине. Тов. Зырянов стрелял из ручного пулемета, а мы - из винтовок. Сколько ни пытались японцы приблизиться к нам, ничего у них не выходило. Меткий огонь пулеметчика Зырянова уничтожал японцев.

Но вот внезапно пулемет смолк. Мы подбежали и увидели картину, которой просто не хотелось верить: командир был убит.

Я готов был плакать, видя храброго командира мертвым. Сердце наполнилось жгучей ненавистью к врагам.

Ночью самураи решили вновь атаковать нас. Мы их подпустили близко, а потом стали бить и огнем и штыками.

В непрерывных схватках мы провели всю ночь на Пулеметной горке.

Утром вновь атаковали японцев. На этот раз они побросали оружие, убитых, раненых и в беспорядке бежали к реке Тумень-Ула.

Мы прочно укрепились на Пулеметной горке.

Вышел я из боя невредимым. Уцелела и моя сигнальная труба. Она была по-прежнему прочно привязана к поясу.

В бою я вступил в комсомол.

Красноармеец Н. Чеканов

Младший командир Быченков

С утра поднялась артиллерийская канонада. Снаряды с визгом пролегали над головой, рвались в окопах противника. Японская артиллерия отвечала беглым огнем. Поминутно то там, то здесь с грохотом рвались снаряды, поднимая черные клубы дыма и фонтаны земли.

Под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня стрелковые части подтягивались к исходному положению.

Перед отделением Быченкова была поставлена задача продвинуться на северо-западные скаты высоты Заозерной и обстреливать Безымянную, где японские бандиты хорошо укрепили свои позиции.

Два пулеметных расчета наводчиков Черноусова я Красовского поочередно передвигались вперед. Остальные

красноармейцы шли за ними, прокладывая себе путь гранатами, винтовочными выстрелами. Враг в беспорядке отступал.

Отделение Быченкова на скате высоты установило свои пулеметы. Японцы пошли в контратаку. Подпустив их на расстояние 7-8 метров, отделение открыло огонь и забросало японцев гранатами. Мало кому из захватчиков удалось удрать обратно.

Японцы подбросили подкрепление и предприняли вторую контратаку. Гранатами им удалось вывести из строя пулеметный расчет комсомольца Черноусова. Быченков, недолго думая, принял решение.

- Красноармеец Иванов, за пулемет!

- Есть за пулемет!

И комсомолец Иванов открыл огонь по врагам, которые находились в семи метрах от него. Враг дрогнул, но сдаваться не хотел. Завидя пулемет Иванова, японцы обрушились на него. Иванов, раненный двумя пулями, но уверенный в победе, продолжал вести огонь. Только после того, как японцы были отброшены, Иванов согласился идти на пункт медицинской помощи.

Утром 9 августа командир отделения Быченков заметил блеск японских штыков.

- Видимо, опять атаку хотят предпринять, - проговорил он и не ошибся. Японцы старались скрытно перейти границу и ударять с тыла. Быченков начал готовить непрошенному гостю достойную встречу. Взяв два пулемета, он начал пробираться навстречу атакующему взводу японцев.

У японского взвода было пять пулеметов. Однако Быченков не растерялся. Он быстро установил свои пулеметы и открыл из них огонь. Внезапность действий Быченкова застала врага врасплох. Вражеский взвод был отброшен. Наша пехота стремглав двинулась вперед. Комсомолец Быченков бросился к бездействующим японским пулеметам, чтобы не дать врагу унести их с собой.

Так блестяще была отбита еще одна атака японцев.

Во всех боях с японцами боевой командир комсомолец Илья Быченков шел впереди своего отделения, увлекая за собой красноармейцев; ведя их туда, где носилась смерть, где ураганный огонь клонил к земле все живое, он умело избегал потерь.

Старший политрук М. Дивненко

"Карманная артиллерия" Галимова

В 1932 году в военкомат города Уфы пришел студент третьего курса техникума искусств Галки Галимович Галимов. До

призыва ему надо было ждать еще два года. Галимов просил принять его в ряды Красной Армии, добровольцем.

- Я хочу посвятить службе в Красной Армии всю свою жизнь, - сказал студент.

Я встретился с бывшим студентом Галимовым, когда он уже командовал ротой. Встреча произошла на песчаных холмах у озера Хасан 7 августа 1938 года.

Батальон, в состав которого входила рота Галимова, после ожесточенных боев с японцами, укрепился на позициях у озера и после обеда должен был возобновить наступление и занять высоту Безымянную, уничтожив засевших там японцев.

По указанию комиссара соединения я пришел в этот батальон, чтобы помочь в руководстве боем.

Перед боем мы провели митинг. После моего кратенького выступления попросил слово лейтенант Галимов, раненный в бою 6 августа. Одна рука его была перевязана. Чуть прихрамывая, он вышел на середину, говорил сдержанно, скупо, но в каждом его слове звучали ненависть к врагам, призыв к беспощадной расправе с зарвавшимися захватчиками.

Батальон пошел в наступление. Огонь минометов, пулеметов и артиллерии японцев не мог остановить нашего стремительного продвижения вперед. Когда до вражеских окопов осталось метров пятьдесят, бойцы взялись за гранаты.

Галимов со связкой гранат куда-то пополз и скрылся в высокой траве. Вдруг на южном скате высоты Безымянной, там, где стоял японский миномет, мешавший нам овладеть окопом, раздался оглушительный взрыв. Вражеский миномет был выведен из строя. Галимов вернулся назад. Я подполз к нему. Он взял у меня еще одну гранату и бросил ее в окоп.

Бойцы, бросая гранаты, подползали к окопам все ближе и ближе. Японцы в панике разбегались. Секретарь комсомольского бюро Товарищ Дмитриев, поднявшись во весь рост, начал стрелять из пистолета.

В это время на нас обрушился сильный вражеский огонь со скатов соседней высоты. Дмитриев упал, сраженный пулей насмерть. Мы залегли и укрепились.

Галимов решил пробраться в тыл японцев и забросать гранатами их огневые точки. Он берет с собой больше десятка гранат и исчезает в траве.

Галимова не видно, но бойцы следят за ним по взрывам гранат в тылу японцев. Вот японцы выкатывают на позицию пулемет. Из травы летят две гранаты. Пулемет опрокинут, исковеркан. Прислуга уничтожена. Японцы выкатывают второй пулемет. Его постигает та же участь. Обнаружив отважного

лейтенанта замаскировавшимся в траве, японцы тоже пускают в ход гранаты. Они летят одна за другой, но, долетев до Галимова, почему-то отскакивают в сторону. В чем дело? Секрет выяснился, когда Галимов невредимый приполз назад.

- Я вижу, что она летит прямо на меня, подставляю лопату, и граната отлетает в сторону, - смеясь, рассказывает лейтенант.

Политрук В. Колыбельников

Концерт лейтенанта Левченко

Вблизи пограничной заставы Быховцева расположилась рота лейтенанта Левченко, прибывшая сюда для проведения полевых учений. Вечерами, когда на сопки, утопающие в зелени, спускалась прохлада, бойцы отдыхали. Одни группами или в одиночку читали газеты, другие уходили к озеру, чтобы постирать воротнички и портянки, третьи, удобно расположившись на мягкой траве, играли в домино.

Как-то после ужина дневальный доложил командиру роты, что его вызывает к телефону начальник заставы Быховцев.

- Я у телефона, слушаю...

- Здравствуй, товарищ Левченко. У меня к тебе небольшая просьба: не сможешь ли ты сегодня дать нам концерт?

- Что? - удивленно спрашивает лейтенант и, догадываясь в чем дело, расплывается в улыбке.

- Не скромничай, Левченко, - говорит начальник заставы, - ты же певец-Солист. Это все знают.

- Какой я певец, - отнекивается Левченко. Но начальник заставы настойчиво просит его выступить, и лейтенант в конце концов, конечно, соглашается.

- Только за "концерт" обязательно плата - свежие газеты, - смеется Левченко.

И через 10 минут на импровизированной эстраде среди темневшей в сумерках зелени сопок начался концерт. Вечернюю тишину огласили переливистые звуки гармошки комсомольца Иртегова и ровный приятный тенор лейтенанта Левченко.

Много песен знает лейтенант Левченко. Но у него есть свои, любимые, которые он поет с каким-то особенно приподнятым чувством, - это боевые пески о гражданской войне, о Сталине и о Ворошилове, о дорогой родине.

После выступления Левченко по обыкновению "сверх программы" начались хоровые песни и пляски, в которых приняли участие все бойцы.

Так прошел вечер. Это был последний вечер перед выступлением роты по боевой тревоге. На следующий день Левченко, увешанный походной амуницией, быстрым маршем вел свою роту кратчайшей дорогой: через ложбины, поросшие

кустарником и высокой травой, болота, ручьи и сопки, к. границе, к озеру Хасан.

О подвигах Левченко знает вся страна. В боях у озера Хасан молодой лейтенант завоевал вечную славу. Он водил бойцов в атаку с тем же приподнятым, гордым чувством, с каким пел накануне свои любимые песни о родине, о Сталине, о Ворошилове. Подняв над головой гранату, он с призывом: "За Сталина!", увлекал за собой крепко сколоченную, хорошо обученную роту. "Умрем, так умрем героями!" - крикнул он, бросаясь во главе роты в рукопашный бой с японцами. Трижды раненый, он отказался идти в лазарет и говорил: "У меня еще хватит сил".

Старший политрук Д. Лысяк

Танкисты

Перед нами стояла задача - совершить длительный и трудный марш без единой аварии и поломки. Задача сложная. Я, как комиссар части, понимал, что осуществить ее нельзя без правильно поставленной партийно-политической работы.

С чего я начал? Вместе с командиром мы собрали всех начальников и политруков, и поставили перед ними задачи:

- довести до сведения бойцов приказ о сроке выступления и о темпах;

- собрать водительский состав и рассказать ему, что представляет собой дорога, по которой будет совершаться марш, рассказать о крутых подъемах и спусках, о крутых поворотах, о том, что марш совершается в ночных условиях;

- не иметь ни одной аварии и захватить с собой все, что необходимо.

Поскольку водительский состав был сильно утомлен за день, я дал указание, что сидящий в танке рядом с водителем боец должен в равной степени с водителем нести ответственность за движение танка, и поэтому он обязан постоянно помогать работе водителя.

Перед самым наступлением я собрал на несколько минут весь личный состав. Бойцы горели одним желанием - быстрее выступить, быстрее прибыть, куда приказали партия, правительство, родной Сталин. Красноармеец Князев сказал:

- Давайте быстрее двигаться на то место, где нужно бить японцев. Я никак не дождусь этой минуты.

На первом привале я проверил, на месте ли политработники, всюду ли есть партийные и комсомольские организаторы. Когда я обнаруживал, что где-нибудь нет комсорга или чтеца, то тут же назначал их и инструктировал.

Самой распространенной формой партийно-политической

работы на марше была беседа с красноармейцами и читка газет.

Проводили также политинформации и красноармейские собрания. На собраниях разбирали недочеты прошедшего этапа марша, давали правильную политическую оценку.

Большую роль сыграла на марше красноармейская печать. Боевые листки выходили регулярно и освещали все положительные и отрицательные стороны.

При совершении марша мы обратили; исключительное внимание на организацию питания и отдыха водительского состава.

Во время марша красноармейцев больше всего интересовала обстановка на фронте. Поэтому в беседах и на политинформациях по газетным материалам и по информации политотдела рассказывали им о положении в районе озера Хасан.

Я в армии уже много лет, но такого подъема у красноармейцев еще не видал. Все были заражены ненавистью к японским фашистам. Красноармейцы и командиры просились с транспортных машин на боевые, чтобы идти в бой. Они подавали заявления о вступлении в комсомол и партию, чтобы идти в бой комсомольцами и коммунистами.

Часть совершила марш в район боевых действий без единой аварии и поломки.

Политрук Н. Огнев

Перед боем

В 10.00 мы должны были идти в атаку. В нашем распоряжении оставалось 2 часа. Все было проверено, направление и задачи ясны. Мы решили пока заняться веселой красноармейской самодеятельностью.

Командир танка Малявин, забравшись на переднюю броню, репетирует речь, которую он намерен произнести, прорвавшись в тыл врата, перед маньчжурскими крестьянами. Он говорит о счастливой жизни в Советском Союзе. Товарищи аплодируют ему. После Малявина выступает ряд других товарищей. Комсомолец Гильфанд мастерски напевает песенки: "Мой любимый старый дед", "Метелицу", "Улицу" и другие. Механик-водитель Калинин, как обычно, поет "Капитана" из кинофильма.

В прекрасно оборудованной ленинской палатке-блиндаже художники пишут масляными красками на полотне портреты вождей народа и своих товарищей танкистов, отличившихся в предыдущих боях.

Редактор газеты "За родину" комсомолец Молчанов с группой товарищей работает над выпуском очередного номера. Он озадачен:

- Товарищ политрук, формат газеты очень мал. Столько

получил материала, что одной газетой не обойдешься.

- Придется сегодня выпустить внеочередной номер, - отвечаю ему.

Один номер "За родину" уже вывешен на рации радиотанка. Это постоянное место газеты. Танкисты жадно читают заметки! и здесь же вслух обсуждают их.

Наступает момент выхода в атаку. Затихают песни, разговоры. Спокойно, в полной уверенности в победе танкисты разбегаются по своим машинам, чтобы идти в. бой с ненавистным врагом.

С башни танка провозглашаю лозунги: "За родного Сталина", "За великий советский народ", "За Сталинскую Конституцию", "За мать-родину - вперед, товарищи!"

Ревут моторы и закрываются люки.

Старший политрук Я. Ефимов

Готовы на все

В бою успех во многом зависит от партийно-политической работы как в мирное время, так перед боем и в боевой обстановке. От того, как работал и работает партийно-политический аппарат, партийная и комсомольская организации любого подразделения и части, зависят и боевые результаты.

Опыт партполитработы в бою имеется у многих старых политработников участников гражданской войны и конфликта на КВЖД (1929 год). Но этот опыт не все молодые политработники еще восприняли и не все о нем знают.

Мне, молодому политработнику, особенно пришлось почувствовать это в период боев в районе озера Хасан. Я был комиссаром танкового батальона. С чем пришлось встретиться? С малочисленностью политаппарата, раздробленностью людей, разбросанных по машинам, как на марше, так и в атаке.

Выше я упомянул о значении партполитработы в мирное время. И это мне кажется совершенно понятным, ибо немыслимо отрывать работу мирного времени от боевой. Основа работы в бою закладывается в мирное время, особенно на тактических учениях.

Писать о чем-то новом и особенном я не собираюсь, и лучше того, как написано в уставах, не напишешь, ибо формы партполитработы всем известны и многие из них были применены в бою. Но я хочу отметить лишь некоторые особенности, вытекающие из боевой обстановки и задач.

Расстановка сил партолитаппарата. На марше все мы находились в подразделениях. Я в голове колонны с 1-й ротой. Инструктор пропаганды тов. Бевько - в тылу с парковой ротой и специальными подразделениями. Отсекр партбюро тов. Суслов -

в. 3-й роте. Отсекр комсомола тов. Сойко - во 2-й роте, где был молодой и неопытный еще комсорг тов. Гетто. На всех больших привалах мы собирались, обменивались опытом, мнениями и всегда были в курсе всех задач и работали по одному плану.

Такая расстановка сил помогла нам глубже изучить отдельных товарищей непосредственно перед боем. Когда мы подошли" к месту боев, мы уже были уверены во всех и знали весь личный состав части. Вот почему, когда комиссар корпуса тов. Семеновский спросил меня: "А на все ли готов батальон?", я ответил: "Готовы на все, как один человек". Этот вопрос не простой, и отвечать на него надо было не только словами, но и делом.

В бою в расстановке и распределении сил исходили исключительно из обстановки и, задачи. Так, например, в первом бою из партполитаппарата части в атаку пошел я один, так как в бою участвовало только одно подразделение. Незачем было посылать с одним подразделением весь партполитаппарат: основная его часть должна быть там, где большинство подразделений.

Другое дело было во втором бою 6 августа, когда в атаку пошел весь батальон. Наносился решающий удар, и обстановка требовала примера от партполитработника и каждого руководителя. Обстановка и задача требовали не шаблонного, равномерного распределения сил, а концентрации этих сил на основном и решающем участке. Я пошел с отсекром партбюро в одно подразделение на правом фланге части. На другом участке вместо выбывшего из строя командора взвода пошел в атаку отсекр комсомола.

Другим ответственным участком в этот период являлась эвакуация застрявших и подбитых танков с поля боя. Надо было, не дожидаясь исхода боя, возглавить бригаду по эвакуации танков; бригада открыто работала под ураганным огнем противника. Нужны были стойкие и крепкие большевики. Эту бригаду возглавили инструктор пропаганды тов. Бенько и член партбюро тов. Климко. Бригада блестяще справилась со своей задачей.

Формы и методы работы на марше и перед боем.

Собрания на форсированном марше, как и перед боем, почти не применимы, так как они требуют много времени для подготовки.

Помню одно партийное собрание перед боем. Я начал доклад о тридцатипятилетии II съезда партии. Проговорил не больше десяти минут команда "заводи моторы!" прервала мой доклад и. собрание.

Другое дело после боя, когда часть отдыхает. Здесь особенно нужны были партийные и комсомольские собрания. Надо было принимать в партию и комсомол, куда шли герои-патриоты нашей родины. Но и эти собрания были короткими, особенными, боевыми: говорили мало, смотрели, оценивали человека по делам.

Собрания первичной организации трудно было собирать полностью, особенно, когда подразделения находились в разных местах. Поэтому собирались делегаты низовых организаций - в зависимости от того, как позволяла обстановка.

Митинги части и подразделений были основной формой массово-политической работы на марше и особенно в бою: за дни боев в подразделениях батальона проведено двадцать восемь митингов. Эта форма работы наиболее приемлема и необходима, особенно перед боем. Нужно только пятнадцать-двадцать минут времени (большим временем не располагали), чтобы в решающий момент поднять боевой дух подразделения, части, проверить настроения людей.

Вот несколько примеров проведения митингов перед боем.

2 августа, в 3 часа утра, был получен боевой приказ об атаке. Командир роты парторг тов. Драгунский провел двадцатиминутный митинг, на котором после его выступления все, как один, заявили: "Умрем, но с честью выполним правительственное задание". Двадцать один человек подал заявления о приеме в партию и три - в комсомол. Заявления были короткими и ясными.

"Я - беспартийный, но в бой иду коммунистом, и если меня убьют, то прошу считать меня коммунистом".

В боях эти; люди показывали героизм и беспредельную преданность родине и партии Ленина - Сталина.

На исходном положении к атаке в 8 часов 30 минут мы с командиром 1-й роты тов. Никитиным провели десятиминутный митинг, после которого все бойцы и командиры роты бросились к танкам с лозунгами: "За Сталина!", "За родину!", "За Конституцию!"

С этими же лозунгами шли в бой и беспощадно уничтожали японцев.

6 августа за час перед боем было проведено заседание партийного бюро, на котором принимались в сочувствующие товарищи Суров, Белов, Семенов и другие. На заседании бюро товарищи заявили: "В бою мы полностью докажем свою преданность партии Ленина - Сталина". И все они показали исключительную отвагу. Тов. Суров пал смертью героя.

Я в этом бою находился в одном танке с молодым

кандидатом партии лейтенантом Винокуровым, который, под грохот рвущихся снарядов кричал мне на ухо: "Товарищ комиссар, какое великое счастье защищать родину!" И когда его тяжело ранило, он мне говорил: "Товарищ комиссар, идите, а я буду охранять вас от погони. Передайте товарищам, что я с честью выполнил долг перед партией и родиной". Мехводитель моего танка Сеня Рассоха перед боем подал заявление о приеме в комсомол. К бою он готовился тщательно, не забыл даже воды для экипажа; эта вода впоследствии спасла жизнь тяжело раненому тов. Винокурову. Сеня был весельчак; в бой он пошел с песней на устах и до самой смерти улыбался. Его сразил японский снаряд.

Одной из основных и главных форм партполитработы в бою явились беседы с отдельным экипажем и с отдельным человеком. Эту форму можно применять в любой обстановке - накануне боя, на исходном положении, сидя в одном танке, находясь в осаде или в обороне и особенно ночью перед боем, когда нервы и мысли крайне напрягаются. Человек не спит и хочет поделиться своими чувствами с товарищем и другом. И вот в этот момент надо обязательно побеседовать с товарищем, занять его, рассказать ему что-нибудь интересное и даже веселое.

Вот один случай. Рота тов. Драгунского после боя находилась на сборном пункте, который двое суток обстреливался противником. Рота была без продовольствия, не говоря уже о горячей пище. Часть людей пошла за продуктами; коммунисты же и комсомольцы-активисты разошлись по экипажам, где шутками и веселыми рассказами заняли время, и люди не теряли боевого духа.

Особую роль играют в бою ознакомление каждого бойца с обстановкой и личный пример коммуниста и комсомольца. Главный вопрос, интересующий каждого бойца: "Какая обстановка, какая задача?", "Что нового?" и т. п. И если ему отвечали, что обстановка ив задача старые или они неизвестны, то он как-то хмурился, остывал. Но как только скажешь, что есть новое, он оживлялся и становился веселей.

Это было учтено нами с первых же дней, и командиры рот всегда, как только менялась обстановка, вызывали к себе агитаторов и сообщали им новое в обстановке. Агитаторы, немедленно шли в экипажи и проводили там беседы.

При постановке задачи всегда вызывались парторг и комсорг. Они немедленно доводили задачу до партийной и комсомольской организаций. Для доведения задачи и разъяснения обстановки должны использоваться такие агитаторы, которые хорошо знакомы с картой и умело могут это сделать, иначе работа не

достигнет своей цели, и люди останутся недовольны. Нередко задаются такие вопросы: "А где это будет на местности?" и т. п. Так, например, во время одной беседы коммунист тов. Андреев не показал на карте обстановку. Тогда шофер тов. Маркин полез на сопку, по которой била японская артиллерия, посмотреть, как и где происходит дело. Ему стали кричать: "Куда ты лезешь, ведь тебя там убьют", - он ответил: "Посмотрю сам, а то что-то неясно..."

Личный пример коммуниста, комсомольца, командира, политработника в бою и работа партийной и комсомольской организаций высоко подняли их авторитет. После первого же боя на командира, политработника, коммуниста, комсомольца стали смотреть как-то особенно тепло, их окружали заботой и вниманием. Тем же и еще большим отвечали бойцам и беспартийным товарищам командирам политработники, коммунисты и комсомольцы.

Можно было бы привнести десятки примеров взаимной выручки, помощи, заботы в бою, когда, рискуя своей жизнью, красноармейцы спасали и выручали товарищей, делились последним, отдавали свои бинты, будучи сами ранены.

Приведу несколько примеров.

Смертельно был ранен лейтенант-коммунист тов. Якушев. Ехавший с ним отсекр партбюро тов. Суслов не имел достаточного количества бинтов. Он пополз к раненым товарищам, находившимся невдалеке. Товарищи с радостью отдали свои свободные бинты.

Снарядом был убит командир танка комсомолец Саша Болтунов. Танк был подбит. Механик-водитель тов. Семенов пересел в другой танк, перетащил туда убитого тов. Болтунова и пошел снова в бой, - все это было под сильным обстрелом противника.

Таких примеров десятки по батальону. Помогали не только товарищам из своей части, выручали каждого бойца и командира.

В итоге всей нашей партийно-политической работы мы имели и имеем крепкое политико-моральное состояние всей части, постоянный боевой дух, беспредельную преданность родине и делу партии Ленина - Сталина и исключительный героизм всего личного состава.

Имена многих героев, таких как товарищ Винокуров, известны не только нашей армии, но и всей стране.

За период боев подано свыше семидесяти заявлений о приеме в партию и свыше восьмидесяти заявлений о приеме в комсомол, в результате чего часть на девяносто процентов стала партийно-комсомольской. Свыше тридцати человек подало докладные

записки с просьбой оставить их на пожизненную службу в РККА. Это лучшие люди нашей части, показавшие свою преданность и военную выучку в боях. Семнадцать человек из них поехали на курсы младших лейтенантов и тринадцать человек выдвинуто на политработу.

Мы с честью выполнили боевое и почетное задание правительства и приказ народного комиссара обороны маршала Советского Союза товарища Ворошилова. Наша часть вместе с другими частями разгромила и уничтожила зарвавшихся японских самураев. Враг был поставлен на колени и начал просить о пощаде перемирии.

Мы смело заявляем всем нашим врагам, что тот, кто попытается испытать нашу мощь, пусть пеняет на себя. Наш удар будет еще сильней и решительней, чем это было у Хасана.

Полковой комиссар А. Гаврилов

На исходных рубежах

Наша танковая часть 5 августа получила боевой приказ сосредоточиться для атаки высоты Заозерной. Приказ был встречен всем личным составом с энтузиазмом. Вечером 5 и утром 6 августа мы провели митинги, посвященные задачам предстоящего боя. Желающих выступать нашлось много. Все горели ненавистью к врагу, вспоминали события 1929 года, когда успешно были разгромлены наймиты японского империализма.

Командир танка тов. Омельченко взял на себя обязательство: не тратить зря снарядов, каждый посылать в цель. Он призывал к товарищеской выручке в бою и закончил свое выступление так:

- Геройски будем бороться, товарищи, за нашу прекрасную родину, за любимого друга всех трудящихся товарища Сталина!

В этот вечер партийные и комсомольские организации получили десятки заявлений от бойцов и командиров с просьбой принять их в ряды партии и комсомола.

Рота, в которой политруком тов. Огнев, перед боем имела двадцать одного комсомольца, а 7 августа вся стала партийно-комсомольской.

В своих заявлениях товарищи писали, что в бой они хотят идти коммунистами и комсомольцами.

После митингов состоялись вечера художественной самодеятельности. Они прошли с большим подъемом. Завтра предстоял бой. Но красноармейцы веселились, пели, плясали.

6 августа часть получила приказ на атаку и вышла на исходные рубежи. Партийно-политическая работа меняет здесь свои формы. Поблизости рвутся снаряды. Митингов и собраний не проведешь. Однако успех боя танковых частей во многом зависит именно от того, какая партийно-политическая работа

проведена перед боем, на исходных рубежах.

Перед атакой мы собрали политруков, парторгов и комсоргов. Комиссар ознакомил их с обстановкой и поставил задачи:

- Разъяснить бойцам направление атаки.

- Напомнить об особенностях японской тактики по борьбе с танками.

- Мобилизовать внимание людей на товарищескую выручку в бою.

- В атаку идти под лозунгами: "За Родину!", "За счастливую жизнь!"

После этого короткого совещания политруки, парторги и комсорги пошли в подразделения и провели беседы с бойцами и: командирами.

Командиры машин и механики-водители еще раз тщательно, до каждого винтика, осматривают свои машины и вооружение, проверяют снаряды и диски.

В часть пришел инструктор политотдела тов. Рябо". Он проверил, знают ли бойцы боевую задачу.

Лейтенант тов. Крапивинцев, взвод которого считался ранее слабее других, заявил:

- Я покажу, как нужно воевать.

Он свое слово сдержал и геройски громил японцев.

Командир машины тов. Козлов говорит инструктору:

- Меня не принимают в комсомол. Но я думаю, что покажу в бою, на что я способен, зарекомендую себя отважным бойцом. В комсомоле буду обязательно.

Много было обид на жару. Некоторые бойцы просили, чтобы разрешили идти в бой без рубашек: жарко в танках. Командование не согласилось с этим.

Настроение у все еще сильнее поднялось, когда над головами зашумели стальные птицы и затем сопки задрожали от взрывов.

Стрелка часов, показала 16.00. Команда:

- По машинам!

Политруки с башен бросают лозунги:

"За Сталинскую Конституцию!" "За родного Сталина!" "За свободный и счастливый советский народ!" "Вперед, товарищи!"

Слышны команды:

- Заводи!

Несколько секунд, и грозные машины пошли в бой за честь и славу прекрасной родины.

В бою погиб славный командир машины тов. Омельченко. У впереди идущего танка свалилась гусеница. Танк представлял собой неподвижную мишень. Омельченко шел на машине сзади.

Поставив свой танк в укрытие, он выскочил на выручку товарищей. Вражеский снаряд оборвал жизнь пламенного патриота родины.

Бои у озера Хасан показали преданность и бесстрашие наших бойцов и командиров, их стремление победить врага, каких бы это сил ни стоило.

Красноармеец П. Воробьев

Танк спасен

Товарищ Торгашев, вам боевая задача: сегодняшней ночью доставить с поля боя выведенный из строя танк. Действуйте смело, энергично, решительно! Задача ясна? - спросил лейтенант Варотынце".

- Есть, товарищ командир! Задача ясна!

Тракторист Торгашев быстро завел трактор, спокойно, уверенно, на полных оборотах повел его к цели.

Густые черные тучи заволакивали небо.

Торгашев выполнял боевое задание в темноте, без огней, на ощупь. Камыши, болота, окопы, воронки от снарядов; не замедлили хода его машины.

Совсем рядом, в камышах, взрывались снаряды, беспрерывно строчил пулемет, слышался звон пустых гильз и разговоры на непонятном языке.

Сердце билось ровно. Торгашев был спокоен.

Вот и место назначенной цели. Красноармеец развернул трактор, забросил трос, дал газ, и машина рванулась в; обратный путь.

Начинало сереть. Наступали предутренние сумерки. Путь шел открытой местностью. Пушечные выстрелы участились. Снаряды один за другим рвались по обе стороны трактора, осколки долетали до машины. Но Торгашев не растерялся, ничто не могло сломить его воли. Спокойно нажимая рычаг, он вывел танк с поля боя.

- Товарищ лейтенант, ваше задание выполнил.

Танк доставлен к месту назначения.

- Молодец, - похвалил командир.

- Отдам все свои силы за родину-Мать, - ответил тов. Торгашев.

Техник-интендант 2 ранга И. Жуков

Отважный экипаж

Как грозовые тучи, надвигались на японских самураев наши бомбардировщики. Первые стальные птицы прошли над озером Хасан к высоте Заозерной. Японцы открыли стрельбу из зениток, но снаряды рвались далеко от цели. Наши гордые, неуязвимые соколы забрасывали самураев бомбами и спокойно возвращались

назад. Воздух гудел от разрывов бомб, артиллерийской канонады, земля содрогалась, а высота Заозерная была окутана черным облаком.

Вслед за бомбардировкой двинулись танки. Со словами: "За родного Сталина!", "За нашу счастливую родину - вперед!", ринулись в бой танкисты.

Преодолевая одно препятствие за другим, механик-водитель Гавриш забрался на высоту. Впереди, в кустах, показался дымок. Около танка начали рваться снаряды, забрасывая его землей, но машина ревела и шла вперед.

- Веду огонь по кустам - заряжай!

- Есть! - И один за другим посыпались снаряды.

Японские пушки замолкли.

- Вперед! Больше газу! - приказывает командир танка Худяков.

Танк стремительно шел вперед. Японские снаряды не поражали его. Гавриш ее останавливал машину у препятствий, быстро менял направление и маневрировал.

Уничтожая метким огнем огневые точки врага, танк спустился в лощину и двинулся к озеру Хасан, чтобы зайти на высоту с левого фланга.

Из укрытия выбежал навстречу лейтенант и попросил уничтожить две огневые точки, которые мешали продвижению стрелковых частей.

- Где?

- Правее куста.

Башня повернулась, и двумя выстрелами огневые точки самураев были уничтожены.

Смеркалось. Худяков получил приказ прекратить атаку и вернуться к месту, где сосредоточивалось подразделение. Танк остался за укрытием. Экипаж вел наблюдение. К Худякову подполз красноармеец и указал на бугорок, откуда стрелял японский пулеметчик.

- Сейчас мы дадим ему жару, - улыбнувшись, сказал Худяков и, повернув башню, поставил прицел, нажал на спуск.

От бугорка осталась только пыль, поднявшаяся в воздух столбом.

Наши стрелковые части, продвигаясь на высоту, занимали один рубеж за другим. В разгар боя нарушилась связь с наблюдательным пунктам. Капитан Григорьев приказал Худякову:

- Немедленно выяснить, в чем дело.

- Разрешите идти самому?

- Идите.

Под пулями, среди рвавшихся кругом снарядов Худяков полз

к озеру Хасан. В камышах он обнаружил провод, протянутый через озеро, потом вошел в воду и поплыл, держа провод в руке и закрепляя его на колышках.

Вот противоположный берег. Повреждение исправлено, связь возобновлена.

Наша пехота заняла высоту. На ней гордо реет красное знамя.

Танк Худякова вернулся на исходную позицию невредимым.

Комиссар-летчик М. Злой

Боевая жизнь эскадрильи

В обязанности военного комиссара эскадрильи я вступил 5 июля, а 2 августа был получен приказ подготовить личный состав и материальную часть для разгрома наглых налетчиков - японских самураев. Быстро довели этот приказ до личного состава. На совещании с коммунистами и комсомольцами поставили перед каждым конкретную задачу. Основной упор сделали на то, чтобы не допустить ни единого летно-технического происшествия и по-большевистски со всей точностью выполнить боевые задачи.

К вечеру, когда солнце скрылось за сопки, все было готово. Раздалась команда: "Заводи моторы!"

Через несколько минут самолеты были в воздухе.

Несмотря на ночные условия, эскадрилья отлично совершила перелет и благополучно произвела посадку на полевом аэродроме. Так началась боевая жизнь эскадрильи.

Туманное утро 6 августа обещало летную погоду. В этот день наша эскадрилья получила боевое задание - сопровождать бомбардировщиков. В небе вспыхнула ракета. Это сигнал приготовиться к вылету. Мгновенно взревели моторы, грозные машины были готовы в любую минуту подняться в воздух. Летный и технический состав делал последние приготовления к вылету. Вместе с командиром эскадрильи тов. Протопоповым ставим перед летным составом боевые задачи, призываем честно выполнить свой долг перед родиной. Летчики горят единым желанием и стремлением - скорее, скорее в бой на врага.

Несколько минут полета, и мы уже над Заозерной. Бомбардировщики обрушились на укрепления врага. Мы с восхищением следим за их действиями, зорко наблюдаем за воздухом и готовы каждую минуту вступить в бой, если появятся самолеты противника. Но в воздухе спокойно. Японская авиация не решается показаться. Она боится могучей советской авиации.

Зенитные батареи ведут огонь по бомбардировщикам. Но снаряды рвутся в стороне от них, не причиняя никакого вреда.

С высоты мы отыскиваем замаскированные зенитные батареи и вместе с товарищами Протопоповым и Омельченко решаем их

атаковать. По сигналу разошлись. Произвели внезапную атаку. На зенитные вражеские батареи сбросили советские гостинцы - груз бомб. С небольшой высоты отчетливо видим, как в панике разбегаются оставшиеся в живых самураи. Зенитки прекращают огонь. После бомбометания производим несколько атак и поливаем врага пулеметным огнем.

Боевые задачи, поставленные эскадрилье, были выполнены на "отлично". Зенитки были подавлены. Противнику был нанесен сокрушительный разгром. На следующий день эскадрилья снова выполняла боевое задание.

Мне, тов. Протопопову и тов. Омельченко однажды было поручено разведать железную дорогу. Густые облака, спустившись до двухсот метров, затрудняли выполнение боевой задачи, но это не служило для нас препятствием.

Идем намеченным курсом. На станции заметили эшелон с японским подкреплением. Паровоз только что отцепили. По сигналу командира эскадрильи тов. Протопопова втроем атакуем паровоз. Пустили по короткой очереди. Из расстрелянного паровоза повалил клубом пар. Мы снизились и открыли по крышам вагонов огонь из пулеметов. Двери вагонов распахнулись. Из них, как горох, посыпались в панике самураи. Но от нас не уйдешь. Раскаленным свинцом клокотали наши пулеметы, беспощадно расстреливая разбегавшихся в страхе японцев.

Задача выполнена. Берем курс на свой, аэродром. Тов. Омельченко улыбается, показывает большой палец и кричит: "Во!.."

За время боев летчики показали высокое летное мастерство, образцово выполнили все боевые задания. Перед партийной организацией и мною встал вопрос об изучении и использовании боевого опыта. Мы быстро нашли способы выхода из-под зенитного огня противника путем маневра, сокращая скорость, изменяя направление. Этот опыт мы быстро передали всем экипажам. В результате умелого использования маневра все боевые задания были выполнены без единой потери в летном составе и без повреждения материальной части. Летчики Протопопов, Омельченко, Токарев, Грозин, Голощапов, Сытник и другие, громя зарвавшихся самураев, показали беспредельную преданность нашей родине, партии, великому вождю товарищу Сталину.

Технический состав не считаясь со временем, во все дни боя отлично справлялся с задачами обеспечения безаварийной работы материальной части. Техники товарищи Шохин, Дорошенко, Квитко и Драницын, мотористов. Петраков, оружейный мастер

тов. Золотарев отличной работой обеспечили безотказное действие всех машин эскадрильи.

Несмотря на напряженные условия боевой жизни, в эскадрилье ключом била партийно-политическая работа. На партийных и комсомольских собраниях обсуждались вопросы боевой работы, задачи коммунистов и комсомольцев.

В боевой обстановке было проведено два митинга. На одном из них было зачитано письмо, полученное от наших боевых подруг. В своем письме они: наказывали нам:

"Беспощадно уничтожайте врага, деритесь, как львы, за честь и славу нашей любимой родины".

Этот наказ наших боевых подруг был наказом всего советского народа, нашей партии и правительства и с невиданным патриотическим подъемом выполнялся "всем летно-техническим составом.

Во время боевых операций первое время к нам нерегулярно поступали газеты. Тогда я решил принимать последние известия и сводку ТАСС по радио. Это дало мне возможность регулярно, путем политинформаций, знакомить личный состав с вопросами международного положения и текущей политики.

В боевых условиях у нас выходила красноармейская стенная газета "На боевом посту". Она мобилизовывала летный и технический состав на выполнение боевых заданий по раз грому зарвавшихся самураев. Комсомольцы выпускали свой бюллетень, посвященный подготовке к двадцатилетию ВЛКСМ. Задорные и простые заметки в бюллетене призывали встретить юбилей боевыми подарками матери-родине. Эти подарки принесли героически сражавшиеся в боях с японцами комсомольцы-летчики товарищи Грозин и Омельченко, которые занесены на доску почета "Комсомольской правды". Днем летно-технический состав выполнял боевые задания, а вечерами проводились занятия и беседы, изучалась история нашей партии.

Беспартийные товарищи в дни самых горячих и напряженных боев подавали заявления в партийную организацию с просьбой принять их в ряды великой партии Ленина - Сталина. За время боев наша парторганизация приняла в свои ряды товарищей Токарева, Квитко, Шохина, Золотарева. Комсомольская организация за это время выросла на пять человек, приняв преданных сынов родины товарищей Таврова, Столярова и других.

Кончились боевые дни. Враг был разгромлен. На высоте Заозерной победно развевается красное знамя страны социализма. Наши грозные боевые машины всегда готовы по первому зову партии и правительства взмыть ввысь и громить

врага там, откуда он появится. Летный и технический состав эскадрильи, сплоченный вокруг парторганизации, всегда готов за партию, за великого Сталина, за любимую цветущую родину отдать все свои силы, а если потребуется, и жизнь.

Пусть об этом помнят и не забывают японская военщина и все те, кто скалит хищные зубы на Советский Союз.

Полковой комиссар М. Моченков

Всегда в боевой готовности

Рано утром мы получили приказ о приведении частей в боевую готовность. В штабе соединения и политотделе закипела работа. Предстоял вылет авиации для разгрома японских захватчиков, осмелившихся нарушить неприкосновенность наших священных границ. Над подготовкой материальной части самолетов к выполнению боевого задания много пришлось поработать техническому составу. Особенно в этой работе выделился член ВКП(б) инженер Ромашкин. Он сумел побывать всюду, где работал технический состав, где готовилась материальная часть к вылету. Тов. Ромашкин инструктировал и проверял работу инженеров подразделений, он держал самую тесную связь с мастерскими и складами, обеспечивая своевременность снабжения технического состава всем необходимым имуществом высокого качества. Под его руководством хорошие образцы работы показали инженеры подразделений и техники. Например, техник тов. Эриванлы в течение 8 часов снял и снова смонтировал на самолете два мотора. За весь период боевых операций его материальная часть работала безотказно.

В трудных условиях приходилось действовать подразделению капитана тов. Мозгового, члена ВКП(б). Его подразделение выполняло боевую работу, находясь на большом расстоянии от своей постоянной базы. На помощь ему пришли корабли, управляемые летчиками-большевиками Коростенем, Клиновым, Карнауховым и другими, которые снабжали подразделение тов. Мозгового всем необходимым имуществом и боеприпасами.

В эти напряженные дни, по инициативе комсомольских организаций, было создано несколько комсомольских экипажей, которые показали исключительный героизм при разгроме японских налетчиков. В воздушных боях погиб комсомольский экипаж в составе пилота тов. Гавриш, штурмана тов. Рогова и стрелка-радиста тов. Трохненко. Они честно, как подобает верным сынам советского народа, отдали свою жизнь за нашу родину, за великого Сталина.

Кандидат ВКП(б) тов. Середа, недавно выдвинутый на должность командира подразделения, умело водил в бой свое

подразделение.

Комиссар части старший лейтенант тов. Бомкин, в отсутствие командира части, вместе с начальником штаба четко организовал на старте выпуск и прием самолетов.

Весь личный состав систематически информировался о ходе событий и обстановке в районе боевых действий. Политотдел во главе с тов. Мельник организовал через радиоузел прием сообщений о ходе событий. Эти сообщения затем размножались и пересылались специальным самолетом связи в места. расположения личного состава. Для культурного обслуживания экипажей, возвратившихся из района действий, был привлечен Дом Красной Армии. Последний, благодаря инициативе своего начальника тов. Рогова, сумел обеспечить бесперебойную демонстрацию кинофильмов и устроил два вечера самодеятельности,

Жены командного и начальствующего состава, не считаясь с временем, заботились об образцовой работе кухни и столовой, готовя для летного состава доброкачественную и вкусную пищу.

Они не забывали и о своей боевой учебе. Ими было создано несколько стрелковых и санитарных кружков.

Наряду с хорошими образцами работы комиссаров и парторганизаций в период боевых действий имелись и недочеты, а именно: комиссары и политаппарат иногда слабо знали обстановку и поэтому не всегда своевременно и полно информировали о ней личный состав. В этом немало повинно и политуправление армии, так как оно с большим опозданием высылало политорганам сводки о ходе событий.

Печать, особенно в первый период, слабо показывала лучших бойцов и командиров.

Политработники и парторганизации снабжающих органов не всегда реагировали на факты несвоевременного обеспечения боевых частей необходимым имуществом и боеприпасами.

Во время боев, закончившихся сокрушительным разгромом врага, мы получили большой опыт. Наша задача - учесть этот опыт с тем, чтобы в будущих боях еще организованней и оперативней решать любые боевые задания, которые на нас возложат партия и правительство.

Великий Сталин в своей телеграмме на имя Героя Советского Союза комбрига Рычагова поздравил летчиков с блестящим выполнением боевых задач. Это поздравление было встречено летчиками, штурманами и техниками с громадным воодушевлением и подъемом. На митингах, проведенных в частях, все, как один, заявили о своей готовности в любую минуту выступить вновь на защиту священных границ Советского Союза.

Старший политрук М. Дивненко

Питание с воздуха

День был дождливый. Наступал пасмурный вечер. Вершины сопок покрывал туман. Бойцы и командиры, собравшись небольшими группами, делились своими впечатлениями, о только что прекратившихся боевых действиях. Вдруг со стороны Краскино послышался мощный гул моторов. Все в недоумении. В чем дело? Ведь погода совсем не летная. Между тем гул все усиливался. Вот уже видны три бомбовоза, еще три. Наконец, насчитываем пятнадцать. Сделав круг, бомбовозы стали сбрасывать парашютистов. Но странно, почему парашютисты какие-то необычные: очень уж рослые и, приземляясь, совсем не болтают ногами? В воздухе несколько десятков парашютистов. Один уже опустился. Его окружают бойцы. Раздается смех. Подбегаем узнать, в чем дело. Оказалось, что "парашютист" весит около ста килограммов и представляет собой брезентовый мешок с хлебом, маслом, консервами, галетами и другими продуктами. А чтобы во время приземления продукты не портились, в нижнюю часть мешка были наложены стружки, волокно.

- Вот это манна небесная! И никаких чудес! - говорили бойцы.

С этого дня наши хозяйственники, ожидая продуктов, посматривали на небо. Но как только появлялись самолеты с продуктами, на японской стороне начиналась паника.

- Пуганая ворона и куста боится, - смеялись красноармейцы.

Однажды в нашей части было большое торжество: к нам прибыл Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски.

У подножия сопки была устроена импровизированная сцена. Бойцы и командиры с большим удовольствием слушали песни, мастерски исполняемые коллективом ансамбля. Вдруг появился самолет. Сделав круг, летчик сбросил 4 мешка с горячим белым хлебом, сыром и папиросами, потом спустился очень низко, выключил мотор, и мы отчетливо услышали: "Да здравствует товарищ Сталин!" В ответ раздались громкие крики "ура" и долго не смолкавшие аплодисменты.

Старший политрук И. Позинский

Массовая работа

По боевой тревоге был поднят один из дивизионов нашего полка. Он получил задачу выйти в район Краскино Комиссаром дивизиона был назначен политрук тов. Кравцов. Дивизион имел трех политруков, пять заместителей политруков и девять коммунистов. Эти силы могли обеспечить хорошую постановку партполитработы.

Отправляя дивизион, я поставил перед политруками задачу -

обеспечить ведущую роль коммунистов и комсомольцев, повысить классовую бдительность и обеспечить высокую боеготовность дивизиона. Было подчеркнуто, что необходимо проявить особую заботу к каждому красноармейцу и командиру, воодушевить их на героизм, лучших людей дивизиона готовить в партию Ленина - Сталина, а передовую молодежь принять в члены ленинского комсомола.

В процессе марша из лагерей и на исходном положении тов. Кравцов умело организовал партполитработу, что обеспечило высокое политико-моральное состояние личного состава дивизиона и хорошее сбережение техники.

Через несколько дней по боевой тревоге был поднят весь полк. Партийно-политическую работу я возглавлял сам. Полк двигался рассредоточению, тремя эшелонами.

Секретарю партбюро лейтенанту тов. Шубину было поручено на период марша возглавлять работу в 1-м дивизионе. Секретарь, бюро ВЛКСМ политрук тов. Мошнин проводил работу в 3-м дивизионе. С объявлением боевой тревоги весь политсостав находился в подразделениях.

Сделав ряд распоряжений в штабе, связанных с выступлением полка (командир был вне части), мы с секретарями партийного и комсомольского бюро пошли проверять готовность дивизионов к выступлению. Во время проверки я давал указания политрукам и ставил задачу на обеспечение марша.

В первую очередь политсоставом была проверена боеготовность материальной части орудий, тракторов, оптических приборов, средств связи и боеприпасы. При проверке был обнаружен ряд мелких недочетов, которые были немедленно устранены. Убедившись, что вооружение в порядке, приступили ж осмотру бойцов, их обмундирования, определяя, что должен взять красноармеец с собой.

Проверку боеготовности тыла, парковой батареи проводили с выступлением дивизионов на марш.

С началом марша до каждого командира и красноармейца была доведена информация о начавшихся военных действиях в районе озера Хасан. Была поставлена задача о сохранении материальной части и всего вооружения полка. Особенно сильно заботились о сохранении военной тайны.

На другой день во время большого привала на совещании всех политработников подвели итоги марша. Я поставил задачу: марш совершить образцово, без единой поломки и аварии, наладив хорошее питание бойцов.

За период марша руководство политическим составом осуществлялось в порядке индивидуальных указаний комиссара и

отсекра партийного бюро тов. Шубина.

5 августа, в 14 часов, прибыли к месту боя. Заняли огневые позиции.

Объезжая дивизионы и батареи, я перед политработниками, коммунистами и комсомольцами поставил задачу - быть примером и своей беспредельной преданностью нашей родине воодушевлять всех остальных бойцов на героизм в защите родины и в короткий срок уничтожить врага. Проводились беседы (по подразделениям) о положении на фронте.

5, 6 и 7 августа во всех батареях были проведены беседы с бойцами о международном положении, о взаимоотношениях СССР и Японии. После открытия 2-й сессии Верховного Совета СССР вею партийно-массовую и агитационную работу сосредоточили на изучении решений сессии. Всего проведено было сто три беседы, выпущено восемьдесят семь боевых листков.

Огромную роль в мобилизации бойцов и командиров на отважную работу во время боя сыграли боевые листки и газета "На защиту родины". Она переходила из рук в руки, прочитывалась каждым с огромным интересом от слова до слова.

В первый и второй день боя было подано семьдесят четыре заявления в ВЛКСМ и шесть за явлений о вступлении в партию.

За все дни боев комсомольская организация выросла почти на триста человек. Лучшие, передовые командиры и комсомольцы: лейтенант Щербаков, лейтенант Ситников, заместитель политрука Олишевец и ряд других, всего 86 человек, подали заявления о (вступлении в ВКП(б).

В заявлениях вступающие в партию высказывают чувства могучего советского патриотизма, беспредельную любовь и преданность социалистической родине и великой партии Ленина - Сталина.

Лейтенант-комсомолец тов. Гончаренко пишет: "...Желая быть в партии, обязуюсь: мужественно, до последнего вздоха, защищать неприкосновенность границ нашей прекрасной родины, защищать великое дело партии Ленина Сталина, дело коммунизма".

Младший командир комсомолец тов. Дроков пишет: "...Клянусь перед партией, что буду верным бойцом революции за дело коммунизма, не пощажу своей жизни на защиту социалистической родины, буду честно идти по пути большевистской партии и товарища Сталина".

В подразделениях вновь создано семь партийно-кандидатских, групп. Проведены четыре делегатских партсобрания и пять заседаний бюро ВКП(б).

Кандидаты ВКП(б) товарищи Цыбань, Рождествин,

Загуменников, Серашов провели огромную работу с бойцами-комсомольцами в период боя и выдвинуты политруками батарей.

Исключительно активную работу провел заместитель политрука тов. Синарь, принятый в бою в кандидаты ВКП(б). Он имел план работы на каждый день и дневник учета проделанной, работы. Вот что он выполнил в один из дней: "Утром провел политинформацию о двухлетней героической борьбе испанского народа, правел политзанятия с одной группой о решениях 2-й сессии Верховного Совета; правел беседу с бойцами в обозе о годовщине МЮД; перед обедом осмотрел состояние оружия; был на выпуске стенгазеты; беседовал с младшими командирами; присутствовал на заседании бюро ВЛКСМ".

Я находился в период боя там, где считал необходимым. Ежедневно был в батареях и на наблюдательных пунктах, беседовал с командирами и красноармейцами по ряду вопросов, боевой подготовки и международного положения, чем особенно интересовался личный состав полка.

Политруками руководил путем индивидуальных указаний, помогал каждому в отдельности, приезжая в батарею. Где не мог быть сам, давал указания через секретарей партбюро и бюро ВЛКСМ. Политработникам особо отдаленных участков давал указания через телефонную связь.

В период боя секретарь партбюро находился там, где требовала обстановка. Он проверял работу коммунистов и оказывал помощь в устранении недочетов. Вел работу с подавшими) заявления о приеме в партию, проводил беседы с комсомольцами в батареях, помогая политрукам в создании комсомольских отделений и взводов, оформлял материал на подавших заявления о вступлении и партию. За весь период боя отсекр обеспечивал своей работой ведущую роль коммунистов и комсомольцев. Партсобрания проводились делегатские. Ставились вопросы о приеме в партию и о задачах парторганизации в связи с тем или другим заданием, полученным полком.

Отсекр бюро ВЛКСМ тов. Мошнин в период боя был тесно связан с массой бойцов и командиров. Проявил гибкость в работе, ежедневно и конкретно помогал каждому комсоргу в отдельности обеспечить ведущую роль комсомольцев в бою.

Комсомольские собрания по приему в члены ВЛКСМ в батареях проходили на огневых позициях, так как основная масса красноармейцев находится в огневых взводах. С наблюдательных пунктов на собрания прибывали только делегаты. Таким образом, в полку за август по подразделениям проведено по три-четыре комсомольских собрания, где ставились вопросы о приеме в

члены ВЛКСМ и о задачах комсомола.

Бюро ВЛКСМ проводило свои заседания по подразделениям на огневых позициях и наблюдательных пунктах в составе не менее трех-четырех членов. Принято в члены ВЛКСМ двести семьдесят восемь человек. Организовано в полку двадцать шесть комсомольских отделений и шесть комсомольских взводов. С вновь вступившими в комсомол все время проводятся занятия по уставу ВЛКСМ и положению о комсомольский организациях в РККА.

Хорошо организовал работу политрук тов. Кравцов - комиссар дивизиона. Он лично беседовал с красноармейцами, помогал заместителям политруков, комсоргам. В результате конкретной работы с красноармейской массой в дивизионе было обеспечено высокое политико-моральное состояние личного состава. В члены ВЛКСМ принято сто двадцать три человека, подано десять заявлений о приеме в партию. Дивизион имеет полностью три взвода комсомольских.

Политрук 4-й батареи тов. Тарасов помогал заместителю политрука и комсоргу, ежедневно выпускал боевой листок. В комсомол принято сорок красноармейцев. В батарее подано пять заявлений о приеме в партию.

Заместители политруков Рождествин, Загуменников; и Окварь своей работой обеспечили боевую готовность батарей.

Жены командного и начальствующего состава жили одними мыслями и чувствами со всем личным составом. Своими письмами они воодушевляли бойцов. 7 августа женщины прислали на фронт первые посылки.

Отсекр бюро ВЛКСМ Мошнин

Поток заявлений

Марш окончен. Часть занимает огневые позиции. Комсомольцы ведут с бойцами беседы "о точной работе и меткой стрельбе.

Со времени объявления боевой тревоги значительно оживилась внутрисоюзная работа. Каждый комсомолец стал чувствовать больше ответственности за работу с несоюзной молодежью.

-За первый день боя было подано семьдесят четыре заявления о вступлении в комсомол. Приток заявлений с каждым днем все увеличивается.

Красноармеец Воронов в заявлении пишет:

"Я вижу, что комсомольцы показывают в бою героизм. Я тоже желаю быть в рядах комсомола и вместе с организацией честно работать, а если понадобится, отдать и жизнь. Прошу мне в просьбе не отказать".

Во всех заявлениях говорится о необходимости еще теснее сплотиться вокруг партии и ленинского комсомола и по первому зову правительства отдать свои силы на защиту социалистической родины.

В перерывах между стрельбой проводим беседы, рассказываем о фактах героизма, о сбережении техники, об обстановке, читаем газеты.

Большой интерес красноармейцы проявляют к газете "На защиту родины". Жаль только, что доставляется ее мало. Я сам иногда прочитываю ее бойцам три-четыре раза, чтобы охватить всех.

В перерывах между стрельбой проводим комсомольские собрания в батареях по приему в комсомол и заседания бюро.

Как бюро, так и собрания к приему относятся серьезно. Я несколько раз беседовал с комсоргами, и заместителями политруков об индивидуальном подходе при приеме. Четырех человек воздержались принять.

Двенадцати комсомольцам дали рекомендации для вступления в партию.

8 августа комсорги во время перерыва между боями организовали по орудийным расчетам изучение устава ВЛКСМ среди вновь подавших заявления в комсомол.

9 августа я провел беседы о бдительности и несении наряда ночью и бережном хранении продовольствия.

Чтецы-беседчики все свободное время используют для читки книг и газет.

Беседы проводим нередко с отдельными комсомольцами и красноармейцами, так как группу иногда трудно собрать. Красноармейцев особенно интересуют беседы о героизме бойцов и командиров во время боя.

Комсорг тов. Малахов провел беседу со связистами, как нужно дежурить у телефона, не разглашая военной тайны.

Объявлено перемирие. Артиллерийская канонада смолкла. Папка моя разбухла от заявлений, поданных красноармейцами о вступлении в комсомол. Поступило уже триста заявлений, двести шесть из них разобраны.

Новые комсомольцы с энтузиазмом ведут работу.

Старший политрук И. Баканов

Артиллеристы

Утром я сделал политинформацию всему лагерному сбору об агрессивных действиях японских фашистов. Все товарищи заявили о своей готовности драться, если враг попытается напасть на нашу священную землю.

В этот памятный для нас день в лагере началось массовое

стрелково-спортивное соревнование бойцов и командиров. День был солнечный, жаркий, душный. На вершине сопки взвился красный флаг. Зашумели моторы боевых машин. Колонна с песнями двинулась на стрельбище. Боевые машины вышли на огневые рубежи.

Первый расчет товарища Медведева стреляет по силуэту самолета, двигающемуся вдоль фронта. Результаты отличные. За ним стреляют из винтовок и револьверов остальные расчеты сбора. Отдельные команды соревнуются по бегу, на сдачу норм ГТО.

Вдруг дежурный по стрельбищу с красным флажком в руках дает сигнал прекратить огонь. Солнечные лучи блестят на лимузине, приехавшем в лагерь. Из лимузина выходят майор Анисимов и капитан Дзоян и дают приказ:

- Весь сбор в лагерь, боевая тревога.

Веселые, загорелые лица бойцов и командиров сразу стали серьезными. Некоторые в это время плавали на речке. Им пришлось одеваться на ходу. Через 10-1 5 минут начальник сбора доложил:

- Сбор к выходу готов.

Вечером получили приказ о выступлении на фронт. В подразделениях были проведены митинги и беседы, выпущены боевые листки, развернулось социалистическое, соревнование.

Марш начался ночью. Вся материальная часть работала отлично.

Заместитель политрука Одинцов, комсорги Какоткин, Прокушев, Бондарчук, коммунисты Войтенко, Пирко на привале рассказывают бойцам о событиях на границе. В ночь на 3 августа бойцы и командиры отдыхали.

Утро было на редкость хорошее. Расположились на завтрак.

Агитаторы Медведев, Оганлух, Прокушев, Сарайкин, Какоткин, Войтенко громко читают газеты, разъясняют значение последних событий.

Здесь был получен боевой приказ. Трудно описать чувство, охватившее нас при получении его. Эта была какая-то необычайная радость, гордость оказанной нам честью и в то же время необычайная злоба к врагу, желание как можно скорей добраться до него и ударить со всей своей силой.

Утром послышался шум моторов бомбовозов, летевших громить самураев. Мы не спускали с них глаз. Нам хотелось с их быстротой двигаться туда, где передовые части Красной Армии уже дрались за родину, за великого Сталина.

Собрав личный состав батареи, я объяснил боевую задачу, предупредил о необходимости строжайшего соблюдения военной

тайны, выдвинул показатели соревнования между расчетами боевых машин на марше и при занятии и маскировке огневых позиций. Уже в походе проинструктировал агитаторов, чтецов, беседчиков, дал задания комсоргу, замполитруку, расставил силы.

Батарея, занявшая поздно вечером огневую позицию, была готова к открытию огня.

Обстановка была всем ясна. Дисциплина, бдительность - исключительно высокие.

Расположившиеся у орудий бойцы в касках несут вахту, которую они назвали именем нашего великого и любимого вождя товарища Сталина. Под грохот снарядов красноармейцы негромко пели песни, слушали патефон, играли в шахматы.

Ночь проходила незаметно. Бойцы в беседе со мной спрашивали :

- Нельзя ли, товарищ комиссар, ускорить открытие огня?

Полищук, Бондарчук, Пшеничный, Ершов и ряд других товарищей задавали: мне этот вопрос несколько раз.

Новый боевой приказ мгновенно поднял всех на ноги. Движемся ближе к Заозерной.

Смена огневых позиций прошла с исключительным подъемом. Шоферский состав боевых машин работал искусно. Мы шли без единой поломки и аварии, несмотря на то, что пришлось преодолевать рубеж в очень сложных условиях.

Утром, любуясь красотой родных мест, бойцы клялись, что не дадут ступить здесь грязному сапогу японских самураев. У всех усилился интерес к прошлому Дальневосточного края - к героической борьбе Дальневосточных партизан в годы гражданской войны. Пришлось собрать агитаторов, замполитруков и указать им материал, освещающий вопросы, интересующие бойцов. На привалах все с большим интересом слушали) отрывки из книг "Сергей Лазо" и Таежные походы". Увлекала бойцов и книга Островского "Как закалялась сталь".

Во время марша я получил много докладных записок, в которых бойцы просили отправить их на передовую линию.

Вот что писал в своей докладной записке оружейный мастер Карпов:

"Я прошу командование части зачислить меня в ряды бойцов, дерущихся с винтовками в руках на передовой линии. Хочу драться вместе со своими товарищами по школе".

В ночь на 6 августа часть получила приказ:

"Быть готовым к открытию огня в 6.00".

К этому времени мы имели большой поток заявлений в комсомол и в. партию.

Перед началом фортификационных работ были проведены беседы и даны индивидуальные задания коммунистам и комсомольцам, организовано социалистическое соревнование на лучшую огневую точку.

Первенство взял комсомольский расчет тов. Медведева. По этому расчету равнялись остальные.

Огромную роль в мобилизации масс, в подготовке общего наступления по всему фронту сыграл полученный нами вечером 5 августа договор о социалистическом соревновании с другим соединением.

Утром туман заволакивал все огневые рубежи и наблюдательные пункты противника. Видимость была плохая. Короткое затишье мы использовали для лучшего укрепления и маскировки своих точек.

К 11 часам туман начал рассеиваться; японская артиллерия опять обрушилась на наши огневые рубежи. Снаряды ложились

неподалеку от орудий. Пришлось быстро обойти все огневые точки, довести обстановку на фронте до каждого бойца и командира, еще раз указать им на необходимость тщательной маскировки.

Бой артиллерии был в полном разгаре.

По фронту передается весть о приближении нашей авиации. Грохот снарядов, треск пулеметов уже не занимают бойцов и командиров. Все смотрят вверх, ожидая появления самолетов, готовят свои противовоздушные средства на случай вылета штурмовиков или истребительной авиации противника.

Коммунисты и комсомольцы в окопах и рытвинах ведут с бойцами беседы о предстоящей бомбежке японских позиций, предупреждают, что надо внимательно следить за воздухом, за сигналами.

Прислушиваясь к полету снарядов, бойцы говорят:

- Вот это полетел наш.

- А вот это летит их, но от их снарядов не столько поражений, сколько визга и шума.

В воздухе нарастает гул моторов.

Бойцы приветствуют сталинских соколов восторженным рукоплесканием.

Самолеты быстро приближаются к расположению самураев.

Через наблюдательный пункт батареи, даем информацию о том, что делается на передовой линии. О сокрушающих налетах нашей авиации, о героической атаке танков и пехоты быстро узнают на всех огневых точках.

Японская батарея, очевидно, нащупала нас. Снаряды начинают ложиться в районе нашей батареи. Командир взвода тов. Коблов быстро меняет огневые точки, сбивает японцев с толку. Враг переносит огонь в сторону, не нанося нам никакого ущерба.

Еще лучше замаскировав свою огневую позицию на наиболее выгодном рубеже, батарея с честью несет сталинскую вахту.

Письмо трудящихся центральных районов Советского Союза, прочитанное на всех наших точках и в подразделениях тыла, дало новую зарядку бойцам и командирам. Мы чувствовали, что с нами весь стосемидесятимиллионный советский народ.

Бои в последующие дни не прекращались. Гремела артиллерия, на рассвете строчили пулеметы, днем наша авиация про должала бомбежку японских укреплений.

Во время боев на огневой позиции состоялось собрание партийной организации. Был заслушан доклад о состоянии части, о положении на фронте и разобраны заявления о вступлении в ряды ВКП(б).

Ко дню перемирия наша часть стала на восемьдесят пять процентов партийно-комсомольской.

Младший политрук А. Гудков

Собрания в перерывах боя

В 19 часов меня вызвал к себе военком полка тов. Соколов и сказал, что на границе неспокойно.

- Нам дан приказ сегодня в 20.00 выступить на границу.

Военком поставил передо мной задачи, вокруг которых вести работу: борьба за отличное состояние дисциплины на марше и сохранение военной тайны.

До выступления на марш я рассказал об этих задачах комсоргам, предложил им разъяснить их во время марша бойцам.

На большом привале я провел короткую беседу с комсомольцами 1-й батареи о подготовке к двадцатилетию ВЛКСМ. Я сказал им, что первым нашим подарком к юбилею должен быть разгром японцев, а для этого необходимо, чтобы в район озера Хасан мы пришли в боевом порядке с сохранной материальной частью и конским составом.

Комсомольцы все, как один, заявили, что готовы драться с японцами и покажут пример и этом всем красноармейцам! Решили начать соревнование на лучшее проведение марша.

На одном из малых привалов я беседовал с комсомольцем тов. Муравей, который простыми словами, выразил настроение бойцов:

- Буду громить врага, не жалея сил, а если понадобится, отдам и жизнь.

Тов. Муравей с честью выполнил свое обязательство. Находясь на передовом наблюдательном пункте, при взрыве вражеского снаряда он был засыпан в окопе, но, находясь под землей, передавал по телефону команды. С ним находились два комсомольца-связиста Сальников и Бурмистров. Они под артиллерийским огнем противника восстанавливали связь и вели наблюдение за противником.

На пути к Заозерной мы провели собрание комсомольцев 3-й батареи. Комсорг тов. Ворганов рассказывал товарищам о задачах марша.

На привалах выделенные нами чтецы товарищи Неделяев, Голов и Ингуши регулярно, читали бойцам газеты. Всех особенно интересовало международное положение.

Подъем у молодежи был исключительно велик. За сутки марша было подано одиннадцать заявлений о вступлении в комсомол.

1 августа мы вышли на огневые позиции. Вначале открыла огонь по противнику 1-я батарея - наводчики-комсомольцы

Щербинин и Голов. Действуя смело и решительно с открытой огневой позиции, они метким огнем разбили блиндаж противника.

За первый день боя двадцать семь красноармейцев изъявили желание вступить в комсомол. Они защищали родину и хотели быть ближе к большевистской партии, давшей им эту счастливую родину. На второй день в 3-й батарее в; перерывах между стрельбой шло заседание президиума. Принимали в комсомол. Разбирались заявления товарищей Скулова, Акшинцева и др. Судили о товарищах по тому, как они вели себя в первые два дня боя. Обсуждение шло под грохот орудий. Принимаемые товарищи показали за эти дни хорошие образцы работы.

Во второй батарее в этот день провели комсомольское собрание: комсорг тов. Неделяев рассказал об обстановке. Приняли в комсомол девять человек. Наводчик Чирков, когда обсуждали его заявление, заверил собрание:

- Звание члена ВЛКСМ оправдаю.

И он его оправдал: мужественно работал у орудия все дни боев.

Принятый в этот день в комсомол наводчик тов. Жигарев был ранен в бою осколками вражеского снаряда, но работал до тех пор, пока его не увели с огневой позиции.

4 августа в 4, 5 и 6-й батареях я провел беседы с красноармейцами о задачах комсомола. Во время бесед было подано шесть заявлений о вступлении в комсомол. Лучшие комсомольцы - Антипов, Борисик, Макаров, Дудниченко и, Киселев, сидя в окопе на наблюдательном пункте, подали в этот же день заявления о вступлении в партию.

6 августа был получен приказ о выезде 1 и 3-го орудий на открытую огневую позицию для уничтожения огневых точек противника. Наводчик-комсомолец Щербинин хорошо выполнил задание. Метким огнем он уничтожил огневые точки противника, хотя японские снаряды рвались около орудий. Одним орудием командовал комсомолец Козлов. Вторым - комсомолец Родин. Два комсомольца - Щербинин и Белов - в этот день были ранены.

7 августа, после того как наши части заняли Заозерную, у нас было подано сто тридцать заявлений о вступлении в комсомол.

Все комсомольцы вели массовую работу с бойцами по заданию бюро.

Комсомолец Аукин регулярно проводил занятия с товарищами, подавшими заявления в комсомол, разъясняя им устав ВЛКСМ.

Комсомолец Зленков проводил беседы в окопах по текущей политике.

Заместитель политрука тов. Неделяев ежедневно проводил беседы с бойцами о героях Гражданской войны и о международном положении.

Заместитель политрука тов. Звездин регулярно проводил беседы с бойцами и молодыми комсомольцами о программе и уставе ВЛКСМ.

Комсорг тов. Бойко за время боев провел два комсомольских собрания, посвященных задачам комсомольцев в бою и приему в ВЛКСМ. Собрания проводились в перерывах между стрельбой.

Секретарь президиума комсомольской организации 6-й батареи тов. Попов организовал беседы и сам регулярно выпускал боевые листки. В батарее было подано тридцать одно заявление о вступлении в комсомол и семь заявлений о вступлении в кандидаты партии.

За время боя проведено одно комсомольское собрание полка. Принято в комсомол после боев сто шесть человек. Двести заявление и еще не рассмотрены.

Младший политрук Шилин

Из дневника

Седьмое августа. Прибыл на работу в подразделение. Японская артиллерия вела сильный огонь, но меткость ее стрельбы была очень слабой. Нашей батарее поставлена задача уничтожить батарею врага. Заместитель политрука Красильников коротко рассказал мне, как работают расчеты, как чувствуют себя бойцы, как организовано питание, снабжение снарядами.

После разговора с Красильниковым я беседовал с командирами орудий и наводчиками о боевой задаче, поставленной нашей батарее. Больше всего внимания я уделил орудию Подхолюзина, которое в темпе стрельбы отставало от других. Раздалась команда:

- По батарее противника огонь!

После нескольких выстрелов, с наблюдательного пункта передали:

- Батарея противника уничтожена.

Я сейчас же сообщил об этом всем орудийным расчетам. Личный состав батареи очень гордился меткостью своей стрельбы.

Время от времени неподалеку от нас падали японские снаряды, но это нисколько не влияло на самочувствие наших бойцов. Второй день они были в бою, но держались бодро, весело, работали быстро и четко. Особенно отличились командир орудия Москвин, наводчики Пустынных, Семилетов, старшие связисты Тихонов и Панфилов, тракторист Горохов, товарищи Морозов и Родионов.

Воспользовавшись коротким затишьем, я обратил внимание некоторых заряжающих на отдельные недочеты в их работе, указал также на недостатки маскировки, укрепления орудий, подготовки снарядов - протирки их. Потом пошел познакомиться с работой ячейки питания, стоявшей в 300 метрах от огневой позиции. На кухне повар Шевцов закладывал продукты на ужин. Смеясь, спросил его:

- Как чувствуете себя?

- Хорошо, готовлю на ужин макаронный суп, - ответил повар, тоже смеясь.

Осмотрел продукты, побеседовал с людьми. И здесь все чувствуют себя бодро и весело, хотя снаряды рвутся вблизи. Красноармейцы горячо заверяют меня, что обеспечат своевременное и бесперебойное питание.

По пути на наблюдательный пункт осматривал коней и обоз. Все в порядке.

На наблюдательном пункте застал у стереотрубы командира батареи Сиротинина и разведчика Ягупова, которые наблюдали за движением врага.

Обменялся вопросами с командиром батареи. Разговаривал с Козловым, Ружиным, Сергеевым и другими. У всех внимание сосредоточено на одном: как бы быстрее разгромить японских налетчиков.

Разведчик Ягупов доложил командиру батареи:

- Вижу отдельное орудие противника.

Командир батареи, быстро уточнив цель, нанес ее на карту и приказал командиру вычислительного отделения подготовить данные. Через две минуты данные были готовы. Раздалась команда:

- По отдельному орудию огонь!

Сергеев сказал:

- Пусть узнают самураи на собственной шкуре, что значит нарушать советские границы.

Такое же мнение у всех бойцов и командиров.

Был пятиминутный огневой налет на Монтакусан. В этом пункте теперь осталось, несомненно, мало сил противника. Я вернулся на огневую позицию, проверил, все ли люди покушали.

День прошел, стало уже темнеть. Стрельба из орудий прекратилась. Собрал командиров орудий и побеседовал с ними о правильной организации отдыха бойцов. Предупредил, что нужно быть начеку.

8 августа. Ночь не спал. Это было нужно, так требовала обстановка. Утром еще раз беседовал с лейтенантом! Кудрявцевым о сохранении техники вооружения. Техника была

исправна, и орудия работали безотказно. Потом поговорил с комсомольцами, рассказал им об обстановке и напомнил о задачах. Вскоре была подана команда: "Приготовиться!", и началась стрельба по японскому бронепоезду, отдельным орудиям и некоторым другим, ранее намеченным, целям.

Бронепоезд, получив повреждения, быстро ушел. После стрельбы провели громкую читку газет, сообщавших о героизме, проявленном отважными пехотинцами, танкистами, летчиками и артиллеристами в бою 6 августа. Завтрак и обед были даны своевременно. В 18 часов получили приказ занять новый боевой порядок.

Перед началом движения я поставил задачи по сохранению техники, маскировке и оборудованию новой огневой позиции. Батарея двинулась на указанное место. По прибытии сейчас же приступили к установке орудий, рытью ровиков. Эта задача быстрее всего была выполнена подразделениями, которыми командовали Одинцов, Воропаев и Москвин. Около 12 часов ночи лейтенант Кудрявцев доложил: "Батарея к стрельбе готова", после чего был дан ужин.

9 августа. Особенное внимание пришлось обратить на связь. Провел беседу со связистами о прокладке линий и расстановке сил. Теперь связь работает хорошо. Особенно отличились командир отделения Таранников, старшие связисты Тихонов, Памфилов! и связисты Рогатых и Осипов.

Под вечер раздалась команда: "По переправе противника огонь!" Переправа была разбита.

После стрельбы говорил с лучшими бойцами об их задачах. Тихонов, Памфилов, Слаутин, Правил, Саушккн, Воропаев и Логинов, принесли заявления о вступлении в комсомол. Старший связист Тихонов в своем заявлении писал:

"До последней капли крови буду бороться за нашу священную родину".

В 17 часов приказано сменить боевой порядок. Собрал комсомольцев и познакомил их с обстановкой. Комсомольцы, разойдясь по своим местам, довели обстановку до каждого красноармейца. Чувствовалось, что все воодушевлены.

Прекрасно работали комсомольцы Куликов, Конарев, Панченко, Родионов, Иванов, Елкин, Каверзин, Сергеев и Назанов.

К 11 часам ночи новый наблюдательный пункт и огневая позиция были оборудованы. После ужина я постарался как можно лучше организовать отдых бойцов. Это тем более важно, что батарея часто маневрирует.

10 августа. С утра направил заместителя политрука Красильникова на наблюдательный пункт проверить состояние

бойцов, питание, работу разведчиков и побеседовать с людьми. Сам остался на огневой позиции. Беседовал с отделением тяти с бесперебойном снабжении снарядами, рассказал о положении на фронте.

Огневой взвод был уже готов к стрельбе. Вскоре раздалась команда: "По батарее противника огонь!" После нескольких выстрелов одна японская пушка была уничтожена. Затем огонь наших орудий обрушился на бронемашины врага,

Вечером были получены газеты. Роздал чтецам, проинструктировал. Громкая читка прерывалась возгласами бойцов: "Нет пощады японским самураям!", "Бить до последнего!"

11 августа. В 12 часов дня с наблюдательного пункта передали: "Огонь прекратить: заключено перемирие". Я сейчас же сообщил об этом всем. У бойцов и командиров общее мнение:

- Несмотря на перемирие, мы должны иметь в виду, что от японских самураев, всегда можно ждать провокации...

В 14 часов провел беседу с красноармейцами о нашей большевистской партии и комсомоле. Поступили заявления с просьбой принять в кандидаты ВКП(б) от лейтенанта Кудрявцева и младшего командира взвода Куликова. 10 товарищей, в том числе Москвин, Одинцов, Аихарев, Тетеркин, подали заявления о вступлении в комсомол.

Красноармеец И. Бубнов

Комсомольцы-артиллеристы

Вечером идет партийное собрание. Вдруг раздается команда: "Тревога!" Председатель президиума закрывает собрание. Быстро все расходятся по своим местам. Предстояло совершить большой и трудный марш.

Комиссар полка тов. Глухов, секретарь бюро ВЛКСМ тов. Субботин и секретарь партбюро тов. Чирков дали указания на период марша.

Главная задача, поставленная перед комсомольской организацией и всеми бойцами, - провести марш весело и культурно, сохранить силы бойца, сохранить материальную часть от поломок и потерь, сохранить коня, строжайше соблюдать военную тайну.

Вот один из дней марша. Вечером тов. Толстяков дал комсомольцам-агитаторам и чтецам задание: провести беседу о работе комсомольцев в период гражданской войны, используя для этого книгу Н. Островского "Как закалялась сталь".

Выбрав свободное время, на большом привале начали вести товарищескую беседу о том, как Павел Корчагин (герой книги Н. Островского) работал в комсомольских организациях в дни гражданской войны, о трудностях и борьбе. Одновременно

приводили примеры из жизни комсомольцев Красной Армии, пограничников. В конце беседы тов. Карпухин спросил товарищей Жучкова, Чекмарева и Храмцова, почему они не комсомольцы. Они рассказали ему о своем желании вступить в члены комсомола и в этот же день все подали заявления о вступлении в комсомол.

На привале бойцы отдохнули. Затем собрались возле батарейного гармониста тов. Ватулинина, начались пляски, танцы, песни. Некоторые товарищи слушали патефон.

Редактор батарейного боевого листка тов. Самойлов уже сумел выпустить первый листок, в котором был отражен ход социалистического соревнования между взводами и отделениями. Подвели первые итоги марша. Заместитель политрука художественно оформил колонну: на каждом орудии были лозунги.

К вечеру тов. Толстяков собрал членов президиума. Подвели итоги: марш совершен отлично. На этом же заседании были разобраны заявления о приеме в комсомол товарищей Храмцова, Чекмарева, Жучкова, Тихонова и Брусьянина. Все они были приняты.

Полк все быстрее приближался к цели и 5 августа прибыл к месту назначения. Все уже знали о том, что японская военщина попыталась нарушить наши границы. Все горели одним желанием - как можно быстрее получить боевой приказ и уничтожить зарвавшихся японцев.

5 августа вечером, когда сопки были окутаны туманом, а лучи закатного солнца продолжали освещать всю панораму, собрался комсомольский актив.

Секретарь комсомольского бюро В. Субботин, открывая собрание актива, говорит: "Таких собраний у нас еще не было ни разу. Мы собрались для того, чтобы обсудить один вопрос - о задачах комсомольской организации в бою по разгрому японских налетчиков, осмелившихся нарушить наши границы".

Выступил комиссар полка. Он посмотрел на здоровых, загорелых бойцов и командиров, на мужественных комсомольцев, которых он поведет в бой, и сказал:

- Японская военщина, сосредоточив свои войска в районе озера Хасан, нарушила нашу границу. Численно превосходящими силами враг оттеснил наш пограничный отряд и занял высоту Заозерную...

- Великая коммунистическая партия, наше правительство и наш любимый нарком обороны товарищ Ворошилов поставили перед нами почетную задачу, продолжал комиссар, - выбить японцев с нашей советской земли и проучить их так, чтобы они

никогда не забыли этот урок и никогда больше не пытались совать свое свиное рыло в наш советский огород!

Ему не дали закончить. Кто-то крикнул: "За родину, за Сталина, за Сталинскую Конституцию! Ура!" Прокатилось громовое "ура".

Комиссар призвал актив комсомола и всю комсомольскую организацию показать в бою личный пример своей преданности делу народа, делу нашей великой большевистской партии и товарищу Сталину.

Товарищи Сурков и Давыдов доложили комиссару и всему активу, что комсомольцы - красноармейцы и командиры находятся в полной боевой готовности.

Закрывая, комсомольский актив, комиссар сказал:

- Товарищи, завтра мы пошлем японцам такой свинцовый "подарок", который они никогда не должны забыть.

В подразделениях шли летучки - беседы. Красноармейцы говорили о том, что завтрашний удар почувствуют не только на Заозерной, но и в Токио.

Секретарь полкового бюро ВЛКСМ Субботин прошел по отделениям и взводам, проверил их готовность. Каждый из бойцов еще раз проверил свое боевое имущество, технику.

6 августа с утра, как всегда, был туман, который расстилался по сопкам. Начался артиллерийский бой. Артиллерия противника стреляла по передовым линиям нашей доблестной пехоты и в глубину - по огневым позициям наших батарей.

На артиллеристов нашей части была возложена боевая задача уничтожить огневые точки японцев, не дать им возможности подтянуть свои подкрепления, тем самым обеспечить нашей пехоте овладение высотой Заозерной.

Дрогнула земля. На головы японцев посыпались тонны металла. Взлетали обломки японских орудий и щепки разрушенных укреплений. Цель была засечена точно. Скоро японские пулеметы замолчали, и огонь батарей заметно ослаб.

Пехота наша интенсивно повела наступление, очищая советскую землю от японских налетчиков. В наступлении комсомольцы и беспартийные проявляли чудеса храбрости и героизма.

Комсомолец Харченко Александр Андреевич, несмотря на то, что был рамен, не покидал поля боя, держал себя мужественно и принял все меры к тому, чтобы своевременно перебросить на огневые позиции орудия, застрявшие в болоте. И только по приказанию командира он оставил поле боя. Тов. Харченко - лучший разведчик в подразделении.

Лучший радист подразделения комсомолец Антонов во время

боя находился на наблюдательном пункте. Когда вражеские снаряды стали ложиться недалеко от него, была подана команда: "По окопам!" Он вместе с красноармейцем Мартыновым занял окоп и продолжал работу. Вскоре окоп Антонова и Мартынова был разрушен снарядом, их обоих завалило землей. Первым освободился от земли Антонов, он осмотрелся вокруг и не обнаружил товарища. Снаряды продолжали ложиться рядом с Антоновым. Он стал быстро расчищать окоп и приложил все усилия, чтобы освободить Мартынова от земли, и этим спас жизнь своего товарища.

Отлично выполнил боевой приказ орудийный расчет комсомольца Тургумбаева, который быстрее всех занял огневую позицию. Батарея стреляла по огневым точкам противника и их укреплениям. Выполняя эту задачу, орудие Тургумбаева всегда первым открывало огонь по японцам. Когда сообщили о том, что батарея бьет отлично, раздались гром аплодисментов и возгласы: "Да здравствует вождь и учитель товарищ Сталин!", "Да здравствует партия!", "Да здравствует нарком обороны товарищ Ворошилов!".

Тов. Тургумбаев, заряжая орудие, на первом снаряде аккуратно написал: "Наш первый "подарок": 23 кг на головы самураям".

Всю ночь без отдыха бойцы возили снаряды. Пора уже отдохнуть. Но обстановка требует другого. Подходит комсомолец Тургумбаев и разъясняет им новую задачу. Бойцы увлечены. Все, как один, заявляют: будем громить японцев без устали! И действительно, все, как один, работали отлично.

Тов. Тургумбаева как лучшего командира и комсомольца партийная организация приняла в кандидаты ВКП(б). Кроме того, он остался на военной службе пожизненно.

Вот тов. Бондаренко. Его орудие дало свыше десяти тонн таких "подарков", которых японская военщина никогда не забудет. Орудийный расчет тов. Бондаренко комсомольский.

Отлично овладел своим делом наводчик орудия тов. Балдецкий. Это он в самый разгар боя, под грохот и взрывы снарядов, восстановил связь огневых позиций с наблюдательным пунктом за две с половиной минуты, и батарея снова повела ураганный огонь по японцам. Тов. Балдецкий в первый же день подал заявление о приеме в кандидаты партии и был принят как верный и преданный сын нашей родины.

Комсомолец тов. Колесников раньше был ездовым, но не мог усидеть у коня и, получив разрешение своего командира, стал работать правильным. Он был лучшим правильным, точно и быстро устанавливал орудие по команде.

Комсомолец Андрей Рогачев за короткий промежуток времени хорошо овладел специальностью заряжающего и во время боя никогда не задерживал орудие. Через руки тов. Рогачева прошла не одна сотня снарядов, которые орудие посылало на голову японцам.

Война - это тяжелая работа, и красноармейцы работали без устали.

Нигде так не проверяется человек, его преданность и волевые качества, как на поле боя, в смертельной схватке с врагом, когда ежеминутно угрожает опасность потерять самое дорогое - жизнь.

Одним из тех комсомольцев, которые достойно выдержали экзамен в боях за высоту Заозерную, является Николай Сухов. Он командовал отделением связи с пехотой. Связь; - одно из решающих звеньев управления боем.

В сырую, холодную ночь подразделение заняло позиции. Впереди залегли цепи бойцов, готовые к атаке на зарвавшегося врага. Во главе группы бойцов Сухов прокладывает связь, тщательно маскируя и закрепляя кабель. Рассвет застает отделение Сухова за работой. Противник, заметив группу бойцов, открывает артиллерийский огонь. Рвутся снаряды, а связисты отделения Сухова ползком продвигаются вперед. Японцы, засевшие в болоте, обстреливают их. Пули свистят над головами. Но, несмотря на все трудности, линия связи установлена своевременно, и отважную пехоту начала поддерживать артиллерия.

Дать своевременно связь - это еще половина задачи. Связь надо поддерживать. Кабель рвут снаряды, танки. Сухову с красноармейцами Маркиным, Заходцевым и Латыновым несколько раз приходилось проверять связь, восстанавливать обрывы под обстрелом противника. Эта трудная и ответственная задача тов. Суховым выполнена блестяще. Он проявил немало мужества и хладнокровия. Несколько раз тов. Сухова заваливало песком от разрывов снарядов, его откапывали, и он снова принимался за работу. Если нужно было, он сам носил кабель, а в ответственное время боя садился за аппарат, передавая команду четко, ясно и уверенно.

Как верный сын родины, тов. Сухов подал докладную об оставлении на пожизненную службу в РККА и заявление о вступлении в ряды коммунистической партии. Его приняли в кандидаты ВКП(б). Таких героев-комсомольцев воспитали Красная Армия и наш ленинский комсомол.

Еще один пример. Японская военщина усиленно подтягивала свои войска. Командир взвода комсомолец тов. Дмитриенко получил задачу уничтожить колонну подкреплений японцев.

Дмитриенко, все подготовив, дал команду открыть огонь. Орудия били точно, снаряды ложились прямо в цель. От вражеского обоза полетели щепки. Японцы разбежались кто куда.

В отпорных боях у озера Хасан комсомольцы - бойцы и младшие командиры, руководимые комиссаром полка тов. Глуховым и партийной организацией, вписали много славных страниц в героическую летопись.

В первые дни боев у озера Хасан в ряды комсомола принято сто тридцать три лучших красноармейца, показавших героизм и преданность родине в защите наших границ; комсомольская организация полка в первые же дни боев выросла на сорок три процента.

Ко дню возвращения полка на зимние квартиры было подано четыреста семьдесят три заявления в комсомол; уже принято триста семьдесят три человека. Комсомольская организация выросла на сто восемнадцать процентов.

История полка не знает еще такого роста комсомольской организации, какой был в дни боев. В 1937 году в полку было только пятьдесят семь комсомольцев. Сейчас полк стал комсомольским, - комсомольцы составляют свыше девяноста двух процентов всего личного состава.

Батарея, где секретарем президиума т. Чевтан, стала первой в полку комсомольской: в ее рядах насчитывается девяносто пять с половиной процентов комсомольцев.

Во взводе, где заместителем политрука Форвазову всего было двадцать четыре процента комсомольцев, а к концу боя стало девяносто шесть процентов.

Тяга в ряды ленинского комсомола в дни боев в районе озера Хасан не случайна. Она прежде всего свидетельствует о безграничной преданности советской молодежи коммунистической партии, вождю народов товарищу Сталину.

В комсомол в дни боев у озера Хасан шла лучшая часть молодежи. Вот младший командир тов. Шутников. Он хорошо справился с доставкой боеприпасов для батареи. Младший командир Волочков под разрывом снарядов, под ливнем и свистом неприятельских пуль, по болотистому месту прокладывал линию связи. Не дорожа своей жизнью, он всегда шел выполнить самые трудные задания. 7 августа, установив только что прерванную связь, тов. Волочков заявил:

"Нет, не бывать тому, чтобы нас победили, чтобы мы отступили хоть на один шаг от своей территории. Этому не быть. Мы победим, и победим малой кровью".

Но вот вражеские снаряды начинают ложиться совсем близко, связь опять нарушена, огонь по японцам вести нельзя. Тов.

Волочков немедленно идет исправлять линию связи. Ему пришлось преодолеть на пути болотистую местность. Минуты через три он докладывает:

- Связь установлена, можно открывать огонь.

Как преданного сына нашей родины комсомольская организация приняла его в свои ряды. На комсомольском собрании Волочков дал слово:

- За родину-мать, за партию Ленина - Сталина я не пожалею самое дорогое для меня - жизнь - и до последней капли крови буду твердо защищать родину.

Разведчик Попсул принят в ряды ленинского комсомола. Он выполнял боевые приказания своевременно и четко, находился несколько раз под огнем противника.

В дни боев девяносто два товарища подали заявления о приеме в ВКП(б). Тов. Свечников., командир полу батареи, в своем заявлении о приеме его в партию писал:

"Товарищ Сталин говорит: "Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством и такой партии". И в день, когда японцы задумали перейти нашу границу, пойдя на провокацию, я готов выдержать боевое крещение, выдержать всю тяжесть и невзгоды, я готов отдать жизнь за родину и прошу партийную организацию принять меня в коммунистическую партию".

Комсомольская организация дала ему рекомендацию, и он единогласным решением партийного собрания был принят в кандидаты ВКП(б).

Тов. Свечников - один из лучших молодых командиров, он из бойцов вырос до среднего командира. Свою учебу он прошел в. этом же полку, в бою показал себя смелым и отважным, хорошо организовал вокруг себя комсомольский актив. Его огневой взвод отлично стрелял по японцам.

* * *

Товарищ Форвазов, молодой заместитель политрука, образцово поставил работу во взводе боевого питания. Всю работу он проводил с помощью комсомольцев. Вначале во взводе их было шесть человек. Но и это сила! Когда Форвазов узнал о действиях частей, находящихся на фронте, он решил быстро довести обстановку до бойцов. Он собрал всех комсомольцев, дал конкретно каждому задание и указал, кто с кем проводит беседу. Бойцы чувствовали, что комсомольцы в курсе дела, сведущи. Поднялся авторитет комсомольцев, и тов. Форвазову работать стало легче.

Взвод блестяще справился с боевой задачей. Не было выведено из строя ни одного бойца, ни одного коня. Боеприпасы находились всегда в запасе.

Теперь взвод на девяносто шесть процентов комсомольский.

Молодому заместителю политрука тов. Имошину пришлось принять комсомольскую организацию в период боя.

От Имошина требовалось проявить максимум энергии, организованности и инициативы, чтобы поставить работу комсомольской организации на должную высоту.

Свою работу молодой секретарь президиума начал с расстановки комсомольского актива и членов президиума; он давал им конкретные задания, проверял выполнение этих заданий.

С первых же дней работа организации улучшилась. Несмотря на боевую обстановку, тов. Имошин провел пять коротких комсомольских собраний, на которых комсомольцы обменивались опытом работы, принимали в члены ВЛКСМ, подводили итоги за день. В период боя выпущено двенадцать боевых листков. Сначала Имошин не находил времени для выпуска их, а, когда я пришел к нему, провел инструктаж военкоров (под грохот неприятельских батарей), и мы расставили актив военкоров у каждого орудия, работа пошла, и к вечеру боевой листок был выпущен.

Хорошо помогли в. работе комсомольской организации молодой политрук Выборной и парторг Бондаренко. Они повседневно проводили беседы с комсомольцами и несоюзной молодежью. В результате воспитательной работы двадцать бойцов и командиров были приняты в комсомол. Семь комсомольцев подали заявления о приеме их в ряды коммунистической партии.

К 12 августа организация выросла на сорок пять процентов.

В комсомольской организации, где секретарем президиума Чевган, в разгар боя были убиты два лучших комсомольца.

Погиб пулеметчик Евгений Дмитриевич Кадомцев - командир отделения. Он был отличный стрелок, лучший друг и командир, хорошо знающий свое дело. В ряды комсомола он вступил 6 января 1938 года, был активным комсомольцем, чтецом и агитатором батареи. Вместе с ним пал смертью храбрых комсомолец с 1938 года Смирнов Павел Иванович, сын рабочего, сам рабочий. Он был отличным разведчиком в батарее, дисциплинированным, примерным бойцом. Память о них долго не угаснет.

Необходимо отметить, что за весь период боя из всего состава полка было убито только два человека, тогда как от наших орудий японцы потеряли сотни убитых. Японские снаряды падали

куда угодно, но только не в цель.

Все красноармейцы в один голос заявили, что на убийство своих товарищей они ответят еще большим сплочением вокруг коммунистической партии и вождя народов товарища Сталина.

Секретарь президиума Чевган сумел правильно расставить актив комсомола, давал и своевременно проверял комсомольские задания, внутрисоюзная и воспитательная работа била у него ключом.

Вот что у него записано в тетради:

"1. Комсомольцу - кандидату партии тов. Захарову: прочесть книгу А. Толстого "Хлеб" с пятнадцатью красноармейцами. Задание выполнено полностью.

2. Заместитель политрука Греков и я сам должны регулярно выпускать боевой листок. В дни боев выпущено тридцать семь номеров.

3. Красноармеец Чернов - проводит беседы с красноармейцами о приеме в комсомол. Лично тов. Чернов дал рекомендации шестнадцати красноармейцам".

Батарея держит первое место в части. Комиссар полка батальонный комиссар тов. Глухов. С. С. являлся душой комсомольской организации.

Хорошо поработал и отсекр партбюро тов. Чирков.

Ленинский комсомол в дни боев у озера Хасан вписал славную страницу в историю борьбы за дело коммунистической партии, за построение коммунистического общества.

Заместитель политрука Г. Зайцев

В дивизионе

Третье августа 1938 года. Боевая тревога. Бойцы и командиры нашего дивизиона уже давно были насторожены, ежечасно ждали отправки. Все горели желанием как можно скорее дать отпор японским налетчикам.

В 11 часов 15 минут наше подразделение двинулось на автомобилях по направлению к пограничному селу Краскино (бывш. Новокиевка).

Путь - не короткий, делали: часто остановки, проверяли людей, осматривали машины. Настроение бойцов патриотическое. Каждый рад, что на его долю выпало счастье защищать неприкосновенность дальневосточных границ нашей родины от посягательств японских бандитов. Ехали всю ночь...

4 августа. Утром дивизион прибыл в Краскино. Расположились отдыхать. Кухня готовила чай и обед. Отдыхая, бойцы делились между собою мнениями. Все горели желанием быстрей встретиться с врагом и дать ему сокрушительный отпор. Отдохнув и умывшись, бойцы в 4 часа дня пообедали.

После обеда я достал газету "Тревога", прочитал красноармейцам две заметки: "Доблесть советских пограничников" и "21 задержание".

В 7 часов вечера дивизион снова погрузился на автомашины, двинулся дальше. В Краскино до утра задержался взвод лейтенанта Лазарева. Я был оставлен со взводом. Выбрав место для ночлега, проинструктировав часовых, мы расположились на ночевку.

5 августа. Встали рано утром. Пили и ели с большим аппетитом. Пока заправлялись тракторы, я, используя свободное время, стад читать красноармейцам "Тревогу". Лейтенант Лазарев ознакомил бойцов с картой района, объяснил, как пользоваться компасом и т. д.

Погрузившись на прицепы, мы двинулись в путь. Здесь дорога была труднее и опаснее. Над нами патрулировали самолеты, охраняя колонны, двигавшиеся к озеру Хасан.

По пути нам встречались колхозники, и колхозницы, исправляющие дорогу. Мы перекидывались с ними короткими веселыми фразами. По выражению их лиц было видно, что они всеми силами стремятся помочь нам. Их чувства находили горячий отклик в наших сердцах.

К вечеру мы прибыли к назначенному месту. Завтра, наконец, в бой...

6 августа. Дивизион занял огневые позиции на правом фланге фронта. Наша артиллерия вела ожесточенный огонь, ревели моторы танков, в воздухе кружились разведчики, бомбардировщики громили укрепления противника. Противник стрелял по нашим быстрым самолетам - в белый свет, как в копейку, а славная советская авиация - неуловимая и невредимая - делала свое дело.

7 августа. Наше подразделение, получив задачу, ушло на работы. Одно за другим отделения приходили с работ, докладывая командиру подразделения о выполнении задачи. Я получил газету "На защиту родины", провел читку.

Внезапно над нашими головами засвистели снаряды противника. Бойцы под командой лейтенанта Гоманова ушли в укрытие. Снаряды ложились левее метров, на сто - сто пятьдесят.

Противник обстреливал дорогу и двигавшиеся по ней колонны, но снаряды ложились в стороне, не причиняя вреда. Наша артиллерия вскоре заставила японцев замолчать.

Боевой дух бойцов и командиров был высок, они были готовы выполнить любое задание.

8 августа. Сегодня от вражеских снарядов погибли: младший командир Тихонов и красноармеец Малков. Вечером политрук

Стронин собрал бойцов и провел траурный митинг. Мы почтили память наших товарищей, павших смертью храбрых в бою с озверелыми японскими налетчиками. Бойцы и командиры поклялись жестоко отомстить врагам за товарищей.

9 августа. Весь день мы выполняли боевую задачу. Вечеров комсорг Сорокин объявил, что будет комсомольское собрание. Повестка дня; 1) прием в комсомол и 2) дача рекомендаций в партию.

На этом собрании были приняты в комсомол красноармейцы Башкин, Тароторов, Кашкин. Они заявили, что в ответ на наглую провокацию японского фашизма комсомольские ряды будут пополнены десятками и сотнями лучших красноармейцев. На этом же собрании были даны рекомендации для вступления в партию старшине Артемову и писарю дивизиона Шешину.

10 августа. Самолеты сбрасывали свежие газеты. Я прочитал красноармейцам свежую информацию из "Тревоги".

Политрук поручил мне выпустить боевой листок. Помог редколлегии; собрать материал, написал сам. Красноармейцы Одегов и Морохин написали стихотворение о погибших товарищах. Боевой листок был посвящен окопной жизни подразделения, росту комсомола и задачам дальнейшей работы.

Вечером было общее собрание подразделения. Раздавали подарки красноармейцам от боевых подруг командиров.

Бой шел по прежнему...

11 августа. С утра я ушел с отделением на работу. Противник обстреливал наши позиции, но снаряды ложились в стороне. Работая, мы применяли все меры маскировки и предосторожности. По телефону нам сообщили приказ марком а обороны товарища Ворошилова о перемирии с Японией, о прекращении военных действий.

Бой затих, но мы продолжали зорко всматриваться вдаль, не идет ли враг, не готовит ли он новую провокацию. Боевой энтузиазм ни на минуту не ослабевал. Росли ряды партии и комсомола. Каждый миг мы были готовы вновь ударить по врагу, да так ударить, чтобы от него осталось только мокрое место.

Политрук Ф. Капитунов

Связисты

Получив приказ о приведении частей в боевую готовность, я собрал партийно-комсомольский актив и расставил силы по подразделениям для проверки боевой готовности: проверялись не только боевая техника, имущество, но и боеготовность всех бойцов. Обнаруженные недостатки были на месте устранены. После проверки я собрал политруков, заместителей политруков, партактив и сделал оценку боевой готовности части. Проверили

планы работы политруков, секретарей президиумов.

По подразделениям были устроены красноармейские собрания на тему о боеготовности подразделения. Проведены были также комсомольские собрания и семинар редакторов и военкоровского актива.

К походу подготовляли технические средства политработы: звуковую киноаппаратуру, радио, агитмашину, пять патефонов, шесть альбомов пластинок, четыре гармошки, набор струнных инструментов, фотоаппаратуру, библиотеку, материал для наглядной агитации, шумовой оркестр, шахматы, шашки и т. д.

В подготовительный период партийно-комсомольская организация уделяла внимание каждой мелочи: например, достаточно ли имеется бритвенных приборов, щеток, а также иголок, ниток для починки. Проверили подгонку обмундирования и снаряжения. Все недостатки устранялись на месте.

Развернулось массовое соревнование между бойцами, отделениями и ротами.

В период марша партийно-комсомольские силы были расставлены по подразделениям на каждом участке. Члены партии, кандидаты и комсомольцы, имевшие индивидуальные задания, проводили большую политработу как на машине, в строю, так и на привалах. Рассказывали отдельные факты из истории нашей коммунистической партии, боевые эпизоды из борьбы республиканской Испании, беседовали о боевых подвигах 8-й народно-революционной армии Китая. Этим занимались товарищи Бодров, Гольберг, Иванов, Варенца и др. Член партии Карпенко привел беседу в строю "Как беречь силы на ночном марше", Новиков - "Роль дисциплины в походе", Гольберг - "Советские займы", Бардин - "Воздушный флот страны социализма". Богатырев, Новиков и Кузнецов в день тридцатипятилетия II съезда РСДРП провели беседы "Ленин - вождь и организатор ВКП(б)", "Значение газеты "Искра", "Работа товарища Сталина в Закавказье".

На первом привале были подведены итоги соцсоревнования и состоялось совещание членов и кандидатов ВКП(б).

На ,походе широко использовали красноармейскую печать: ежедневно выходили боевые листки, раз в два дня - "Ильичевка".

Особенно хорошо была поставлена работа у политрука Чернецкого, - у него был сколочен крепкий актив. Агитаторы Горпиневич, Галенко, Кузнецов, Фурсов, Гольберг, Бардин и ряд других проявили инициативу, гибкость, умение найти место и время для проведения агитационной работы.

Агитаторы рассказывали о международных и внутренних событиях. Чтецы Яковлев, Василенчук и другие на малых

привалах прочитывали и разъясняли бойцам газетные заметки. На больших привалах проводились политинформации по материалам ТАСС; для этого широко было использовано радио. С получением подробной информации о действиях японских хищников устроили митинг бойцов и командиров. Митинг прошел с огромным подъемом. В пути следования до огневого рубежа бойцы заявляли: "Товарищ командир, пойдемте быстрей, а то не достанется бить врага, без нас выбьют..."

Все это характеризует высокую преданность, сплоченность масс вокруг большевистской партии и вождей советского народа. Бойцы подавали заявления о приеме в партию и комсомол и с просьбой оставить их на сверхсрочную службу. В пути следования к исходному положению ни болота, ни грязь, ни дожди - ничто не могло остановить нас. Каждую машину, каждую повозку бойцы буквально вытаскивали на себе.

5 августа часть достигла боевого рубежа. Командование и партийно-комсомольская организация еще раз проверили боевую готовность техники и вооружения. К боевому рубежу часть пришла в полной готовности, без единой потери и поломки, без случаев заболевания.

На исходном положении боевой приказ был доведен до каждого бойца и командира. Наладили связь. В период боя политруки, заместители политруков, парторги, комсорги находились на самых ответственных участках и направлениях, стремились к тому, чтобы обеспечить фронт беспрерывной, отличной связью.

Расстановка партийно-комсомольских сил была такой: в ротах в каждом взводе были групповой комсорг, редактор боевого листка, чтец-агитатор, ответственный за организацию соцсоревнования, беседчик. На исходном положений проведено было комсомольское собрание на тему "Комсомол в бою".

В период боя техника работала безукоризненно. Малейшие недостатки немедленно устранялись. По устранению обрывов, которые случались из-за артиллерийского огня, ко1мсомрльцы-красноармейцы товарищи Василенчук, Алешин и другие работали, не считаясь с опасностью.

В бою исключительную роль играет агитатор. На ответственные участки для исправления линии вместе с бойцами ходили члены партии и кандидаты Новиков, Кузнецов и другие. Заместитель политрука тов. Богатырев в период боя показал примеры мужества и храбрости. Находясь все время с бойцами в окопе, он рассказывал им о героических примерах прошлого и воодушевлял бойцов на выполнение задач.

Кандидат в члены ВКП(б) Галенко, младший командир

взвода, работал начальником направления. Связь на передовые позиции он вел под пулеметным и артиллерийским опием. Во время наводки линии принял активное участие в бою с японским подразделением, обстреливавшим наш командный пункт. Тов. Галенко с группой бойцов заставил японцев отступить.

Комсомолец Гарбузов во время исправления линии ходил в атаку на самураев. Агитаторы проводили большую работу по разъяснению значения нашей техники и ее действий - артиллерии, танков, авиации. Большую роль в бою сыграла красноармейская печать. Боевые листки воодушевляли бойцов на героические подвиги в борьбе с японцами. На пожизненную службу за период боев осталось восемь человек, на сверхсрочную - четыре человека. В партию вступило шестнадцать человек, в комсомол - семьдесят пять человек.

Несколько слов о питании. На веем протяжении марша и боев вопросы бытового, культурного и хозяйственного обслуживания были в центре внимания. Члены партии и комсомольцы, находящиеся в. пищевом блоке, добросовестно работали, заботясь о высоком качестве питания; пища доставлялась бойцам бесперебойно (два блюда и чай).

Библиотека и другое культпросветимушество сыграли большую роль в обслуживании бойцов и командиров части.

Каждый день мы принимали по радио материалы ТАСС и использовали их для политинформаций.

В период боя проводились как заседания бюро, так и партийные собрания. Агитаторы провели с красноармейцами шестьдесят три беседы.

До 14 августа выпущено сорок восемь боевых листков, десять стенных газет. Листки выпускались и в условиях боя. Редактор Иванов выпускал боевой листок в окопе.

Красноармеец А. Квачевский

Связь работала бесперебойно

В этот день с несколькими курсантами я был в поле, на скирдовании сена. Закончив, скирдование, мы возвратились в подразделение. Нам сказали, что часть уже ушла по тревоге, так как японцы перешли границу.

Не теряя ни минуты, мы собрались, чтобы нагнать своих товарищей.

Ночь была темная, мы немного поплутали, прежде чем нагнали своих.

На другой день мы на автомашинах подтягивались к границе. Я с удивлением рассматривал незнакомую местность. Ехал с охотой и большим желанием биться с врагом.

Когда мы прибыли к назначенному месту, нас ознакомили с

обстановкой.

Стали устанавливать связь. Мне пришлось тянуть связь к командному пункту.

Нас было трое. Местность пересеченная, двуколка пройти не может. Командир отделения тов. Гузенко дает приказание: нести оборудование на себе. Я и Иноземцев взяли по две катушки, по агрегату и потянули линию по болоту. Связь в скором времени была налажена.

6 августа орудийный огонь начался с утра с обеих сторон. Приблизительно часа в два дня появилась наша авиация и забросала противника бомбами. Осталось атакой завершить дело.

Скоро прозвучал сигнал атаки. Бойцы, все как один, пошли на врага. Я примкнул к ним. В атаку пришлось идти через болото. Однако никто не останавливался. Шли, приподнимая винтовки вверх, чтобы не замочить их.

Выйдя на берег, мы бросились вперед с криками: "Ура!", "За Сталинскую Конституцию!" Противник был скоро изгнан с сопки. Там стали располагаться наши части.

На второй день я попал в пулеметный взвод. Командир пулеметного взвода поручил мне доставить патроны. Нас было двое. Несмотря на перекрестный огонь противника, мы ползкам доставили патроны.

8 августа я получил приказание вынести с поля боя раненых бойцов и лейтенанта-танкиста. Тяжело раненый лейтенант просил оказать ему первую помощь, чтобы он мот остаться на поле боя и продолжать бить врага.

Мы отнесли раненых в тыл. Здесь я услышал голос товарища Иноземцева, который сидел за телефоном. Линейных надсмотрщиков у него не было, ему приходилось самому исправлять линию. Он призвал меня к себе:

- Будь здесь линейным надсмотрщиком.

Артиллерия обстреливала район. Снаряды часто рвали линию. Через некоторое время наш командный пункт сменил позицию, перешел на линию фронта сопки Заозерной.

Мы взяли имущества и потянули линию по направлению к сопке Заозерной над озером Хасан.

Со всех сторон рвались снаряды и, как осы, жужжали пули. Здесь мы поймали японских снайперов. Дело было так. Мы услышали звуки одиночных выстрелов и, оглянувшись, заметили, откуда они раздавались. Младший командир Овечкин приказал окружить эту местность. Мы ее обстреляли и начали приближаться. Вскоре заметили японца, который прицеливался в нас. Мы его обезоружили. На нем было защитного цвета обмундирование, обмотки и на ногах разорванные тапочки.

Посредине петлиц золотая нить.

Мы продолжали двигаться берегам озера Хасан, каждый нес свое оружие и боеприпасы, и у каждого были еще продукты для своих товарищей.

На вершине сопки Заозерной развевался красный флаг, а южные скаты сопки еще занимал окопавшийся противник.

Командир батальона тов. Завьялов получил приказ выбить противника с сопки. Мне пришлось давать ему связь.

Противник близко не подпускал. Батальон двинулся ползком. Связь не отставала, несмотря на то, что вокруг рвались снаряды. Батальон принял оборонительный порядок.

Наши отважные артиллеристы, как только раздавался вражеский орудийный выстрел, определяли, где находится японская батарея, и заставляли ее замолчать. Японцы надеялись на свой бронепоезд. Но наша артиллерия заставила его удрать.

После обстрела скатов. Заозерной нашей артиллерией к после бомбежки с самолетов командир батальона тов. Завьялов отдал приказ идти в атаку. Все выскочили из окопов и пошли в наступление на сопку.

Завьялов и политрук шли впереди. Возле телефона нас в то время было двое: я и Сушко Иван. Мы потянули линию за наступающим батальоном. Связь была сразу установлена. Через несколько минут снаряд разбил провод. Сушко, несмотря на пулеметный и орудийный огонь, быстро соединил его.

Два раза наш батальон ходил в атаку. Третью атаку командир наметил провести в ночь. Перед тем он решил разведать силы противника.

В разведку пошло несколько человек. Не успели они сделать и ста метров, как вражеский гранатомет стал бросать гранаты. Бойцы в это время приготовились к атаке. Наши пулеметчики поддерживали атаку и сбивали огневые точки противника. Противник был выбит из укреплений и отброшен.

На сопке было две телефонных станции. Одна станция была разбита гранатным огнем; осталась наша, через которую и поддерживалась связь с командованием. Связь работа бесперебойно.

Младший командир взвода Г. Сосновский

Смелая переправа

В полном порядке преодолев препятствия на пути к озеру Хасан, мы, наконец, достигли берега и остановились у протока, через который нужно было переправиться. Я предложил бойцам замаскироваться в камышах, а сам отправился разведать возможность дальнейшего продвижения.

Войдя по колено га воду, я почувствовал под собой топкую

почву. Это было уже предвестником того, что дальше идти вброд невозможно. Действовать догадками в такие напряженные минуты рискованно: вдруг можно пройти, а мы не пойдем. Ведь это же равносильно отступлению.

- Нет, - подумал я, - назад ни за что! И с этой мыслью отправился дальше. Через несколько метров я понял, что предпринял рискованный шаг: ил засасывал ноги.

- Вот что, товарищи, - обратился я к бойцам по возвращении из разведки, - мы во что бы то ни стало должны перейти эту часть озера и как можно скорее сосредоточиться у высоты Безымянной, откуда мы первыми поведем неожиданный для японцев огонь.

Каждому хотелось бить самураев первым, но тонуть в болоте никому не хотелось. Никто не представлял себе, как пройти это явно непроходимое место. Признаться, я и сам еще не придумал, как переправиться. Пока мне было ясно, что задерживаться здесь преступно. Огонь японцев можно было прекратить, только действуя с фланга.

Прикинув все средства, какие имелись в подразделении, я не нашел ничего подходящего для организации переправы. Но вдруг пришла в голову мысль.

- Снять обмотки! - приказал я.

Через несколько минут был готов толстый "канат", связанный из обмоток. Один конец оставили на берегу, где мы стояли, а с другим товарищ поплыл на противоположный берег и там его укрепил. Я отдал приказание на переправу. За несколько минут при помощи такого "каната" бойцы перешли болото и переправили снаряжение.

Японцы не ожидали нашего появления. Они продолжали выпускать пулеметную очередь за очередью в направлении, откуда несколько времени тому назад мы ушли.

Быстро зарядив ленты, мы послали японцам свинцовый "привет". Два их станковых пулемета замолкли. Мы начали наступать.

Японцы перенесли на нас артиллерийский огонь. Пришлось залечь в окопы.

Назавтра мы вступили в решающий бой.

Перед частью была поставлена задача: выбить японцев с высоты Заозерной и установить на ней красный флаг.

Трудно передать, с какой радостью и гордостью, с каким волнением мы ринулись в этот бой. Сказать, что мы были решительны, - мало! Каждый, кто был в этом бою, просто забывал, что он имеет дело со смертью. Проскочив под огнем мимо укрепленных высот, мы с боем вступили на склоны Заозерной. Многие японцы лежали здесь уже бездыханные, другие еще

барахтались в предсмертных судорогах, а третьи, как крысы в норах, попрятались в окопах, прижались к стенкам и не подавали вида, что существуют.

Очистив склон от японцев, мы стали пробираться на гребень. На пути оказались проволочные заграждения. Первым бросился тов. Надзуга. Мы стали быстро резать проволоку. Сделали проход. Бросились на японцев врукопашную. Их поддерживали пулеметы. Весь гребень сопки буквально пылал в огне. Несмотря на то, что сумерки еще не наступили, на самой высоте было уже темно от дыма.

Вдруг раздался чей-то звонкий молодой голос:

- Флаг Страны Советов водружен! Ни шагу назад!

Через несколько секунд раздался новый призыв:

- Коммунисты и комсомольцы, беспартийные большевики, вперед! За родину!

В дыму и огне трудно было рассмотреть, кто провозглашал боевые лозунги, но они задели каждого из нас за живое, они влили в каждого из нас новую энергию.

Я бросился вперед, но задруг заметил, что кто-то метко стреляет по нашим рядам. Прилег, присмотрелся и вижу двух японцев, тщательно замаскировавшихся в камнях. Ползу к ним слева и бросаю гранату. Истошный крик, стон, и они замолкли. В это время замолчал и наш пулемет. Оказывается, японец, падая, уперся телом в рукоятки пулемета и прижал спусковой рычаг. Пулемет автоматически выпустил остаток ленты. Случайная пуля вывела из строя нашего пулеметчика. Я подскочил к нему. Сердце его бьется учащенно. Он что-то говорит, но что - не могу понять. Гляжу, он тянется к пулемету, но силы оставляют его. Товарищи быстро оттащили его к санитарам, а я залег за пулемет.

Высота Заозерная в этот день была очищена от врагов. На гребне гордо реял пробитый пулями красный флаг. Но ружейная и артиллерийская канонада не смолкала. Наоборот, мне показалось, что она даже усилилась. И это, пожалуй, было на самом деле так. Остатки японцев, подгоняемые офицерами, пьяные, то и дело карабкались по склону, но, не дополза, мешком падали вниз, сраженные нашим огнем.

В результате всего боя из нашего взвода убит только один человек и несколько человек легко ранено. За смерть наших товарищей японцы поплатились тысячами смертей.

Капитан Голованов

Лопатой и штыком

Полотняный городок был расположен в молодом дубовом лесу, в живописной местности. Ярко-зеленые сопки, шумные потоки, вырывающиеся из ущелий и падей, высокие обрывистые

скалы и над всем этим горячее июльское солнце в спокойном безоблачном небе.

С рассвета и до захода солнца не прекращалась боевая учеба. Бойцы и командиры саперного батальона овладевали сложной техникой, учились строить оборонительные сооружения, укрепляли рубежи, запирая их на крепкий замок.

Каждый боец и командир старался максимально использовать летний период для специальной и боевой выучки. Все стремились научиться обеспечивать войска в инженерном отношении, сопровождая их к полю боя и на поле боя, а в случае необходимости действуя рука об руку с ними штыком и гранатой.

Как показали дальнейшие события, эти усилия оплатились сторицей: мы малой кровью победили японских провокаторов войны, когда они с яростью спущенных с цепи собак попытались напасть на нашу землю.

В начале событий вместе с комиссаром батальона я был вызван на зимние квартиры и штаб дивизии и получил приказ привести батальон в боевую готовность. Не тратя ни одной минуты, мы выехали в лагерь снимать батальон и вести его в район озера Хасан, где разыгрались бои с японскими самураями.

Первый боевой приказ был получен 4 августа. Батальону предлагалось обеспечить продвижение частей дивизии в район боевых действий. Дорога проходила по болотистой местности и берегу залива.

Саперы оборудовали броды, проложили в топких местах специальные щиты, и дивизия к исходу дня 5 августа подошла к боевым рубежам. Нам была дана новая задача: подготовить для танков путь через долину к безымянным высотам и оборудовать командный пункт.

Ночь. Незнакомая местность. Но приказ должен! быть выполнен в срок! Руководство группами поручается лучшим командирам - старшему лейтенанту тов. Емельянову и лейтенанту тов. Прохоренко.

Особенно трудно приходилось работать тов. Емельянову. Работа производилась буквально на глазах у противника. Местность безлесная, материала достать негде. Тов. Емельянов не теряется. Он приказывает разобрать фанзы, находящиеся поблизости. И вот построены три моста через ручьи, по топям проложено 60 метров гати.

Задание выполнено. С рассветом противник обнаружил сапер и открыл по ним артиллерийский огонь. Но поздно: дело сделано! Путь для танков проложен!

Особенно отличились на этой работе старший лейтенант Емельянов, красноармейцы Иванов, Кудрявцев, Павлов и др.

6 августа доблестные части Красной Армии: нанесли самураям сокрушительный удар, водрузили красный флаг на высоте Заозерной.

В следующие дни саперы вели работы по укреплению высоты. Не зная усталости, они дни и ночи напролет подвозили и перебрасывали на Заозерную десятки тонн колючей проволоки, тысячи кольев.

Перед сопкой Заозерной лежит озеро Хасан шириной в один километр, длиною в четыре-пять километров. По сторонам озера - два перешейка, отделяющие его от реки Тумень-Ула. Эти перешейки находились под артиллерийским и пулеметным огнем. Исход был один - проволоку и колья к подножию Заозерной перебросить на лодках. Так и сделали. От подножия к месту работ материалы доставлялись людьми и на лошадях.

В ночь с 9 на 10 августа саперы должны были произвести на Заозерной ряд оборонных работ, но враг еще не сдавался. Он делал попытки выбить нас с вершины сопки.

Рассвет 10 августа застал саперные роты за кипучей работой. Самураи пошли в наступление. Саперы не сделали ни шагу назад, они ударили в контратаку, с криками "ура" бросились на японцев и заставили их откатиться по ту сторону высоты.

В этой схватке пали смертью храбрых лейтенант тов. Воронков, красноармейцы товарищи Окалин и Кудимов. Отсекр партбюро тов. Куранов, отсекр комсомола тов. Золотою и младший командир Кудрявцев были ранены.

После взятия Заозерной саперы построили на ней огневые точки, установили проволочные препятствия. Кипучая работа по укреплению границ не прекращалась и после боев: саперы строили дороги, рыли окопы и т. д.

В боях на Заозерной саперы показали, что они отлично владеют не только инженерной техникой, но и винтовкой и штыком. Они метко разили самураев, дрались, как умеют драться патриоты родины, беспредельно преданные делу партии Ленина - Сталина.

Политрук А. Морозов.

Комсомольский батальон

К началу боевых операций в районе озера Хасан саперный батальон имел около пятидесяти процентов комсомольцев.

Благодаря большой работе партийной и комсомольской организаций батальон во всех отношениях был впереди саперных батальонов, находившихся га лагере. Оперативные работы он закончил раньше срока с оценкой "хорошо". Высокие показатели батальон имел также по специальной подготовке и политподготовке. Техника к началу боевых операций была в

полной боевой готовности.

Перед выступлением на марш было проведено совещание партийного и комсомольского актива, который ознакомился с обстановкой и задачами марша. Совещание призвало всех коммунистов и комсомольцев, агитаторов, чтецов и военкоровский актив обеспечить всей своей работой высокую бдительность, боеготовность части, сохранение и сбережение технического имущества и коня. На совещании говорили о систематическом разъяснении вопросов международного положения и о мобилизации бойцов и командиров на успешное выполнение боевой задачи.

Во время марша, на привалах, по мере поступления новых сведений о событиях в районе озера Хасан, проводились митинги. Бойцы и командиры принимали на себя социалистические обязательства. На одном из митингов было решено организовать практическое занятие по переправе через реку, лежащую на нашем пути. Вызывалось это тем, что летом мы находились в районе, где не было рек, и потому батальон не отработал задач по переправам. Занятие дало очень много для подготовки батальона к работе в боевой обстановке. Опыт мы после использовали для переброски боеприпасов, продовольствия и оборонного имущества через озеро Хасан. Даже шоферский состав, после боев оказавшийся отрезанным водой, сумел оснастить лодки. (Кстати, шоферы взяли обязательство не иметь ни одной поломки и аварии машин за время марша и свое обязательство с честью выполнили).

На привалах накоротке проводились партийные и комсомольские собрания, на которых ставились индивидуальные отчеты, рассматривались заявления о приеме в комсомол и в кандидаты партии. На марше было подано шесть заявлений о приеме в комсомол и в кандидаты ВКП(б).

Большую роль играли чтецы. Благодаря им бойцы всегда были в курсе международных и внутренних событий. Лучшими чтецами зарекомендовали себя Бердников, Поляков, Большаков, Огурцов, Козлов, Баранов и другие. Партийное и комсомольское бюро показало во время марша образцы оперативности в своей работе. Несмотря на то, что времени было мало, партийные собрания и заседания бюро проводились регулярно, каждый коммунист и комсомолец имел задание и получал помощь секретаря и членов бюро.

Большую работу проделал также военкоровский актив. Основной формой печати был боевой листок. Он отражал насущные вопросы подразделения и вскрывал недостатки, мобилизуя массу на устранение их. При коллективной читке

боевого листка бойцы воздействовали на тех, кто допускал эти недостатки.

Исключительную роль сыграли заместители политруков. Они на деле оправдали доверие товарища Сталина. Заместители политруков товарищи Хлопов и Тимофеев работали в ротах за политруков, заботливо прислушивались к запросам масс, знали настроения бойцов, своевременно информировали их об обстановке и мобилизовали на успешное выполнение боевой задачи, а главное, личным примером воодушевляли бойцов на подвиг.

В горячие моменты боев основной формой политработы были митинги, беседы и личный пример коммунистов, и комсомольцев, которые шли в бой с лозунгами: "Вперед!", "За Сталинскую Конституцию!", "За Сталина!"

Необходимо отметить следующий крупный недочет в работе. У нас не были подготовлены заместители секретаря партийного бюро тов. Куранова и секретаря комсомольского бюро тов. Золотова. А они вместе с саперами также уходили для работы на передовые линии, и никто из руководителей не оставался в тылу. В результате, когда раненые Куранов и Золотов вышли из строя, часть осталась без партийного и комсомольского руководителей. В дальнейшем мы учли это обстоятельство.

Весь боевой опыт работы сапер обобщен в специальном журнале "Саперы в боях за родину", написанном от руки.

В результате огромной работы, проделанной политаппаратом, партийной и комсомольской организациями, наша часть вышла из боев на девяносто пять процентов комсомольской. Партийная организация выросла на двадцать пять человек.

Политрук А. Зуев

Стремительный натиск

В боях у озера Хасан комиссары, политработники приобрели большой и ценный опыт, обогатили свои знания, свое умение вести партийно-политическую работу в условиях боевой обстановки.

Великая сила любви к родине, пламенное чувство советского патриотизма проявлялись в эти памятные дни в любом поступке каждого бойца, командира, политработника. Нас, политработников, эти замечательные качества наших бойцов особенно радовали. Ведь именно здесь, в боях, проверялась наша работа, здесь видели мы ее результаты! И надо прямо сказать, результаты неплохие. Оки дают нам полную уверенность в том, что всякий враг, откуда бы он ни напал на нас, будет уничтожен, сметен с лица земли.

Вся система партийно-политической работы была направлена на выполнение боевой задачи - уничтожить японских самураев, нагло залезших на советскую территорию. Над выполнением этой задачи работали я, как политрук роты, партийная и комсомольская организации, вся красноармейская общественность. Во всей нашей работе огромное значение имели четко поставленная информация, бесперебойно работающая связь. С первых минут нашего движения в район боевых действий и до того момента, когда я на подступах высоты Заозерной упал раненым, мне было известно все, что делает не только рота, взвод или отделение, но каждый командир и боец в отдельности. Десятки нитей связывали меня с красноармейской массой.

Во втором взводе некоторые красноармейцы на большом марше не соблюдали питьевого режима. Об этом мне сообщили комсомольцы. Достаточно было разъяснить товарищам их ошибку, рассказать о всех последствиях, к которым она могла привести, чтобы ошибка больше не повторилась.

Зная, что в бою всякая мелочь имеет значение, каждый коммунист, комсомолец и беспартийный активист считали: своим долгом немедленно докладывать обо всем случившемся командирам и политработникам.

В бою 2 августа был тяжело ранен командир отделения тов. Суков. Несмотря на сложность обстановки, я узнал об этом немедленно. Я знал все до мельчайших подробностей: какая рана, оказана ли помощь, кто теперь командует отделением. При такой осведомленности командиру и мне легко было руководить ротой. Исходя из обстановки на решающих участках, командир роты всегда своевременно посылал помощь именно туда, где она была нужнее всего.

Правильная расстановка сил нашего актива, точная формулировка заданий сыграли огромную роль в завоевании победы.

В пулеметном взводе у нас находился заместитель политрука тов. Сорокин, во автором взводе - комсомолец-активист Шадрин. Опорой моей являлись и комсомольцы Савкин, Дрожинков, Ситников и Есиков. Они в свою очередь группировали вокруг себя беспартийных красноармейцев.

Таким образом, с помощью актива я был тесно связан со всей массой красноармейцев. Благодаря этому все партийно-политические мероприятия беседы, читка газет, читка последних сводок с фронта, ознакомление красноармейцев с боевой обстановкой - проводились быстро.

Актив не только помогал проводить политическую работу среди красноармейцев. Во всех боях наши активисты -

коммунисты, комсомольцы, непартийные большевики - были впереди, показывая образцы преданности родине и беззаветного героизма.

Наша рота вместе с другими подразделениями полка входила в состав маневренной группы дивизии. Поэтому 29 июля нам пришлось совершить большой ночной марш. Перед нами была поставлена задача - достигнуть заставы N. Путь трудный. Он лежал через заливы, многочисленные сопки. Очень часто приходилось идти по пояс в воде. Но ничто не могло остановить бойцов. Они смело шли вперед, навстречу врагу.

В этом трудном походе замечательно проявил себя заместитель политрука тов. Сорокин.

Идя с пулеметным взводом, он приложил все силы к тому, чтобы сохранить оружие и боеприпасы. Своей стойкостью, бодростью и товарищеской поддержкой тов. Сорокин вселял новые силы и бойцов. По его инициативе была организована помощь некоторым уставшим бойцам. У них товарищи брали винтовки, пулеметы, диски, всячески помогали им.

На рассвете наша рота, несколько раньше назначенного времени, прибыла на заставу. Теперь уже японским самураям на этом участке противостояли не только герои-пограничники, первыми принявшие на себя удар, но и свежие силы нашей маневренной группы.

По прибытии на место я проверил, приняты ли все меры предосторожности, выставлено ли охранение. Затем узнал, хорош ли завтрак у бойцов, как организован отдых, кому нужно заменить обувь, портянки, нет ли потертостей ног. Забота о бойце - первейшая обязанность политрука. Сюда я и направил вое свои, силы.

В боевой обстановке очень важно, чтобы бойцы воспитывались на героических примерах своих ближайших товарищей, А такие примеры у нас были в каждом взводе, в каждом отделении.

2 августа наша рота вела наступление на высоту Заозерную. Противник открыл сильный артиллерийский огонь. Однако это не могло нас остановить. Бойцы по-прежнему уверенно продвигались вперед, тщательно маскируясь, умело используя саперные лопаты.

В этом бою был ранен в ногу красноармеец тов. Беляев. Несмотря на ранение, он остался в строю и продолжал по-прежнему метко разить японцев. Перебежки он совершал вприпрыжку, на одной ноге. Я предложил ему уйти в тыл. Он ответил:

- Товарищ политрук, я не пойду, буду наступать, у меня еще

силы есть.

Ушел он только тогда, когда японцы были выбиты с занимаемой ими позиции.

Особенно геройски вели себя коммунисты и комсомольцы.

Старшина нашей роты, член партии тов. Рыжков, участник боев 1936 года у погранзнака No 8, находился на зимних квартирах. Он работал заведующим столовой. Узнав, что рота участвует в бою против японцев, он сдал столовую своему помощнику и, использовав все виды транспорта, 2 августа, в самый разгар боя, прибыл к высоте. По дороге он взял у раненого бойца ручной пулемет, диски и: пошел на передовые позиции. Своим метким огнем тов. Рыжков, разил врага насмерть, приговаривая при этом:

- Покушайте, господа самураи, свинцовой кашки!

Во время боя необходимо было начать обстрел японцев из гранатомета. Гранатометчик был ранен. Рыжков быстро взял его гранатомет и открыл огонь. Боевой старшина владел гранатометом не менее искусно, чем пулеметом.

Следует еще рассказать об одном героическом эпизоде.

В ночь со второго на третье августа нам нужно было разведать сосредоточение сил противника. На выполнение этой ответственной задачи командованием было послано отделение тов. Лукашевича. В одной из лощин отделение тов. Лукашевича было окружено японцами. Против нашего отделения оказался японский взвод.

Мужественные бойцы не растерялись. Отстреливаясь из пулемета и бросая гранаты, они вырвались из окружения, добыв очень важные сведения о противнике.

На таких героических примерах мы воспитывали всех бойцов.

После наступления, по приказу командования, вам пришлось занять окопы второй линии. И здесь вместе с командиром роты мы провели большую работу.

Прежде всего детально разобрали бой 2 августа. Этот разбор дал нам очень много. В дальнейших боях командиры и бойцы учли все недостатки, которые были допущены в первом сражении.

Сюда же, непосредственно в окопы, нам доставляли газеты. Собрав чтецов, я разъяснил им, что именно нужно прочитать, с чем необходимо ознакомить бойцов. Чтецы знакомили бойцов с резолюциями многочисленных митингов трудящихся, подчеркивая единство армии и народа, рассказывали о той ответственной роли, которая возложена на нас по защите священной советской земли от японских захватчиков.

И нужно было наблюдать за бойцами, за их радостными лицами при чтении этих волнующих резолюций! Нас

приветствовала Москва, вся великая Советская страна, весь стосемидесятимиллионный народ! Голос народа, голос страны воодушевлял - бойцы клялись уничтожить обнаглевших самураев.

Эта клятва была выполнена.

6 августа, в день девятой годовщины ОКДВА, нам удалось провести митинг.

В условиях боевой обстановки митинг имеет свои особенности, какую-то волнующую силу. Говорить приходилось немного. Бойцы понимали ораторов с полуслова. Одно слово было у всех на устах - Сталин! Оно произносилось с особой любовью. Когда один из говоривших закончил свою речь возгласом: "За родину, вперед!", бойцы и командиры в один голос ответили:

- Смерть самураям!

Здесь же на митинге целые взводы, отделения и каждый боец в отдельности вступили в социалистическое соревнование - кто первый водрузит красный флаг на высоте Заозерной.

6 августа был для нас особым днем. Мы пошли б наступление.

Перед наступлением в одном из окопов я собрал чтецов и агитаторов и рассказал им об обстановке и нашей задаче. Присутствовали неизменные мои помощники: товарищи Сорокин. Шадрин, Савкин и Рыжков. Они были точно проинструктированы и хорошо рассказали о задаче, поставленной перед ротой, довели: обстановку до каждого бойца.

В стремительном натиске мы обрушились на японцев. Ничто ее могло задержать нас. Японцы, как трава под лезвием косы, падали от наших метких пуль.

В бою на подступах к высоте я был ранен двумя вражескими пулями. Меня повел на санитарный пункт мой боевой помощник, заместитель политрука Сорокин.

Вскоре на высоте Заозерной гордо развевался красный флаг. Высота наша, советская!

Политрук П. Мусинов

Боец-большевик

В первых дней боевых действий против японских бандитов у озера Хасан политработник Яков Сидненко, работая помощником начальника политотдела по комсомолу, не знал отдыха. Он ежедневно находился с комсомольцами, проводил беседы, помогал комсомольским руководителям составлять планы работы. Сидненко является подлинным политработником сталинского типа, живым воплощением стойкости, смелости, героизма, любви к своей родине. Он всегда тесно связан с массой бойцов, пользуется большой их любовью.

Как только в части стало известно, что японцы нагло вторглись на советскую территорию, Сидненко организовал комсомольское собрание. Лучшая, передовая молодежь подала заявления в комсомол и в партию. Только за 2 августа сто двадцать человек - отличников боевой и политической подготовки - подали заявления в ряды ВЛКСМ. В этот день подали заявления в партию семнадцать лучших комсомольцев.

Вскоре стало известно, что часть идет выбивать японских захватчиков с советской земли. Предстоял длительный марш. Молодой политработник Сидненко принимал самое активное участие в подготовке к маршу. Он собрал комсомольский актив, рассказал ему о захватнической политике японского империализма, призвал всех комсомольцев героически и храбро сражаться с врагом, показать пример всем бойцам...

Часть выступила на марш в район действий. На привалах тов. Сидненко провел две беседы. Здесь молодым комсомольцам вручали билеты. Марш совершен отлично. Комсомольцы показали себя как передовые бойцы. Многие помогали товарищам. Комсомолец Панфилов сам нес пулемет и помогал товарищу нести коробки с пулеметными лентами.

Часть прибыла на исходное положение и получила боевую задачу. Тов. Сидненко собирает коммунистов - командиров Бородина, Панова, Егорова, Волкова - и требует от них, чтобы они разъяснили каждому бойцу задачу, стоящую перед ним.

Японская артиллерия открыла ураганный огонь. Ранен комиссар. В эту тяжелую минуту большевик Сидненко берет на себя руководство боевой операцией. Он опирается на командиров-коммунистов Московцева, заместителя политрука Косарева и других.

Батальон пошел в бой...

7 августа на сойке Заозерной гордо развевалось красное знамя. Враг был выброшен с нашей территории, но японские самураи еще не сложили оружия. Они всеми силами пытались снова завладеть высотой Заозерной.

Батальон расположился в обороне. Японская артиллерия и пулеметы вели ураганный огонь по высоте Заозерной. Тов. Сидненко заметил, что маскировка бойцов произведена неудовлетворительно. Несмотря на сильный огонь артиллерии и пулеметов, он обходит роты, взводы, отделения и требует немедленно организовать хорошую маскировку. Завязалась интенсивная перестрелка с японцами. После усиленной артиллерийской подготовки, которая никакого вреда не прочинила нам, японцы пошли в атаку, но советские гранатометы и пулеметы, как траву, косили японцев.

С левого фланга донесли, что японцы снова готовятся к атаке. Сидненко быстро принимает решение: устанавливает на самой вершине высоты Заозерной пулемет.

Наступили сумерки. Небо заволокло черными тучами. На сопку движутся японцы. Пулеметчик тов. Медянов уже хотел дать очередь, но Сидненко сдержал его:

- Не нужно торопиться, - говорит он.

Вот уже хорошо видны первые ряды ползущих японцев.

- Товарищ старший политрук, ни одного гада не упущу в живых, - шепчет пулеметчик.

Прошли секунды напряженного ожидания, японцы визгливо закричали "банзай" и бросились в атаку. "Максим" заговорил. Рота японцев была разбита и отброшена. Озлобленный враг после неудачной атаки открыл по батальону ураганный артиллерийский огонь, но снаряды! летели мимо.

Японцы снова собрали силы против батальона и готовились к атаке, но пулеметчики товарищи Косарев, Медянов, Медведь, Холоман и другие срезали японские цепи. Опьяневшие японцы лезли к гребню высоты Заозерной и бросались в атаку.

Коммунист Московцев с криком "ура" повел подразделение в контратаку. Японцы не выдержали, пустились удирать, но штыки красноармейцев догоняли и клали их наповал.

Вражеская пуля попала в ногу Сидненко. Несмотря на боль, он не покинул поля сражения. Бой не утихал. Целые сутки не было горячей пищи. Тов. Сидненко решил во что бы то ни стало накормить бойцов. Несмотря на ураганный огонь врага, он организует доставку продуктов на передовые позиции.

Рама, которую получил большевик Сидненко, давала себя знать. Вскоре он очутился в госпитале. И здесь он не покидает свое мощное оружие - агитацию и пропаганду. Как только стало возможно встать на нош, он уже у бойцов, делает доклады, едет в пионерский лагерь, рассказывает счастливым детям, как бойцы Красной Армии громили японцев.

Старший политрук М. Кудряшов

Эвакуация раненых

После первых боев в районе озера Хасан в бухту Посьет начали прибывать раненые. Санитарные работники оказывали: им помощь и направляли их дальше в тыл. Начальник политотдела тов. Никишев послал меня в Посьет для лучшей организации этой работы.

3 августа к вечеру я прибыл в Посьет. Раненые находились в маленьком госпитале погранотряда. Коек и постельных принадлежностей не хватало. Мало было белья для того, чтобы переодеть раненых. Обработка раненых, перевозка, питание,

мойка производились исключительно женами командного и начальствующего состава пограничного отряда.

Прежде всего я выяснил количество раненых. Санитарные работники не учитывали, сколько ими принято раненых в этот день и сколько отправлено. Предложил выделить специального регистратора для учета вновь прибывших раненых. Помог ускорить получение достаточного количества белья. Добился от политотдела, чтобы снабдили госпиталь библиотекой, газетами и другим политпросветимуществом. С помощью комиссара погранотряда достали патефон и кинопередвижку. Утром 4 августа из Краскино прибыли двенадцать девушек для ухода за ранеными. К вечеру приехали еще тридцать санитарных инструкторов.

Никто из легко раненых не жаловался на плохой прием в госпитале. Все были довольны, в особенности трогала забота жен командиров, которые работали без отдыха двадцать четыре часа. Хорошо отзывались раненые о работе профессора Ахутина как специалиста.

Основная масса тяжело раненых немедленно эвакуировалась в тыловые госпитали. Для эвакуации имеющих ранения в область живота мной были вызваны санитарные самолеты. В Посьете 4 августа я провел с ранеными несколько бесед. Основная тема бесед - это обстановка на фронте, так как все этим сильно интересовались. Беседы проходили исключительно по группам в пять-десять бойцов. Я им показывал на карте, как развертываются события, где находится их часть.

7 августа, в 6 часов утра, я получил задание возглавить эвакуацию раненых с батальонных пунктов медицинской помощи. Нахожу начальника санитарной части соединения. Знакомлюсь, как обстоит дело с эвакуацией раненых. Берем все свободные машины в штабе соединения, и пока стоит большой туман, делаем два рейса, вывозим раненых, находящихся на пунктах, расположенных вблизи дороги, идущей к передовым позициям.

8 течение дня мы известили медпункты, чтобы они никоим образом не допускали эвакуации раненых ночью в тыл на гужевом транспорте, а использовали его для доставки раненых с передовых линий до дорога.

Предложили всем начальникам санитарных частей мобилизовать младший санитарно-обслуживающий состав и днем в батальонах подготовить раненых к эвакуации, а ночью и к вечеру сосредоточить их по пунктам около дороги.

От штаба получили восемнадцать автомашин, и одновременно было разрешено использовать для этого все пригодные машины, идущие в тыл с фронта.

В мочь с 7 на 8 августа все раненые были вывезены с поля боя.

И в дальнейшем днем мы проверяли, как идет работа в полковых пунктах медицинской помощи, а ночью эвакуировали раненых. Тяжело раненых все время приходилось доставлять на гужевом транспорте до полка, а дальше уже на санитарных машинах. В целях быстрого оказания помощи раненым полковые пункты были приближены к передовой линии и установлены от нее на расстоянии 2-3 километров.

Заместитель политрука С. Семенов

Взаимопомощь в бою

Красная Армия учит бойца ценить общественные интересы выше своих, учит любить товарища и помотать ему в трудные минуты. Мне хочется рассказать несколько героических эпизодов, когда бойцы и командиры под ливнем пулеметного опия, рискуя быть скошенными пулями, выручали товарищей.

В самый разгар боя разорвавшимся снарядом выбросило из окопа и легко контузило отважного героя-пулеметчика Александра Гольянова. Пулеметчик быстро собрался с мыслями. В груди закипела ярость. Хотелось бить врага огнем и штыком.

Подавляя боль, Гольянов собрал силы и пополз в окоп к своему пулемету. Вдруг он с ужасом заметил, что японский снайпер, укрывшись за камнем, целится в любимого командира тов. Левченко.

Гольянов, одним прыжком очутился в окопе у пулемета, дал очередь в четыре патрона, и снайпер, не успев произвести выстрела, растянулся за камнем.

Вытирая капли пота с лица, Гольянов торжествовал:

- Спас! Командир будет жить!

И руки его еще крепче сжимали пулемет.

Подбегая к окопу противника, старший лейтенант тов. Лася бросил гранату. В это время из другого вражеского окопа в него нацелился японский солдат. Увидя, что командиру угрожает опасность, красноармеец Сошнин мгновенно вскинул винтовку и. одним выстрелом наповал убил японца.

Бой переходил в рукопашную схватку. Младший командир Силюк, уничтожая японцев штыком, прыгнул в их окоп. Японцы побежали. В этот момент сзади один из японцев занес над тов. Силюк свой штык. На помощь младшему командиру подоспел тот же красноармеец Сошнин. Он насквозь пронзил японца штыком. Жизнь товарища была спасена.

Пехота пошла в атаку на вражеские укрепления. Группа красноармейцев, прорвавшись вперед, попала в окружение противника. Положение становилось тяжелым.

Красноармеец Ковров, видя, что товарищи окружены, проявил смелую инициативу. Он позвал к себе несколько бойцов и скомандовал:

"За мной, товарищи! Вперед! За родину!"

Не обращая внимания на рвущиеся снаряды, на пулеметный и ружейный огонь, труппа красноармейцев устремилась вперед.

- Гранатами их, - подал команду тов. Ковров, и несколько гранат разорвалось в самой гуще японских солдат. Затей перешли в штыки. Вражеское кольцо было разбито. Японцы в панике бежали.

Группа товарищей была освобождена из окружения и вместе со всем подразделением пошла снова в бой.

* * *

Враг наглел, но не мог долго сопротивляться. Храбрые воины теснили японцев со склонов сопки Заозерной.

В одном из наступлений был ранен красноармеец из подразделения товарища Шустрова. В этот момент рота выходила из боя для перегруппировки сил. Раненый товарищ остался незамеченным на возвышенности под обстрелом противника.

Услышав тихий стон и слова на русском языке, пулеметчик Калинин оставил у пулемета второй номер и, приказав ему открыть огонь, сам, низко пригибаясь к траве, под сильным ружейным и пулеметным огнем пополз на помощь товарищу. Разыскав его, Калинин сделал ему перевязку и вынес из-под огня противника

Славная советская артиллерия беглым огнем громила вражеские укрепления. Красноармейцы Павлов и Юхно на тракторе "Сталинец" подвозили снаряды к огневым позициям.

В одном из очередных рейсов, 5 августа, трактор не мог подняться на возвышенность. На помощь подошел второй, недалеко находившийся трактор, и они потащили прицепы со снарядами на подъем.

Оставалось не больше пяти метров трудного пути. Трос неожиданно оборвался, и прицепы с боеприпасами покатились вниз. Казалось, что теперь сделать ничего нельзя будет, и боеприпасы неминуемо взорвутся. Но этого не случилось. Проходившие мимо красноармейцы стремглав бросились на помощь товарищам. Одни из них взялись руками за оборвавшийся трос, другие подложили палки и камни под колеса, третьи стали задерживать прицепы с боков. Прицепы, не успевшие еще развить большой скорости, были остановлены.

Через несколько минут боеприпасы были доставлены на огневую позицию.

Героических эпизодов, свидетельствующих о доблести

защитников нашей родины, спасавших жизнь товарищей, можно привести сотни. В боях против японских захватчиков каждый из нас готов был своим телом прикрыть тело товарища, лишь бы спасти его от вражеской пули или осколка снаряда. Этому прекрасному качеству взаимопомощи и выручки в бою научила нас Красная Армия.

Комсорг С. Абрамов

С веселой песней...

Когда политрук Рожновский закончил беседу о роли комсомольцев бою, командир подразделения Ремизов запел:

Если завтра война,

Если враг нападет,

Если темная сила нагрянет...

Песню дружно подхватили комсомольцы Янгель, Афанасьев, Миновало":

...Как один человек,

Весь советский народ

За свободную родину встанет.

Песня сменилась игрой шумового оркестра. Под его веселые звуки красноармеец Янчин прекрасно исполнил чечетку, а комсомолец Володя Миновалов спел только что сложенную частушку:

Обнаглели самураи,

Потеряли разум.

Чести мы не замараем

Разобьем их разом.

Песни и пляски происходили в укрытии. Разогретые жарким солнцем, мы вытирали с лиц пот, катившийся градом.

До наступления на высоту Заозерную оставалось несколько минут. Каждый из нас еще раз проверил личное оружие. То и дело щелкали затворы винтовок.

Комсомолец Алексей Янгель, обтирая пулемет, говорит своему товарищу:

- Бондарев! Мы оба комсомольцы и первые номера. Я вызываю тебя на социалистическое соревнование по пунктам: первое - метко вести огонь, не упуская живым ни одного японца, и второе - не отставать в бою.

- Вызов принимаю, - ответил Бондарев, - только со следующим добавлением: сберегать пулеметы в бою и ежедневно читать газету.

Послышался тихий гул самолетов. Наблюдаем. Между белыми облачками, кое-где плывшими по небу, вдали показались стальные птицы. Вот они уже атакуют Заозерную, свинцовым градом поливают японцев, зарывшихся глубоко в окопах. Японцы

стараются сбить наши самолеты из зениток, но у них ничего не выходит: ни один снаряд не попадает.

Заозерная окуталась черной тучей пыли и дыма. Орудия противника замолчали. До нас доносились стоны умирающих.

Выполнив задание, самолеты пошли обратно. Мы двинулись на врага.

Пробежав несколько перевалов, мы быстро начали вести, наступление вдоль левого берега извилистой реки Тумень-Ула. Вправо от нас стояла советская сопка Заозерная.

Японские солдаты, чувствуя свое безвыходное положение, пытались бежать, но офицеры с оружием в руках удерживали их в окопах.

Стремительно мчимся к подошве сойки. Противник открыл сильный ружейный и пулеметный огонь. Из строя выбыл политрук Рожновский. Товарищ Ремизов командует:

- За родину! Вперед!

Я иду рядом с ним. За нами с пулеметами идут комсомольцы Луговкин, Янгель, Бондарев, Афанасьев.

- Ползком! - командует подоспевший комиссар Кравченко. Ложимся.

- Командиру Луговкину продвинуться вперед, установить пулеметы, уничтожить противника, - подает команду Ремизов

- Есть, товарищ старший лейтенант! - ответил Луговкин, и через несколько минут пулеметчики открыли стрельбу.

Пулеметы японцев начали затихать. Мы вновь двинулись к Заозерной.

Впереди шли комсомольцы с отсекром Белимовым, уничтожая к а пути врага и снимая его пулеметы.

Над головами каждую минуту летят снаряды, жужжат пули. Враг не сдается. Каждый окоп, каждый выступ скалы берем с боем. Не смолкающее "ура" гремит над Заозерной.

Когда стало темнеть, сопка была уже в наших руках. На вершине ее взвился красный флаг.

* * *

7 августа. Мы около безымянных высот. К вечеру стало тихо. Стрельба прекратилась. Я собираю комсомольское собрание и говорю об Итогах соревнования, о том, что все пункты соревнования выполняются с честью. Особенно хорошо работали пулеметчики Янгель и Бондарев.

Второй вопрос - прием в члены ВЛКСМ.

Выступают принимаемые в комсомол красноармейцы Рахматулин, Степанов и другие. Все они горят желанием пополнить ряды комсомола, сражаться в первых рядах. Собрание решает принять их.

На рассвете 8 августа собираю группу комсомольцев и несоюзной молодежи, начинаю рассказывать, как вели себя в бою герои книги Николая Островского, привожу примеры наших коммунистов и комсомольцев в бою за высоту Заозерную.

Беседа прерывается командой к атаке. Из рядов красноармейцев слышится:

- Сегодня уничтожим всех самураев!

Так и вышло. Наша авиация, артиллерия и танки смяли врага. Пехота отбросила его от советской границы.

Полковой комиссар А. Баев

Как рождались газеты

Политработники и командиры, с которыми я вместе находился на Дальнем Востоке, переживали дни волнений. На границе было неспокойно. События перерастали рамки обычного пограничного инцидента. Стало известно, что в бой вступили полевые части Красной Армии.

Каждый хотел поехать туда, где дерутся.

- Страшно руки чешутся дать японцам по морде, - говорил один. - Надо проучить их раз и навсегда, чтобы не кичились своей самурайской "храбростью".

- А мне бы на самолетик, - перебивал другой. - Дал бы я жару им.

В свободные от работы минуты строились всевозможные планы, как попасть в действующие части. И когда товарищи

особенно увлекались в своих планах, кто-нибудь бросал:

- Мечты, мечты...

Я переживал общие чувства.

Но вот мне принесли телеграмму. Читаю и не верю своим глазам. Начальник Политического управления РККА тов. Мехлис предлагает мне выехать в Краскино, чтобы создать и редактировать корпусную газету до конца конфликта с японцами.

Не чуя ног от радости, бегу к товарищам.

- Николай! Еду!

- В Москву?

- Нет. На Хасан.

- Брось шутить. Я поеду раньше тебя, - и Николай уткнулся в бумаги.

- Да вот телеграмма. Смотри!

Он долго ее читал и перевертывал в руках. Затем обиженно произнес:

- Ну - счастливчик. Филипп - тот даже разругался.

Никто из товарищей не хотел верить, что я уезжаю раньше их. Провожая, они крепко жали руку.

5 августа я выехал на машине из города Ворошилова в Краскино. Ночь была тихая, теплая. Город жил обычной жизнью. Ничто здесь не напоминало о близости фронта. В кинотеатре кончился последний сеанс. Мирно беседуя, народ, не спеша, расходится по домам. В парке играет музыка. У ворот домиков на скамеечках сидят парни с девушками.

Мне хотелось подойти к каждому из прохожих, к каждому парню, сидящему на завалинке, и говорить, говорить без конца.

- Товарищ! Я счастливей тебя, я еду туда, где защищают нашу прекрасную родину.

Яркое августовское утро сменило мрак ночи. Вершины сопок одеты в белые шапки тумана. Внизу расстилаются чудесные долины, в ущельях, покрытых зелеными зарослями, с шумом бегут ручьи.

Машина обгоняет часть, направляющуюся в район боевых действий. Узкое шоссе запружено полевыми орудиями, повозками, санитарными линейками. На повозках и санитарных линейках лозунги:

- Свято храни военную тайну!

- Береги народное имущество!

- Будь бдительным: враг близко!

- Будем передовиками в соревновании на марше!

Лозунги написаны цветными карандашами на обрезках газетной бумаги.

- Лозунги писали сами бойцы, - говорит, улыбаясь,

встретивший вас комиссар.

"И наша газета, - подумал я, - должна будет выражать мысли бойцов и говорить с бойцами сжатым, ясным и простым языком".

Короткие лозунги - одна из форм печатной агитации - часто встречались и на позициях во время боев. Их содержание давали комиссары и политруки, а писали лозунги сами красноармейцы, пользуясь привалами или короткими перерывами в ходе боя. Они оформляли лозунги на свой вкус, иногда снабжали рисунками, получалось нечто вроде плакатов.

Лозунги призывали к борьбе с врагами, к яростным атакам "За родину", "За Сталина", учили брать пример с лучших героев, напоминали о патриотических чувствах всего советского народа.

6 августа с утра гремит артиллерийская канонада.

Затем появляются эскадры бомбардировщиков. На фоне: лучезарного неба они плавно разворачиваются над Заозерной. То ниже, то в стороне от них появляются маленькие белые пушистые облачка. Это - разрывы снарядов, японских зениток. Они ее нарушают стройного движения эскадры. А сопки в это время стонут, грохочут от взрывов. Высоко веером взлетает земля. Через несколько минут Заозерную и окружающие сопки окутывает сплошное черное облако, точно там зажгли нефтяное озеро.

Освободившись от груза, бомбардировщики спокойно уходят. А над сопками уже кружатся и ныряют истребители.

На земле грохочет наша артиллерия. Черное облако стоит над Заозерной часами.

Вместе с тов. Вигдоровичем корреспондент "Правды") и тов. Хиреном (корреспондент "Красной Звезды") пробираюсь к передовым позициям. Надо повидать тов. Мехлиса, собрать материал для первого номера газеты, найти типографию. По пути беседуем с бойцами, командирами, политработниками, знакомимся с газетами частей. В этот момент рождались десятки боевых листков.

Когда части стояли на зимних квартирах, стенные газеты выходили нерегулярно, от случая к случаю. В боевых условиях потребность в них неизмеримо выросла. Боевые листки, как правило, начали выходить ежедневно. Каждый боец хотел поделиться своими чувствами, рассказать о своих отважных товарищах, выразить благодарность партии и правительству за доверие и заботу.

Стенную газету в окопе выпускать трудно, так как на составление ее требуется много времени. Боевой листок сделать проще, выпускать его можно ежедневно.

Редакция дивизионной газеты еще раньше снабдила подразделения готовыми бланками боевых листков". Это

облегчило их выпуск.

Содержание боевых листков очень разнообразно. Они, пожалуй, лучше, чем какая-либо другая газета, отражали мысли и чувства красноармейцев.

В боевых листках были напечатаны сотни писем, рассказывавших о фактах мужества и отваги, о беспредельной преданности своей родине и партии. Они поднимали в массах боевой дух и решимость беспощадно разгромить обнаглевшего врага.

Вот содержание боевого листка, выпущенного в подразделении тов. Стенькинского 4 августа.

Передовая озаглавлена: "Победить с меньшей кровью". В ней говорится о том, что Япония провоцирует Советский Союз на войну, и дальше:

"Мы не боимся угроз и всегда готовы защищать нашу социалистическую родину".

"Наша задача, товарищи, победить японский империализм меньшей кровью. Для этого мы должны со всей преданностью социалистической родине идти в бой, с уверенностью в нашей победе. И мы победим!"

Написанная ниже от руки химическим карандашом корреспонденция рассказывает о лучших людях подразделения, показавших беззаветную отвагу в первых схватках с японцами. В ней называется больше десяти фамилий.

В этом же номере, выпущенном под грохот артиллерийской канонады, боевой листок выступает с критикой.

В первом бою у озера Хасан красноармеец Лыков утопил винтовку, а Глухарев бросил коробку с дисками и боевыми патронами. Газета квалифицирует эти факты как преступное отношение к боевому имуществу. Заметка написана на оборотной стороне листка и названа "Хранить, как зеницу ока, боевое имущество - социалистическую собственность".

"Нам нужно, - учит красноармейцев газета, - хранить каждый патрон, винтовку. Меткий, хладнокровный, экономный стрелок - это я есть боец РККА. Наша задача - всем быть такими стрелками".

* * *

Вечером 6 августа мне пришлось быть на командном пункте дивизии. Комиссара и начальника политотдела не оказалось. Спрашиваю присутствующих командиров:

- Где ваша дивизионная газета?

- Осталась на зимних квартирах.

- Как же это случилось?

Один из командиров рассказал печальную историю с газетой. Когда дивизия выступила на марш, редакция газеты со всем

своим имуществом погрузилась на автомашины и примкнула к колоннам. Прошли десятка два километров. Комиссару Дубровскому и начальнику политотдела Климову неожиданно пришла в голову мысль:

- Зачем нам тащить с собой газету: на границе едва ли разрешат издавать?

Потолковали и решили возвратить типографию на зимние квартиры. Редактора газеты Дивнемко направили в роту политруком.

В результате в дни боев дивизия очутилась без газеты, о чем дивизия сама горько потом пожалела.

Каждый хотел почитать газету с горячим призывным словом, знать через нее, как сражаются другие части, каждый горел желанием рассказать на ее страницах об отваге и мужестве своих товарищей, поделиться своими патриотическими чувствами и, наконец, узнать через газету, как реагирует на события страна и заграница.

Не поняли как следует значения печати и в другой дивизии. Передовые части уже дрались, а дивизионная газета стояла на зимних квартирах в полном бездействии.

Первый номер газеты на позициях вышел 4. августа, и та после того, как сами газетчики напомнили комиссару тов. Иванченко, что им на зимних квартирах делать нечего.

После 4 августа дивизионная газета "На боевом посту" выходила вблизи передовых позиций. Вражеские снаряды часто рвались около походной типографии. Наборщики в таких случаях выносили кассы в окоп и набирали газету, сидя или стоя на коленях.

Сотрудники редакции товарищи Новиков, Чеканов, Ажгабесов и Семенов ежедневно бывали в частях, собирали материал. Они посещали тыловые части и пробирались на передовые позиции, раздавали бумагу, карандаши и конверты с адресами редакции бойцам, чтобы те писали в газету; большей же частью сотрудники газеты сами со слов бойцов записывали заметки в свой блокнот и затем обрабатывали их.

Страницы газеты заполнены эпизодами героических боев. Письма красноармейцев просто и содержательно рассказывают о героизме, о преданности родине, о сокрушительном разгроме врага. Они воспитывают ненависть к врагу.

В номере от 7 августа устами красноармейцев газета заявляла:

- Сегодня стреляли в противника хорошо, а завтра будем еще лучше.

Итог боев газета характеризовала так:

- Наши красноармейцы дрались, как львы. Каждый сантиметр земли мы облили кровью зарвавшихся самураев.

Газета ярко показывала бесстрашие коммунистов и комсомольцев в бою. Она печатала десятки заявлений вступающих в партию и комсомол; в этих заявлениях отражалось огромное стремление масс еще теснее сплотиться вокруг партии Ленина - Сталина.

Больше двух месяцев редакция работала в полевых условиях, ежедневно выпуская небольшую газету. Газета сжилась с бойцами, ее полюбили, она стала боевым другом красноармейцев.

Политотдел недостаточно использовал ее силу. Один пример. Дивизия получила вызов на соревнование: кто первый войдет на высоту Заозерную и поставит красный флаг. Договор надо было довести до красноармейцев, обсудить с ними.

Кто лучше газеты мог информировать бойцов о договоре? Однако начальник политотдела тов. Полушкин посадил в окоп секретаря и заставил его под копирку размножить текст договора, чтобы хватило на все роты, и не догадался напечатать договор в газете.

Не умеют еще наши комиссары и политорганы со всей полнотой использовать такое мощное орудие воспитания масс, как печать, не умеют направить ее на решение общих задач. От их вмешательства в работу редакций газеты только бы выиграли, стали бы еще содержательней.

7 августа в районе боевых действий вышел первый номер корпусной газеты "На защиту Родины". Необходимость создания газеты вызывалась тем, что центральные газеты поступали поздно (на 15-16-й день). Красноармейская газета "Тревога" тоже находилась далеко и не могла успевать за событиями. Начальник Политуправления РККА тов. Мехлис, прибыв в район боевых действий, пришел к выводу, что нужна ежедневная газета на месте, которая воспитывала бы массы в духе советского патриотизма и любви к большевистской партии, информировала бы их о международном и внутреннем положении, направляла сознание бойцов; к одной цели - проучить самураев, защитить родину. Когда мы встретились с ним на командном пункте, он сильно торопил с выпуском газеты.

- Сутки даю вам срок. Завтра газета должна выйти.

Ничего не было: ни сотрудников, ни типографии. Правда, были богатые захватывающие впечатления от героического боя, который вели наши части 6 августа. Хотелось как можно скорее заговорить с отважными бойцами через газету, дать им возможность выразить свои чувства, воодушевить их на еще большие подвиги.

Тов. Мехлис в качестве сотрудников газеты прикомандировал товарищей Вигдоровича и Хирена. Их увлекала возможность работы в боевой газете.

Полиграфическая база была очень скромной - приспособили разбитую стационарную типографию и кустарную автопередвижку.

Делая первый номер газеты, наша небольшая редакция руководствовалась указаниями тов. Мехлиса:

- Показать наглость японской военщины, осмелившейся напасть на советскую землю.

- Показать мужество, отвагу, героизм бойцов и частей Красной Армии, чтобы на конкретных примерах воспитывать у бойцов ненависть к врагу и бесстрашие в защите своей родины.

- Показать работу посланцев партии, комиссаров и политработников, рядовых коммунистов и комсомольцев, бесстрашно-идущих в бой, рост сплоченности масс вокруг нашей славной большевистской партии и ее вождя товарища Сталина.

- Выразить гнев советского народа, волной прокатившийся, по стране; части Красной Армии, идя в бой, должны знать, что с ними весь стосемидесятимиллионный народ.

- Подробно информировать бойцов, командиров и политработников о жизни страны и международной обстановке. Название газеты дал тов. Мехлис: "На защиту Родины!".

Вечером 7 августа вышел первый двухстраничный номер.

Бойцы издалека узнавали свою газету. Пламенный клич: "На защиту Родины", был набран на первой странице крупным афишным шрифтом.

Простыми, искренними и доходчивыми и словами заговорили со страниц газеты красноармейцы, командиры и политработники о преданности своей прекрасной родине, большевистской партии и великому Сталину, о чувстве гордости за свое моральное и военное превосходство над коварными, но трусливыми самураями. Словами, полными сарказма, статьи и заметки выражали ненависть к врагу, разоблачали его коварные замыслы.

В бесчисленных письмах, рассказах, дневниках, заметках, стихах бойцы просто и увлекательно рассказывали о том, как били самураев, как дрались наши храбрые воины, как на их глазах росли герои, покрывшие себя неувядаемой славой в боях за родину.

Нельзя было без волнения читать поступивший в. редакцию материал. При литературной правке мы бережно относились к каждому слову заметок и писем.

Радисты в маленькой передвижной радиостанции сидели ночи и записывали от руки информацию ТАСС.

Летчики разыскивали нас, требуя газету, чтобы доставить ее на позиции.

Бойцы и политработники, направляясь в окопы, брали с собой пачки газет.

Техника наша не позволяла дать газету каждому бойцу. Требования на газету все росли. Поэтому тов. Мехлис предложил сверху на первой странице написать: "Газету прочитал, передай товарищу".

Комиссар полка тов. Позинский рассказывал после, что к: ним в часть попадало по два-три номера газеты на подразделение. Каждый боец хотел почитать. Но иногда очередь не доходила: кто-нибудь припрятывал газету себе на память. Поэтому бойцы установили порядок: кто брал газету - расписывался на листе бумаги. Таким образом, в любой момент знали, у кого находится газета.

В типографию ежедневно приходили десятки красноармейцев, чтобы взять газету для своей части и доставить в редакцию письма бойцов.

Стоило сотруднику редакции появиться в части, как через час-полтора его сумка была загружена материалом.

Особенно много писали раненые из полевых госпиталей.

Часто через их письма мы имели наиболее свежую и полную информацию о том, что делается на передовых позициях.

В боевые дни газета жила полнокровной жизнью частей Красной Армии.

* * *

Красноармейская газета Дальневосточного Краснознаменного фронта "Тревога" имела в районе боевых действий двух своих корреспондентов товарищей Мусинова и Дворецкого. Это дало ей возможность широко осветить наиболее важные эпизоды боев, рассказать о героических защитниках родины. Товарищи Мусинов и Дворецкий организовали свою работу так: день-два они были на позициях, в частях, наблюдали сами, беседовали с людьми, собирали у них материал для газеты. Затем они ехали в Краскино, здесь обрабатывали материал и обеспечивали доставку его в редакцию. Последняя задача в боевых условиях нелегкая, так как телеграф запружен передачей оперативных материалов. Поэтому товарищи Дворецкий и Мусинов договорились с летчиками, доставлявшими газеты из Хабаровска, чтобы та обратном пути они везли корреспонденции. Выход, таким образом, был найден.

* * *

В районе озера Хасан была не война, как исключительно метко охарактеризовал события маршал Советского Союза

товарищ Ворошилов, а только провокация войны со стороны неспокойного и далеко не умного соседа. Однако опыт работы газет во время боевых операций дает некоторое представление о том, как будет работать красноармейская печать в предстоящей войне.

Политотделы соединений должны иметь запас печатных агитационных материалов и не забывать, что у них есть средства и возможности в любое время отпечатать их.

Исключительную роль играет в бою наша низовая печать - боевые листки. Комиссары и политработники должны иметь все необходимое для их издания в каждом подразделении. Заранее надо подбирать и готовить редакторов и актив этих газет.

Роль дивизионной. и красноармейской газеты во время войны неоценима. Дивизионная газета располагает техникой, дающей возможность выпускать хорошую печатную газету вблизи передовых позиций. Необходимо, чтобы комиссары и политорганы уделяли дивизионным и окружным красноармейским газетам больше внимания, взяли их под свое руководство, полнее использовали этот мощный рычаг большевистской пропаганды и агитации.

Батальонный комиссар П. Будыкин

На защиту Родины (Заметки о газете)

Из Владивостока мы отплыли в 4 часа ночи. Сопки закрывал густой туман. У нас, впервые прибывших в этот самый отдаленный район Советского Союза, был жадный интерес ко всему окружающему, и мы с нетерпением ждали утра. С восходом солнца каждый из нас был на ногах.

Пароход "Франц Меринг", на борту, которого мы находились, чуть вздрагивая, рассекал залитые утренним солнцем воды залива Петра Великого. По обеим сторонам возвышались зеленые сопки, навстречу вставали многочисленные острова. Было совсем тихо. Плавали дикие утки, нырявшие при приближении парохода.

Каждый из нас был полон гордого сознания того, что хозяином всех этих безбрежных водных пространств, всех несметных богатств Дальнего Востока является наш советский народ.

Пароход идет уже недалеко от бухты Посьет. Мы вспоминаем сообщение одной из американских газет о том, что японцы стремятся захватить Посьетскую бухту, имеющую важное военно-стратегическое значение. Мы волнуемся: хасанские события, приковавшие внимание всего мира, происходят где-то тут, неподалеку от этих мирных, тихих мест.

Да! Вот там, за грядой зеленых сопок, затянутых дымкой тумана, лежит мало известное до последних дней озеро Хасан.

Там наши товарищи сражаются с подлыми японскими провокаторами войны, грудью защищают родную советскую землю.

Вот мы уже отчетливо слышим звуки орудийных выстрелов и залпов. Они отличны от других - глухие из-за отдаленности, короткие, как взрывы, хватают за самое сердце. И когда кто-то сказал: "А не гром ли это?" - над ним посмеялись...

Бухта Посьет глубоко врезается в материк и защищена окружающими ее сопками. С их вершины на далекое расстояние обозревается прилегающая местность. Посреди узкого прохода в бухту возвышается сжала. На ней маяк..

Обогнув скалу с маяком, "Франц Меринг" замедлил ход и вскоре бросил якорь. Катер доставил нас на берег. Там кипела напряженная работа. Спешим сойти на твердую землю. На берегу встречаем знакомых. Взаимные приветствия, радостные возгласы.

- Так вот где довелось встретиться!

- Помните, учились вместе?! Воевать вместе будем...

- А я уже понюхал пороху!

- Ну, рассказывай, как бьем японцев.

И товарищи рассказывали.

Вот группа окружила бойца. Он с фронта, с передовых позиций. Прибыл сюда с поручением, снова будет на фронте. Об этом он говорит с гордостью. С увлечением рассказывает о смелости и мужестве наших бойцов и командиров, любовно и тепло отзывается о политруках и комиссарах. Мы рады за товарищей. Наша труппа - политработники.

Достали карту. Ориентировались. Обстановка и замыслы японских хищников стали яснее и понятней. Сволочи! Далеко хватают, но руки коротки - не пройдет их номер, фокус не удастся!

Газета с фронта

Еще в долгой дороге, полной переживаний, мы здорово соскучились по газете, свежей, рассказывающей о событиях дня. На станциях за газетами выстраивались очереди. Счастливцы, успевшие достать газету, осаждались толпами, читали ее вслух. В поезде газета ходила из рук в руки. Короткие сообщения ТАСС "К столкновению в районе озера Хасан", отклики на эти волнующие события зачитывались до дыр.

Последние два дня мы вовсе не видели свежих газет. В Посьете нашли уже прочитанные нами. Остро, как чувство голода, ощущалась необходимость в источнике, который обобщил бы события, запечатлел дела, помыслы и чувства участников этих событий, сделал их достоянием широких масс.

Можно представить, как обрадовались мы, когда услышали

чей-то возбужденный голос:

- Товарищи! Есть газета!. Да еще какая, кажется, прямо с фронта.

Обступаем товарища. В руках у него небольшая двухполоска. Огромным, афишным шрифтом на всю полосу название газеты:

"На защиту Родины".

Ниже, в рамочке: "Красноармейская газета частей Энского корпуса, No 1". На всю страницу лозунг: "Проучить наглых японских самураев)!" Под передовой "Бить врага беспощадно!" сводка с передовых позиций, озаглавленная "Высота Заозерная очищена от врагов". Читаем: "В ночь на 7 августа частями Красной Армии советская земля очищена от японских захватчиков.

После активного бомбометания нашей авиации и успешной артиллерийской подготовки высота Заозерная снова в наших руках.

Бой продолжается. Японцы из-за линии границы обстреливают советскую территорию".

Да, бой продолжается. Глухие отдаленные выстрелы неопровержимо подтверждают это сообщение газеты. Продолжаются ожесточенные схватки с врагом, множатся ряды героев. О них просто и увлекательно рассказывает газета.

"Мужество, храбрость, геройство" - эти три слова дают исчерпывающую оценку многочисленным, незабываемым боевым эпизодам.

Газета рассказывает о боевом лейтенанте Терепжине. С именем товарища Сталина на устах он поднял своих бойцов на ожесточенную штыковую схватку с фашистскими гадинами. "Командир отделения Никон Шишлав столкнулся в рукопашном бою с японским офицером. Японский офицер направил револьвер на советского патриота. Товарищ Шишлав не растерялся, левой рукой схватил вражескую кисть, кулаком сшиб офицера, вырвал у него револьвер и пристрелил врага".

Об этом пишет красноармеец-гранатометчик Василий Шадрин. Ниже заместитель политрука Ф. Анисимов с любовью рассказывает о мужестве и героизме командира-коммуниста тов. Левченко. ". Мы видели, как наш командир, трижды раненый, обливаясь кровью, идет вперед. Его мужество, и выдержка сильнее слов говорили нам о воинском долге перед родиной и ненависти к врагу.

Три раза шли в атаку за своим героем-командиром, три раза яростным ударом советские патриоты разбивали вдребезги все новые группы японских солдат. Третью атаку тов. Левченко не командовал, а молча поднялся и бросился на врага. Мы все, как один, пошли за ним".

Доблестные красноармейцы, сыны великого советского народа, творили поистине чудеса храбрости, на деле доказывая свою беззаветную преданность родине. В заметке "Бесстрашный секрет" отделенный командир Александр Савченко рассказывает: "Красноармеец Шайдов в одну из ночей лежал вместе с двумя другими бойцами б секрете. После полуночи враг пытался зайти с фланга в тыл. Но путь ему преградила горсточка советских храбрецов во главе с красноармейцем тов. Шайдовым.

Красноармейский секрет в эту ночь отбил несколько атак врага. Советские пулеметы били безотказно, без промаха.

Шайдов был ранен в плечо, но поля боя не оставил..."

И тут же, рядом с рассказами о героических делах наших; славных воинов, мы слышим со страниц газеты могучий, гневный голос великого советского народа. Рабочие, инженеры, техники и служащие Московского автозавода имени Сталина и Ленинградского завода "Красный треугольник", приветствуя славных защитников, советской родины, выражают огненное чувство возмущения подлостями японских бандитов. Во весь-голос пламенные патриоты заявляют, что все они, "как один, готовы встать на защиту нашей родины".

От слова до слова прочли мы газету, рожденную на боевых: позициях. С ее страниц набатом звучал голос народа и его армии. Здесь, в далеком уголке нашей необъятной страны, он был. так же могуч и грозен, как, могуч и грозен он был в сердце страны - в Москве, в колыбели пролетарской революции - в Ленинграде, в Киеве, в солнечном Тбилиси, во всех городах и селах одиннадцати советских социалистических республик.

На защиту родины! Этот клич, вдохновенный, идущий из глубины души, овладевал каждым без остатка, звал, воодушевлял на подвиги.

Там, где делалась газета

Сейчас же по приезде в Краскино я встретился с ответственным редактором газеты "На защиту Родины" полковым комиссаром тов. Баевым. Тов. Баев был мне знаком еще по Москве, где я, будучи слушателем Военно-политической академии РККА, имел с ним две-три встречи. Я доложил тов. Баеву, что прибыл в распоряжение начальника Политуправления РККА, тов. Мехлиса.

- Вот и хорошо! - сказал, улыбаясь, тов. Баев. - Очевидно, будем работать вместе. Видели нашу газету? Ну, как она?

Я рассказал о своих впечатлениях, о коллективной читке первого номера в Посьете. Он был очень рад за успех газеты в массах. Коротко рассказал, как и в каких условиях делался первый номер, и тут же предложил:

- Идемте, посмотрим, в каком состоянии третий номер нашей газеты. Газета создана по указанию тов. Мехлиса. Ему же принадлежит ее название: "На защиту Родины!". Лучше не придумаешь, это голос самой жизни, голос народа!

Мы пришли с тов. Баевым в маленький кирпичный домик, где ранее помещалась небольшая типография, приспособленная для случайного рода работ. Теперь здесь делалась красноармейская газета "На защиту Родины". В одной комнате помещалась небольшая плоскопечатная машина, в другой - наборная. И тут же, кое-как примостившись, ютились работники редакции. Было два корреспондента-красноармейца и тов. Офицеров - корректор. С красноармейцами-газетчиками тов. Баев встретился, будучи на позициях. Они работали в многотиражных газетах. Тов. Офицеров сам пришел в редакцию из лазарета. Он был ранен в ногу. Рана заживала, но на фронт его еще не отпускали. И он, пока окончательно не заживет нога, решил работать в газете. Раньше работал в полку учителем.

Вечером я был у тов. Мехлиса. Он был очень доволен газетой, говорил о том, как вести ее дальше. Тут же я получил назначение на работу в редакцию.

В выпуске первых двух номеров активное участие принимали корреспондент "Правды" тов. Вигдорович и корреспондент "Красной Звезды" тов. Хирен.

В типографии работали комсомолка-наборщица, жена командира, два наборщика и один печатник-красноармеец. Шрифтов и многого другого не хватало. Пришлось собирать и использовать все, что было ранее заброшено, запущено. Привлекли к работе задержавшуюся в пути на фронт передвижную типографию.

Люди работали буквально день и ночь. Особенно тяжело приходилось ночью: тесно, полутьма, - помещение слабо освещалось керосиновыми лампами:. Печатную машину крутили вручную.

Вскоре стало ясно, что нужна помощь людьми. Райком комсомола выделил нам для работы трех товарищей. Придя в типографию и узнав о характере предстоящей работы, они очень обиделись.

- Неужели мы только на то и способны, чтобы крутить вот эту ерунду, с горечью говорили они, указывая на печатный станок. - Мы думали, нам важное дело поручают, на фронт пойдем, японцев, бить будем. А тут вот проливай пот у колесика...

Чуть было не ушли обратно. Пришлось разъяснить товарищам важность порученного им дела, убедить. Согласились. Работали добросовестно. Но не переставали лелеять затаенную

мечту о том, чтобы попасть на передовые позиции и с оружием в руках бить ненавистных налетчиков.

О том, в каких условиях делалась газета, ярко свидетельствует такой факт. Познакомив с обстановкой и работой в газете, тов. Баев задал мне вопрос:

- Вы внимательно просмотрели первый номер?

- Внимательно и с увлечением, - ответил я.

- И ничего не заметили?

Я замялся. Достал первый номер, стал пристально всматриваться в знакомое уже содержание.

- Нет, вы посмотрите первую и вторую полосы и сравните их, - заметил тов. Баев.

Только после этого я обратил внимание на внешний вид газеты. Оказалось, что первая ее полоса имела пять печатных колонок, а вторая четыре.

- Дело в том, - объяснил мню тов. Баев, - что этот номер делался в двух местах, и колонки оказались разной ширины, и пришлось сверстать по-равному.

- Задерживать газету мы не имели права, - говорил он. - Ее ждали бойцы в окопах. Нам был дан срок выпустить первый номер за сутки. Вы, очевидно, знаете, что в обычных условиях первый номер вновь выходящей газеты готовится пятидневками и даже декадами. А здесь боевые условия. Втроем с товарищами Вигдоровичем и Хиреном мы сделали его за сутки. В этот же срок разыскали и создали из имеющегося оборудования типографию. Постепенно подбираем людей. Ваш приезд очень кстати.

Наши военкоры

В эту ночь мы делали третий номер нашей газеты. Казалось, что газету еще слабо знают, и мало будет материала. Но эти опасения быстро рассеялись. О рождении новой газеты успели узнать даже там, где ее еще и не видели. С попутчиками - связными, с направляемыми в лазарет ранеными, по телефону, через телеграф - отовсюду и всеми доступными путями направлялся в наш адрес богатый военкоровский материал.

Писали бойцы, командиры, комиссары и политработники. Писали, лежа в густых зарослях камыша, сидя в окопе, наспех, на клочках неровно оторванной бумаги, корявым, нервным, торопливым почерком. Писали перед очередной атакой на врата, выражая свою готовность умереть за родину, но победить; писали после атаки, рассказывая о том, как били подлых самураев, о мужестве и храбрости, о беззаветной любви и преданности наших бойцов матери-родине, отцу и учителю - великому Сталину.

Если в первом номере были помещены корреспонденции шести военкоров, главным образом непосредственных участников

боевых действий, то в следующем номере приняли участие восемь новых товарищей, в третьем - четырнадцать. Кроме того, были помещены пять писем родственников героев, письмо колхозников, которые привезли на фронт два грузовика овощей и двести килограммов меда, письмо патриоток - жен героев-пограничников. Для многих корреспонденции не оставалось места в газете, количество же их росло изо дня в день, из номера в номер.

Стоило только товарищам из редакции, попадавшим на передовые позиции, сообщить о своей причастности к газете, как. они тут же находили десятки желающих написать, передать уже написанное. Так, спецкоры "Тревоги" Дворецкий и Мусинов, наши корреспонденты и многие другие доставляли в редакцию целые пачки писем и заметок, собранных ими непосредственно "а передовых линиях, под огнем японской артиллерии.

Корреспонденции и заметки носили самый разнообразный характер, но в подавляющем большинстве - это рассказы о героике наших бесстрашных красноармейцев. Политрук Эйфер писал об отважном экипаже танкистов: "Смело вел танк на врага механик-водитель тов. Гусев. Четко и быстро работал заряжающий тов. Найденов...

Не одна вражеская огневая точка была подавлена боевым экипажем. Политрук Рябов, действовавший с этим экипажем, был ранен.

"Берегите мой партийный билет" - было его первыми словами, когда к нему пришли на помощь.

Товарищ Аникин, участник штурма высоты Заозерной, раненный в этом бою, рассказывал о сокрушающей силе нашей боевой техники. Вооруженные этой боевой техникой, части Красной Армии наголову разбили врага, очистили советскую высоту Заозерную от японцев и победно водрузили - на ней гордый советский флаг.

"В решительный час заработала наша боевая техника. Наша артиллерия одну за другой уничтожала вражеские огневые точки. Наша авиация своими действиями заставляла японцев покидать огневые позиции и бросаться в бегство. Во время бомбардировки нашей авиации вся высота Заозерная была покрыта дымом и пылью.

Отличные действия нашей авиации поднимали дух и смелость бойцов. Наши бесстрашные танкисты давили одну за другой точки противника. Застрочили пулеметы, и пехота пошла на врага. Эта сила была несокрушима..."

Да! Эта сила была несокрушима. Она вдребезги разнесла; полчища японцев, смела захватчиков с лица советской земли,

заставила подлых провокаторов войны встать на колени и просить о перемирии.

В сотнях писем и телеграмм, через делегации с многочисленными подарками на фронт великий советский народ протягивал свою могучую руку героическим защитникам родины, воодушевлял на бой, поддерживал в бою, поздравлял с победой.

Трудящиеся колхозов "Красный Неженец", "Эльдугинец" к "Восход", приветствуя героических воинов Красной Армии, писали в, своем письме: "Мы, колхозники и колхозницы, заслушав информацию о вооруженном налете японской военщины на советскую территорию, в ответ на эту наглую провокацию обязуемся с удвоенной энергией бороться за выполнение и перевыполнение задач, поставленных перед нашими колхозами.

Мы удесятерим большевистскую бдительность, чтобы ни один агент японо-германского фашизма не мог орудовать в тылу Красной Армии. Мы заверяем вас, бойцы, командиры и политработники, в том, что в любую минуту готовы все, как один, влиться в ваши ряды.

Мы просим принять от колхозников наших колхозов скромные, небольшие подарки.

Колхозники: Рожкова, Голищапов, Киселев и другие".

В первых боях за родину пал смертью храбрых Александр Кириллович Савиных. В письме на имя командования братья героя заявили: "Мы, братья Савиных Егор Кириллович и Кирилл Кириллович, по первому зову нашего правительства готовы так же, как брат Александр, защищать нашу родину".

Исключительное мужество и выдержку проявляли в дни боев славные подруги героев, сражавшихся на фронте. Они своей личной помощью, ухаживая за ранеными, добивались скорой" победы над врагом, хотели одного - быть достойными подругами своих мужей-героев. "Мы полны сил и энергии, - писали патриотки Махалина Мария, Христолюбова Александра я Терешкина Евдокия. Нас вдохновляют забота и внимание нашего командования, советской власти, великой коммунистической партии и лично товарища Сталина. Мы готовы в любую минуту следовать примеру наших мужей, взять винтовки и защищать нашу родину до последней капли крови".

Особенно велик был приток корреспонденции и писем от раненых и раненым героям от родных и трудящихся.

Получив ранение, верные сыны родины выражали свое стремление как можно скорее выздороветь и вернуться на передовые позиции. Поправившись, они благодарили врачей, сестер и трудящихся за заботу, радовались тому, что вновь идут в ряды своих боевых товарищей. "Нас в лазарете посещают

женщины советских учреждений и предприятий. Нам, раненым, дороги внимание и забота нашего народа.

Единственное наше желание - как можно скорее выздороветь, вернуться на передовые позиции и снова бить врата. Будем бить так, чтобы горячо любимый Сталин и весь народ сказали: "Отлично!"

Липавский И. Я., Егоров А. Ф., Чекин К. А., Павлов И. А., Кухарчук П. С., Попов И. С., Ярославцев Д. А.".

Подобных писем поступало в редакцию очень много. Товарищи вели записи о боевых действиях своих подразделений, писали дневники, с подкупающей простотой рассказывая в них о любви к родине и великому Сталину, о жгучей ненависти к японским захватчикам, о героизме и мужестве наших бойцов, командиров и политработников, о грозной силе советского народа, перед которой кичливые самураи оказались всего лишь бандой, обреченной на разгром и уничтожение.

Замечательный дневник вел заместитель политрука Георгий Сазыкин. Впервые напечатанный в нашей газете, он вскоре стал достоянием читателей всего советского народа. Волнующий и захватывающий своим содержанием, этот дневник был помещен в центральном органе нашей партии - в газете "Правда".

Особенно много поступило в газету стихов. Писали главным образом красноармейцы. Многие писали впервые. Ценно и замечательно во всех этих стихах было то, что в них бойцы нашей Красной Армии, сыны великого советского народа, вдохновенно рассказывали о своих помыслах и чаяниях, о непреклонной воле к победе, о готовности отдать жизнь за любимую родину.

Так, с большой теплотой и любовью запечатлели светлый образ товарища в своем коллективном стихотворении "Мы отомстили врагу" красноармейцы Я. А. Одегов и В. С. Морохин. Они писали:

"Выполняя долг перед страною,
Миша Тихонов, товарищ наш, мечтал:
Проучить отличною стрельбою
Самураев, но, сраженный, пал...
Умирая, он просил не плакать.
"Отомстите!" - говорил он нам".

Отомстить! Этот завет товарища-героя бойцы с честью выполнили. Как выполнили, рассказывается в следующих строках стихотворения:

"И катились грозные раскаты
Батареи нашей по врагам.
За удар, за Мишу самураи
Поплатились жизнью, головой.

Мы по ним без промаху стреляли
И победой завершили бой".

И вот заключительная строфа этого стихотворения, характерного для красноармейского творчества в. дни боев:

"Мы врагу жестоко отомстили.
Если ж враг осмелится опять
Нападать, то будем бить, как били,
И, как Миша Тихонов, мечтать".

Масса материала поступала с многочисленных митингов и собраний, проходивших непосредственно на передовых позициях, часто под артиллерийским обстрелом противника, в окопах, на исходном положении для наступления, перед атакой.

Партийно-политическая работа в боевых условиях не только не суживалась, а, наоборот, приобретала больший размах, обогащалась новыми формами и методами, не имевшими места в мирных условиях.

В партийные и комсомольские организации хлынул поток заявлений о приеме в партию и комсомол. И в первые же дни руководящие партийные и комсомольские органы встали перед фактом неподготовленности и часто просто неумения справиться с большой работой по приему и оформлению дел вновь вступающих в ряды партии и комсомола. Пришлось перестраиваться на ходу, приспосабливаясь к боевой обстановке.

Необычайно выросла политическая активность всего личного состава действующих частей. Одни просили разрешить им первым атаковать вражеские позиции, другие заявляли, что они хотят пожизненно остаться в РККА, и тут же требовали положительного ответа; третьи хотели бы "окончательно покончить с японцами" и т. п. Раненые отказывались уходить с боевых позиций; часовые, дежурные, связные и наблюдатели, гае же сменяться, несли свою службу по-двое и по-трое суток; товарищи, занятые в тылу, считали себя обиженными, рвались на передовые позиции; саперы, связисты - все добивались того, чтобы пойти в бой, участвовать в атаках и показать свою отвагу. Надо было подхватить и возглавить небывалую боевую, политическую активность бойцов и командиров, направить ее к единой цели - сокрушительному разгрому японских захватчиков.

Все это диктовало и рождало новые формы и методы партийно-политической и массово-воспитательной работы, отвечающие требованиям и обстановке боевых действий против подлого и коварного противника.

Ясно, что в этих условиях исключительно высокой политической активности масс жаловаться на недостаток материала с мест нам, работникам газеты, не приходилось.

Трудность вставала другого порядка. Надо было обобщать опыт, выбирать главное, не отставать с постановкой тех или иных вопросов, своевременно доносить до читателя большевистское печатное слово. Здесь мы не всегда справлялись со своими задачами, особенно в первые дни. Нам также недоставало опыта работы в боевых условиях, надо было учиться и приобретать этот опыт на месте.

Сила большевистской печати

Довольно сложную задачу в условиях хасанских событий представляло экспедирование газеты на передовые позиции. Подступы к этим позициям были очень затруднительны. Местность изобиловала болотами и озерами, тропы и проселочные дороги (единственные пути сообщения) превращались в сплошное месиво при первом, даже незначительном, дожде.

В условиях бездорожья наиболее надежным средством доставки газет могли служить либо лошади, либо мощные грузовые машины. И в тех и в других недостатка не было. В течение круглых суток тянулись они бесконечной лентой на фронт и обратно.

Мы этот случайный для вас вид транспорта называли "оказиями", но не отказывались от него, чтобы направить газету на передовые позиции, когда другими средствами сообщения воспользоваться не было возможности.

Но как хорошо, что всеми этими "оказиями" приходилось пользоваться не как единственно возможным средством! Как хорошо, что наша страна - крылатая страна! Основная масса газет, и прежде всего на главные участки, с первых же дней доставлялась самолетами.

Надо было видеть, с какой радостью героические защитники., родины встречали каждый очередной номер газеты на передовых позициях, в окопах! Газета ковала и оттачивала волю бойцов к победе. Через газету весь советский народ говорил со своими героическими сынами, приветствовал их и поздравлял с победами. В газете наши славные бойцы и командиры узнавали себя, находили подвиги, ими совершенные, и, полные гордости, загорались желанием еще лучше, еще беззаветнее постоять за мать-родину, за любимого друга и учителя, за великого Сталина.

Мы, газетчики, не раз убеждались, насколько велик был интерес к газете. И сердца наши переполнялись радостью от сознания того, что нам поручили такую благодарную работу, как печатная пропаганда большевистского слова.

Были дни, когда нас буквально осаждали читатели, присылая специальных курьеров прямо в типографию с наказом не

возвращаться без газеты. Нас ругали, если мы запаздывали с номером. Очень многие говорили тогда:

- Вы понимаете, что значит газета на фронте?! Без газеты воевать нельзя! Она там нужна так же, как нужны снаряды, винтовки, гранаты.

И это было действительно так. Были случаи, когда посыльных с газетами встречали по дороге, и тогда не помогали никакие протесты. Да и протестовать-то особенно не приходилось, даже неудобно было: ведь речь шла о газете, на которой значилось: "Газету прочитал - передай товарищу!" Поневоле приходилось делиться, скрепя сердце "идти навстречу".

Вот несколько примеров, показывающих, каким вниманием и уважением пользовалась газета во время боев у озера Хасан.

Вместе с прочим грузом на катер "Сокол" было погружено несколько тысяч экземпляров нашей газеты. "Сокол" задержался в пути. Капитан при этом не знал назначения груза. И когда ему стало известно, что на борту его судна находятся газеты, предназначенные для участников хасанских боев, он страшно обиделся.

- Если бы я знал, что везу газеты героям Хасана, - жаловался капитан "Сокола", - нас ничто не смогло бы задержать в пути.

По обстоятельствам дела мне снова пришлось попасть на борт "Франца Меринга". Вместе со мной находился наш корреспондент. Когда выяснилось, что выход в море задерживается, он сошел на берег.

Спустя некоторое время я поднялся на палубу. И тут глазам моим предстала следующая картина: "Франц Меринг" отчаливал, а корреспондент, отчаянно жестикулируя, как угорелый, носился по пристани, отделенной теперь от судна все расширяющейся полосой воды.

Я метнулся к капитану:

- Как быть? Видите вон ту "мельницу" на пристани? Это наш корреспондент. Он должен быть здесь на судне.

Капитан сердито наморщился, заворчал. Я охотно поддержал его. Он уже знал меня как работника газеты. Продолжая ворчать, он, однако, предложил:

- Пусть садится на катер: задержу ход - приму на борт. Но это исключение, и непохвальное!

Я на большее не смел и рассчитывать. Далее дела пошли так, что вопрос разрешился проще. Корабль по другим причинам задержался в бухте, и корреспондент без особых происшествий был доставлен на его борт.

Сам по себе этот случай мало о чем-либо говорит. Но важно другое. С нами была газета. Это выгодно выделяло нас среди

прочих пассажиров. Мы чувствовали повышенное внимание к себе. Этим и объясняется снисходительность капитана в отношении моего злополучного товарища.

За время нашего пребывания на судне мы еще раз убедились в том, что газета - это великое дело. Люди не просто удовлетворялись тем, что прочитывали газету, они сами хотели говорить через нее, были рады возможности писать, делиться впечатлениями.

Вот нас обступила группа товарищей из джаз-оркестра владивостокского кинотеатра "Уссури". Они решили провести свой очередной отпуск среди героев хасанских боев. Волнуются, переживают. Тут же пишут коллективное письмо и просят обязательно поместить его в газете "На защиту Родины".

Восхищаясь мужеством и храбростью защитников родины, представители советского искусства писали в своем письме, обращенном к героям Хасана:

". По первому приказу партии и правительства мы заменим наши трубы, смычки и баяны на боевые винтовки и вместе с вами будем защищать нашу цветущую родину".

Не успели мы расстаться с группой товарищей из джаза, как к нам подошел совсем еще юный, опрятно одетый парень. Он застенчиво отрекомендовался:

- Матрос 1-го класса, комсомолец. Хотел бы поговорить с вами.

Разговорились. Он видел несколько номеров нашей газеты, с увлечением читал их. Сам в числе экипажа работал по перевозке специальных грузов. Получил благодарность. Сейчас призывается в ряды Красной Армии. Бесконечно рад. Но он хочет рассказать о своем настроении в газете. Просит помочь ему в этом.

Через час он вручил нам простое, прочувствованное письмо. В письме, рассказав о том, как дни и ночи, не считаясь ни с чем, работала их команда, он писал, что будет примерным, дисциплинированным бойцом, всегда готовым до последней капли крови сражаться за счастье советской родины.

В короткий срок нашего пребывания на борту судна к вам поступило материала на целую полосу газеты. При этом авторы очень просили, чтобы написанное ими было обязательно помещено.

Было немало случаев, когда летчики пренебрегали всякой опасностью, не считались с погодой и временем ради того, чтобы в срок доставить свежую газету героическим защитникам родины.

Не к чести некоторых наших руководящих партийно-политических работников, массы со своими потребностями застали их "врасплох" и неподготовившимися. Иначе, чем

объяснить такое положение, когда десятки боевых окопных листков писались буквально на клочках бумаги, а в отдельных случаях - на оборотной стороне топографических карт и т. п. Массы не хотели замалчивать ни своих побед, ни отдельных промахов. Они не просто били врагов, а били их с глубоким сознанием своего священного долга, с непоколебимой верой в победу, гордые своим превосходством над бандами кичливых налетчиков.

Непосредственно на передовых позициях, в окопах, под разрывами вражеских снарядов люди находили время и считали своей обязанностью хотя бы на клочке бумаги отразить те чувства и переживания, которые волновали их. В напряженнейший и самый ответственный период испытаний они часто, сами того не замечая, обнаруживали в себе новые и новые творческие силы. Неиссякаемым источником этих сил была все та же высокая политическая активность, выросшее сознание нашего народа.

И в свете этого без газеты, без большевистского печатного слова действительно трудно было бы добиться победы над врагом.

А с каким энтузиазмом работал коллектив работников газеты. Преодолевая все трудности, не раз меняя по разным причинам местопребывание своей основной базы!

Сколько дорог было изъезжено и какими только средствами передвижения мы не пользовались! Сколько бессонных ночей прошло за кипучей работой! Эта работа, с одной стороны, поглощала много сил, с другой, заряжала тебя, казалось, неиссякаемой энергией, воодушевляла и радовала.

То огромное внимание, каким была окружена наша газета в массах, всеобщий интерес, проявленный к ней с первых же дней ее существования, все, это накладывало на каждого из нас высокую ответственность. И мы всеми силами стремились оправдать доверие и любовь читателя к большевистскому печатному слову.

"На защиту Родины" стала армейской газетой

Героическая оборона района озера Хасан завершена победой над врагом. Умолкла стрельба. На советской высоте Заозерной гордо реет красное знамя страны социализма.

В победах над японскими захватчиками в районе озера Хасан немалую роль сыграла наша большевистская печать, в частности красноармейская газета "На защиту Родины".

В дни отпорных боев газета "На защиту Родины" показала себя подлинно большевистской газетой. Она доходила до передовых позиций, своим большевистским печатным словом зажигала горячий советский патриотизм, безграничную любовь и

преданность бойцов, командиров и политработников своей родине, большевистской партии, советскому правительству и мудрому вождю и учителю великому Сталину.

Она воодушевляла наших бойцов, командиров, комиссаров и политработников на героические подвиги и всесокрушающий удар по зарвавшимся японским самураям;", - такую оценку дал нашей газете Военный совет 1-й армии в своем приказе от 29 августа 1938 года. С этого же времени "На защиту Родины" стала красноармейской газетой 1-й Отдельной Краснознаменной армии - вооруженной крепости социализма на Дальнем Востоке.

На защиту родины! С этим волнующим лозунгом поднимался весь наш многомиллионный народ отстаивать свое счастье в годы гражданской войны, с ним славные части Красной Армии вдребезги разбили самурайских захватчиков в районе озера Хасан. Этот пламенный клич народа наша газета избрала своим названием.

На защиту родины! Пусть этот призывный клич неумолкаемо звучит от края до края Страны Советов!

Пусть он всегда и всюду напоминает нашему народу о грозной опасности военного нападения на советскую отчизну.

Пусть он разжигает в сердцах и помыслах советских патриотов огненную ненависть к врагам!

Наборщики В. Евтеев и Ф. Сарычев, печатник Н. Вразовский.

С наборной кассой на фронте

Шестого августа весь день била артиллерия. К Заозерной пролетели гордые соколы - наши бомбардировщики. Было слышно, как гудела и содрогалась земля от бомбардировки. В лощине стояла укрыто наша походная типография: небольшая печатная машина "бостонка", установленная на грузовике, и несколько касс шрифта - на другом грузовике. Типография готовилась к выпуску небольшой газеты своей части.

Вечером мы получили более серьезную задачу - выпускать корпусную газету. Для нас это была почетная задача, но в то же время чрезвычайно трудная, если учесть состояние нашей "полиграфической базы".

Надвигалась ночь. Полковой комиссар тов. Баев торопил нас:

- Ехать надо как можно быстрей.

Предстоял тяжелый путь до Краскино по размытой и разбитой дороге.

Подъехали к бухте. Брод. Видно только, как поблескивает вода и чернеют вдали сопки. Вдруг легковая машина нырнула мотором в воду; такая же участь постигла шедший следом за ней тяжелый грузовик. Все заволновались: что-то завтра будет с газетой? Стоим почти по пояс в воде. Шоферы, засучив рукава,

возятся с мотором. Наконец, моторы зарокотали. Дружными усилиями подхватываем машины одну за другой и выводим их на мелкое место. Снова в путь. По дороге нас остановил конный разъезд. Комиссар Баев приказал взять винтовки и идти на помощь раненому лейтенанту. Быстро кинулись вперед, бурьян скрыл нас с головой. Ночь, хоть глаз выколи. Овраг. Доносится стон. Смотрим - наши товарищи из редакции уже стоят около раненого. Мы взяли его в машину, чтобы доставить в госпиталь.

Утром прибыли в Краскино. Задача нам ясна - надо сегодня выпустить газету.

Автомашины поставили под деревом, в укрытии. Редакция не замедлила с оригиналами. Напрягаем все силы, стараемся как можно скорей набирать. Мы знаем, что газета должна пойти на фронт, чтобы призвать бойцов и командиров к быстрой победе над зарвавшимся врагом.

В машине тесно, неудобно. Голова упирается в брезент. Набирать приходится согнувшись.

Тов. Баев разыскал в Красмино полузаброшенную типографию с плоскопечатной машиной, которая крутилась вручную. Наш печатник тов. Вразовский получил задание привести машину в порядок. Он возился с ней почти целый день. Но дело было стоящее. Машина позволяла выпускать газету большого формата и печатала ее несколько быстрее, чем наша "бостонка".

Работница этой типографии наборщица-комсомолка тов. Слинкина взялась помочь газете.

К вечеру газету выпустили. Сколько было у всех радости при виде того, как пачка газет с боевым призывом "На защиту Родины" все росла и росла! Спать никто не ложился. Начали делать следующий номер.

Так мы работали несколько дней. Немало строчек мы набрали за это время о героических подвигах наших пехотинцев, танкистов и летчиков. Набирая строчка за строчкой о бесстрашии наших героев, мы жили с ними одним желанием - скорей уничтожить зарвавшихся японцев.

Наборщик тов. Сарычев получил однажды оригинал и страшно заволновался. Все спрашивают: в чем дело? Оказывается, ему дали набирать статью о подвигах танкиста Иванова, а это его близкий товарищ. Несколько месяцев они в одном подразделении изучали оружие, вместе ходили в караульную службу, читали газеты, долгие вечера проводили над книгами.

В статье рассказывалось, что дважды раненый тов. Иванов, не покидая своего танка, помогал механику-водителю отражать нападение японцев: здоровой рукой он подавал снаряды.

Как было не гореть на работе, набирая строки о таких замечательных героях нашей родины!

Работая ночью и днем, мы не чувствовали усталости, так как знали, что каждое слово газеты воодушевляло бойцов на фронте. Ночью работали в духоте, при керосиновых лампах. Окна были наглухо закрыты: так требовали условия светомаскировки.

Тов. Слинкина договорилась с райкомом комсомола, и он присылал нам на ночь комсомольцев-добровольцев крутить машину. За ночь успевали напечатать от семи до десяти тысяч экземпляров. А утром газета шла нарасхват. В первую очередь мы направляли ее на самолеты, чтобы доставить на передовые позиции.

Мы выпустили в своей типографии семь номеров боевой газеты "На защиту Родины". Горячие фронтовые дни работы по выпуску этой газеты останутся в памяти на всю жизнь.

Политрук В. Новиков

Газета на позициях

Редакция дивизионной газеты "На боевом посту" вышла на позиции с опозданием. Части соединения уже дрались с японцами, а мы были еще на зимних квартирах. Объясняется это гнилой традицией, еще сохранившейся у некоторых политработников, когда газету считают излишней обузой.

Наша редакция, оставшись на зимних квартирах, лишилась возможности выпускать газету: неоткуда было черпать материал. Будучи секретарем редакции, я почти самовольно выехал в район военных действий и нашел командный пункт соединения. Спрашиваю комиссара тов. Иванченко:

- Что делать редакции?

В разговор вмешался начальник Политуправления РККА тов. Мехлис:

- Как же вы, газетчики, отстали?

Он дал указание вывезти типографию на позиции и наладить регулярный выход газеты.

4 августа мы выпустили первый боевой номер.

Бойцы организовали у типографии очередь, чтобы: получить газету. Мы не предполагали, что на фронте, когда рвутся снаряды и свищут пули, боец может подняться из окопа и с веселой улыбкой бежать к политруку за газетой. Но у Хасана было так.

В газету писали многие бойцы и командиры. Писали на различные темы, но главным образом о своей преданности родине и о ненависти к врагу. Поступало много стихов, песен, частушек.

Заметки и статьи доставлялись различными способами и средствами.

Для быстрой доставки писем мы заранее приготовили конверты с надписью: "Вручите немедленно в редакцию "На боевом посту". Этот разборчивый адрес спас от потери много писем военкоров.

Письма попадали на пункты обора донесений, куда из частей идет вся почта. Приносили их и бойцы, выделенные в частях, для доставки газет. Много писем принимали лично работники редакции.

Газета набиралась тремя наборщиками в походной типографии. Набирать приходилось в дневное время, в условиях, далеко не легких. Снаряды противника иногда мешали нормальной работе. Были дни, когда мы часами сидели в окопе без работы. Потом красноармейцы-наборщики Чинахов, Катаев и Калина приспособились работать в окопах. Выносят кассы, ставят их на землю и, стоя на коленях или сидя, набирают. Набирали они быстро и грамотно, так как думали об одном: как бы быстрее выпустить газету.

Печатали газету ночью, тщательно маскируя свет. Работа эта довольно трудная, так как в машине быстро становится душно.

Как доставлялась наша газета на передовые позиции? Большую часть газет к период боев получали непосредственно в типографии, специально выделенные частями красноармейцы и конно-посыльные. В окопы газету ежедневно носили и работники редакции, направлявшиеся туда за материалом.

Вначале редакция наша остановилась в тылу, примерно за шесть-семь километров от передовых позиций. Это было крайне неудобно: мы оказались оторванными от основных частей. Потом переехали в расположение огневых позиций артиллерии. Ближе стал политотдел и передовые части.

Исходя из опыта, надо полагать, что лучшее место для редакции во время боя - это район расположения штаба или район полковых пунктов медицинской помощи, как крайний случай - район дивизионного пункта медицинской помощи.

Красноармеец Е. Ажгибесов

Заметки корреспондента

В конце июля по заданию редакции "На боевом посту" я прибыл в часть. Два дня я наблюдал обычную жизнь подразделений, и работу партийных организаций. Жизнь шла размеренно, по плану.

На вечер парторг Шустров назначил партийное собрание. Я готовился присутствовать на нем. Но после обеда по подразделениям был дан приказ:

- На границе неспокойно. Привести подразделения в боевую готовность.

Все насторожились. Имущество и снаряжение были быстро приготовлены к бою. Я решил, что собрание сорвалось.

Распорядок дня в части не нарушался. После обеда бойцы легли отдыхать. Однако мертвый час полностью использовать не удалось. Старший лейтенант Разодеев подал команду:

- В ружье!

Все моментально поднялись. Луг, на котором расположился лагерь, ожил. Настроение у бойцов приподнятое: они были готовы немедленно выступить на защиту своей родины, разгромить врага.

Парторг Артем Шустров тут же провел партийное собрание. Оно было коротким и совершенно с другой повесткой дня.

- На высотах в районе озера Хасан враг нарушил государственную границу СССР, - говорил Артем Шустров. - Японская рота вступила в бой с пограничниками. Наша задача - помочь отважным пограничникам очистить советскую территорию от японской сволочи.

- Есть, - почти хором ответили присутствующие, - врат будет уничтожен!

Собрание прервалось командой:

- Становись!

Через пять минут колонны уже шли в направлении к озеру Хасан.

Я пошел с пулеметчиками, которыми командовал парторг Шустров.

Мы торопились. По колонне то и дело раздавалась команда:

- Шире шаг!

- Подтянись!

- Не отставать!

Дорога размокла от дождей. То и дело приходилось переходить речушки, болота. Ноги вязли почти по колено. Имущество и пулеметы часто приходилось разгружать с повозок и тащить на себе.

В пути получили информацию о событиях, о первом жарком бое с японцами: одиннадцать пограничников сдержали натиск японской роты; храбро отстаивая каждую пядь социалистической родины, они боролись до последней капли крови.

В неравном бою наши пограничники сумели разбить японскую роту. Некоторые товарищи в этом бою пали смертью храбрых, остальные получили! ранения.

Японцы были отброшены, но, сосредоточив большое количество войск, они вновь повели наступление и заняли нашу сопку Заозерную. В боях уже побывали и подразделения полевых частей Красной Армии.

И вот здесь я, молодой газетный работник, признаться, растерялся как корреспондент: не знал, что можно описывать в нашей газете.

Раньше в боях я участия не принимал. О пограничных инцидентах я встречал в газетах обычно только официальные сообщения ТАСС. А тут бои разгораются. Я - в центре событий. Что о них писать? Посоветоваться не с кем.

О пограничных инцидентах наша газета тоже печатала обычно только сообщения ТАСС. И поэтому я решил, что газета не будет печатать моего материала, и ничего себе в блокнот не записал. Это было ошибкой. Впечатления о первых боях, по рассказам участников, у меня были богатые.

На другой день мое любопытство взяло верх, и я, на всякий случай, для памяти начал делать кое-какие записи об участниках боя.

Связался с военкорами нашей газеты, заместителями политруков товарищами Алдабертеневым, Калиным и другими. Роздал им конверты, бумагу и попросил писать о героических подвигах, проявляемых нашими бойцами, командирами и политработниками в борьбе с японскими налетчиками.

По ту сторону сопок слышен грохот проходящих поездов, рев волов, видимо, идет усиленная подвозка боеприпасов. Что-то будет ночью?

Удар ожидали на высоту, где расположились наши подразделения.

Ночь была темная. Чувствовалась напряженность. Тихо. Разговаривали шепотом. Спать не пришлось. В первом часу услышали взрыв гранаты. Японцы шли в наступление. Зацокали винтовочные выстрелы, застрочили пулеметы.

Наши бойцы, подпустив японцев вплотную, открыли огонь. Первые цепи японцев, были уничтожены начисто. За ними последовали другие.

С мощным красноармейским "ура", с лозунгами: "За родину!", "За Сталина!", "Вперед!", бойцы громили японцев.

К полудню бой разгорелся. Японцы наглели, лезли напролом, пустили в ход артиллерию. Подбрасывали все новые и новые силы. Наши подразделения мужественно отстаивали каждую пядь родной земли.

На наших глазах произошел очень интересный случай. Дорога, по которой подвозились боеприпасы, подверглась сильному артиллерийскому обстрелу. В это время боеприпасы на передовой линии были на исходе. Требовалось немедленно перебросить патроны к месту боя. Эту задачу взялись выполнить командиры Матвеев, Бурдяков и повозочный Заниров.

Японцы с высоты Заозерной прямой наводкой начали обстрел повозки Занирова, застрявшей в грязи. Снаряды рвутся справа, слева, спереди повозки, поднимая столбы грязи, так как дорога идет через болото. Ни повозки, ни повозочного не видно.

- Убили, сволочи, - говорит один из бойцов.

Несколько минут ожидания. Все напряжённо смотрят на дорогу. Но вот облако дыма рассеялось, и все радостно вздохнули: Заниров жив. Он как ни в чем не бывало сгрузил часть имущества с повозки, благополучно выехал из-под обстрела, доставил боеприпасы в подразделение и вернулся за оставшимся.

О всех таких эпизодах я сразу писал сам или просил написать кого-либо из товарищей. Иногда требовалась проверка того или иного факта. Я уточнял все тут же, на месте, у политрука, командиров подразделений или бойцов. Все это я делал на ходу, в перерывы боев, во время переходов, вечерами и т. д.

Первые же дни боев показали, что красноармейцы не имеют возможности писать. Некоторых военкоров ранило. У многих размочило бумагу во время дождя. Часть товарищей просто не находит времени. Поэтому я решил организовать материал путем устных бесед. Бойцы и командиры охотно рассказывали. Я записывал их мысли и факты возможно точнее, затем читал им заметку и давал под ней расписываться. Благодаря этому к участию в работе газеты приобщались десятки бойцов, командиров и политработников. Среди них можно назвать лейтенантов Мякишева и Балахнина, младших политруков Бузанова и Константинова, отсекра партбюро тов. Машляка, комсоргов товарищей Бойко, Татаринцева, Душкина и других. И после боев они писали в нашу газету.

3 августа редакция газеты прибыла на фронт. Мы, работники редакции товарищи Чеканов, Новиков, Семенов, с утра отправлялись по подразделениям. К вечеру собирались в редакции, обрабатывали материалы и затем снова возвращались в части. Передвигались попутным транспортом: на танках, машинах, повозках,. а больше всего пешком. Пробирались лощинами, оврагами, болотами.

Один раз мне пришлось даже переплывать разлившуюся речушку. Чтобы сохранить свои записи и партийные документы, я завернул их в плащ-палатку и, плывя, держал над головой. Переправа прошла удачно. Все материалы хорошо сохранились. Но я допустил, оплошность: забыл вытащить из кармана карандаши, а они были химические и размокли. Я остался без оружия. Выручил лейтенант-пограничник, одолжив мне карандаш, но тоже химический. Пользоваться им в полевой обстановке неудобно - он размокает, во время дождя все записи

расплываются. Куда лучше простой карандаш средней твердости. Неплохо иметь блокнот в кожаном или клеенчатом переплете.

На что мы, корреспонденты, обращали внимание, собирая материал в боевой обстановке? Какие вопросы освещали в газете? Прежде всего показывали героев заозерных боев, их мужество и отвагу, инициативу, смекалку бойцов и командиров, причем при опубликовании в газете давали предпочтение заметкам военкоров.

Мы показывали на страницах газеты и партийно-политическую работу в бою, огромный рост политической активности, прием в партию и комсомол новых десятков и сотен бойцов и командиров.

Тематика в бою разнообразна. Факты для газеты корреспондент находит на каждом шагу: на передовой линии, в тылу, в обозе, в лазарете. Буквально все рода войск, где бы они ни находились, заслуживают внимания корреспондента. Нужны только сноровка и оперативность в работе.

Несколько замечаний о вооружении корреспондента. Одежда его должна соответствовать, общевойсковой форме. Для самообороны надо иметь пистолет, одну-две гранаты и обязательно лопату для самоокапывания. На готовый окопчик рассчитывать нельзя. Лучше всего иметь свой, чтобы не мешать в бою товарищам.

Корреспондент, как и боец, должен быть выносливым, уметь хорошо владеть винтовкой, гранатой, совершать марши, переправы через болотистые места и т. д.

Перед уходом на позиции корреспондент должен прочесть всю тассовскую информацию, быть в курсе всех происходящих событий. Бойцы и командиры ежеминутно интересуются всеми новостями, жаждут информации. И корреспондент, работник газеты, должен удовлетворить их запросы.

Лейтенант А. Барабанов

Ежедневный боевой листок

В боевой обстановке мы ежедневно выпускали стенную газету подразделения, или боевые листки.

Редколлегия состояла из четырех человек: я, Тихомиров, Гадаев и Болтунов. Как мы делали газету?

Редактор составлял план, распределял между членами редколлегии задания с учетом обстановки. План газеты всегда основывался на планах командира подразделения, политрука, парторга и комсорга. В нем все было учтено: кто пишет передовую, кто и в какой срок готовит материал.

Военкорами являлись почти все бойцы подразделения. Каждый хотел писать в газету. Проявляла инициативу и

редколлегия.

5 августа командир тов. Кузнецов готовил бойцов к решающему сражению. Стрелок М. Беззуб, осматривая снаряды, заявил:

- Товарищ командир машины, я счастлив, что завтра пошлю эту "конфетку" японским налетчикам. Даю вам честное слово, что буду драться с этими гадами, как тигр. Если я погибну за нашу социалистическую родину, посчитайте меня коммунистом.

Член редколлегии тов. Тихомиров слышал этот разговор и написал о нем в газету. А когда газета вышла и бойцы познакомились с заявлением Беззуба, в редколлегию посыпались заметки, в которых бойцы выражали беззаветную преданность нашей партии и родине. В тот же день парторганизация получила пять заявлений с просьбой о приеме в кандидаты ВКП(б).

Газета не забывала писать о храбрых товарищах. Когда в сражении погиб наш Саша Болтунов, тов. Сурков дал о нем в газету трогательный некролог. Он привел слова, сказанные Сашей перед смертью:

"Пусть помнят гады, я не один, за мной стосемидесятимиллионный народ!"

На эту заметку откликнулся весь личный состав подразделения. Тов. Гадаев, например, писал: "Саша! За твою смерть я не пожалею ничего, но проклятым самураям отомщу".

Такое же чувство выражено в заметке тов. Дробинина:

"Саша! Ты ушел от нас как достойный сын великого советского народа, но смерть твоя не пройдет даром для трусливых самураев. Я клянусь в сотню раз отомстить заклятому врагу нашей родины. Прощай, мой друг!"

Газета знакомила красноармейцев с обстановкой на фронте, с боевыми задачами. Редактор обычно присутствовал при отдаче приказа командирам и держал тесную связь с политруком подразделения.

Когда подразделение возвращалось после атаки, редакция, хотя она и сама была в бою, живо интересовалась подвигами своих товарищей. Бойцы с увлечением читали заметки о подвигах близких им людей.

Иногда на фронте недоставало бумаги, но мы находили выход. Однажды было так. Подразделение заняло ночью позиции под носом у японцев и на утро стало бить по японским окопам. Японцы обнаружили нас и открыли артиллерийский огонь, но снаряды их разрывались позади танков, не нанося никакого вреда. Наши же танки, имея хороший обзор, уничтожающим огнем выводили из строя одну за другой японские пушки.

Таких событий нельзя было не отметить. Мы решили

выпустить на этой позиции боевой листок. Хватились, а бумаги нет. Добраться же до главных сил было совершенно невозможно. К счастью, у меня нашелся блокнот. У тов. Тихомирова была тетрадь с записями по политзанятиям, в ней оставался один чистый лист и обложка; тов. Гадаев передал редакции полученное им из дома письмо, в котором нашлась чистая страничка. Из этих бумажных "запасов" мы составили большой лист. Но вот вопрос - чем склеить? Никак не придумаем. На наше счастье, подошел командир подразделения тов. Никитин, узнав о нашем затруднительном положении, посоветовал:

- А вы возьмите мастику и склейте. Хорошо получится.

И боевой листок в этот день вышел.

Газета пользовалась большим авторитетом. Бойцы ежедневно с нетерпением ждали свежего номера, забрасывая вопросами: скоро ли выйдет газета?

Боевые листки выходили и на марше. Перед выступлением многие бойцы брали на себя обязательство - отлично подготовить материальную часть к маршу. Газета печатала эти обязательства, а на первом привале уже подводила итоги их выполнения. В заметках товарищи делились опытом работы на марше. Старые мехводители давали советы молодым, имевшим мало практики.

По газетам, вышедшим за период марша, можно судить о работе подразделения, где и какой участок был слабым, кто шел впереди, а кто отставал.

На марше газета сыграла большую роль в выполнении социалистического договора. Газета способствовала росту партийной и комсомольской организаций.

За период боевых действии и маршей редколлегия выпустила тринадцать номеров стенной газеты "Мотор" и сорок два боевых листка.

Сейчас мы заняты мирной учебой, но газета по-прежнему на боевом посту. Мы не забываем никогда о том, что опасность военного нападения на нашу страну не миновала.

Газета держит бойцов в состоянии мобилизационной готовности, она учит держать порох сухим, быть всегда в боевой готовности ответить на удар врата тройным сокрушительным ударом.

Заместитель политрука Н. Красников

Заметки редактора

В условиях, когда мы жили на зимних квартирах, стенная газета в подразделении выходила регулярно.

Но вот в новой обстановке, в районе озера Хасан, перед нами встал вопрос: что лучше выпускать - стенную газету роты или боевые листки во взводах?

Посоветовались с политруком тов. Дормидонтовым и решили выпускать в каждом взводе боевой листок. Собрать и организовать для него свежий материал легко, оформить листок тоже значительно легче, чем газету.

Вначале у некоторых редакторов боевые листки выходили один раз в два дня. Но потом дело пошло лучше, и боевой листок в каждом взводе стал выходить ежедневно. Дело в том, что мы выделили только редакторов, а не редколлегию. Поэтому им первые дни пришлось работать над тем, чтобы организовать актив, выявить военкоров.

Если бы мы сразу создали редколлегию из трех человек, тогда организация материала и привлечение актива не занял" бы много времени.

Во время боев я был редактором одного из боевых листок и руководил выпуском всех остальных.

Как я организовал работу? Беседовал с каждым редактором в отдельности, давал указания по организации и оформлению материала.

Свой боевой листок я выпускал так. В организации материала мне помогали военкоры. У них не всегда были карандаши и бумага для писания заметки. Иногда не представлялось возможности и времени для того, чтобы писать. Поэтому они рассказывали мне о том или ином факте, а я с их слов производил запись в свой блокнот и на основе записи строил материал.

Конечно, не ограничиваясь этим, я организовал и письменный материал. Боевой листок у меня выходил ежедневно.

Вначале мы писали боевые листки на готовых бланках, присланных редакцией дивизионной газеты. Это хорошо, потому что не нужно писать заголовка, и выпуск ускоряется. Но есть и недостаток - однообразная форма надоедает, интерес к боевому листку ослабевает. Бланки должны быть разнообразными.

Большую роль играют оформление и рисунки. Нужно всегда иметь несколько цветных карандашей.

Плохо у нас обстояло дело с хранением бумаги и выпущенных боевых листков. Хранить было негде, и часть боевых листков попортилась.

Я рекомендую сделать специальную "Папку редактора", непромокаемую, с одной твердой стороной, на которой можно было бы писать, причем папка должна быть изготовлена с таким расчетом, чтобы в ней можно было собирать весь необходимый материал для выпуска боевых листков и хранить уже выпущенные листки.

Старший политрук Ю. Пуцилло

Экспедирование газет

По заданию политуправления 1-й армии в с. Краскино, в 30 километрах от фронта, мною была создана фронтовая экспедиция, чтобы обеспечить бесперебойную доставку газет в действующие части. Это было в дни перемирия.

В первые дни боев часто ощущался острый недостаток в газетах. Центральные газеты не доходили. В Краскино поступало небольшое количество их. Самолеты доставляли несколько тысяч экземпляров газеты "Тревога", и затем начала выходить газета "На защиту Родины".

Доставкой поступающих газет занимался политрук тов. Крайнев, исполнявший обязанности комиссара гарнизона. Помогал этому делу и редактор газеты "На защиту Родины" тов. Баев.

Но без людей, без регулярно действующего аппарата они не в силах были организовать четкую доставку газет в каждую часть.

Газеты из Краскино уходили, но попадали ли по назначению - проверить было трудно.

Такого положения терпеть нельзя было. Потребность в газетах у бойцов была огромная. Газеты зачитывались, как говорится, до дыр.

Политуправление 1-й армии решило создать в. Краскино экспедицию. Кадры для нее были подобраны из выздоравливающих после ранения политработников и красноармейцев и из оставшихся на зимних квартирах библиотечных работников. Во главе экспедиции был поставлен политрук тов. Аникин, находившийся в отпуску после ранения. Его помощником был тов. Виноградов; - начальник библиотеки одного из полков, очень инициативный, энергичный товарищ. За экспедицией была закреплена грузовая машина.

Экспедиция доставляла газеты на обменные пункты соединений, где находилось по одному ее экспедитору. Чаще всего это был младший командир, имевший в своем распоряжении верховую лошадь или подводу. Он доставлял газеты до управления соединения, где назначался сбор экспедиторов частей. Экспедитор части получал газеты и отправлял их по подразделениям. Ротные экспедиторы доводили газету до читателя.

Преимущества этой системы заключались в том, что передача газет по сети экспедирования специально закрепленными людьми, хотя и не освобожденными, обеспечивала быстроту и организованность доставки газет, давала возможность контролировать эту доставку.

Надо отметить удачный подбор экспедиторов в частях. В

большинстве ими назначались связисты. Они проявляли в работе исключительную настойчивость, инициативу, стремясь самыми разнообразными способами обеспечить быстрейшую доставку газет на фронт. Когда нельзя было доставлять газеты на машинах, экспедиторы пробирались за несколько десятков километров на лодках или пешком, чтобы доставить, газету по назначению.

Разбушевавшаяся стихия, ливни, затопление мест сосредоточения войск горными речушками, вышедшими из берегов, поставили под угрозу нормальное экспедирование газет. Все пути, кроме воздушных и водных, были отрезаны - и вот на помощь пришли летчики и краснофлотцы. Мешки с газетами сбрасывались на парашютах в определенные пункты или подвозились морем, протоками. В иные дни летчики совершали по пять-шесть рейсов с газетами, не считаясь ни с какими метеорологическими условиями.

Наибольшим вниманием на фронте пользовалась созданная в боях газета "На защиту Родины". Хотя в дни перемирия она также была отрезана разливом от частей, однако доставлялась в экспедицию гораздо аккуратнее, чем другие газеты, так как сами работники редакции выискивали все способы, чтобы перебросить ее в части.

Экспедиция старалась добиться своевременного получения газет от издательств. Здесь ей пришлось столкнуться с серьезными препятствиями. Характерно, например, что газета "Тревога" была в то время очень редким гостем на фронте. Объяснялось это тем, что ни редакция "Тревоги", ни политуправление фронта не продумали, как лучше отправлять газету. Раньше ее доставляли прямо на самолетах. А после разлива она часто из Хабаровска шла самолетом до Озерных Ключей, оттуда автомашиной или поездом до Владивостока, из Владивостока возвращалась в Раздольное и из Раздольного попадала на машине в Краскино. Таким образом, прежде чем попасть к месту назначения, газета пять-семь дней "гуляла".

Центральные газеты шли до Краскино по 15-16 дней. Все это происходило из-за неповоротливости работников, занимавшихся доставкой газет. В стране есть все возможности ускорить сроки пересылки "газет, но эти возможности, к сожалению, не используются в полной мере.

Какие выводы можно сделать из работы по экспедированию газет во время боев в. районе озера Хасан?

Практика вполне подтвердила необходимость создания подобного рода экспедиций с составом заранее подготовленных работников, с тем чтобы такая экспедиция доставляла газеты до штаба части. При библиотеках частей необходимо сохранить

экспедиторов рот и эскадронов, подбирая их из среды грамотных комсомольцев, способных быть не просто раздатчиками, а хорошими агитаторами, которые могли бы порекомендовать, что прочитать, а в нужном случае сами читали бы и разъясняли прочитанное. Надо тщательно тренировать экспедиторов на всех выходах в поле.

Роль экспедитора в боевой обстановке займет исключительное место во всей системе политической работы. Помимо того, что он будет доставлять свежие газеты, на него можно возложить также экспедирование писем на фронт и с фронта.

Полковой экспедитор всю свою работу организует при походном клубе или агитповозке. Здесь может быть его пункт раздачи газет ротам, пункт сбора и выдачи писем.

Издательствам газет, особенно военных, необходимо продумать вопрос о сокращении сроков продвижения газет до фронта. Меры по ускорению пересылки газет должны быть облечены еще в мирное время в четкий план, подкрепленный соответствующими материальными условиями.

Батальонный комиссар С. Зубков

Культурно-массовая работа

Когда дивизия выступила в поход, были взяты все наличные технические средства пропаганды: звуковые кинопередвижки, походные ленинские палатки, атитмашины, агитповозки и. т. п.

Красная Армия располагает богатейшей сетью разнообразных культурно-просветительных учреждений. Дома Красной Армии, клубы, библиотеки - это по сути дела красноармейские университеты, где развернуты разносторонние виды учебы: военной, политической и общеобразовательной. Культурно-массовая работа способствует повышению качества боевой и политической подготовки, укреплению дисциплины, повышению культурности и обшей грамотности бойцов, обеспечивает разумный, жизнерадостный отдых.

На марше и в период подготовки к бою культурно-массовую работу пришлось строить с учетом времени движения, остановок, коротких и длительных привалов и места расположения частей на ночлег.

Как только части вышли на марш, начальники клубов энергично стали готовиться к развертыванию культурно-массовой работы.

Когда часть располагалась на привал, агитмашину, двигавшуюся в автоколонне, быстро перебрасывали в центр расположения одного из батальонов. На большом привале около агитмашины, на лужке, расстилали ковер, полотнища из брезента

и на них раскладывали шашки, шахматы, домино, для желающих играть, а также журналы и газеты. Здесь же появлялся патефон с пластинками.

Около агитмашины никогда не было безлюдно. Смотришь, в шахматы играет лейтенант с бойцом своего взвода, в домино азартно "режутся" испытанные "забойщики". Любители патефона заводят пластинку за пластинкой.

За пять дней марша полковой клуб, начальником которого является тов. Вольфсон, провел даже шахматный турнир. В турнире участвовало двенадцать командиров и бойцов. Начальник библиотеки тов. Французов организовал выдачу литературы. Получая с зимних квартир газеты и журналы, он здесь же у агитмашины раздавал их подписчикам - командирам и бойцам. Любой боец мог всегда найти здесь бумагу, конверты, карандаши, чтобы написать письмо.

На каждом привале работала парикмахерская.

Чтобы охватить своими мероприятиями все подразделения" клуб каждого полка развертывал свою работу по батальонам, по очереди передвигаясь из одного батальона в другой.

За время марша удалось продемонстрировать кинофильм "Зангезур".

На больших и малых привалах широко были использованы дивизионные радиопередачи, передача граммофонной записи. Дивизионные звуковые киномашины обеспечивали те части, в которых не было своих кинопередвижек.

В культурно-массовой работе подразделений большую роль сыграли ленинские походные палатки. Политруке роты связи тов. Короткое захватил для своей ленинской палатки гармонь, три сумки для книгонош, редакторский планшет с боевыми листками, карандаши и бумагу. На больших привалах тов. Короткое развертывал на удобном месте работу ленинской палатки. У него было двенадцать человек актива. Он проводил инструктаж чтецов-беседчиков, давал им задания к следующему привалу, устраивал беседы для свободных бойцов.

На второй день марша тов. Коротков провел инструктаж для комсомольского актива на тему "Как беречь ноги от потертостей". После комсомольцы провели на эту тему беседы в отделениях. Сам тов. Коротков за пять дней марша провел шесть бесед для всей роты: "О положении на советско-японской границе", "Борьба китайского народа против японских захватчиков", "Положение в Испании" и т. д.

В роте, еще на зимних квартирах, часто выступал в качестве рассказчика боец тов. Смирнов. И на привалах, во время марша, его юмористические рассказы пользовались большим успехом

среди бойцов.

Гармонист Рягузов веселил бойцов на привале и на марше. Он выбирал себе место в середине колонны и играл на ходу, а бойцы подпевали.

Чтецы-беседчики старались использовать каждый малый привал для чтения газет, знакомя бойцов со свежими новостями. Тов. Коротков ежедневно инструктировал чтецов. Каждый чтец был прикреплен к определенной группе, чтобы иметь возможность работать с ней в любых условиях.

Заместитель политрука тов. Агапов, прочитав бойцам небольшую статью из газеты, тут же разъяснял прочитанное, после чего спрашивал слушателей, все ли им понятно, и для проверки просил некоторых товарищей рассказать, как они поняли. Убедившись, что все понятно, он переходил к дальнейшему чтению статьи.

Такой метод, по словам тов. Агапова, позволял ему судить, насколько понятно бойцам его чтение.

В роте боевого обеспечения заместитель политрука тов. Прусаков вел разъяснительную работу и на самом марше. Идя в середине подразделения, тов. Прусаков рассказывал бойцам о международном положении, о том, как лучше сохранить ноги от потертостей, как следует каждому бойцу втягивать себя в длительный марш. Во время движения иногда читали ту или иную книгу.

Во всех подразделениях большую роль играла низовая печать. На марше, особенно в стрелковых подразделениях, практиковался выпуск боевых листков. В них показывались лучшие люди, подводились итоги за день, помещались социалистические обязательства бойцов. Бойцы с интересом читали те боевые листки, та которых давался конкретный материал с показом живых людей.

Некоторые листки страдали серьезными недостатками: писали их иногда небрежно, неразборчиво, без иллюстраций, заполняли общими статьями.

Нужны были систематическая, повседневная работа с военкорами и инструктаж редакторов. На это обратил внимание политрук Васильев. Он провел на марше три совещания военкоров. Повседневно работали с военкорами также политрук тов. Выборной, заместитель политрука тов. Илюшин и редактор газеты тов. Алфимов; они давали военкорам конкретные задания. Боевые листки выходили у них в каждом взводе, а в некоторые дни выпускали даже по два боевых листка. Работа с военкорами значительно повысила авторитет боевого листка.

С получением приказа о занятии исходного положения для

наступления во всех подразделениях были проведены беседы и митинги. Всей партийно-политической и культурно-массовой работой был обеспечен высокий подъем политико-морального состояния личного состава. Бойцы и командиры выражали стремление как можно быстрее сойтись с противником и уничтожить его, освободить советскую территорию от японских захватчиков.

При развертывании массовой работы в период подготовки к бою нужно иметь план, продумать все, что можно провести в жизнь. На марше к озеру Хасан у нас такого плана не было. Во время обратного марша культурно-массовая работа была налажена гораздо лучше. На привалах выступали участники красноармейской самодеятельности, устраивались передачи граммофонной записи концертов. Было продемонстрировано семь кинокартин, проведено два доклада и выдано сто пятьдесят книг художественной литературы.

Условия боевой обстановки потребовали новых форм культурно-массовой работы. Но мы ею не занялись: сказалась недооценка ее.

Начальник клуба тов. Вольфсон действовал в бою в роли комиссара батальона. Начальник клуба ток. Колесников был использован также на другой работе. Работники клуба (тов. Французов и другие) стремились тем или иным способом оказать активную помощь успешному выполнению боевой операции. Находясь в тылу, они помогали грузить машины боевыми припасами, чистили снаряды, винтовки и т. д. Клубная работа замерла.

Нужна ли была культурно-массовая работа в бою? Безусловно. Требовалось лишь организовать ее сообразно с условиями и возможностями боевой обстановки.

Тов. Вольфсон, например, 10 августа организовал прием последних известий ТАСС, передаваемых по радио. Эти известия перепечатывались и рассылались по подразделениям, где они зачитывались политруками.

Один из бойцов получил из района газету, где описывалась жизнь колхоза, откуда он был призван в Красную Армию. Громкая читка этой газеты среди бойцов прошла с большим успехом.

Исключительное значение имела хорошо налаженная доставка писем непосредственно на передовые позиции.

11 и 1 2 августа клуб продемонстрировал в тылу кинофильмы "Волочаевские дни" и "Чапаев". Перед сеансами проводилась политинформация о международном положении.

Мог ли клуб провести эту работу раньше? Конечно, мог. Кинокартину можно было демонстрировать в тылу для легко раненых, находящихся в госпитале, для бойцов, обслуживающих тыл.

Непосредственно в подразделениях некоторые формы культурно-массовой работы можно было применить лишь в периоды некоторого затишья боя.

Политрук тов. Короткое провел в дни боев ряд небольших бесед: о положении солдат в японской армии, о вооружении японской армии и т. п.

Когда до роты доходили газеты, по окопам сразу же устраивались коллективные читки, причем иногда одна газета обслуживала буквально всю роту.

Политрук тов. Чернилевский, участник боев с белокитайцами в 1929 году, не раз делился с бойцами своими воспоминаниями, сопоставляя боевые операции в районе озера Хасан с операциями на КВЖД, показывая на ярких примерах рост нашей техники.

Если бы начальник клуба в дни боев не отвлекался от своих прямых обязанностей, это дало бы больше эффекта в организации всей культурно-Массовой работы.

* * *

По окончании боевых операций культурно-массовая работа получила более широкий размах. Немедленно пошли в ход звуковые киномашины. Они демонстрировали кинофильмы и для бойцов, расположенных на передовых линиях. На сцену вышли гармонисты, организаторы самодеятельности.

Большое впечатление произвел на всех приезд ансамбля пограничников. Его ждали с нетерпением. Участники ансамбля прибыли в часть верхом. За тридцать минут бойцы оборудовали и расчистили на склонах сопки площадку, удобную для выступлений, развесили плакаты, портреты вождей. Вместо стульев наскоро были устроены удобные сиденья из ящиков. "Зрительный зал" быстро заполнился бойцами и командирами. "Первые места" были отведены нашим доблестным танкистам.

Затаив дыхание, слушали бойцы, командиры и политработники выступление ансамбля, мастерски исполнившего интересную программу. После концерта состоялся митинг, на котором бойцы, командиры и политработники горячо благодарили участников ансамбля.

Ансамбль, не считаясь со временем, полностью обслужил все части нашего соединения.

На другой день прибыла театральная труппа из Владивостока. Артисты и участники боев - красноармейцы - перед концертом на заранее приготовленной площадке весело и дружно

плясали.

Вскоре по всему соединению разнеслась весть, что на днях прибывает ансамбль красноармейской песни и пляски под руководством профессора тов. Александрова. Политотдел отовсюду запрашивали, "когда приезжает ансамбль Александрова", "нельзя ли его к нам в первую очередь", "у нас все готово к встрече".

Бойцы-саперы, во главе с комбатом тов. Головановым и комиссаром тов. Морозовым, за ночь соорудили прекрасную, просторную площадку, украсили ее лозунгами.

Был солнечный день. Два оркестра грянули марш. Приветствиями, бурными, долго не смолкавшими аплодисментами и криками "ура" красноармейцы встретили ансамбль во главе с профессором тов. Александровым.

Концерт произвел на каждого слушателя неизгладимое впечатление. Ансамбль долго не отпускали со сцены, всем хотелось без конца слушать песни и видеть снова и снова задорные пляски, исполненные с исключительным мастерством.

После концерта, полковой комиссар тов. Дубровский открыл митинг. Каждый выступал с простыми, горячими словами благодарности по адресу ансамбля, руководимого профессором Александровым, каждое выступление было полно чувства гордости за расцвет советского искусства, чувства благодарности нашей партии за заботу о бойцах.

Капитан Голованов и другие преподнесли профессору Александрову и комиссару ансамбля тов. Левантовскому букеты цветов.

Ансамбль посетил все части соединения.

Крупным событием в культурно-массовой работе частей, участвовавших в боях, явился выпуск газеты "На защиту родины" (редактор - полковой комиссар тов. Баев). Рожденная в хасанских боях, она быстро завоевала себе авторитет среди бойцов, командиров и политработников. Она с первых же дней своего существования отражала на своих страницах героические действия бойцов, командиров и политработников, их отвагу и мужество в боях с японскими налетчиками, вдохновляла части на новые и новые подвиги.

Газета "На защиту родины" доставлялась большей частью самолетом, что обеспечивало ее своевременное поступление в подразделения. Иногда же она доставлялась на машине в пункт сбора донесений, откуда экспедиторы частей доставляли ее в подразделения на передовые позиции.

Следует отметить, что экспедиторы, находившиеся на зимних квартирах, не всегда обеспечивали своевременную доставку

центральных газет с почтовой машиной. Кроме того, опыт показал, что для перевозки газет на далекое расстояние необходимо иметь две почтовые машины, а не одну. Это даст возможность ежедневно доставлять соединению газеты и письма, поступающие на зимние квартиры, и в то же время ежедневно будет отправляться обратная почта. Почтовые машины, на наш взгляд, должны находиться в распоряжении политотдела.

Политрук И. Белянин

Клубы на позициях

Когда начались бои с японцами, работники дома Красной Армии соединения решили выехать на фронт. Мы с кинотехником тов. Змеевым, захватив с собой кинокартины и другое имущество, сели на ЗИС-5.

На пути к передовым позициям мы снабдили кинокартинами две части. Проехать в район нам не удалось. Дорога были размыты дождями. Наша машина ЗИС-5 при ее большом весе не могла идти без сопровождения другой автомашины. Вернулись обратно на зимние квартиры.

Мы рвались в район действий. Взята запас кинокартин, небольшую библиотечку, походную фотолабораторию, баян и другие вещи, через день мы снова выехали в Заречье, чтобы соединиться с политотделом. С большими трудностями, по бездорожью, мы добрались до бухты Экспедиций. Застряв в болоте, заночевали под проливным дождем. Днем с помощью тракторов добрались до политотдела.

3 и 4 августа развернули работу походного дома Красной Армии. Производили передачу грампластинок через усилитель. Передача грампластинок пользовалась успехом у наших артиллеристов, ведущих огонь по японским позициям. Вечером хотели пустить кинокартину, но нам не разрешили, так как она могла демаскировать расположение частей.

5 августа под покровом ночи мы стали пробираться на машине в другие части, но застряли в пути.

Утром 6 августа нас заметили с высоты Заозерной японцы и обстреляли артиллерийским огнем. Однако все обошлось без жертв и поломок. Плохие у них артиллеристы!

Просидев весь день под артиллерийским обстрелом, мы по сути ничего не сделали в отношении культурного обслуживания. Вечером, разведав местность, мы перебрались с высоты ч лощину - в укрытие.

В полдень 7 августа меня - вызвал военкомдив тов. Иванченко и дал боевую задачу: мобилизовать всех своих работников и работников тылов для доставки боеприпасов к высоте

Заозерной и эвакуации раненых и убитых, а также их

снаряжения и оружия.

Эту задачу нам пришлось выполнять до 12 августа включительно.

После перемирия 12 августа мы проверили свою технику, которая и результате переездов и от сырости несколько попортилась.

Приведя в порядок аппаратуру, мы стали демонстрировать кинокартины и производить передачу грампластинок через усилитель. С 12 августа по 5 октября нам удалось дать 39 киносеансов; демонстрировались следующие фильмы: "Великий гражданин", "Граница на замке", "Новелла о героях-летчиках", "Зори Парижа", "Каро", "Балтийцы", "Бакинцы", "Зангезур", "Волочаевские дни", "4-й эскадрон", "Богатая невеста", "Китай дает отпор", "Друзья из табора", "По тигровой тропе", "Чапаев", "Мать", "Снайпер", "Клятва", "Джульбарс", "Вражьи тропы", ".Город в степи" и другие.

Некоторые части из-за плохой дороги не взяли своих кинопередвижек, в других же частях аппаратуру после передвижений с места на место крепко растрясли. Некоторые машины в результате наводнения застряли на несколько дней в грязи.

В области кинообслуживания в общем приходится отметить следующие недочеты.

Отсутствие кинобазы на фронте приводило к большим затруднениям с доставкой кинокартин с зимних квартир. Перевозка картин затруднялась бездорожьем. Картины с большим риском доставляли до киномашин на вьюках, на подводах, на лодках и даже пешком. Выдача и прокат картин шли бессистемно.

Плохо обстояло дело и с хранением кинокартин. Картины приходилось иногда держать под дождем в банках, накрытых клеенкой, что совершенно не предохраняло их от сырости. На мой взгляд, необходимо иметь на дивизию одну или две машины, специально оборудованные для перевозки и хранения кинокартин. Самые банки для кинокартины должны быть реконструированы по-походному с герметической укупоркой.

При армии необходимо иметь походную кино-радиомастерскую для обслуживания дивизий.

Условия боевой обстановки показали, что наши клубные и дивизионные машины не везде могут пройти, поэтому желательно, чтобы клубы располагали специальной повозкой, на которой можно было бы разместить передвижки и движки.

Все клубные машины и наши дивизионные ЗИС-5 следовало бы реконструировать: сделать их трехосными на гусеничном ходу.

Кино-радиомашина ЗИС-5 должна быть облегченной, и

движок, который в нее ставится, должен быть легче или возиться на прицепе. Проводка в ЗИС-5 спрятана за фанерную обшивку, которую приходится нарушать при устранении неисправностей. Поэтому в монтаж проводки надо внести изменения.

Установка киноэкрана неустойчива. Сильными порывами ветра иногда ломало шесты и рвало полотна и тросы. Желательно иметь походные складные экраны на бамбуковых или же на складных пустотелых металлических рейках с крепкими шнурами или тросами; для растяжки.

Каждую кинокартину важно снабжать краткой печатной характеристикой. Это позволит перед киносеансом рассказать зрителям о содержании картины.

Мощное и сложное техническое оборудование кино и радио требует проверки и контроля в работе. Однако надо сказать, что из корпусного и армейского кинотехнического персонала за весь период боя и после боя никого в нашем соединении не было.

И, наконец, очень желательно снабдить дивизию аппаратурой для демонстрации кинокартины днем.

Несколько слов о радиопередаче. С 24 сентября по 3 октября мы наладили связь с Владивостоком, Хабаровском и Москвой. Производили передачу через усилитель-динамик утром, днем и вечером. Организовали по радио перекличку с Москвой участников боев.

К сожалению, мы испытываем недостаток в репродукторах.

А с каким удовольствием слушают бойцы радиопередачу, особенно последние известия!

На походе радио не применялось.

Большой интерес вызывала у бойцов передача грампластинок через усилитель. Кроме того, патефон с пластинками: носили по палаткам бойцов и командиров.

После перемирия каждый день на развернутой площадке собирались бойцы и командиры, где проводили свой досуг. Кто играл на баяне, гармошке, гитаре, балалайке, мандолине, кто в шахматы, кто в домино. Читали литературу и газеты.

Тормозилось дело из-за отсутствия каркасной палатки.

В первые дни боев наша библиотека имела мало книг: мы их не взяли. После боя, когда увеличился спрос на книги, мы срочно привезли их с зимних квартир. Литературу выдавали на руки читателям, которые располагались ближе к нам по месту обороны.

В клубах частей библиотеки функционировали, но было взято очень ограниченное количество литературы. Клубные машины по своей вместимости удобны для того, чтобы перевозить литературу и другое политпросветимущество, но они мало

пригодны для плохих дорог. Хорошо было бы иметь стандартные агитповозки или атитвьюки-палатки. Начальник клуба тов. Денисов, в части, располагавшейся на Заозерной, организовал концерт силами бойцов. Концерт по своему репертуару был разнообразный и веселый. Выступал хор в двадцать пять человек, который исполнил ряд современных песен. Особенно восхищались бойцы исполнением песни о товарище Сталине. Баянист тою. Сережников (красноармеец, участник боя) исполнил ряд сольных номеров. Были отдельные сольные вокальные номера, после индивидуальные пляски и в заключение - коллективные танцы.

По отзывам бойцов, концерт им понравился.

- Пусть японцы послушают! Мы им покажем, что не только умеем их бить, но умеем и веселиться, - так говорили бойцы-зрители.

Начальник клуба части тов. Касьянов также организовал концерт своими силами. В выходной день духовой оркестр ходил по батальонам и веселил бойцов своей музыкой. Долины и сопки оглашались советскими маршами и песнями, звуки которых летели за высоты Пулеметную и Заозерную.

Во всех подразделениях в свободное время не смолкала гармонь, слышались песни и пляски.

Во всех наших частях после боев побывало шесть ансамблей.

Когда начались концерты художественной самодеятельности, ты научились строить полевые сцены. Строили их из пластов земли, из камней или, где было возможно, составляли машины, - получалось нечто вроде эстрады.

Пол сцены застилали брезентам или посыпали песком!

Лозунги и плакаты писали на чем придется: на фанере и на красном материале. Красного материала не хватало. Вначале был небольшой запас, но мы его использовали на украшение братской могилы, а после опять ощущали нехватку.

Мы пытались дать концерт силами дивизионной концертной бригады. Но ее не удалось сформировать, так как музыкально-вокальные силы были разбросаны по частям на большом расстоянии и заняты на разных работах. Мы не могли найти времени для репетиций.

Большим недочетом у нас было и то, что основа самодеятельности ротные ансамбли - в большинстве не были организованы. Сказалось наше неумение организовать самодеятельность в подразделениях, к тому же не хватало инструментов для шумового оркестра. Такая, казалось бы, мелочь саксофончики, мерлитки, кастаньеты и др., а доставать их было трудно.

Следует заметить, что в наших условиях, когда часты дожди и разливы, необходимо иметь музыкальные инструменты более прочные и в футлярах, которые не портились бы. Снабжающие организации: должны поработать над этим.

Не разрешен, по-моему, и вопрос о кино в осенне-зимних условиях на фронте. Что делать нашим кинопередвижкам, когда температура вечерами будет минус пять градусов? Они работать не смогут.

Старший политрук М. Малафеев

Партийно-политическая информация

Наши части вступили в бой с японцами. Я как инструктор политотдела был в одной из частей. Первый день участвовал в бою. Собирал политруков и заместителей политруков группами, рассказывал им об обстановке и задачах, которые стоят перед ними.

2 августа получил приказ заняться информацией. Все запрашивают, каково политико-моральное состояние частей, все ждут правдивой информации о ходе событий, а в политотделе, оказывается, некому этим заниматься.

Информация в бою - сложный участок работы. Политотдел без полной и правдивой информации о состоянии частей не сможет правильно дать анализ обстановки и четко организовать свою работу, в чем убедили нас в первые же дни боев.

С чего я начал? Как составлял первую сводку? Звоню с командного пункта комиссару Бондаренко. Только начали с ним разговор, связь неожиданно оборвалась. Вызываю комиссара Белорусского. В полку я только что был, но надо уточнить потери людей. Разговор с тов. Белорусским оказался более удачным. Связываюсь с другими комиссарами.

На командный пункт прибывают товарищи из частей, мимо едут раненые, многих я знаю, беседую с ними, проверяю, уточняю сведения по телефону или через других товарищей. Получил от них сведения и о части, где комиссаром Бондаренко.

Перед этим я сам наблюдал в бою факты отваги и мужества красноармейцев, видел работу комиссаров и политруков, знал, как бесстрашно шли в. бой коммунисты и комсомольцы. Поэтому первое политдонесение написал легко. Военком прочитал его и подписал с небольшими исправлениями. Он также только что вернулся с передовых позиций.

Работая над первой сводкой, я понял, что информатор должен не ждать, а уметь собрать факты из самых разнообразных источников, и тщательно их проверить.

Ночью получил политдонесение от комиссара саперного батальона тов. Дмитриева. Он сообщил, что бойцы коллективно

написали требование послать их в атаку вместе с пехотинцами.

Затем пришел командир батареи Сальцен и передал заявление восьмидесяти семи бойцов с просьбой о немедленной отправке их на фронт.

Заявление это я, передал в газету.

Так начали накапливаться сведения, рисующие настроение бойцов.

Политотдел потребовал, чтобы военкомы частей три раза в день присылали полит донесения. Доставка политдонесение происходила через раненых, направлявшихся в тыл, через работников политотдела, а также через конных и пеших посыльных.

Иногда вызывали комиссара непосредственно в политотдел, По его докладу выявлялась полная картина политико-морального состояния части. Вызовы, как правило, происходили ночью, в перерывы между боями.

В отдельные дни я сам выезжал на фронт, беседовал с политруками, коммунистами, комсомольцами и непосредственно наблюдал за их работой на поле боя.

Как много требуется в бою от комиссара, политработника, коммуниста и комсомольца и как трудно информировать с линии фронта!

Зачастую комиссар и политрук совершенно не имели возможности писать политдонесения. Да и политдонесение, написанное наспех в боевых условиях, не дает полного представления о состоянии части и не всегда своевременно доходит до политотдела. Некоторые комиссары и политработники погибли героической смертью в боях за родину или были ранены. Это осложняло работу по информации, но мы ее не приостанавливали.

Беседы с ранеными бойцами и командирами в пунктах эвакуации, их документы, дневники и записные книжки, передаваемые ими на хранение в политотдел, представляли ценный материал о политико-моральном состоянии частей.

Затем мы начали получать политдонесения от военкомов, госпиталей и тылов.

Большую помощь в налаживании информации оказывали красноармейские газеты, получаемые ими письма военкоров непосредственно с передовой линии.

Использовали мы также наблюдательные артиллерийские пункты, расположенные поблизости к передовым позициям.

Все эти источники информации давали полную ясность о состоянии частей и о партийно-политической работе в бою.

В мирное время инструктор политотдела по информации

занимается также и кадрами. Во время боя эти две важнейшие отрасли совместить одному работнику физически невозможно: одно или другое дело обязательно будет страдать. Практика показывает, что во время боевых действий необходимо иметь двух работников на этих отраслях работы.

Какие у нас были недостатки в постановке информации?

Отсутствовал детальный учет всех документов, поступавших в политотдел.

Мы не сумели организовать широкого актива для информации непосредственно на позициях. В результате информация шла в политотдел от единиц, а не в массовом количестве. Приходилось напрягать много усилий, чтобы ее собрать.

Людмила Прохоренко

жена лейтенанта тов. Прохоренко, героически погибшего в боях у озера Хасан

Боевые подруги

"Лучше быть вдовой героя, чем женой труса"

(Долорес Ибаррури)

В конце июля муж веселый и радостный приехал из лагерей и сообщил, что ему дали отпуск. Мы решили совершить поездку в город юности - Комсомольск по многоводному Амуру. Наша поездка была назначена на 1 августа.

Все было готово к отъезду. Неожиданно мужа вызвали в штаб части. Возвратившись, он сказал, что есть срочные дела, и поездку придется отложить на неопределенное время. Он попросил, чтобы я кое-что добавила в его боевой чемодан. Это обстоятельство меня несколько обеспокоило, но спросить я не решилась. На мое предложение взять подушку, он шутливо сказал, что с подушками ездили воевать только офицеры царской армии в 1904 году, взял чемодан и ушел в роту.

Вечером он зашел ужинать. На мои вопросы коротко ответил, что его рота выступает по тревоге, куда - еще не известно, но сказал, что дело серьезное и на этот раз, видимо, придется лицом к лицу встретиться с японскими бандитами.

Я предупредила его, чтобы он не делал безрассудных поступков, не боялся смерти, и если придется отдать жизнь за великое дело родины, отдал бы ее дорого, как герой. Обняв меня и поцеловав спящую дочку, он ушел и. оказалось, навсегда.

* * *

По боевой тревоге бойцы и командиры нашей части выступили для разгрома японских бандитов, посягнувших на наши священные границы. Мы, боевые подруги, еще не знали о том, как развертываются грозные события, но были уверены в

успехе доблестных воинов Красной Армии.

Оставшись в гарнизоне, жены командиров не сидели сложа, руки. Наоборот, с удесятеренной энергией они принялись за работу, заменяя ушедших бойцов и своих мужей там, где это было возможно.

Из сообщений ТАСС мы узнали о новой провокации японской военщины. Наши сердца загорелись беспредельной ненавистью к самураям. Мы поняли, куда страна послала наших мужей, и готовы были стать с ними рядом.

Перед лицом нависшей опасности войны мы вместе со всей страной проверили свою боевую готовность. В наших рядах было 16 значкисток ГСО 1-й ступени, 11 значкисток 2-й ступени, две медицинских сестры, 11 значкисток ПВХО и несколько "ворошиловских стрелков".

Тут же на митинге постановили провести практические занятия по ПВХО, собственными силами оборудовать газоубежище, усилить работу оборонных кружков.

На второй день приступили к оборудованию трех газоубежищ, чтобы в случае нападения врага спасти свою жизнь, жизнь детей и стариков. Закончи" оборудование газоубежищ, провели практические занятия по ПВХО.

С 5 августа мы приступили к наведению порядка и войсковом хозяйстве части. Всю эту работу возглавила тов. Колесникова. Под ее руководством одна группа женщин произвела уборку в овощехранилище, побелила стены, перебрала и проветрила картофель.

В вещевом складе все имущество просушили на солнце, помещение проветрили, навели образцовый порядок, произвели починку неисправного обмундирования и полушубков.

Как только стало известно, что на франте есть раненые и часть из них поступит в наш госпиталь, мы все свое внимание переключили сюда. В помещении госпиталя произвели покраску оконных рам, косяков и подоконников, вымыли полы, пошили занавески и шторы на окна, а также чехлы для коек.

Все до одной жены командиров нашей части изъявили желание работать в госпитале в качестве санитарок и медицинских сестер. В день приезда раненых мы с цветами пришли встречать героических защитников родины. Помогли им уютно расположиться в госпитале и сразу же заступили на дежурство. Всю теплоту своего сердца мы отдавали раненым, окружали их материнской заботой, делали все для быстрейшего их выздоровления.

В своих письмах на фронт мы призывали бойцов и командиров оставаться верными сынами социалистической

родины, призывали их беспощадно уничтожать обнаглевших японских бандитов, рассказывали о своей работе в тылу.

В середине августа было получено извещение: "В бою с японскими самураями героически погиб лейтенант Прохоренко..." Потеря любимого человека была для меня большим гор"м.

В эти дни мы послали коллективное письмо на фронт.

"Мы - жены, дочери, сыновья и матери - с великой гордостью следим, с какой отвагой и доблестью вы громили японских самураев. Как истинные советские патриоты, вы, не щадя сил и жизни, бились за нашу счастливую родину, и в боях за неприкосновенность наших священных границ вышли победителями", - писали мы в своем письме.

"Мы с глубоким прискорбием узнали о смерти наших товарищей - бойцов и командиров, погибших в бою при защите родины. Память о них всегда будет жить и наших сердцах. В эти дни мы жили одной жизнью, одними мыслями с вами. Наши сердца горели одним желанием - дать сокрушительный отпор зарвавшимся самураям. В любую минуту по первому зову партии и правительства мы готовы к защите нашей цветущей родины.

Мы написали призы" ко всем женщинам нашего гарнизона о вступлении добровольно в санитарные дружины...

Сейчас оборудуем комнату для выздоравливающих бойцов нашей части, чтобы доблестные герои могли скорее отдохнуть и возвратиться к вам. Мы обязуемся произвести ремонт квартир и красноармейского общежития, произвести починку и просушку зимнего обмундирования, приготовить овощехранилища, убрать урожай овощей с огорода и помочь командованию в заготовке сена..."

Свои обязательства мы выполнили. Ко дню возвращения частей с фронта мы навели образцовый порядок в красноармейских общежитиях и своих квартирах.

Лучшие вышивальщицы Варфоломеева, Емельянова, Михайлова, Калинникова, Бочкарева и Серых на алом шелковом полотнище вышили советский герб и надпись: "Участникам отпорных боев у озера Хасан от боевых подруг части". Это знамя мы преподнесли героическим защитникам советских границ при встрече.

- Красное знамя - это знамя свободы. Храните его и защищайте свободу, - такой наказ мы дали мужьям при вручении знамени.

* * *

Как ни велико было мое горе, сколь ни тяжелы мой переживания, я утешаю себя тем, что мой муж был преданным сыном социалистической родины.

Да, мне не стыдно за своего мужа. Вдумчивый и чуткий товарищ, он никогда не был трусом, никогда не терял своих большевистских качеств.

В 1937 году, выполняя серьезное и опасное задание на границе, он писал:

"Что бы со мной ни случилось, будь готовой ко всему. Всегда в любых обстоятельствах оставайся членом партии".

Он говорил мне, что командир-пограничник каждый день подвергается опасности и что, если ему придется погибнуть, я должна воспитать нашу дочь в духе ненависти к врагам, в духе преданности нашей великой социалистической родине.

"Ты расскажи ей, - писал он, - кто был ее отец, что он делал, за что боролся. Укажи ей мой путь, направь ее по моему пути, по пути беспощадной борьбы со всеми врагами".

Я знала своего мужа с 1927 года. Еще в то время мы - молодые комсомольцы фабрики - привыкли по-большевистски бороться с трудностями. Никогда я не видала его нерешительным. Он всегда был рабочим-большевиком, ненавидящим врагов народа, и неуклонно шел по пути, который ему указывала партия.

Четыре года он был командиром. Командование всегда отзывалось о его работе хорошо. Командиры-сотоварищи по работе говорили, что они всегда учатся работать у моего мужа.

Я часто удивлялась тому, с какой аккуратностью он готовился к занятиям. Однажды вечером, придя домой, я застала его сидящим за столом: цветными карандашами он что-то наносил на карту. Я спросила:

- Обязательно ли для групповода чертить карту для каждого занятия?

Он ответил:

- Если не обязательно, то желательно. Я хочу, чтобы меня бойцы хорошо поняли, да и мне по карте легче объяснить им.

Работая в школе, я сама часто обращалась к нему за помощью, и никогда он мне не отказывал в ней. В свою очередь я всегда старалась создать хорошие условия для его работы...

Недавно брат мужа прислал на мое имя следующую телеграмму:

"Люда, вместе с тобой скорбим о гибели твоего мужа. Мужайся. Пусть знают проклятые самураи - нас еще два брата. Вместе с тобой мы отомстим самураям.

Виктор".

Я - жена героя, погибшего на боевом посту. О гибели наших товарищей, братьев, мужей скорбит весь советский народ, и память о них, о их героических делах навсегда останется в

народе.

Я знаю, что социалистическая родина поможет мне воспитать мою дочку в том духе, в каком завещал мне воспитывать ее погибший отец герой-командир. Я никуда не поеду с Дальнего Востока. До конца своих дней останусь здесь и буду вместе со всеми крепить границы нашей цветущей родины. Так поступит каждая боевая подруга, каждая жена командира.

Красноармеец С. Апарцин

Боевые будни

Когда по сигналу "тревога" в проливной дождь части выступили на защиту советских границ, Филиппова обошла все квартиры и собрала внеочередное женское собрание. Никто не спрашивал, какая повестка дня, что будет обсуждаться на собрании. Все знали, что японские самураи нарушили границу, что их мужья отправились в бой, а им, боевым подругам, надо принимать свои меры. Собрание началось без опозданий. На трибуну поднялся "полковник" (так в шутку звали женщины своего жен орта Шуру Филиппову).

- Прежде всего, - оказала тов. Филиппова, - надо сохранить спокойствие. Мы не должны хныкать. Наша задача - подбодрять мужей, вдохновлять их на победы. А главное, что нам надлежит сделать - то обеспечить порядок в тылу, сделать гарнизон образцовым...

По рядам прошло некоторое волнение. Женщины ждали не этого. По пути к столовой, где назначалось собрание, каждая из них думала над тем, в качестве кого ей следует отправиться на фронт. Одни, не колеблясь, решили, что создадут женскую роту и самостоятельно выступят против японских самураев, другие, еще не успевшие изучить винтовку, решили отправиться на фронт в качестве медицинских сестер. Приближаясь к столовой, каждая из них считала себя уже на фронте.

Никому в тылу оставаться не хотелось.

Первой возразила тов. Романова:

- А мне кажется, что нам не здесь оставаться нужно, а быть на фронте. Мы и там можем. Если нельзя с винтовкой в руке, пойдем перевязывать раны...

Послышались голоса одобрения. Собрание заволновалось. Поднялся комиссар гарнизона тов. Михайлов:

- Это хорошо, товарищи женщины, что вы так рветесь на фронт. Но сейчас в этом необходимости нет. А когда надо будет, позовем.

Женщины согласились.

- Знаете что, товарищи, - обратилась к собранию тов. Филиппова, - если придется идти на фронт, так мы должны

хорошо усвоить военное дело. У меня есть предложение: давайте изучим пулемет.

Предложение было встречено полным одобрением. Тут же произвели запись в пулеметный кружок, и комиссар выделил руководителя.

Обсуждая дальше, что и как им следует делать, женщины собрались поближе к столу. Прежде всего они решили написать коллективное письмо на фронт. Тут же был составлен текст.

"Дорогие наши мужья и товарищи! Мы вместе с вами разделяем глубокое возмущение по поводу наглой вылазки японских налетчиков и питаем жгучую ненависть ко всем врагам Советского Союза. Японская военщина готовит новую войну против нашей социалистической родины. Но нас, как и вас, не страшит никакая война. Никакие наглые налеты не заставят нас пасть духом. Наоборот, у нас у всех настроение бодрое. Мы гордимся вами, что вы стоите на боевом посту, выполняете государственную задачу - очищаете наш цветущий замечательный Советский Союз от японских бандитов..."

Обещав далее привести в полный порядок тыл и повысить свою революционную бдительность, женщины закончили письмо следующими словами:

"...А если потребуется, по первому зову нашей партии и правительства, нашего любимого отца и учителя - товарища Сталина мы все, как одна, встанем вместе с вами и не пропустим ни одну японскую гадину.

Будьте здоровы, крепки, выносливы. Не поддавайтесь врагу". Письмо было несколько раз перечитано, вносились поправки, Кто-то даже всплакнул, но слезы быстро исчезли, ибо подруги могли подумать о трусости.

На следующий день, вместе с сотней любовно упакованных подарков, письмо пошло на фронт.

Началась горячая работа. Прежде всего женщины направились в склады. Части, отправляясь в бой, из складов, наспех брали продукты и обмундирование. Кое-что осталось разбросанным. Бригада женщин в составе сорока двух человек перебрала все оставшиеся продукты. Работу свою закончили тем, что до белизны вымыли пол и стены склада.

Следующим объектом своей работы они избрали красноармейскую столовую. В гарнизоне оставалось считанное количество людей, которые в силу обстановки не только не могли заботиться о чистоте столовой, но не успевали даже пищу готовить. На помощь пришли женщины. Они варили и стряпали, мыли и чистили, дежурили, делали все, чтобы обеспечить вкусной и сытной пищей оставшихся бойцов. Одновременно

приводили столовую в такой культурный вид, чтобы ее не узнали красноармейцы, когда возвратятся с фронта.

Большинство женщин пошло работать в подсобное хозяйство. События у озера Хасан начались в самый горячий момент уборки овощей. Отсутствие людей грозило гибелью урожая, Почти круглыми сутками работали жены командно-начальствующего состава и полностью убрали урожай.

В конце августа прибыл пароход с продуктами. Разгрузка его потребовала свыше тридцати человек. Не отзывать же людей с фронта, решили женщины, и все, как одна, приступили к разгрузке парохода. В течение двух суток пароход был разгружен.

В боях у озера Хасан части Красной Армии показывали чудеса храбрости, отваги и героизма. А в нескольких десятках километров от них, в. тылу, женщины показывали замечательные примеры трудового героизма. Чего только ни делали они б эти боевые дни!

У бойцов и командиров, боровшихся с японцами, износилась одежда, загрязнилось белье. Женщины отправляют на фронт грузовую машину, забирают все в тыл, чинят, стирают, приводят в порядок и отправляют обратно на фронт.

Когда на фронте потребовались три женщины для работы в качестве продавщиц и медицинских сестер, возник серьезный спор, кому поехать. Желающих нашлось много. По общему решению поехали Поздняк, Волкова и Щербинина.

Можно только восхищаться той самоотверженной работой, которую провели женщины в казармах. Все казармы выбелены, вымыты, убраны занавесками. В процессе работы обнаружилось, что некоторые казармы требуют ремонта. Тогда были созданы три бригады, которые сами отремонтировали помещения. Женщины и на этот раз показали себя хорошими плотниками, каменщиками и малярами.

Вся эта хозяйственная работа проводилась наряду с огромной массово-политической работой. За дни боев было восемь политических занятий, шесть женских собраний, несколько докладов и бесед на политические темы.

Таковы боевые будни замечательных подруг наших командиров.

Д. Левантовский,

Комиссар Краснознаменного ансамбля красноармейской тесни и пляски

С песней на фронте

"Где торжествует Ленинское слово,

Несокрушим красноармейский штык..."

(Из песни о военном комиссаре)

"И песня,
и стих - это бомба и знамя,
и голос певца
подымает класс,
а тот,
кто сегодня
поет не с нами,
тот
против нас".
(Маяковский)

Наглая провокация японских самураев в районе озера Хасан застала нас на обратном пути в Москву, куда мыз возвращались после пятимесячной поездки по Дальнему Востоку. Нечего и говорить, что мы не могли в эти дни оставить своих дальневосточных друзей. Мы обратились с просьбой к народному комиссару обороны товарищу Ворошилову и начальнику Политуправления РККЛ тов. Мехлису направить нас в район боев. Наша просьба была удовлетворена.

* * *

Мыс Посьет - на берегу моря. На прибрежных камнях и гальке расположился Краснознаменный ансамбль на ночлег. Над нами высоко нависли огромные скалы, а над головой ярко светятся мириады звезд. Вокруг сторожевые посты. Всюду свалены огромные запасы продовольствия - ящики с галетами и консервами, тюки со снаряжением и обмундированием, мешки с хлебом и другими видами продуктов. Все это ждет отправки на фронт, куда сейчас устремлены все наши мысли и желания. Невдалеке стоят кони, мирно жующие овес, в ожидании своих будущих седоков - ансамблистов.

Проснувшись на рассвете и выкупавшись в море, мы, веселые и радостные, сели на коней.

Вчерашние певцы стали кавалеристами. Впереди на гнедом коне едет профессор Александров - руководитель ансамбля, рядом с ним - комиссар, а за ними, в строю по четыре - двести участников ансамбля (сейчас в его составе уже около 250 человек).

Преодолев все препятствия на своем пути - непогоду, бездорожье и дожди, - мы в полном составе прибыли на фронт.

Выступать приходилось непосредственно на позициях, вблизи от противника.

Иногда нам отчетливо были видны пулеметы, выставленные в нашу сторону из японских окопов. Нередко мы видели, как японские офицеры загоняли в окопы вылезавших оттуда солдат, хотевших послушать наши песни.

Бойцы, командиры и политработники, только что вышедшие из боев, многие еще с повязками, слушали нас под открытым небом.

Мы гордились нашими слушателями, их подвигами и славой и с особым воодушевлением исполняли боевые песни, воспевая бесстрашие и героизм участников боев, их верность партии Ленина - Сталина.

Участник хасанских боев, командир взвода, ныне курсант Военно-политического училища, тов. Карсаков, вспоминая о выступлении Краснознаменного ансамбля на фронте, рассказывает следующий эпизод:

"Было это в конце августа. Макушка высоты Мало-Тигровой превратилась в эстраду. Выступал ансамбль красноармейской песни и пляски. Мы, зрители, расположились на склоне высоты. Кто сидел, поджав под себя ноги, кто стоял, опершись на винтовку. Метров в трехстах от нас, за чертой границы, на высоте Мало-Чортовой, окопались японцы. Лежат в окопах, но концерт им, ясное дело, слышен.

Я увлекся песнями и плясками и ничего больше не вижу к не слышу. Но вдруг меня окликнул наш доктор Алексеев:

- Карсаков, гляди, - говорит, - бесплатные зрители появились, - и показывает на Мало-Чортовую.

Действительно, высунувшись из окопа, японский солдат внимательно слушал концерт. Когда же наши артисты закончили и бойцы, придерживая винтовки коленями или локтями, начали аплодировать, японец тоже захлопал в ладоши. Но тут сзади появился их унтер и как ахнет солдата, - тот ткнулся головой в бруствер, а потом скатился в окоп. Концерт закончился, на небольшое возвышение поднялся один из красноармейцев, чтобы поблагодарить ансамбль.

- Спасибо вам, товарищ профессор Александров, и вам, товарищи артисты. Здорово у вас получается. Не потешили вы нас, а зарядили высоким боевым духом. Признаться, мы между боями тоже самодеятельностью занимались. Частушки даже сложили.

Товарищи из ансамбля, конечно, заинтересовались. Аплодируют бойцу и кричат: "Просим, просим!.." А тот не из робких. Откашлялся, поправил ранец, кивнул в сторону самураев и запел:

"Отпустили им по норме
Наших масляных блинов,
Наступали в полной форме,
А удрали. без штанов!"

Профессор Александров привел снова свой ансамбль, как

говорится, в боевую готовность. Несколько раз прорепетировали эту частушку, и ансамбль запел. Но пели не только артисты. Все бойцы подтягивали. Получилось совместное выступление...

После вынужденного перерыва боец продолжал свою речь:

- Еще раз спасибо вам, товарищи. Будет у нас к вам большая просьба: как вернетесь в; Москву, передайте наш красноармейский хасанский привет трудящимся столицы и нашему правительству. А особенный привет просим передать боевому наркому маршалу товарищу Ворошилову и великому Сталину. Ура, товарищи! - И грянул боевой красноармейский клич. Он взлетел выше сопок и, как эхо, разнесся над тайгой, болотами и озерами...

Вдруг я услышал смех. Оглянулся, а это доктор Алексеев дергает меня за рукав и показывает на самураев:

- Что творится, комвзвод...

Тут только я заметил, что смеется не один доктор. Как-то незаметно "ура" сменилось хохотом. Смеяться, поверьте, было чему. Самураи, как услышали дружное наше "сура", решили, что мы в атаку идем, и ну из окопов текать. Одни кинулись в тыл без оглядки, другие, заметив, что мы по-прежнему на сопке, застыли та разных комичных позах. В общем настоящий концерт получился", - заканчивает свой рассказ тов. Карсаков.

Впоследствии командованию дивизии приходилось после окончания концертов ансамбля и взаимных приветствий проводить специальную "политработу" среди бойцов, приучая их сдерживать свои порывы и чувства и не столь бурно реагировать на виду у противника на выступления ансамбля.

Перед началам концерта в 32-й краснознаменной дивизии героические сталинские летчики, пролетая низко над собравшимися послушать концерт, провозглашали с самолетов здравицы в честь великого вождя народов товарища Сталина и его ближайших соратников: Ворошилова, Молотова и родного советского правительства.

Возгласы летчиков подхватывались бойцами и командирами, и мощное "ура" заглушало рев моторов. А с самолетов в это время тучей сыпались вниз листовки следующего содержания: ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Краснознаменному ансамблю красноармейской песни и пляски пламенный привет от бойцов, командиров и политработников. - участников боев у озера Хасан!

Дорогие товарищи!

Мы очень рады встретить вас, посланцев нашего любимого наркома обороны, в дни, когда нам выпала великая честь дать отпор врагу, посягнувшему на наши советские границы. Уезжая от

нас в июне, вы обещали быть вместе с нами и тогда, когда родина прикажет дать вооруженный отпор. Это обещание вы выполнили.

Ваше посещение есть еще одно подтверждение величайшей заботы о нас большевистской партии, советского правительства и всех народов нашей прекрасной родины.

Да здравствует друг, мудрый вождь и учитель трудящегося человечества любимый товарищ СТАЛИН!

Верхом на конях, а порою пешком, по колено в грязи, пробирался ансамбль из одного подразделения в другое, поспевая за передвигавшимися на новые позиции частями, буквально на ходу обслуживая их своими выступлениями. Случалось, что бойцам, уже приготовившимся слушать нашу программу, приходилось по тактическим соображениям срочно менять свое месторасположение, и концерту угрожал срыв. Все же ансамбль ухитрялся накануне самого ухода подразделения, уже поздно ночью, выступать перед бойцами, а затем вслед за ними он также менял свое месторасположение.

Зрительный зал - пологий склон сопки, на котором усаживаются бойцы в стальных шлемах. Повыше, прямо на траве, располагается Краснознаменный ансамбль. Еще подальше - наблюдатели и пулеметчики. Они выполняют двойное дело: и слушают концерт, и наблюдают за неприятелем.

Еще недавно бойцы, командиры и политработники, как легендарные чудо-богатыри, шли в бой. Кажется, что и сейчас еще земля вздрагивает от каждого взрыва. Но суровые, обветренные лица воинов непобедимой Красной Армии расцветают приветливыми улыбками при встрече дорогих гостей. Каждый зритель чем-нибудь знаменит. Вот стрелок, спасший жизнь своему товарищу. Вот комсорг, раненый, трижды ходивший в бой. Вот комиссар, чье вдохновенное слово сплачивало стальные ряды бойцов!

И так каждый.

Богатырская сила, величие, скромность и простота чувствуются в могучей массе людей, собравшихся на этот необыкновенный концерт. Когда молодо и грозно грянула боевая красноармейская песня о любимом Сталине, забегали японцы в окопах, засуетились, а песня росла и ширилась, она свободно и беспрепятственно переходила через границу могучим шквалом...

Громовое "ура" в честь любимого вождя и учителя прокатывалось грозным гулом. Тут же, в боевой обстановке, молодой ансамблист Иван Шувалов написал песни о событиях у озера Хасан.

Голосистые запевалы задорно зачинали частушки о самурайских вояках, которые "наступали в полной форме, а

отступали без штанов", о мелкоплавающих "сигемицах". Каждое слово вызывало гром аплодисментов и взрывы неудержимого смеха

А потом начались пляски. Каждый певец, каждый танцор вкладывали всю душу в исполнение своего номера.

Да и недаром! Для особых зрителей работали мастера красноармейского искусства. Давным-давно уже установилась тесная связь между двумя отрядами Красной Армии.

О боевой закалке артистов, о их способности переносить трудности говорить много не приходится.

Кому не известно, как берегут свои голоса певцы, а солисты ансамбля на "общих" основаниях боролись с дождем и ветром, переходили вброд потоки бурных рек, а потом запевали, и голоса Панкова, Лаута и других солистов звучали особенно свежо и молодо.

Свыше сорока концертов дал бойцам Первой Отдельной Краснознаменной армии Краснознаменный ансамбль.

Десятки тысяч героев Хасана слушали наши песни о великом Сталине, о любимом наркоме Ворошилове. На Хасане артисты нашего ансамбля сочинили частушки, которые с тех пор, с неизменным успехом у зрителя, исполняются ансамблем в каждом концерте.

Частушки дальневосточников
Нас никто не испугает,
Мы к себе не пустим.
От врагов: оберегаем
Каждый малый кустик.
Отпустили им по норме
Наших масляных блинов.
Наступали в полной форме,
А удрали. без штанов!
Сунулись бандитов стаи,
Грозен, злобен был их план.
Помнить будут самураи
Бой у озера Хасан.
Вспять пошла земля сырая,
Все кругом в огне, в дыму,
Мы японских самураев
Учим разуму-уму!
Мы пошлем в ответ им ноту
Самолетов штук пятьсот,
Чтоб отбить у них охоту
До советских до высот!
Всем охотникам до драки

Мы сумеем показать,
Где у нас зимуют раки,
Как зовут у Кузьки мать!
Не пройти им чрез границы,
Не топтать у нас травы,
Не хитрите, сигемицы,
Мелко плаваете вы!
Враг, запомни, мы не горды,
Мы приветливый народ!
Но не суй свиную морду
В наш советский огород!

Впоследствии эти частушки, после замечательной речи; товарища Ворошилова на Красной площади: 7 ноября 1938 года пополнились новыми куплетами:

Захотелось им без драки
В забияки угодить,
Только эти забияки
Приказали долго жить!
Мы их били без отсрочки,
Над врагом раздался гром,
Это были лишь цветочки,
Будут ягодки потом!
Им трудны уроки эти,
С ними пива не сварить!
Не умны у нас соседи,
Что уж тут греха таить!
Если ж надо, Коккинаки
Долетит до Нагасаки
И покажет он Араки
Где и как зимуют раки!

Встреча с участниками боев у озера Хасан была незабываемым событием для каждого ансамблиста.

Один из участников ансамбля, тов. Миловидов, восхищенный подвигом пулеметчика тов. Гольянова, преподнес ему часы, привезенные из Парижа, и сказал: "Вам, герою, грудью защищавшему счастье и радость жизни, от всего сердца дарю эти часы. Бейте еще крепче самурайских вояк!" На это отважный пулеметчик ответил: "Даю вам слово, товарищ, что ни один самурай не ускользнет от моей пули".

В каждой части, в каждом подразделении ансамблисты встречались с проявлениями героизма и отваги, любви к родине, к партии, к Сталину.

Возможность выступать перед участниками боев у озера Хасан была оценена всеми певцами и танцорами,

Краснознаменного ансамбля как величайшая честь.

В отдельных случаях ансамбль, будучи на фронте, быстро перестраивался в боевое подразделение Красной Армии.

Несмотря на перемирие, обстановка в то время была еще очень напряженной. Каждую минуту можно было ждать провокации со стороны наглого и неумного соседа.

Исходя из создавшейся обстановки, ансамбль был разбит на взводы и отделения. Были назначены командиры и политруки из состава участников ансамбля. Применялась маскировка, каждый взвод всегда знал, куда ему следовать на случай боевой тревоги. А весь ансамбль приказом командира дивизионов Берзарина был зачислены в состав ударной группы и перешел в полное подчинение командования на период своего пребывания на фронте.

Бойцы, командиры и политработники окружили нас на фронте большой любовью и заботой. Даже в такие моменты, когда из-за бездорожья крайне трудно было доставлять продукты: на фронт, для нас старались достать что-либо получше, причем продукты нередко сбрасывались с воздуха на парашютах.

Очень трогательно реагировали раненые бойцы на наши выступления; те, у которых одна рука была на перевязи, хлопали другой, здоровой рукой по колену, по груди, чтобы хотя таким образом выразить свое внимание артистам.

Когда мы были в районе озера Хасан, бойцы заранее, еще до нашего выступления, уходили далеко к озеру, бродили в холодной мутной воде, и рвали для нас замечательные хасанские лилии, равных которым по красоте мы никогда не видели. Эти лилии, величиной с голову ребенка, окрашены в нежный голубой цвет и издают тонкий аромат.

Один из бойцов, вручая их после концерта профессору Александрову, трогательно сказал: "Эти цветы - символ красоты Дальнего Востока". [...]

С. Школьник, художественный руководитель ансамбля пограничной песни и пляски

Волнующие встречи

По беспредельным просторам Дальнего Востока, через высокие сопки и непроходимую тайгу, по извилистым рекам и топким падям двигалось 40 пограничников, участников ансамбля пограничной песни и пляски.

От пограничного отряда к отряду, от заставы к заставе передвигался ансамбль - пешком, верхом, на машинах, на повозках, на катерах и лодках, на паромах и плотах, на тракторах, чтобы своими боевыми песнями, плясками, стихами и музыкой дать заслуженный отдых отважным пограничникам, воодушевить

их, поднять в них чувство еще большей любви к родине, стремление еще лучше охранять ее границы.

В течение пяти месяцев ансамбль побывал на всех пограничных заставах Дальнего Востока. Он посетил самые отдаленные, иногда трудно досягаемые точки. Каждый день, жаждая новая встреча с пограничниками давала нам большую творческую зарядку.

Мы поставили перед собой задачу не пропустить ни одного подразделения. В одном пограничном отряде двадцать участников ансамбля, для того чтобы обслужить восемь пограничников, находившихся в наряде, поднялись на высокую сопку, проделав пешком путь в 16 километров.

Всюду, где появлялись участники нашего ансамбля, они встречали горячий, искренний прием. На каждой заставе мы видели пламенных патриотов нашей родины, зорко охраняющих ее границы.

Выполнив задание, мы собирались возвратиться на Украину. Но в начале августа японские самураи посмели нарушить наши священные границы. Участники ансамбля, собравшись на митинг, обратились к командованию с просьбой послать их в район боев, чтобы песнями и плясками воодушевлять бойцов.

Когда пришел приказ о выезде ансамбля в район озера Хасан, каждый из нас переживал радостное чувство: нашему ансамблю выпала великая честь первому из художественных коллективов обслужить концертами участников героических боев. Ансамбль немедленно выехал в район озера Хасан.

* * *

По узкой тропинке, окаймленной густыми зарослями, ехали сорок всадников. Молодые загоревшие лица дышали бодростью и отвагой. Зеленые фуражки говорили о принадлежности всадников к семье доблестных пограничников.

По навьюченным на лошадях баянам, трубам и другим музыкальным инструментам можно было определить, что движется необычное воинское подразделение.

Первая встреча ансамбля со славными патриотами нашей родины состоялась по пути к озеру Хасан, в военном госпитале. Среди раненых мы встретили лейтенанта тов. Терешкина; получившего восемь ранений. Это он в мае радушно принимал нас у себя на заставе. Верный сын социалистической родины, он проявил в бою исключительную доблесть.

Тепло встретили раненые бойцы и командиры выступление ансамбля. Особое воодушевление вызвала песня о любимом вожде и вдохновителе, с чьим именем они шли в бой и побеждали, - "Песня о великом Сталине". В буре аплодисментов

слышались восторженные возгласы: "Да здравствует товарищ Сталин!"

После одного из концертов, опираясь на палку, ко мне подошел раненый пограничник Максим Огоренко. Он приветливо поздоровался и сказал:

- Вы выступали у нас как-то на заставе. Песни вашего ансамбля мы пели, идя в бой с самураями.

Это было лучшей наградой для нас - участников ансамбля. Трогательно прощались мы с бойцами, не хотелось уходить. Все они просили передать на фронте, что скоро вернутся в свои подразделения.

Мы спешили к озеру Хасан, к доблестным героям, которым выпала великая честь защищать нашу священную землю.

Непрерывные ливни начались в районе озера Хасан сейчас же после окончания боев. Равнины, прилегающие к сопкам и озеру, залило водой. Реки вышли из берегов, затопив ближайшие селения. Дороги были размыты.

Мы решили во что бы то ни стало и как можно скорее встретиться с бойцами. Верхом, на повозках мы двинулись к высоте Заозерной. Повозки шли иногда по озерам, образовавшимся в результате сильных ливней. Лошади, спотыкаясь, с трудом передвигались по топким болотам. Дождь через плащ-палатку промочил нас до костей. Но чем ближе мы приближались к заветному месту - высоте Заозерной, - тем радостнее бились наши сердца. Пограничная река Тумень-Ула вышла из берегов, затопив долины между сопками. Навьючив инструменты на лошадей, мы двинулись пешком, переходя вброд равнину, покрытую водой. Дождь не переставал. Местами мы шли по пояс в воде; промокшие до нитки, приблизились к высоте Заозерной, возвышающейся над другими сапками. У ее подножия плескались волны озера Хасан. На вершине гордо развевался красный флаг. Всюду следы вчерашних упорных боев. На земле, изрытой снарядами, лежали трофеи: японские пулеметы, винтовки.

Нас тотчас же окружили бойцы и командиры. Они были удивлены, узнав, что к ним приехал ансамбль, чтобы развлечь их, придать им еще больше сил и бодрости.

- Вот сталинская забота о людях! - говорили бойцы.

Над сопкой нависли тяжелые свинцовые тучи. Стройными рядами, под командой своих командиров, стекались на облюбованное для концерта место бойцы, в касках, с суровыми лицами. Каждая новая колонна славных патриотов - участников боя - встречалась рукоплесканиями. Концерт еще не начался, однако настроение у всех заметно приподнятое, веселое. Ведутся

восторженные разговоры, рассказы о том, кто и как бил самураев...

Начался концерт. Это была волнующая встреча представителей двух искусств - художественного и военного. Концерт шел под проливным дождем. На сопке, служившей как бы амфитеатром; сидели бойцы в плащ-палатках. Рядам стояли полевые кухни. Участники, одетые в плащи, исполняли свою программу с особым увлечением. Такого необычайного творческого подъема мы не испытывали ни на одном концерте за все шесть лет существования ансамбля. Бойцы и командиры, разгромившие японских налетчиков, видели в нас таких же бойцов, готовых в любое время вместе с ними бить врага не только песней, но и боевым оружием.

Тепло встречалась бойцами каждая песня ансамбля. Особым успехом пользовались "Хасановские частушки", написанные тут же участниками ансамбля:

"На советский каравай
Рот разинул самурай.
Покатился с высоты,
Потеряв свои портки.
Крикнул самурай: "банзай!".
Генерал задорный
Покатился кувырком
С сопки Заозерной".

И грозным ответом зарвавшимся империалистам звучали частушки, подхваченные бойцами:

"Эй, запомните, враги,
Близко к нам не подходи!
Всем отпор вам будет дан,
Как у озера Хасан.
Если сунутся "вояки",
Будет враг в лепешку смят.
Сотни храбрых Коккинаки
К нам за сутки прилетят.
Знай, японский самурай,
Не ходи в советский край.
Мы умерим вашу прыть:
Били, бьем и будем бить!".

После концерта состоялся митинг. Бойцы, командиры, политработники говорили о заботливом отношении партии и правительства к Красной Армии, о своей готовности в; любую минуту выступить снова в бой за советскую родину и бить врага еще беспощаднее, чем били его у озера Хасан.

Так из части в часть, из подразделения в подразделение

передвигался ансамбль, давая концерты героическим бойцам 1-й Отдельной Краснознаменной армии. Участники ансамбля, воодушевленные доблестью и героизмом участников боев, делали иногда переходы пешком в 12-14 километров. Всего нами дано в районе озера Хасан 24 концерта. Выступления ансамбля происходили на земле, на машинах, на понтонах, и почти все время под дождем. Для предохранения инструментов от дождя на четырех палках натягивался брезент в виде тента. Если почва была рыхлая, неудобная для плясок, на земле натягивался брезент, и получалась неплохая площадка. Программа концерта, насыщенная героикой пограничных войск, боевыми песнями и плясками, зажигала бойцов.

Участник боя красноармеец Ивашков пишет:

"Во время декламации о герое-пограничнике Василии Баранове у меня настолько закипела злоба на японских самураев, что я в этот момент мот бы пойти на любую группу самураев, поражая их штыком и меткой пулей".

Помимо концертов, ансамбль проводил с бойцами массовую работу. Бойцы рассказывали нам о незабываемых днях боев за высоту Заозерную, о героизме бойцов и командиров. В свою очередь участники ансамбля рассказывали о жизни пограничников советского Запада. Во время таких оживленных бесед кто-нибудь приносил баян. Участники ансамбля запевали; песню тут же подхватывали все бойцы. Начинались веселые пляски, массовые игры. Все это стихийно превращалось в небольшой концерт, а затем в митинг, демонстрацию нерушимой дружбы народов, безграничной любви к партии, к родине, к великому вождю товарищу Сталину.

Опыт работы в боевой обстановке показывает, что имущество ансамбля должно быть портативным, приспособленным к любой площадке.

Дни нашего пребывания в районе озера Хасан незабываемы. Они вдохновили нас, дали нам творческую зарядку для создания новых прекрасных песен, стихов и поэм, воспевающих героизм советских воинов, нашу прекрасную родину, нашего великого вождя и вдохновителя - товарища Сталина.

Шахтер Лелетка, инженер Прокопюк. учительница Гречушкина, колхозник Дружнов, милиционер Погребец, секретарь обкома комсомола Бурмистров, секретарь горкома ВКП(б) Умняшкин

С подарками на фронт

Как только стало известно о событиях у озера Хасан, все трудящиеся Уссурийской области собрались на митинги по своим предприятиям, колхозам, совхозам, учреждениям. Велик был гнев

могучего советского народа, узнавшего о наглом нарушении нашей границы японскими налетчиками. Устами каждого рабочего, каждого колхозника, каждого интеллигента говорил весь советский народ, дружно сплоченный вокруг коммунистической партии и своего любимого вождя товарища Сталина. В каждом выступлении на многолюдных митингах звучала единая, несокрушимая воля могучего советского народа: разгромить и уничтожить фашистских бандитов, осмелившихся переступить священные рубежи нашей священной родины.

Рабочие масложиркомбината, сахарного и паровозоремонтного заводов в своих резолюциях писали:

"Мы все, как один, по первому зову большевистской партии и правительства станем на защиту нашей родины. Горе врагам, дерзнувшим поднять свою кровавую лапу на страну, строящую коммунизм. Сталинский блок коммунистов, и беспартийных непобедим!"

Рабочие дали клятву еще упорней крепить оборонную мощь своей родины, перевыполнить производственные планы, дать стране больше паровозов, цемента, сахара, масла и другой продукции.

Старый производственник тов. Шайков сказал:

- Японцы провоцируют нас на войну. Мы уверены, что наши бойцы и командиры дадут им сокрушительный отпор. А когда потребуется, мы, рабочие, все как один, по первому зову партии грудью станем на защиту нашей священной земли.

В дни боев у озера Хасан трудящиеся нашей области слились всеми своими мыслями и чувствами с Красной Армией. Одна мысль, одно чувство овладело всеми: поскорее проучить японских бандитов.

На многолюдном митинге в колхозе имени ВКП(б) семидесятилетний колхозник тов. Камышев сказал:

- Имеют ли фашистские заправилы Японии на плечах головы? Японцы ведут грабительскую войну в Китае и терпят там большие поражения, а сейчас они вздумали сунуть свое рыло к нам. Красная Армия несокрушима. Она незамедлительно уничтожит японских налетчиков, посмевших напасть на нашу страну. Мы, все колхозники, как один, станем на защиту родины. Мы создадим крепкий тыл для нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Колхозница Ирина Ващенко в своем выступлении заявила:

- Сволочи эти, японские бандиты, куда они лезут? Ведь Красная Армия, весь наш советский народ настолько сильны,. что мы разгромим любого врага.

Члены колхоза "Вторая пятилетка", Хорольского района, приняли на митинге следующее решение:

"Мы готовы в любую минуту встать с винтовкой в руках против врага, двинуть наши тракторы на защиту границы".

Вместе с мужчинами выразили свою готовность придти на помощь Красной Армии и женщины.

В городе Ворошилове на женском собрании 9 августа более ста женщин изъявило свое желание немедленно выехать на фронт в качестве санитарок и медицинских сестер. Комсомолка Крамаревокая на этом собрании сказала:

- Я научилась оказывать медицинскую помощь, мои знания пригодятся для того, чтобы спасти жизнь многим бойцам и командирам. Прошу отправить меня туда, где Красная Армия отражает сейчас натиск японцев.

Товарищ Шмырина свое выступление закончила так:

- Я убедительно прошу послать меня в район боевых действий. Я вполне справлюсь с работой санитарки, а если понадобится, возьму в руки винтовку и с успехом заменю раненого бойца.

Таких заявлений поступало очень много. Просьбы некоторых товарищей были удовлетворены. Они выехали в район действий и ухаживали за ранеными товарищами.

Янковская, Голубева, Кулагина, Вельнивецкая и медсестра Колотилова получили от бойцов и командиров благодарность за хороший уход и материнскую заботу.

Вот что они писали в своей газете о комсомолке Костенко.

"Товарищ Костенко всегда работала на "отлично", не имела ни одного замечания, больные всегда были ею довольны, она служила образцом для других".

Трудно передать то горячее участие, с которым встретили трудящиеся города Ворошилова и области раненых героев, прибывших в госпитали. В палатах госпиталей было много цветов. Каждому бойцу преподносились ценные подарки. Колхозники сотни километров ехали на лошадях и машинах, шли пешком, чтобы лично вручить свои подарки славным героям заозерных боев.

Колхозники Черниговского района привозили в госпиталь свиней, гусей, кур для питания раненых. Колхозники Спасского и Хорольского районов доставляли масло, яйца и другие продукты. В письмах, посылаемых вместе с подарками, колхозники благодарили героев Хасана и восхищались их храбростью, мужеством и отвагой.

Сотки тысяч рублей собрали трудящиеся Уссурийской области и города Ворошилова для закупки, подарков бойцами командирам. Все, что было лучшего в магазинах и складах, покупалось для подарков. Комсомольцы стройки Мр 116 за один

день закупили подарков на сто двадцать тысяч рублей и отправили их в госпитали со своей делегацией.

Своим вниманием и заботой трудящиеся помогали бойцам быстро выздоравливать и возвращаться в части.

"Огромное спасибо вам, дорогие товарищи, за ваши внимание и теплую заботу. Мы знаем, что за нами стоит весь народ, единый в своем стремлении до конца разгромить врага, а такая страна, где армия и народ едины, непобедима. С именем Сталина бросались мы в атаку на врага, с этим же именем мы разгромили его", - писали трудящимся Уссурийской области в ответ на их подарки раненые бойцы товарищи Бондаренко,. Славин, Дмитриенко, Киричев и Александров.

Раненые красноармейцы Козаченко и Баранов, лечившиеся; в санатории РККА, писали комсомольцам нашей области:

"Мы уже чувствуем себя хорошо, поправляемся от ранений. 9 августа нас посетили комсомольцы. Они беседовали с нами и преподнесли свои подарки. Мы чрезвычайно благодарим за заботу о нас. Это воодушевляет нас и придает бодрость и силу. Скоро мы снова встанем в ряды защитников своей прекрасной родины от нападения фашистских налетчиков. Порукой этому наше комсомольское слово".

9 августа состоялся актив городской партийной организации города Ворошилова. Актив наметил конкретную программу массово-оборонной работы в связи с событиями в районе озера Хасан, и все партийно-комсомольские организации области энергично взялись за выполнение ее.

За один день 10 августа было собрано пятнадцать тысяч индивидуальных пакетов с подарками для бойцов, командиров и политработников, находившихся непосредственно на фронте.

Вместе с подарками трудящиеся посылали индивидуальные и коллективные письма. Впоследствии между бойцами и рабочими, колхозниками, интеллигентами области установилась дружеская переписка.

* * *

Нам трудящиеся Уссурийской области поручили доставить на фронт свои подарки и рассказать бойцам о том патриотическом подъеме, который царил в городах и селах.

Прибытие на фронт представителей трудящихся с подарками вызвало огромную радость у бойцов, командиров и политработников. На митингах и собраниях, принимая подарки и письма, герои Хасана горячо и трогательно благодарили советский народ за материнскую заботу.

Вот что говорили нам бойцы в одной части: "Дорогие товарищи! Ваши подарки и письма, наполненные сталинской

любовью и заботой о нас, участниках боев с японцами, поднимают наш боевой дух. Мы готовы в любую минуту ко всяким случайностям. Мы заверяем вас, что наши границы нерушимы. Вы можете работать спокойно, ваш мирный труд зорко охраняют часовые Страны Советов! Да здравствует тесная, нерушимая связь Красной Армии с трудящимися Страны Советов!"

16 августа делегация встретилась с героями-пограничниками, отражавшими первый натиск японских налетчиков. Несмотря на ливень, митинг прошел с огромным подъемом.

В тот же день делегация присутствовала на митингах и беседах в дивизии, расположенной непосредственно у озера Хасан. Один митинг был созван на самой сопке Заозерной. На митинге присутствовало несколько тысяч человек. После наших выступлений и горячих речей бойцов, командиров и политработников была принята приветственная телеграмма вождю народов товарищу Сталину следующего содержания: "Дорогой отец и учитель, великий Иосиф Виссарионович!

Мы, бойцы, командиры и политработники дивизии, собрались сегодня на митинг для встречи с представителями трудящихся Уссурийской области. С горячим сердцем приветствуем Вас и в Вашем лице нашу партию и правительство с победой над японскими самураями, с изгнанием их с сопки Заозерной и с очищением нашей родной территории от грязных лап японских империалистов.

Дорогой товарищ Сталин! С Вашим именем мы шли в атаки (их было шестнадцать), с Вашим именем мы отражали атаки японских самураев (их было не меньше).

Вы, товарищ Сталин, были нашим знаменем и вдохновителем в минуту боя. Наши командиры и политработники вели нас в бой под лозунгами: "За великого Сталина!", "За партию!", "За родину!", "Вперед!"

Мы шли и побеждали".

Такого воодушевления, какое было у бойцов на Заозерной, мы еще не видали.

Дивизионный комиссар Ф. Семеновский

Готовиться к войне в мирное время

В незабываемые дни боев у озера Хасан советское оружие покрыло себя бессмертной славой. Наглые японские захватчики расшибли свои головы о несокрушимую стену защитников дальневосточных границ. Высоты Заозерная и Безымянная стали могилой для японских, полков, которые остервенело полезли на кашу советскую землю. Ни бетонированные пулеметные гнезда, ни снаряды тяжелой, артиллерии, ни проволочные заграждения,

опутавшие склоны укрепленных сопок, не могли остановить наших доблестных бойцов.

С образом Сталина в сердце, с именем Сталина на устах шли бойцы на штурм укрепленных японских позиций. Имя Сталина звучало над полем сражения как боевой клич, вдохновляло на подвили, вело вперед. Каждый боец, каждый командир и комиссар, каждый политработник готов был всю свою кровь - каплю за каплей - отдать за благо родины, за дело партии Ленина - Сталина. Штурм высоты Заозерной был победным взлетом советского патриотизма, его триумфом.

Бои в районе озера Хасан с исключительной убедительностью показали, что мы имеем замечательных бойцов, способных к проявлению величайшего героизма и мужества, и хорошо подготовленных командиров, знающих, что им делать, восполняющих отдельные недочеты в своей работе великой преданностью родине.

Лучшие качества большевиков проявили посланцы партии - наши комиссары. Они были настоящими организаторами, подлинными вожаками масс и вдохновителями подвигов в боже, закончившихся разгромом самурайской нечисти.

Опыт этих боев показал, что политработники, а вместе с ними весь партийный и комсомольский состав прекрасно овладели основной и важнейшей формой политической работы - личным примером беззаветной отваги увлекать и вести людей вперед.

Имена комиссаров Пожарского, Дмитриева, Белорусского знакомы сейчас всей 1-й Отдельной Краснознаменной армии. Их поведение в хасанских боях, с точки зрения личного примера, может служить образцом для всех политработников нашей Красной Армии. Недаром глубокой искренностью, великим гневом, и ненавистью к врагу звучит ответ красноармейцев и командиров на гибель тов. Пожарского:

- За жизнь комиссара мы будем мстить врагам без конца!

За своими комиссарами шли сотни большевиков, тысячи комсомольцев.

Вечером 6 августа был следующий случай: после дневного боя, усталые, не спавшие предыдущую ночь, красноармейцы очень вяло воспринимали отдельные приказания, и начинавшаяся атака могла сорваться. С переднего края расположения полка раздался призыв одного из политработников:

- Комсомольцы, верные сыны партии Ленина - Сталина, вперед!

И комсомольцы, послушные зову большевика, двинулись в атаку, увлекая за собой весь полк.

Таких примеров можно привести много. Все они говорят о том, что важнейшей формой политической работы в бою - личным воздействием на массы мы владеем прекрасно. В этом основной положительный итог разбираемого нами опыта.

Наряду с этим Хасанская операция показала нам, насколько плохо в мирное время готовим мы к войне политический аппарат и партийные организации. Многим товарищам в первые дни событий пришлось прямо-таки на ходу овладевать необходимыми навыками в организации боевой работы, В этом, несомненно, виновато бывшее вражеское руководство гамарнико-булинской банды, которое не давало возможности даже ставить больших вопросов политической работы на военное время, а не то, чтобы готовить политаппарат к войне.

Вот некоторые недостатки, бросавшиеся в глаза с первых дней боев у озера Хасан.

Первый вопрос, который очень резко встал, - это вопрос о месте комиссара в бою. Многие из комиссаров, особенно комиссары полков, прикрепляли себя на время боя к одному из подразделений. Это мешало им поддерживать связь с другими подразделениями и частями. Не чувствуя общего хода событий, не зная, что делается на командном пункте, комиссар терял возможность лично управлять боевой работой политаппарата всей части. Это иногда приводило и к лишним жертвам.

Наш Полевой устав ясно и совершенно правильно разъясняет этот вопрос. В нем говорится:

"В бою политические работники должны быть там, где требуется личный пример самоотверженности и героизма".

Это значит, что комиссар вместе с командиром внимательно наблюдает за ходом боя, в процессе этого наблюдения намечает решающий участок и появляется на нем в решающий момент для того чтобы личным примером довести успех до конца или поддержать слабеющие части.

В одной из частей был выброшен лозунг: "Все коммунисты должны идти вперед". Это ошибочный лозунг. Каждый коммунист должен быть на своем месте, чтобы все участки боя были охвачены партийным влиянием.

Не умели по-настоящему найти своего места и некоторые политорганы. Они очень просто поняли свою задачу: раз дивизия воюет, значит должны воевать и работники политотдела. И они воевали, проявив, как и все, исключительную самоотверженность и подлинный героизм в защите своей родины. Они с винтовками и гранатами в руках вели в атаку отделения и взводы, но не знали общего положения части. Начальники политотделов не видели своих работников целыми сутками, не имели от них никаких

сведений и, конечно, не могли судить о том, как выполняются поставленные задачи.

Один из работников политотдела корпуса, тов. Плоских, накануне атаки был послан в дивизию с достаточно - определенным заданием. В течение двух или трех дней его никак не могли вернуть обратно. Наконец, он появился в политотделе корпуса. Я его попросил доложить о состоянии дивизии. Он мне ответил буквально следующее:

- Товарищ комиссар! Я был с ротой, и о дивизии ничего не знаю.

Из всех отзывов о нем я знаю, что тов. Плоских держал себя в бою прекрасно, храбро, но для меня, как комиссара корпуса, его пребывание в дивизии ничего не дало.

Все управление боем со стороны политотделов дивизий заключалось в том, что они рассылали своих работников в части на все время боя. Оставшись в единственном числе, не имея крепкой связи с комиссарами частей, ничего не получая от своих работников, начальник политотдела через несколько часов видел, что ему на командном пункте делать тоже нечего, и также отправлялся воевать.

Однажды я пытался связаться по телефону с начальником политотдела тов. Полушкиным. У телефона оказался инструктор по информации то". Малафеев. Спрашиваю:

- Где товарищ Полушкин?

- На передовой линии.

- А где инструктора?

- Все воюют. Все жертвуют собой. Я заканчиваю сводку и тоже ухожу на передовую линию.

Вот так в первые дни боев были разбросаны силы политотделов.

Опыт настойчиво подсказывает следующую схему работы политорганов. Накануне боя, во время подготовки, работники политотдела должны быть в частях. Они проверяют подготовку, помогают комиссарам, постоянно информируют начподива о ходе работы. По окончании подготовки большинство инструкторов собирается в политотдел, и лишь некоторые остаются в частях на явно слабых участках. Во время боя инструктор не может находиться постоянно в какой-либо одной части, а должен быть при начальнике политотдела и выполнять его поручения, вытекающие из хода боя.

Это только грубая наметка. Вопрос о деятельности и месте политотдела в бою требует большой и специальной разработки. Ясно одно - начальники политотделов должны научиться маневрировать своими людьми, не растрачивать их попусту,

помнить, что политотдельская группа есть не только рабочий аппарат, но и резерв комиссара дивизии или корпуса.

Кстати о политотделе корпуса. В Хасанской операции он полностью оправдал свое существование. Политуправление находилось далеко и могло руководить лишь телеграфными проводами. Политотдел же корпуса сумел сразу приспособиться к обстановке и установить постоянную живую связь с частями. Плохо только то, что штатная его численность не соответствовала вставшим перед ним задачам.

Большую долю внимания всего политаппарата занимал тыл. Трудность подвоза, отсутствие четкости и организованности в снабжении - все это зачастую создавало исключительную обстановку, которой приходилось заниматься не меньше, чем фронтом. Политработников оставляли на базах, чтобы "толкать" оттуда грузы. Политработники стояли на дорогах и регулировали движение машин. Политработники добывали и самые машины. Интересная деталь: главным эвакуатором раненых был секретарь корпусной партийной комиссии тов. Кудряшов. Его участие в этом деле прямо-таки спасло положение.

Тыл, особенно в начале его организации, требует со стороны политаппарата неослабного внимания. Большая доля работы по организации тыла падает на политотдел корпуса, ближе всех находящейся к источникам питания.

Плохо обстояло дело с учетом убыли людей. Штабы не занимались этим. Еще меньше обращали на это внимания все звенья политаппарата. Давным-давно известно, что успех всякой работы, не говоря уже о бое, зависит от того, как расставлены люди. А мы зачастую не могли установить в течение нескольких дней, куда девался тот или другой человек. Например, секретарь дивизионной партийной комиссии тов. Гвоздев, героически погибший на сопке Пулеметной, 3-4 дня считался политотделом дивизии без вести пропавшим. Найден он был лишь по окончании боя.

Учет людей исключительно важен прежде всего со стороны моральных факторов. Я лично глубоко убежден в том, что политаппарат должен всеми силами бороться против определения "без вести пропавший". Такой категории быть не должно. Работа учетных отделений наших штабов должна находиться под, неослабным контролем комиссаров.

В бою наши красноармейцы показали замечательную заботу о своем командире. Десятки случаев, когда они на руках выносили раненого командира, служат прекрасным тому подтверждением.

Это чувство любви к командиру надо всячески прививать бойцам.

Выявилась также настойчивая необходимость в работе по укреплению авторитета командира, по воспитанию у бойцов большой и крепкой веры в него.

Бой требует самых простых, доступных форм политработы. Наиболее действенными из них оказались лозунг, короткий горячий призыв. Он делал поистине чудеса. Наши политработники находили слова, неустанно звавшие вперед:

- За родину!

- За Сталина!

- За нашу партию!

Во всей массовой работе четко выработались два условия. Первое - не врать, говорить спокойно, твердо, но только правду. Отдельные части, прибывавшие в район сосредоточения, совершали марш плохо: были аварии, отставания, жалобы и прочее, причем бойцам было сказано, что они идут на ученье. Политотдел корпуса поправил эту ошибку и приказал по-настоящему разъяснить, куда и зачем идут части. После разъяснения людей как будто подменили, и недостатки, казавшиеся неустранимыми, исчезли.

С той же прямотой поступило командование корпуса в один из тяжелых моментов с питанием, вызванных бездорожьем. Явилась необходимость сократить паек. Командование выпустило обращение к бойцам, в котором правдиво сказало, чем вызывается это мероприятие, и люди поняли.

Второе - в процессе боя необходимо широко оповещать части о малейшем успехе на любом участке. Пусть этот успех принадлежит взводу, отделению, он должен быть известен всей части. В связи с этим особое значение приобретает постановка информации. У нас она была плохо налажена. Были случаи, когда комиссар дивизии в течение нескольких часов не знал о том, что делает тот или другой полк; в еще большем неведении находился политотдел корпуса.

Беспомощным и забытым оказался наш клуб. Вот жалобы одного из начальников клуба, ярко характеризующие отношение к нему:

- В период подхода к Заречью, по приказанию заместителя начальника штаба, клубную машину разгрузили и оставили все имущество на дороге, а часть ушла к исходным позициям. Таким образом клуб в работе участвовать не мог. Работники его вместе с имуществом остались на дороге, где просидели два дня, пока комиссар не выслал машины.

Даже комиссар два дня не вспоминал о клубе, о непосредственной базе своей работы! Красноармейцы, конечно, ждали работы клуба.

Наши клубы богаты, они могут хорошо работать, ими надо руководить и обязательно обеспечить их собственными средствами передвижения.

Немного о нашей технике. Громоздкая кино-радиоаппаратура, смонтированная на больших машинах, оказалась малопригодной в боевых условиях, по крайней мере в Хасанской операции. Звуковая кинопередвижка корпуса застряла в грязи до конца операции: никакие тракторы не в состоянии были ее вытащить. Да и использование ее в непосредственной близости к позициям очень затруднительно. Если противник делает засечки по рациям, то почему бы ему не делать этого и по нашим звуковым кинопередвижкам? Тяжелые машины хорошо подойдут для тыла, а на фронт нужна самая обыкновенная немая кинопередвижка: она не выдает себя ни звуком, ни светом.

Большую пользу принесли нам посещения делегаций трудящихся. Они явились настоящим праздником и вызвали огромный подъем у бойцов.

И, наконец, последнее, о чем я хочу сказать, - это о работе с ранеными. Нередко их рассказы превращаются в фантастику. 4 августа мне доложили, что один красноармеец-комсомолец сеет панику. Я вызвал его, и в разговоре он мне оказал все, что говорил своим товарищам, а именно, что разбит один из наших полков. Я спросил его, откуда это ему известно. Он ответил, что ему рассказал раненый младший командир. Ничего подобного на деле не было. Отсюда вывод - полит аппарату надо сдерживать порывы "очевидцев" к "художественному" вымыслу.

Из больших вопросов обязательно должны быть разрешены:

1. Прием в партию. Нет надобности говорить о громадном потоке заявлений, поступавших в каждую парторганизацию. Обычный порядок приема не соответствовал обстановке. Для боевых условий его надо упростить.

2. Мы не имеем положения о работе партийной и комсомольской организаций в военное время. Это, само собой разумеется, не создавало единой системы в работе.

В качестве общего вывода скажу, что нам надо много работать над вопросами политработы в. военное время, научиться в полной мере владеть всей системой боевой работы.

В районе озера Хасан дрались только некоторые часта 1-й Отдельной Краснознаменной армии. Однако значение этих боев, закончившихся полным разгромом отборных японских, войск, выходит далеко за рамки обычных пограничных конфликтов. Этот разгром показал всему миру, чего стоит хваленая самурайская "доблесть". Зарвавшаяся японская военщина, пытавшаяся втянуть Японию в войну с Советским Союзом, крепко поплатилась не

только своей шкурой, но и своим военным престижем.

События в районе озера Хасан показали несокрушимую мощь, советского оружия. Значение этих событий состоит также и в том, что мы на практике проверили свою боевую готовность.

Несомненно, что боевая готовность частей 1-й Отдельной Краснознаменной армии и всей РККА после боев у озера Хасан поднялась еще выше, еще более усилилась обороноспособность страны социализма.

Однако успехи Красной Армии не дают нам права ни на минуту успокаиваться, почивать на лаврах, усыплять бдительность. Великий вождь трудящихся всего мира товарищ Сталин учит нас никогда не забывать о капиталистическом окружении. Для нас законом является Сталинский наказ: "...весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая "случайность" и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох..."

Ответственность за дальнейшее повышение боевой мощью Красной Армии, за ее постоянную боевую готовность, за сплочение ее вокруг партии Ленина Сталина лежит на армейских большевиках и в первую очередь на военных комиссарах и политорганах. Они обязаны ежедневно и ежечасно изучать и? совершенствовать боевой опыт Красной Армии и опыт партийно-политической работы.